

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

**Роль регионов в условиях
цивилизационного выбора России:
исторический опыт,
проблемы, перспективы**

*Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
(17 мая 2013 г., г. Уфа)*

Уфа, 2013

УДК 304.42
ББК 60.8
Р68

Ответственные редакторы:

И.З. Султанмуратов, Д.М. Абдрахманов, А.Т. Бердин

Редакционная коллегия:

А.М. Буранчин, И.В. Демичев, Ф.Х. Гарипова, Ф.С. Тикеев

Технический редактор:

И.А. Шакиров

Р68 **Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Роль регионов в условиях цивилизационного выбора России: исторический опыт, проблемы, перспективы» / ГБНУ ИГИ РБ. – Уфа, Мир печати, 2013. – 356 с.**

ISBN 978-5-9613-0264-6

В материалах Всероссийской научной конференции рассмотрены через призму исторического и современного опыта проблемы места и роли регионов в условиях цивилизационного выбора России. Исследованы вопросы исторического опыта межэтнической солидарности народов Евразии в периоды цивилизационных кризисов; трансформационные процессы в современном российском социуме; рассмотрен историко-правовой аспект в системе «Центр-регионы», ситуация в республиках РФ в контексте проблем федерализма, а также проблемы геополитической и социокультурной связности регионов России в условиях глобализации.

Материалы публикуются в авторской редакции

УДК 304.42
ББК 60.8

ISBN 978-5-9613-0264-6

© ИГИ РБ, 2013
© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

1. Абдрахманов Д.М. Коррупция как проблема национальной безопасности	7
2. Бабина О.А. Формирование института выборности глав муниципальных образований на Южном Урале в 1990–2010-е гг....	11
3. Бабосова Е.С. Особенности российской и белорусской идентичности в условиях глобализации	19
4. Беседина Е.А. Историческое наследие как часть бренда территории: проблемы и перспективы	26
5. Бикбулатова А.Р. Национальная интеллигенция: возможности выбора	31
6. Блохин В.Н. Особенности функционирования российских институтов власти в условиях глобализации	37
7. Буйденков А.А. Современная Россия и глобализация: предварительные итоги взаимодействия	41
8. Буранчин А.М. Цивилизационный выбор России в контексте консервативных реформ В. Путина	48
9. Вахитов Р.Р. Губернаторы и федералисты: самоидентификация и реальность	57
10. Виничук М.В. Социальная безопасность в системе экономической безопасности государства	62
11. Воронцова Т.Н. Расколотость российского общества: фактор «безгражданственности» или условие гражданской активности?.....	68
12. Гайкин В.А. Интеграционный проект В.В. Путина или «АнтиХантингтон»	73
13. Гибадуллин М.З., Артамонычева А.Р. Анализ экономических связей субъектов Российской Федерации (на примере Республики Башкортостан)	79
14. Гильметдинов Д.Я., Газизова Э.Н. Региональная политика ограничения потребления алкоголя	85
15. Грицай Л.А. Историческая обоснованность цивилизационного выбора России между либерализмом и национализмом на современном этапе	87

16. Демичев И.В. Цивилизационный выбор в контексте проблем модернизации	92
17. Дрогунов С.В. Смысл жизни молодёжи как национальный вопрос: социально-философские аспекты	101
18. Дупленко Н.Г. Снижение социально-экономической асимметрии как условие геополитической и социокультурной связности регионов России	110
19. Железнякова С.И. К вопросу об особенностях формирования региональной идентичности молодежи индустриального города.....	117
20. Зазулина М.Р., Нечипоренко О.В. Проблема цивилизационного выбора в условиях глобального кризиса	120
21. Зинин С.М. Институциональная надёжность	128
22. Исмагилова Г.Ш. Диалог культур народов: исторические и культурные аспекты	135
23. Киекбаев М.Д., Абдрахманов Д.М. Региональные аспекты превенции социальных аддикций	140
24. Киреева Н.Н. Информационная культура и политическая социализация современной студенческой молодежи	143
25. Кистенев В.В., Посохова Н.В., Мережко М.Е. Выстраивание социокультурного взаимодействия мордовского этноса на территории Самарской области	149
26. Кляшев А.Н. Протестантизм в Республике Башкортостан: конфессиональный выбор полиэтничной интеллигенции	153
27. Козлова В.Ю. Формирование региональной идентичности Пермского края	162
28. Кунафин М.С. О смысле выражения «цивилизационный выбор»	167
29. Люткевич С.С. Некоторые проблемы современного межконфессионального диалога в Сибири	171
30. Ляпанов А.В. Социально-экономическая дифференциация регионов России как проблема российского федерализма	177
31. Лукманов А.С. Диалектика глобальных изменений: ресурс убеждения и манипуляция сознанием	187

32. Михайличенко Д.Г. Влияние технологий массовой манипуляции на политические предпочтения молодежи Республики Башкортостан	196
33. Михайлова Е.А. Факторы формирования этнических стереотипов в полиэтническом российском регионе (на материалах Астраханской области)	200
34. Невейкина Н.В. Цель и задачи регионального управления в современных условиях	208
35. Нехорошков А.С. Россия как новый вектор мирового цивилизационного развития	214
36. Нечипоренко О.В. Региональные аспекты глобальных процессов	218
37. Нугуманов М.М. Этнокультурная интеграция мигрантов	224
38. Паначев В.Д. Молодежь и региональная толерантность	227
39. Погорелая Г.В., Погорелая Т.А. Информационная экономика: открытость и безопасность (информационная стратегия в Китае)	231
40. Сайфутдинова В.М. Совет Федерации в системе «Центр – регионы»: историко-политологический аспект	239
41. Самсонов В.В. Процессы постсоветской трансформации в ценностно-нормативной сфере общества	246
42. Сергеев В.П. Региональные религиозно-общественные явления в контексте государственной религиозной политики	253
43. Сидоров Д.В. Особенности функционирования системы финансового взаимодействия Имперского центра и губерний Российской империи в начале XX в. (на материалах Костромской губернии)	259
44. Сизоненко З.Л. Социокультурные аспекты трансформации семейных структур при переходе от традиционного общества к современному	264
45. Степанова М.П. Анализ выравнивания уровня бюджетной обеспеченности регионов России	272
46. Сытых Е.Л. Национальный вопрос: ревизия базовой терминологии	283

47. Телякаева А.Ф. Этнический и религиозный экстремизм: политические аспекты	293
48. Ф. Тикеев Ностратические исследования в Башкироведении...	301
49. Тимощук А.С. Динамика и модели ценностно-смыслового традирования	309
50. Файзуллин Ф.С., Файзуллин Т.Ф. Проблемы обеспечения социальной справедливости в развитии этнонациональных групп региона	317
51. Фатхутдинова А.И., Алексеенко С.С. Тенденции проявления этноязыковой идентичности молодежи в полинациональном регионе (по данным этносоциологических исследований в Республике Башкортостан)	327
52. Хусаинова А.Х. Евразийское пространство как «месторазвития» народов: исторический концепт	332
53. Шакиров И.А., Нугуманов М.М. К вопросу об институализации коррупции в России.....	338
54. Шаяхметов Р.А. Развитие структуры «малые города» → «конурбация» (на примере Стерлитамакской агломерации)	341
55. Юльякшин М.М. Федерализм в истории России	346
ОБ АВТОРАХ	348

КОРРУПЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

История человечества свидетельствует, что проявления коррупции известны издавна по всему миру и свойственны любым режимам и эпохам. Коррупция – это прямое использование должностным лицом своего служебного положения в целях личного обогащения [1]. Также ее можно понимать как отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды. Во многих обществах коррупционные действия, согласно правовым или административным инструкциям, нередко обычное явление и считаются нормальным поведением [2].

В последнее время дискурс коррупции крайне актуализирован, тему коррупцию обсуждают в СМИ, по ней защищаются диссертации [3, 4], утверждается, что происходит институционализация коррупции, в частности А.А. Симонов [5] отмечает, что об этом свидетельствуют, по крайней мере, следующие признаки:

- Коррупция существует не только в качестве выражения индивидуального проявления жадности или стремления к наживе, но сформировалась в целостное социальное явление, выполняющее ряд функций («упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.» [6]).

- Коррупционные отношения предполагают наличие непосредственных субъектов («принципал-клиент», патрон-агент) и осознанное субъектами разделение ролей (взяткодатель, взяткополучатель, посредник).

- Несмотря на латентный характер данного социального института в обществе, субъектами коррупционных взаимодействий воспроизводятся (приобретаются, осознаются и передаются) нормы, «правила игры», закрепленные в языке (сленг), жестах и символике».

Оценивая текущее состояние и факторы распространения коррупции и теневой экономики в России, коллектив авторов [7, с. 47-48] указывает, что прямые экономические потери от коррупции, по разным оценкам, составляют от 20 до 40 млрд. долл. в год. К прямым потерям эксперты относят и вывоз

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-13-02004 «Коррупция как общественный феномен».

капитала. Утечка капитала (своевременно не полученная экспортная выручка, не поступившие товары и услуги в счет переводов денежных средств по импортным контрактам, переводы по фиктивным операциям с ценными бумагами, а также чистые ошибки и пропуски) составила в 2007 г. 44 млрд. долл. против 14 млрд. долл. в 1999 г. В целом за относительно благополучный период 1999-2007 гг. вывоз капитала составил 214 млрд. долл.;

- по данным Центрального банка РФ, чистый отток частного капитала из России в 2008 г. составил 129,9 млрд. долл.;

- потери от несовершенства налоговой системы оцениваются примерно в 25% от ВВП;

- выплаты в виде взяток чиновникам разных уровней составляют, по оценкам экспертов, до 10% от суммы сделки;

- теневой («ненаблюдаемый») сектор экономики охватывает, по некоторым оценкам, до 50% экономического оборота;

- наибольшее развитие коррупции проявляется в сырьевом и топливно-энергетическом комплексах, финансово-кредитных отраслях, налоговой и таможенной сферах, алкогольном бизнесе, в области приватизации государственной и муниципальной собственности и ряде других;

- чрезмерное давление Единого социального налога (ЕСН) провоцирует увод зарплат в теневой сектор: по данным Росстата, доля скрытой оплаты труда составляла в 1995 г. 17%, а в 2000-2006 гг. – уже 24–28%;

- ежемесячные издержки от преодоления «административных барьеров» в сфере торговли и производства исчисляются суммой от 18 до 19 млрд. руб., что составляет около 10% розничного товарооборота; по данным исследования коррупционного климата, проведенного компанией GfK в первом полугодии 2006 года, среди таких государств, как Россия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Италия, Латвия, Венгрия, Нидерланды, Польша, Португалия, Австрия, Румыния, Греция, Словакия, Словения, Сербия и Черногория, Швеция, Украина и Великобритания, в России самым коррумпированным сектором (13% респондентов) были признаны организации и структуры, выдающие лицензии и сертификаты. Около 11% россиян считают правительство самым коррумпированным сектором. Около 7% респондентов назвали самым коррумпированным сектор здравоохранения;

- страна становится привлекательной для инвесторов, заинтересованных в отмывании криминальных капиталов;

- число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в силовых структурах РФ, по данным Главного военного прокурора, за девять месяцев 2008 года выросло более чем на 35% и составило 1401

преступление: при общем снижении количества преступлений рост количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности составил 35,4% – 1401 преступление; в 3,2 раза увеличилось количество этих преступлений во внутренних войсках, в 1,6 раза – в органах и учреждениях МЧС РФ, более чем на 10% – в пограничных органах ФСБ РФ и на 24% – в Минобороны;

– средний размер взятки за последние годы увеличился более чем в 10 раз;

– в коррупционный доход превращаются в среднем 7% оборота компаний;

– в коррупционную систему России входят порядка 2,5 млн. человек.

Безусловно, несмотря на приведенные факты и то, что возникают громкие разоблачения (пресловутое дело Минобороны и пр.) нельзя однозначно говорить о ситуации, сложившейся в России в терминах моральных паник. Необходимо также иметь в виду геополитическое противостояние и попытки ряда структур дискредитировать российское государство в целом. В своей работе [8] О.Матвейчев вскрывает двойные стандарты «Транспэрэнси Интернешнл», отмечая, что «они измеряют не уровень коррупции, а восприятие населением коррумпированности (частые слова об этом это восприятие повышают). Поэтому объяснимо, что Россия находится ниже коррумпированных стран Латинской Америки (где коррупция воспринимается как норма). К тому же все чиновники не коррумпированы – это просто не возможно, вопросы решают руководители. Взятки же гаишников, врачей, преподавателей – это реакция не только их, но и всего населения на их низкую зарплату – они просто «добирают» до нормального уровня жизни. Коррупция, безусловно, есть, но это не главная тема. Страны БРИКС жутко коррумпированы, но они развиваются, а в Северной Корее коррупции нет». Действительно, анализ тех же данных «Транспэрэнси Интернешнл» свидетельствует, что коррупция не является фактором роста, но она и не является, по меньшей мере, принципиальным препятствием.

Рядовой россиянин на фоне постоянного информационного фона, пропитанного темой коррупции, убежден в ее массовости и непобедимости, хотя сам, фактически, может с ней ни разу и не столкнуться. Стремление власти снизить социальные отклонения, принимая нормативно-правовые акты, игнорирующие социальные законы и закономерности, создает социум, где население начинает жить по своим нормам, которые не всегда являются законными. Зачастую можно говорить об имеющихся забюрократизированности процедур, институциональных ловушках и собственном стремлении населения сократить их «коррупционными» действиями, т.е., фактически

можно говорить о существующей уже довольно давно социальной поддержке коррупции.

В последнее время приняты два базовых федеральных закона: «О противодействии коррупции» и «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», существенно скорректировано федеральное и региональное законодательство в различных сферах общественных отношений, приняты также соответствующие организационные меры по предупреждению коррупции, активизирована деятельность правоохранительных органов по борьбе с ней.

Имеются перспективные научные разработки в данной области, в частности, в ходе проведенного исследования [9] было найдено 103 управленческих решения.

По нашему мнению, стоит продолжать борьбу с коррупционными проявлениями (особенно с феноменом «круговой поруки» коррупционеров), учитывая как социокультурные особенности России, так и тот факт, что исключительно криминологическая профилактика ее неэффективна (вся китайская верхушка – долларовые миллиардеры, несмотря на публичные казни и пр.). Исполнение закона «О противодействии коррупции», вступившего в силу с 1 января 2010 г., должно дополняться пропагандой в обществе патриотических и государственных ценностей. Самоорганизация населения и изменение общества путем личного самосовершенствования до сих пор имеют большой потенциал (главное средство борьбы против коррупции – честность; не веди нелегальный бизнес, не обходи закон, не предлагай взятку, не влезай в мошеннические схемы).

Нужна борьба не с самой коррупцией, поскольку объявленное ее искоренение может привести к разрушению реальных механизмов существования государства. Бороться надо с причинами, ее порождающими. Необходимо различать собственно коррупцию и политический симулякр [10].

Динамичное развитие России зависит не только от экономического роста, но и от информационной безопасности населения, от верных акцентов проводимой политики и понимании общества не как системы без изъянов.

Литература

1. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2009. – С. 147.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А–О). – М.: Вече, АСТ, 2001. – С. 332.

3. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ / Автореф. дис. докт. социол. наук. – Новочеркасск, 2008. – 42 с.
4. Безрукова И.В. Коррупция в Российской Федерации: сущность, особенности и основные направления противодействия (политологический анализ) / Автореф. дисс. канд. полит. наук. – М., 2011.
5. Симонов А.А. Механизм институционализации взяточничества в российском обществе // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса [электронный ресурс] / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – 1 CD ROM. – С. 2212.
6. Гилинский Я. Коррупция: теория и российская реальность [Электронный ресурс] / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. URL.: <http://www.http://sartraccs.ru> (Дата обращения 01.02.2012).
7. Сулакшин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Монография в 2-х томах. Т. 2. – М.: Научный эксперт, 2009. – 304 с.
8. Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
9. Сулакшин С.С., Ахметзянова И.Р., Вилисов М.В., Максимов С.В., Сазонова Е.С. Доктрина государственной политики противодействия коррупции и теневой экономике в Российской Федерации (макет-проект). Монография. – М.: Научный эксперт, 2009. – 216 с.
10. Коррупционное и квалификационное «поражение» государственного управления в России. Материалы научного семинара. Вып. 8(38). – М.: Научный эксперт, 2011. – 96 с.

Бабина О.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ВЫБОРНОСТИ ГЛАВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1990-2010-е гг.

Местное самоуправление является неотъемлемой частью правового государства и демократического общества. Право граждан на местное

самоуправление закреплено в Основном законе государства. Конституция Российской Федерации выделяет следующие формы осуществления населением местного самоуправления: путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления.

В ходе опроса общественного мнения в 1998 г. респондентам предлагалось выбрать из перечня органов власти всех уровней те, от которых в наибольшей степени «зависит их благополучие». Результаты опроса показали, что влияние мэров и глав районных администраций воспринимается как весьма значительное: на них возлагают надежды 17% респондентов [1, с. 42]. Глава муниципального образования является одним из главных акторов системы местного самоуправления. Именно поэтому столь активно обсуждаются вопросы, связанные с процедурой избрания выборных должностных лиц местного самоуправления. Специфической чертой муниципального управления является его сильная зависимость от субъективного фактора, т.е. от личных и деловых качеств руководителя. Почти 69% респондентов указали, что именно личные качества руководителя в наибольшей степени определяют успех деятельности муниципальных образований [2, с. 84]. Во многом функционирование системы местного самоуправления в отдельно взятом муниципальном образовании будет зависеть от главы местного самоуправления: это подтверждают как данные социологического мониторинга, так и показатели развития конкретных муниципальных образований.

Формирование системы выборности глав муниципальных образований проходило в условиях постоянного реформирования местного самоуправления в России. В октябре – декабре 1993 г. указами Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина была ликвидирована система Советов народных депутатов и положено начало формированию местного самоуправления на новой правовой основе. Большую роль в реформировании органов местного самоуправления играли политические события в государстве: «черный октябрь» 1993 года, издание Президентом указа № 1400 от 21 сентября 1993 г. «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предписывавшего Верховному Совету Российской Федерации и Съезду народных депутатов прекратить свою деятельность, разгон Верховного Совета и Съезда народных депутатов. По Указу Президента России от 09 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» к 1 декабря 1993 года Советы были ликвидированы. Схожая ситуация была повсюду в стране.

На создание существующей нормативно-правовой базы, координирующей генерирование и функционирование системы местного самоуправле-

ния в стране большое воздействие оказали следующие указы Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина: № 1617 от 9 октября 1993 года «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации». Данным указом была прекращена работа сельских и поселковых Советов народных депутатов. Указом № 1760 и № 288 от 29 декабря 1993 года «О мерах по приведению законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» распускались районные и городские Советы, а их функции передавались соответствующим местным администрациям, входившим в состав государственной власти субъектов. Главы администраций назначались руководителями субъектов Российской Федерации. Действующие руководители администраций наделялись статусом глав местного самоуправления.

Выборы новых органов местного самоуправления были отложены на 1994 год. Допускались и выборы глав местного самоуправления, но по решению руководителей администраций (губернаторов) областей и в порядке, установленном ими. Выборы представительных органов в указанный срок прошли в Оренбургской области, 655 глав администраций городов, районов, поселковых и сельских Советов были назначены губернатором области [3, с. 26-27]. В Челябинской области проведение выборов блокировал губернатор. В Республике Башкортостан, как и в Оренбургской области, процедура выборов затронула только представительные органы местного самоуправления, все 824 главы местного самоуправления поселков и сел были назначены руководителями районных и городских администраций, в территориальных границах которых эти населенные пункты находились. Такая практика существовала в республике вплоть до выборов 1999 года [4, с. 42].

Полномочия органов местной власти, сформированных на переходный период, истекли в 1996 г., когда прошли вторые выборы в органы местного самоуправления. В Челябинской области 22 декабря 1996 г. состоялись первые после принятия Конституции РФ 1993 г. выборы органов местного самоуправления в 42 районах и городах областного значения, 7 городах районного значения, 30 рабочих поселках и 258 сельсоветах. На альтернативной основе избирались как депутаты представительных органов (2202 деп.), так и главы муниципальных образований (257 глав). В Оренбургской области главы сельских районов назначались губернатором и являлись исполнительными должностными лицами государственной власти в области местного самоуправления. На уровне районов были сформированы территориальные органы государственного управления. Представительные органы районов в 1996 г. сформированы не были. В области было создано 579 муниципальных образований, из них 11 городских, 549 сельских, 18 на уровне поселков

и одно муниципальное образование, объединяющее город Абдулино и Абдулинский район. Муниципальные образования были созданы в 1996 г. в Оренбургской области на уровне городов и сельских (поселковых) советов, муниципальных образований на уровне районов не было совсем, хотя районы как административные единицы сохранились. В Башкортостане главы городов и районов назначались президентом и входили в структуру органов государственной власти республики, они в свою очередь назначали глав сельских и поселковых советов. Последние в данном случае являлись органами местного самоуправления, но были подотчетны в своей деятельности вышестоящим органам государственной власти.

Полномочия глав местного самоуправления, избранных (назначенных) в регионе в 1995 – 1996 гг. сроком на 4 года, закончились 1999 – 2000 гг. К данному времени вступил в действие закон от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который вводил выборность глав муниципальных образований, однако данная норма федерального закона выполнялась не во всех субъектах.

В Башкортостане в 1999 г. впервые в 12 муниципальных образованиях состоялись прямые альтернативные выборы глав местного самоуправления. До этого они назначались главами районных и городских администраций. Из 980 глав муниципальных образований 12 были избраны населением (в 11 сельсоветах и 1 поссовете в г. Белебее), 968 – представительными органами из своего состава. На уровне районов и городов продолжало существовать местное государственное управление с назначением глав президентом республики.

Назначение и смещение с должности глав районов и городов президентом республики, по мнению Р.М. Усмановой, было прямым вмешательством государственной власти в систему местного самоуправления [5, с. 35]. Система назначения глав местной администрации районов и городов достаточно удобна при организации деятельности местной власти и координации действий местных органов управления. Такого беспрекословного подчинения сложней добиться при прямых выборах глав районов и городов и их независимости от государственной структуры власти. Однако на практике может создаваться конфликтная ситуация, примером может служить ситуация сложившаяся в г. Агидель в 1992 – 1993 гг., когда городскому Совету народных депутатов и общественности города потребовалось больше года, чтобы добиться смещения с должности недобросовестного главы, не справлявшегося со своими обязанностями. Недоверие главе высказали не только городской Совет народных депутатов и руководители предприятий и организаций, но и жители города [6, с. 61-67]. До введения в действие закона

1994 года, еще было время и подобные ситуации могли быть показательными, но законодатели не учли этого. Так согласно статье 95 (86 в редакции 2000 г.) Конституции Республики Башкортостан и статье 25 закона «О местном государственном управлении в Республике Башкортостан» глава местной администрации района, города назначался на должность и освобождался от нее президентом республики. Кроме этого глава местной администрации входил в единую систему исполнительной власти республики, возглавляемую президентом Башкортостана. Данные положения противоречили статьям 19 (части 2), 32 (части 1, 2 и 4) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации и препятствовали гражданам избирать главу администрации района, города и быть избранными главой администрации района, города. Что повлияло на появление жалоб со стороны местного населения. Так, в 1999 году состоялось заседание Конституционного суда Российской Федерации, на котором рассматривалась жалоба Р.А. Кагирова о нарушении его конституционных прав положениями частей второй и пятой статьи 25 закона Республики Башкортостан «О местном государственном управлении в Республике Башкортостан» [7]. Данному судебному заседанию предшествовали обращения в Верховный Суд Республики Башкортостан, Верховный Суд Российской Федерации, однако суды оставили без удовлетворения жалобу Р.А. Кагирова.

Конституционный Суд Российской Федерации принял следующее решение: во-первых, положение в соответствии с которым глава местной администрации района, города назначается на должность и освобождается от должности президентом Республики Башкортостан не соответствует Конституции Российской Федерации; во-вторых, в противоречие с Конституцией вступает и положение, в соответствии с которым глава местной администрации района, города входит в единую систему исполнительной власти республики, возглавляемую президентом Башкортостана. Данные положения по решению суда не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами и подлежат отмене в установленном порядке. Суд постановил отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кагирова Рафиса Агзамовича, поскольку по предмету обращения Конституционным Судом ранее уже были вынесены постановления, сохраняющие свою силу [7]. Имеется в виду дело о проверке конституционности Закона Удмуртской республики от 17 апреля 1996 года и Конституции Республики Коми от 31 октября 1994.

В Оренбургской области третьи муниципальные выборы прошли в декабре 2000 г., для них была характерна следующая особенность – резкое сокращение числа муниципальных образований с 578 до 48. Муниципальные

образования сохранились на уровне городов и были созданы в районах областного подчинения. Из 48 глав 13 избирались непосредственно населением и 35 – депутатами представительных органов местного самоуправления из своего состава.

Выборы глав местного самоуправления с участием населения прошли в крупных городах области, таких, как Оренбург, Орск, Бугуруслан, Бузулук, Гай, Медногорск, а также в 4 сельсоветах и ЗАТО п. Комаровский. Депутатами избирались преимущественно главы муниципальных образований сельских районов (прямые выборы глав были только в двух из 34 районов – Северном и Тюльганском).

В Челябинской области выборы в органы местного самоуправления прошли 24 декабря 2000 года. Непосредственно населением главы местного самоуправления были избраны в 316 из 318 муниципальных образований. В Кувашинском сельсовете (г. Златоуст) главу администрации избрал представительный орган местного самоуправления из числа депутатов, а в сельсовете Северный (г. Кыштым) – сход граждан. В Пискловском сельсовете глава муниципального образования был избран из числа депутатов представительным органом местного самоуправления, а глава администрации был нанят по контракту.

Четвертая избирательная кампания 2005-2006 гг. проходила после принятия закона от 6 октября 2003 г. № 131 – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В соответствии с данным законом глава муниципального образования в зависимости от устава либо избирается на муниципальных выборах гражданами, либо представительным органом муниципального образования из своего состава. В Республике Башкортостан перехода к избранию глав районов и городов непосредственно населением так и не произошло, причиной тому стал инициированный республиканскими властями референдум по вопросу избрания глав муниципальных образований. Вопрос, вынесенный на референдум, был сформулирован таким образом, что выборов глав муниципальных образований на уровне городов и районов вообще не предусматривалось [8]. Как результат Координационный совет региональных отделений политических партий Российской Федерации и общественных объединений республики Башкортостан попытался провести общественные акции в Уфе и Благовещенске. Данные акции были признаны незаконными и запрещены [9]. Акции все же прошли, а Координационный совет объявил референдум нелегитимным, поскольку формулировка вопроса непрозрачна и допускает различное толкование [10].

Вопрос легитимности референдума вызвал недовольство в обществе, что подтверждают митинги и акции протеста, прошедшие 27 марта 2005 года в республике. Активный протест против выборов главы города городским Советом из своего состава выразил глава Фонда развития местного самоуправления Башкортостана и редактор газеты «За местное самоуправление» Роберт Загреев [9].

О том, что население в своем большинстве выступает за прямые выборы мэров, говорит и профессор Башкирской академии госслужбы и управления М.М. Ишмуратов. На конференции, посвященной реализации муниципальной реформы в Башкортостане, он отметил следующее: «вопросы формирования органов местного самоуправления в республике вызывают живой интерес у слушателей, высказываются предложения по избранию глав муниципальных образований на муниципальных выборах» [11, с. 56].

Особенностью последних муниципальных выборов в регионе (2010-2011 гг.) стало преимущественное использование второго варианта избрания глав муниципальных образований. Данная схема, хотя и не входит в противоречие с федеральным и региональным законодательством является менее демократичной. В то время как по результатам опросов абсолютное большинство россиян видит местное самоуправление институтом выборным. Данную позицию населения подтверждают как общенациональные, так и региональные социологические опросы, которые проводились в различные периоды. В январе 1999 г. 62% россиян поддержали принцип выборности органов местного самоуправления. В июле 2001 г. принцип выборности поддержали 64% [1]. В защиту данного мнения В.А. Щепачев приводит следующие аргументы: «Избрание главы муниципального образования только на всеобщих, равных выборах путем тайного голосования может обеспечить максимальную подотчетность данного должностного лица, а также максимальное вовлечение населения в осуществление местного самоуправления. Именно население должно формировать органы местного самоуправления» [12, с. 52].

Таким образом, на Южном Урале в каждом из рассматриваемых нами субъектов выборы глав местного самоуправления проходили со своими особенностями. В 1994-1996 гг. преобладало избрание глав пос-сельсоветов непосредственно населением, что было характерно более чем для 50% органов местного самоуправления. В Республике Башкортостан главы муниципальных образований пос-сельсоветов до 1999 года не избирались, а назначались руководителями районных и городских администраций, т.е. представителями местных органов государственной власти.

В выборах глав муниципальных образований в 1999-2000 гг. изменения произошли в Оренбургской области и Республике Башкортостан. В Оренбургской области доминирующим стал механизм избрания глав представительными органами (34 из 48 муниципальных образований). В Республике Башкортостан выборы 1999 года прекратили практику назначения глав местного самоуправления органами государственной власти районов и городов. Здесь впервые в 12 из 980 муниципальных образований состоялись прямые альтернативные выборы глав местного самоуправления.

Для избирательных кампаний 2000-2005 гг., 2010-2011 гг. характерно преимущественное использование модели избрания глав муниципальных образований представительными органами из своего состава. В Республике Башкортостан в 2005 г. данная модель повсеместно была закреплена референдумом. Такая норма избрания глав была включена в 2010 г. в уставы городов Челябинска и Оренбурга. В настоящее время все больше теоретиков и практиков муниципального права высказываются за преимущественное использование более демократичной избирательной модели – всенародного избрания глав муниципальных образований.

Литература

1. Островская Т.В., Задорин И.В. Общественное мнение о местном самоуправлении (по материалам опросов общественного мнения) // Полития. 1998/1999. №4(10). – С. 42-50.
2. Островская Т.В., Возжова Н.П., Туманова С.В. Реформа местного самоуправления и система местной власти: представления муниципальных служащих // Городское управление, 1999. №12(41). – С. 84 – 89.
3. Рагузин В.Н., Прусс А.П. Формирование гражданского общества в Оренбуржье: (Избирательные кампании 1993 – 1998 гг.). – Оренбург, 1998. – С. 26-27.
4. Иванов В. Н. Местное самоуправление на Урале (1994 – 2001 гг.). – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – С. 42.
5. Усманова Р.М. Система местного самоуправления. – Уфа: РИО Баш ГУ, 2006. – С. 35.
6. Письмо Агидельского городского Совета народных депутатов РБ Председателю Верховного Совета РБ т. Рахимову М.Г., Председателю Совета Министров РБ т. Копсову А. Я. // ЦГИА РБ. Ф. Р – 933. Оп. 12. Д. 3024. – Л. 61-67.

7. По жалобе гражданина Кагирова Рафиса Агзамовича на нарушение его конституционных прав положениями частей второй и пятой статьи 25 закона республики Башкортостан «О местном государственном управлении в Республике Башкортостан»: определение Конституционного суда РФ от 4 марта 1999 г. № 19 – О [Электронный ресурс] // Альянс Медиа. – URL: <http://www.businesspravo.ru> (дата обращения: 20.05.2010).
8. Местный референдум на территории муниципальных образований 27 марта 2005 г. [Электронный ресурс] // Центральная избирательная комиссия Республики Башкортостан. – URL: <http://www.bashkortostan.vybory.izbirkom.ru> (дата обращения: 21.01.2011).
9. Выборы мэра в Уфе [Электронный ресурс] // Открытая Уфа: информационно-аналитический портал. – URL: <http://openufa.com> (дата обращения: 21.01.2011).
10. Ланкина Т. В. Региональная власть и местное самоуправление в Республике Башкортостан. – Казань, 2006. – С. 4.
11. Ишмуратов М.М. О практике применения Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Практика реализации муниципальной реформы: местные выборы и референдумы. Материалы «круглого стола». – Уфа: Мир печати, 2009. – 56 с.
12. Щепачев В. А. Проведение выборов по новой редакции федерального закона на примере города Оренбурга // Муниципальная власть. 2004. № 5. – С. 52-53.

Бабосова Е.С.

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В период глобализации существенно актуализируются вопросы, связанные с поиском человеком своей идентичности, в том числе в Беларуси и в России – поиском себя самого в эпоху технологических, социальных и культурных трансформаций; отнесение себя к той или иной общности; восприятие «других» и самого себя другими. В настоящее время поле самого термина «идентичность» получило значительное расширение. «Все человечество столкнулось с проблемой сочетания глобализации, универсализма и

актуализации различий, в том числе национальных, этнических, расовых, религиозных. Для обществ, в которых происходят быстрые трансформации одновременно во всех сферах жизни, она стала особенно болезненной и, естественно, привлекла к себе внимание» [1, с. 215].

В последние годы фокус исследовательского внимания к феномену идентичности сместился от национальной, социальной, этнической, советской, гражданской идентичности к исследованию таких новых «видов» идентичности, как региональная, территориальная, пространственная, локальная, культурная, от проблем трансформаций социальной идентичности к проблемам формирования общегосударственной макроидентичности, изучающейся в контексте современных глобализационных процессов и так далее.

Расширяющаяся и углубляющаяся глобализация современного мира оказывает противоречивое воздействие на разворачивание процессов идентичности. С одной стороны, она, в первую очередь, вследствие непрерывно усложняющихся и становящихся все более разнообразными информационных потоков во многих случаях подводит к размыванию национальной и культурной идентичности во многих странах. С другой стороны, у многих людей в России и в Беларуси складывается сложная система ценностных ориентаций, обусловленная растущим социальным запросом на формирование так называемого «общества потребления», приводящая к своеобразной идеализации жизненных стереотипов западных стран и стремлению сблизиться с ними в рамках некоей недостаточно четко представляемой идентичности.

Все это обусловлено и неоднозначностью самого понятия «идентичность», в современной трактовке которого содержится два неодинаковых значения. Считается, что корень слова «идентичность» складывается из двух латинских корней: «*īten*» («в высшей степени сходный», «тот же самый», «аналогичный») и «*ipse*» («самость»). Получается, что в термине «идентичность» происходит наложение друг на друга двух смыслов: устойчивость – изменчивость во времени и тождественность самому себе – инаковость. Таким образом, сам термин «идентичность» указывает на диалектичность ее природы, проявляющуюся в многообразии связей между постоянством и изменчивостью идентичности.

Необходимо учитывать и тот факт, что на рубеже первого и второго десятилетий XXI века в разных регионах мира, в том числе в Западной Европе, резко обострился интерес к значимости и роли этнической и национальной идентичности в судьбах и перспективах развития тех или иных народов. Так, большинство франкоговорящего населения Фландрии – части Бельгии –

в последние два года активно выступает за отделение от Валлонии, народ который говорит на валлонском диалекте французского языка. В основе этого стремления находится нежелание Фландрии, занимающей треть площади страны, но производящей более 60% ее ВВП, спонсировать своих валлонских соседей по королевству. Каталония, северный регион Испании, также горит желанием, а публично через свои националистические партии и организации заявляет об этом, отделиться от Испанского королевства. Курды жаждут заполучить независимость от Турции. От Франции стремится отделиться Корсика, от Дании – крупнейший на нашей планете остров Гренландия, обладающая гигантскими запасами нефти и газа.

В постсоветских странах, в том числе в Беларуси и России, стремительный рост этнического самосознания произошел несколькими десятилетиями раньше, в период конца 80-х – начала 90-х годов XX века. Находившаяся в тени в течение долгого временного отрезка этническая составляющая идентичности начала играть большую роль в политической, культурной и других сферах общества. Именно в этот период активно начинают проходить такие процессы как суверенизация отдельных республик, возрождение и сохранение национальных культур, возвращение к родному языку и так далее. Для постсоветских государств конца XX – начала XXI вв. характерны серьезные трансформации в смене идентичностей, и этническая идентичность, наравне с другими, выходит на первый план. «Ни одна из форм идентичностей не приковывала к себе такого внимания, как этническая. В начале XXI века вновь, как и век или полтора века тому назад, этническая идентичность заняла едва ли не центральное место в спорах между славянофилами и западниками, а в нынешней терминологии – между примордиалистами и конструктивистами» [2, с. 198].

Таким образом, актуальным представляется анализ особенностей личностной, национальной и гражданской идентификации и роли таких идентификаций в жизни современного общества, в частности в России и в Беларуси.

Поиск ответов на поставленные вопросы побуждает осуществить концептуализацию исходных понятий, каковыми являются «идентичность» и «идентификация».

Появление термина «идентичность» в психологии принято связывать с именем Э. Эриксона. Однако истоки этого понятия современные ученые находят в работах З. Фрейда. В «Толковании сновидений», изданной на рубеже XIX-XX веков, Фрейд впервые использовал термин «идентификация», под которой он понимал неосознаваемое отождествление субъектом себя

с другим субъектом и считал ее механизмом усвоения ребенком образцов поведения значимых других. Расширяя данную трактовку и раздвигая пределы ее применимости, Э. Эриксон рассматривает идентичность как «чувство ограниченной принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе» и подчеркивал, что она означает «принятие социального бытия как своего» [3, с. 203-204].

Возникшее в недрах психоанализа понятие идентичности достаточно скоро и интенсивно внедрилось в проблемное пространство не только психологии, но и философии, социологии, культурологии, экономической теории. В своей глубокой сущности идентичность выступает не как нормативное, а скорее как дескриптивное, то есть описывающее синхронное состояние обозначаемого процесса, понятие. В процессе идентификации исходными компонентами являются самопонимание и самотолкование, позволяющие выяснить, какие элементы социального окружения определяются конкретной личностью в качестве значимых для нее, а какие – нет. Поэтому невозможно описать идентификационное состояние личности, ее собственное «Я» без выявления ее взаимоотношений с теми людьми, под влиянием которых формируется это «Я». А это означает, что самоидентификация индивида посредством нахождения ответа на вопрос «Кто я» приобретает определенный смысл только в случае его взаимодействия с другими индивидами. Только выяснив, какое влияние на формирование его мироощущения и миропонимания оказала семья, вырастившая и воспитавшая его, какие друзья у него были и есть, как повлияли они на него, на его ценностные ориентации и жизненные установки, как на его жизненную траекторию воздействуют его коллеги по учебе, а затем и по работе, мы сможем получить представление об особенностях его личностной идентификации. Такая идентификация (самоидентификация) реализуется в понимании человеком себя «как такового» и его умении оставаться «самим собой» в различных социальных ситуациях, в том числе неблагоприятных, конфликтных и кризисных. Идентичность современного человека определяется его сознательной ориентацией на определенный образ жизни, конкретную систему ценностных ориентаций и образцов поведения, в которых он формирует свою тождественность с определенной социальной группой, культурой, политической системой.

Все вышеизложенное позволяет понять, почему многолетние социологические исследования, проводимые в России и Беларуси, неизменно показывают, что в иерархии идентификационных самоопределений людей приоритетные позиции занимают микроидентификации – идентификации

человеком себя с малыми социальными группами, со своей семьей, с близкими, знакомыми и с коллегами по учебе и работе.

Так, ежегодный мониторинг, проведенный ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» в 2012 г. (опрошено 2106 человек во всех регионах страны), показал, что идентифицируют себя со своей семьей и близкими 81,6% респондентов, делают это редко 11,5% опрошенных, практически никогда так не поступают только 2,9% респондентов, не ответили на поставленный вопрос 3,9% опрошенных. Примечателен в связи с этим ответ на задаваемый в 2012 г. белорусскими социологами своим респондентам вопрос: «Как бы Вы ответили на вопрос, ради чего вы живете?» При ранжировании ответов на данный вопрос первые два места с большим отрывом от всех остальных составили ответы «Ради семьи» (77,2%) и «Ради детей» (70,8%).

Важную роль семьи как идентификационного фактора отмечают и российские социологи. Ими, в частности, установлено, что для 90% россиян семья является очень значимой – чувство общности с семьей испытывают 65% респондентов, от 67 до 82% опрошенных считают самым важным для себя собственное благополучие и благополучие своей семьи, а все остальное рассматривают как второстепенное. Устойчиво высоким в российском обществе является отождествление гражданами себя с семьей: в 2008 году в общем массиве опрошенных так идентифицировали себя 64,2%, а в 2012 году – 64,6% [4].

Как уже было сказано выше, существенное значение в выявлении особенностей микроидентификации людей в современном обществе имеет отождествление индивидом себя не только с семьей, но и с другими малыми социальными группами, в том числе с друзьями, знакомыми, с коллегами по учебе или работе. Проведенное в 2012 г. исследование в Беларуси показало, что чувствуют свою общность с друзьями и знакомыми очень часто 73,8% опрошенных, редко – 17,7%, практически никогда так не делают только 3,3%, не дали ответа на этот вопрос 5,2% от общего числа респондентов.

Идентификация индивида себя с коллегами по учебе и работе характеризуется более низкими показателями. Часто отождествляют себя с ними 50,6% от общего количества опрошенных, делают это редко – 30,7% респондентов, практически никогда – 11,1%, не дали ответа на этот вопрос 7,6% респондентов. Отметим для сравнения, что по данным социологических исследований, проведенных в России, ощущали чувство близости с друзьями в 2012 году 63,1% опрошенных, с товарищами по учебе и работе – 40,4% респондентов.

По мере углубления и качественного многообразия структурированности и процессуальности современных модернизирующихся обществ возрастающую значимость в жизнедеятельности людей наряду с индивидуальной идентичностью приобретает идентичность групповая. Она возникает в совместной разнообразной жизнедеятельности множества индивидов, при которой переживания, стремления, действия и отношения одного или нескольких членов группы воспринимаются и реализуются другими в качестве мотивов поведения, организующих их собственную деятельность, направленную на осуществление общей групповой цели и решение вытекающих из этой цели совместных задач. Идентификация в своем реальном проявлении предстает как процесс отождествления индивидом самого себя с другими индивидами, социальными группами и/или общностями, ценностными стандартами и образцами поведения. Формируется, закрепляется либо трансформируется она в результате социального взаимодействия и помогает индивиду овладевать различными видами социальной деятельности, усваивать определенные социальные нормы и роли.

В условиях глобализационных трансформаций особенно востребованной становится гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение. Вопросы становления социальной, гражданской идентификации и соотношение ее с национальной и этнической идентификацией относятся к ключевым для понимания трансформационных процессов в период модернизации всех сфер жизнедеятельности современного белорусского и российского общества.

В процессе формирования и развития транзитивных обществ, к которым относятся как современная Россия, так и Беларусь, происходит образование новых социальных страт, групп, корпораций, качественно изменяются действующие в стране социальные институты. Существенным образом изменяются ценностные ориентации и жизненные стратегии в поведении различных социально-демографических слоев населения. Но при всем многообразии и разнокачественности таких трансформаций остается неизменным некий стержень социально-духовных ориентаций народа. Именно такие представления становятся цементирующими в обществе и составляют прочный фундамент его интегрированности, воплощаясь в том компоненте идентичности, который называется патриотизмом. На задаваемый российскими социологами вопрос «Что для Вас значит быть патриотом России?» большинство респондентов отвечают так – «любить свою страну» (95-99%), «стремиться улучшить жизнь в стране» (92-97%), «гордиться своей страной» (91-97%). Близкие по смыслу и количественному выражению ответы получают и белорусские социологи при опросах населения Беларуси.

Осознание себя, своего места в государстве, идентификация с ним играет важную роль в социальном развитии общества. Эти ценностные эталоны обуславливают солидарность и консолидацию больших социальных групп и придают новые импульсы общественному развитию.

Формирование гражданской идентичности личности тесно связано с процессом усвоения личностью различных элементов национального сознания, поведения, традиций, культуры, языка – с этнонациональной идентичностью. Однако когнитивное наполнение гражданской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнонациональной. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, общности территории. Гражданская идентичность – на политической и правовой культуре, гражданской активности, на формировании и функционировании институтов гражданского общества. Она более динамична, чем этническая, выбор которой вовсе не исключает гражданской идентичности. Когнитивное наполнение той и другой идентичности способно дополнять друг друга. Это дает основание говорить о совместимости таких идентичностей. Но эта совместимость возможна при определенных условиях. Формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностями человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору может стать фактором, цементирующим гражданскую и этническую идентичность, делающим государственную идентичность привлекательной для всего населения страны.

По данным социологического исследования, проведенного в 2012 году, белорусская гражданская идентичность первенствует над национальной идентичностью, правда, опережает ее опять-таки примерно на полтора процента. Часто отождествляют себя с гражданами Беларуси 40,4% от общего количества опрошенных, делают это редко – 37,1% респондентов, практически никогда – 14,4%, не дали ответа на этот вопрос 8,1% респондентов. Что касается национальной идентичности, то часто отождествляют себя с людьми своей национальности 38,3% от общего количества опрошенных, делают это редко – 37,9% респондентов, практически никогда – 15,5%, не дали ответа на этот вопрос 8,3% респондентов. Интересен тот факт, что гражданская идентичность оказалась более важной для людей старших поколений и менее важной для молодежи. Это свидетельствует о необходимости более целенаправленной и эффективной работы с молодежью, ориентированной на формирование у нее чувства гражданственности и превращения его в активную жизненную позицию.

Весьма знаменательно, что тенденции изменения гражданской и национальной идентичности в Беларуси и России практически совпадают.

Проведенные российскими социологами исследования показывают, что именно общность с гражданами России является самой сильной, уверенной идентичностью среди других наиболее значимых идентичностей. Так, в частности, с гражданами России идентифицируют себя 72% опрошенных, с земляками – 60%, с людьми той же национальности – 51%.

Таким образом, значимые общественные изменения, такие как глобализация, оказывают влияние на сознание и поведение людей, и сопровождаются появлением новых и модификацией старых идентичностей. Изменения идентичности, с одной стороны, обусловлены экономическими, политическими и культурными переменами, с другой – сама идентичность выступает важным ресурсом и фактом социальных изменений. Актуальным представляется проведение сравнительного анализа особенностей различных видов идентичности у белорусов и россиян в свете дальнейшего развития совместных программ, проектов и заключения контрактов Союзного государства Беларуси и России.

Литература

1. Дробижева, Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость / Л.М. Дробижева // Россия реформирующаяся. – М., 2002. – С. 213-244.
2. Губогло, М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки / М.Н. Губогло. – М., 2003. – 334 с.
3. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э.Эриксон /Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 416 с.
4. Готово ли российское общество к модернизации? // Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., 2010. – 344 с.

Беседина Е.А.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ЧАСТЬ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В процессе реализации федеративных отношений в последние годы наблюдается тенденция к регионализации российского пространства. Позиционирование регионов как активных субъектов политической и экономической жизни делает важной проблему определения их идентичности, а

также и выявления отличительных особенностей территорий, способствующих формированию конкурентных преимуществ.

Формирование рыночных отношений, возникновение соперничества, прежде всего за инвестиции, актуализировало вопрос о создании бренда территории, формировании привлекательного имиджа региона, страны в целом. «Провести ребрендинг имиджа России», – такой лозунг прозвучал во время проведения инвестиционного форума «Сочи – 2011». Имидж страны складывается не только из имиджей ее столиц, но и из совокупности представлений о ее регионах, таких разных как с точки зрения социально-экономического развития, так и с позиции культурно-исторического своеобразия.

Бренд – понятие, имеющее множество определений, включающих в себя аспекты правового, социологического, психологического характера. Бренд – термин, использующийся в потребительской среде для продвижения товаров на рынок. Создание бренда касается также регионов, городов. Составляющие бренда территорий – его репутационно-имиджевые характеристики, мифы и архетипы, национальная и местная идентичность, воплощенная в церемониях, песнях, духовных символах; это целостная система ожиданий и ассоциаций, которая возникает у всех заинтересованных в развитии региона сторон. Сила бренда заключается в отождествлении территории с каким-либо аспектом, отражающим ее неповторимые черты и уникальность.

Проблема формирования территориальных брендов последние два десятилетия находится в сфере внимания профессионалов самого различного профиля: имиджмейкеров, маркетологов, специалистов по инвестициям, туризму, не говоря уже о том, что эта идея захватила и руководство почти всех субъектов Российской Федерации и муниципальных органов власти. Этот интерес отражает «желание местных элит обозначить свои региональные границы и зафиксировать для себя и для посторонних – что же мы имеем, что мы можем дать стране и что можем получить от нее и от своих соседей. Политические, экономические и культурно-психологические интересы политиков, бизнеса и деловых людей и здесь выдвинулись на первый план. Элитам на всех уровнях нужно было отстаивать интересы населения именно этой территории, данного конкретного места. Для этого территория, а вернее – ее образ, представления о ней как об одной из своих главных ценностей должны были стать незыблемыми и привлекательными». [1, с. 11] Только в 2012 году по неполным данным более 30 городов Российской Федерации занимались разработкой своего бренда. Бренд становится составной частью стратегии развития территории.

Не вдаваясь в терминологические различия понятий «бренд», «имидж», «маркетинг территорий» (для контекста рассматриваемого вопроса они не столь принципиальны) скажем лишь то, что для продвижения территории важное значение может иметь превращение ее культурно-исторического наследия, историко-символического капитала в брендовый ресурс. Для многих российских регионов привлечение исторического наследия может стать одним из реальных факторов экономического, социального и культурного подъема (примечательно название одной из статей на эту тему «Как «скрестить» историю с деньгами?»)[2] Таким образом, история и культура приобретают новые функции в современной общественной жизни. Целевая аудитория потребителей бренда может быть выражена так: жители, туристы, инвесторы.

К культурно-историческому наследию принято относить общественно признанные материальные и духовные ценности, сохраняемые обществом для поддержания социальной и этнической идентичности, а также для передачи последующим поколениям. Перед специалистами стоит задача провести «ревизию» региональных культурно-исторических ресурсов, результатом которой может стать формирование банка идей по формированию и продвижению бренда территории.

Основные направления, по которым проводится анализ исторических «возможностей» региона можно представить следующим образом: выявление памятных мест, определение значимых событий, установление тех персоналий, которые прочно связаны с историей региона, изучение народных художественных промыслов и ремесел, характерных для данной местности. Отдельного внимания заслуживает оценка музейного пространства региона, с точки зрения, прежде всего коммуникационного критерия и, соответственно, перспектив развития. Особо следует отметить памятники архитектуры, поскольку именно купеческие дома, дворянские усадьбы, дворцы, отдельные храмы, монастырские комплексы являются наиболее популярными туристскими объектами. Так, например, в качестве важнейших направлений развития регионального бренда Калужской области выделяют проект «Поля русской славы», с включением в него г. Козельска, места «стояния» на Угре, а также сражения с французами под Малоярославцем, места боев в Великой Отечественной войне. Как перспективное видится развитие сетевого взаимодействия с другими музеями, созданными на полях сражений, такими, например, как Куликово Поле, Бородино, Прохоровка. Другие проекты – «Калужская земля – колыбель космонавтики», с включением сюда памятных мест в Калуге и Боровске, связанных с именем К.Э. Циолковского; «Духовное наследие» на основе известных монастырских центров, таких, как

Оптина пустынь, Боровский монастырь, Тихонова пустынь; «Пушкинское наследие» – на основе комплексов Полотняного завода; «Архитектурная и культурная среда малого русского города» (Боровск, Козельск, Таруса); «Усадебное наследие Калужской земли». [3]

Вместе с тем распространенность и повторяемость исторических объектов может способствовать и снижению туристской привлекательности региона (по этой причине в последнее время наблюдается определенный спад интереса к некогда популярному маршруту «Золотое кольцо»). Отсюда возникает проблема обозначения уникальности и неповторимости культурно-исторического наследия территории, поиск своих «точек привлекательности». Так в регионах, воспринимающихся обществом, прежде всего, как индустриальные, предлагается создание промышленных музейных исторических комплексов, что должно расширить круг потенциальных потребителей, интересующихся не только историей и культурой, но и промышленностью и технологией. В Нижнем Тагиле, например, с 1989 г. действует единственный в своем роде музей-завод, посвященный истории развития техники черной металлургии. Идею использования наследия своей промышленной истории предполагается воплотить и в Нижегородской области.

Современная трактовка понятия «культурно-историческое наследие» претерпело существенные изменения. Если ранее речь шла об отдельных выдающихся памятниках материальной культуры и их охране, то теперь предполагается внимание и к объектам рядовой застройки, отражающей образ жизни рядовых горожан, а также природные ландшафты, исторически сложившиеся пути и т.д. Кроме того, признается ценность и памятников относительно недавнего прошлого, XX века. Одним из направлений деятельности по защите культурно-исторического наследия становится и поддержание нематериального наследия, включающего в себя традиции, жизненный уклад и соседства, сложившиеся в том или ином историческом месте. В качестве важнейшего направления можно рассматривать также и необходимость интеграции наследия в повседневную жизнь людей и превращение его в неотъемлемый и обязательный элемент социальной и экономической жизни, а также активное участие самого общества в этом процессе.

Такое восприятие культурно-исторического прошлого будет способствовать более активной реализации планов по его превращению из балласта современной экономики (бюджетные расходы, например, на содержание памятников, музеев, библиотек, к сожалению, это распространенная точка зрения) в специфический экономический ресурс развития отдельного бизнеса и целых регионов.

В деле формирования бренда важное значение приобретает информационный фактор. Главными держателями краеведческих информационных

ресурсов являются местные библиотеки, архивы, музеи, другие учреждения культуры. Предоставление прежде всего технических возможностей позволит им сообщить удаленному пользователю интересные сведения о регионе, представить экономический, культурно-исторический, природный, туристический потенциал территории. Осуществление информационной функции позволит оживить деятельность этих учреждений, позволит им более активно и эффективно проявить себя в социокультурном пространстве регионов.

Многие субъекты Российской Федерации в последние годы включились в поиски своего бренда. “Очень часто не только иностранцы не знают, что происходит у нас в “глубинке”, но и мы, жители страны, не владем информацией. А без такой информации, без подчеркивания наших преимуществ трудно говорить об успешном развитии территорий и городов. Надо привлекать внимание, объяснять, чем мы лучше, почему именно к нам, на эти территории, должны прийти, например, инвестиции”, – отмечала Александра Очирова, руководитель рабочей группы Общественной палаты РФ по формированию положительного образа России в стране и за рубежом на Всероссийской конференции по продвижению брендов городов и регионов, состоявшейся в Москве в ноябре 2008 г. Использование историко-культурного наследия в качестве основы формирования имиджа региона представляется весьма эффективным способом и для обретения его жителями своей идентичности, и для осуществления познавательного и рекреационного туризма, и для привлечения инвестиций. Главное – объединить все заинтересованные силы – власть, бизнес и общественность.

Литература

1. В.К. Малькова, В.А. Тишков. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест / Под ред.: В.К. Мальковой и В.А. Тишкова. – М., ИЭА РАН. 2010. – С. 6-57.
2. Как «скрестить» историю с деньгами? // Агентство бизнес мониторинга. 11.07.2012. <http://www.r52.ru/index.phtml?rid=12&fid=113&sid=94&nid=46802>
3. Из проекта стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года. // http://old.admoblkaluga.ru/New/Tourism/Invest_privl/proekt_strateg.htm#_ftn2

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЫБОРА

В связи с переломными событиями в жизни России, с переосмыслением ценностей, с ослаблением политического давления актуализировались многие вопросы, которые затушевывались или подавлялись силовыми методами. Среди них очень насущными оказались национальные проблемы. Д.Ж. Валеев верно в свое время заметил: «Нравственный кризис, который охватил население всего бывшего СССР, в огромной мере есть следствие нерешенности национального вопроса, следствие отчуждения человека от природно-естественного начала, его оторванности от национальных корней» [1, с.133]. История башкирского народа, как и всех остальных в составе бывшего СССР, была подчинена теории однолинейного прогресса, ориентированного на внешние результаты и связывало свои ожидания, в основном, с развитием экономики и производительных сил. Игнорирование и даже опровержение преемственности истории, утрата связи с национальной почвой, в конце концов, вели к массовому обществу – обществу без прошлого, для которого наследие – только мертвый звук. Стратегия жертвования старыми ценностями во имя эффективности и успеха приемлема лишь для достаточно беспочвенных людей. Причина “бегства” от национальной традиции заключается в том, что традиция обязывает, а массовое потребительское сознание тяготеет долгом в любых его проявлениях. При снижении способности интеллигенции критически национализировать иностранный опыт, осуществлять творческое соучастие, увеличивается опасность заимствования наиболее доступных и преимущественно худших образцов другой культуры. Потеря культурной памяти непосредственно связана с ослаблением нравственного сознания, с духовным безразличием, с привитием циничной “всеядности”. А.С. Панарин отмечал, что в такой период даже земля для народа теряет символическое значение и перестает быть “священной”, поэтому катастрофически снижается готовность защищать ее и охранять геополитическое пространство [2, с. 286].

Если до революции башкирская интеллигенция была ориентирована на Восток, то после образования БАССР она формировалась в рамках русской культуры. Эпигонство стало бедой советской башкирской интеллигенции, потому что в результате чисток и репрессий ее ряды поредели, а интеллектуальные и духовные качества заметно снизились. Процесс заимствования имеет свою логику: он предполагает низкую оценку собственной

национальной среды и завышенную – внешней, ставшей предметом подражания. Это, в свою очередь, оказывает влияние на психологию, вырабатывая комплекс «межкенлек» (рабства). Ослабление России может дать следующий этап эпитонства – западного или восточного. Снова становясь на путь «догоняющего развития», интеллигенция потеряет силу своей субъективности.

Национально не укорененная интеллигенция постоянно требует от нации только приспособления к новым веяниям – пассивной адаптации. Но поспешное, некритичное принятие интеллигенцией ценностей западного или восточного мира, преувеличение их значения для развития народа велик к ухудшению состояния общества во всех сферах и ударили по самой же интеллигенции. Получилось так, что наука, культура и образование как наукоемкие отрасли производства оказались экономически не рентабельными. Их кризисное состояние означает сужение экологической ниши, в которой существует интеллигенция.

Выход из кризиса мы видим в том, чтобы заново осмыслить и принять свою национальную историю и традицию, осознать их ценность для дальнейшего развития народа.

Резкий переход опасен тем, что чреват разрывом с прошлым и его отрицанием. Таким образом, в осуществлении национальной формы самораскрытия идеи интеллигенции в башкирском народе присутствуют две тенденции: открытости и закрытости, и от преобладающей тенденции будет зависеть будущее нации.

Особенностью современной ситуации является то, что в результате демографических изменений, протекавших в течение всего XX века, башкиры оказались в меньшинстве и составляют сегодня около 29,5 % населения Башкортостана. Многие исследователи констатируют возникновение реальной угрозы растворения башкир среди других этнических образований. Преувеличение этой угрозы является одной из предпосылок для пропаганды закрытости, изоляции народа. Видный историк и общественный деятель Н.А. Мажитов на это заметил, что этническая сила нации непосредственно не связана с количественным составом народа. Сила в единстве, для этого необходимо устойчивое и зрелое национальное самосознание, а, значит, сильная и открытая национальная интеллигенция. Обе тенденции: закрытости и открытости – имеют место в осуществлении идеи интеллигенции в башкирской нации.

Реализуемая закрытая форма национальной интеллигенции имеет парадоксальное сочетание оснований. Во-первых, это ориентация на самоизоляцию, разрыв с прошлым, с состоянием подчиняющегося “младшего брата”,

породившего комплекс неполноценности башкирской интеллигенции. Во-вторых, осуществление преемственности, выразившейся в продолжении тоталитарного образа мысли. Не у дел осталось множество представителей авторитарного типа личности, которые легко поменяли коммунизм на национализм, так как авторитарный потенциал национальной идеологии, непримиримой к «национально чуждым элементам», в принципе, соответствует тоталитарной. Все это связано с появлением националистически настроенной интеллигенции. Но их национализм ложен – он искусственно возбуждает эгоистичные национальные установки в башкирском духе, усиливает эксплуатацию «национального отчуждения», выражающегося в чувстве потери традиционных стимулов существования. Парадоксальным является то, что большая часть такой интеллигенции чаще всего духовно не связана с народом, не укоренена в нем. Она создает упрощенный образ народа, щедро наделяя его позитивными характеристиками. Демагогически подчеркивая отдельные, малосущественные элементы простонародного быта, она прикрывает их фразами о национальной культуре и самобытности, что практически ведет к отрицанию самых глубинных основ этого быта и превращает культуру в «карикатуру».

Получив право толковать значение и смыслы национальной истории, интеллигенция возвеличивает ее, значительно удревяя происхождение народа и его вклад в развитие мировой цивилизации. Тем самым, она пытается изменить социальную память башкирского народа.

Д.Ж. Валеев писал, что в ряду предложений, касающихся национально-возрождения башкир, особое место занимают трайболистские увлечения отдельных представителей интеллигенции [1, с.142]. Они выступают за возрождение родо-племенных структур башкирского народа, видя в них залог самосохранения. Эти попытки не соответствуют и препятствуют назревшим социальным новациям, а в отношении заявленных целей, как правило, оказываются тщетными. Под угрозой оказывается само национальное единство башкирского народа и его языка. Призыв вернуться к племенному строю характеризует закрытость этой части интеллигенции, попытку отгородиться, таким образом, от разрушающего воздействия крупных господствующих наций. Такая форма архаизма возникла как реакция на внешнее давление центра. Но изъян заключается в том, что, во-первых, такое этнографическое почвенничество связано с отрывом от достижений мировой цивилизации; во-вторых, ведет к закрытому обществу, в котором жизнь регулируется запретами-табу. В таком обществе нет личности, отсутствует нравственный выбор, так как все регламентировано, господствует дихотомия «свой – чужой». Таким образом, выход из кризиса не возможен на путях возвращения к традиционным этнографическим укладам.

Реакция изоляционизма интеллигенции непродуктивна и опасна. Непродуктивность связана с практической невозможностью изолирования от внешнего мира, а опасность – с тем, что последовательный изоляционист начинает борьбу с Историей в роли радикала-реставратора, насильственно загоняющего общество назад. Интеллигенция, желающая достойно ответить на вызов времени, не пойдет по пути закрытости и музейно-заповеднического сбережения своего этнического багажа.

Открытая национальная интеллигенция предполагает обращение к традиции народа, не абсолютизируя ее, исследование и выявление тех черт национального менталитета и характера, тех базисных паттернов башкирского духа, без знания и учета которых невозможно выйти из кризисной ситуации и полноценно развивать народ и общество.

Национальная интеллигенция через социальную форму представляет собой социально-профессиональную силу. Поэтому она заинтересована в создании условий и организации такого общества, в котором интеллектуальный труд был бы востребован, а интеллигенция свободна в выборе. Необходимость в социально-экономических реформах очевидна. Но скопированная, заимствованная, чужая, пусть самая эффективная, реформа ведет часто к крушению общества и не дает ожидаемых результатов. Для того чтобы социально-экономические преобразования были успешными, должны учитываться специфика социально-нравственного идеалов, особенности народной традиции и т.д., которые будут способствовать проведению реформ. З.Я. Рахматуллина пишет, что традиционное сознание башкир отвергает западный идеал либерализма [3, с.233]. Д.М. Гилязитдинов отмечал: “Надо учесть, что менталитет народов нашей страны отторгает многие элементы дикого капитализма. А раз это так, то должен осуществляться переход к демократическому, социальному, справедливому рыночному обществу, являющемуся посткапиталистическим и постсоциалистическим. Это будет общество, в котором утвердится социальное государство” [4, с. 7]. В последние годы значительно повысился интерес к вопросам духовного бытия башкирского этноса. Предметом изучения в современной историко-культурологической и социально-философской литературе стали особенности национального характера, развития национальной культуры и другие проблемные вопросы национального существования.

Практическое осуществление, учет при составлении социально-экономических программ выводов и результатов исследований представителей открытой башкирской интеллигенции принесет пользу для развития всего общества. А сама интеллигенция предстанет в таком обществе как ин-

теллеktуальный потенциал, творческое ядро и реальная база для развития башкирской культуры.

Через культурологическую форму национальная интеллигенция пытается решить духовные проблемы нации, сохраняя, развивая культурные ценности народа, поднимая их до высоких образцов мировой культуры. Важным показателем, демонстрирующим уровень развития культуры и искусства того или иного народа, является наличие у народа национальной интеллигенции, выражающей его интересы и чаяния, выступающей авангардом в борьбе за достойную жизнь.

Особенность культурному развитию Башкортостана придает наличие двойной цивилизационной промежуточности: во-первых, промежуточный цивилизационный статус России; во-вторых, Башкортостан сам является ареалом, в котором непосредственно встречаются Восток и Запад. Уже это пространственное измерение предполагает открытость народа и интеллигенции для этнических связей, ориентированность на диалог и отражается в таких чертах башкирского характера, как межэтническая уживчивость и терпимость. Таким образом, появился особый социокультурный тип с гибким поведенческим кодом и с особой духовной субстанцией, отличной от европейского прагматично-индивидуалистического этоса. Евразийская концепция, возникшая в 20-х годах XX века (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Л.П. Карсавин, В.Н. Ильин и др.) выступила с защитой данного типа, против универсальной теории прогресса, не учитывающего уникальности наций и их культур, а также против безапелляционного авторитета европейской культуры. Современная евразийская концепция, поддерживаемая многими представителями башкирской интеллигенции, предполагает самобытное развитие, сохранение уникальности и неповторимости народов, подчеркивает необходимость взаимодействия культур, связанных цивилизационно-историческими отношениями. Она, действительно, актуальна для многонационального Башкортостана, в котором сегодня мирно сосуществуют более ста народностей и созданы условия для развития их культуры. Открытая башкирская интеллигенция, укорененная в родной культуре, стремится сохранить единство и общение между народами: и политико-правовое, и духовное. Она понимает, что диалогизм, с одной стороны, является решающим фактором сближения людей и наций; с другой стороны, выступает в качестве важной предпосылки собственного развития.

Понимание важности духовных ценностей, развития культуры – это отражение роста самосознания нации. Вместе с тем повышается роль интеллигенции, особенно гуманитарной, так как именно она занимается

защитой духовных интересов этноса («этнически озабоченные») [5, с.44]. От мировоззренческой позиции интеллигенции во многом зависит приоритет в духовности нации общечеловеческих ценностей или сугубо национальных, которые могут привести к абсолютизации национал-специфического.

Национальная интеллигенция создает идеологию, выражающую коренные интересы своего народа и в которой отражаются и такие цели как возрождение, развитие и укрепление нации, оформление национального самосознания и т.д. Эта идеология дает основание и оправдание ее актам и мыслям: если интеллигенция вписывается в идеологическую программу, то она нравственна, достойна и пр. То есть интеллигенция становится зависимой, несамодостаточной, возникает только иллюзия причастности к ней. Будучи полностью, целиком внутри идеологии, она теряет точку опоры – идею интеллигенции. Таким образом, закрываясь, она перекрывает реализацию идеи интеллигенции. Человеческий распад в такой ситуации неминуем. М.К. Мамардашвили писал: «Социальное, как и духовное, творчество возможно только при участии достаточного числа взрослых, неинфантильных людей, способных полагаться на собственный ум, не нуждающихся в том, чтобы их водили на помочах» [6, 257].

Открытая национальная интеллигенция имеет кроме идеологических оснований, более глубокие – вне той или иной культуры, вне той или иной нации – личностные основания, принадлежащие другому пространству и времени. Онтологическая укорененность интеллигенции означает ее самоценность. Одно только существование такой интеллигенции уже вносит некий порядок, культуру в хаос мира, выстраивает определенную структуру через ее духовные усилия.

После того, как происходит внешняя и, главное, внутренняя работа интеллигенции, ее души и мысли, многое для нации становится осмысленным. Выходя из состояния «дремоты», нация входит в историческое существование, реально участвует в истории, начинает жить сложной общественной жизнью и уважать себя. Нация есть ценность, некая духовная нить, очень важная для человека. Если она осознанна, осмысленна разумом, то об этом нельзя забывать и добровольно отказываться.

Но, различаясь нациями, культурами, государствами, мы совпадаем в той мере, в какой в каждом из нас есть личность – универсальное в смысле человеческой структуры. Идея интеллигенции связана с самосозиданием человека посредством духовных усилий. Очень важно, чтобы интеллигенция не остановилась на уровне желаний и склонностей, то есть в состоянии добронамеренности. Совершая духовное усилие и имея на это мужество,

интеллигенция завоевывает себе право и свободу понимать свое дело и выполнять работу. В записной книжке А.П. Чехова отмечено: «Силы и спасение народа – в его интеллигенции, в той, которая честно мыслит, чувствует и умеет работать» [7, с. 162]. У М.К. Мамардашвили есть замечательная фраза: «Когда мысль есть, она имеет последствия» [6, с.300]. Ее можно изменить так: «Когда «открытая» интеллигенция есть, она имеет последствия». Значимые последствия и для человека, нации и человечества в целом.

Литература

1. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. – Уфа, 1994.
2. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. – М., 1998.
3. См.: Рахматуллина З.Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа, 2000.
4. Гилязетдинов Д.М. Проблема социального реформирования // Ватандаш, 1998, № 11.
5. Гусейнов Г.И., Драгунский Д.В. Национальный вопрос: попытка ответа // Вопрос философии. 1989. № 6. – С. 44.
6. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен. – М., 2000.
7. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. – М., 1980. Т. 17.

Блохин В.Н.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Понимание глобализации связано с осознанной деятельностью людей, лидеров государств, руководителей крупного бизнеса, представителей международных межгосударственных и неправительственных организаций, политиков и аналитиков, национальных и международных чиновников, направленной, в конечном счете, на создание единой мировой экономики и адекватного этому общественно-политического устройства мира.

Вопросы разработки глобальных и региональных моделей развития на теоретическом уровне увязываются многими западными авторами с проблемой глобального и регионального институционализма. То есть, по существу,

с тем или иным вариантом национального (федеративного, конфедеративного) государства, распространенным на региональные или общепланетарные пространства и представляющим собой прообраз будущего единого мира или единых региональных режимов [1, с. 82].

Далее процесс институализации приводит к созданию наднационального закона.

Глобализация – это явление современности, которое невозможно отменить. Глобализация связана с преодолением многих противоречий. Более того, глобализация и есть преодоление существующих в современном мире противоречий. В этой связи очень важно, как мы сами видим и оцениваем эти противоречия, какие решения мы принимаем. Наверное, в наше время возрастает роль субъективного фактора. Так, глобализация идет и ускоряется, ускоряется социальное развитие, и, следовательно, от нашего выбора решения, от программы действий, которую нам предстоит выполнить, очень многое зависит. Именно поэтому роль субъективного фактора в настоящее время повышается.

Глобализация отражает растущие взаимосвязи людей, общие тенденции развития человечества. Эти связи существовали всегда, но никогда не проявлялись с такой силой и интенсивностью, как в настоящее время. Сегодня глобализация неизбежна.

В силу того, что усиливаются взаимосвязи, взаимодействие разных народов, усиливается также взаимодействие правовых систем. Если усиливается взаимодействие правовых систем, так или иначе необходимо идти на компромиссы, либо находить новое видение проблемы.

Очевидно, что проблемы глобализации находят свое определенное отражение в том, что происходит сближение источников права, происходит поиск новых регуляторов общественных отношений. Так или иначе, но традиционными для нас источниками права сегодня обойтись невозможно. Обязательно нужно расширять круг регуляторов общественных отношений. Именно это сейчас и происходит. Так, все более разнообразными становятся виды законов, добавляются новые и новые источники права.

Одной из актуальных для России проблем являются отношения власти и бизнеса. Эта проблема остра и спустя годы после проведения реформ. Оказалось, что большое внимание уделялось частнопроводимым регуляторам и практически без внимания были оставлены регуляторы публичные. Была переоценена роль Гражданского кодекса как универсального регулятора [2, с. 29].

Еще один актуальный вопрос связан с понятием суверенитета государства.

Одно время господствовали представления о том, что чем дальше продвижение по пути глобализации, по пути вхождения в мировое хозяйство и единое мировое пространство, тем более и более «сокращается» суверенитет. Казалось бы, власть должна идти на передачу все большего и большего объема функций и полномочий различным международным организациям, как универсальным, так и региональным. Например, что такое ВТО? Это в какой-то степени передача полномочий в решении многих вопросов в соответствии с протоколами ВТО в ведение ВТО.

В то же время очевидно, что необходимо обезопасить себя путем поддержания и укрепления суверенитета государства.

Еще одна проблема, которая требует решения, это соотношение силовых и деловых структур при обеспечении укрепления государства. Для мирового сообщества, и для России в частности важно, чтобы проявлялись общие тенденции: чтобы укрепление государства означало не только укрепление силовых структур, что само по себе, конечно, немаловажно, но и поддержание институтов гражданского общества, практическое раскрытие понятия «демократическая природа управления страной».

Что же происходит с государствами в условиях глобализации? Хотелось бы обратить внимание на то, что когда мы говорим о государствах, их роль состоит в том, что они могут определять два момента: с одной стороны, масштаб или уровень влияния на глобализационные процессы, а с другой стороны, направления такого влияния, то есть государства определяют, можно и нужно ли им усиливать развитие глобализационных процессов или, наоборот, по каким-либо внутренним причинам государства стараются им противостоять. При этом об этих моментах, масштабах и направлениях влияния, можно говорить и применительно к внешней политике государств, и применительно к их внутренней политике.

Применительно к внешней политике государств, глобализационные процессы приобретают следующие формы. Во-первых, создание и развитие принципов и норм международного права. При этом принципы и нормы международного права выступают как мировые стандарты правомерного или неправомерного поведения государств. Целью этих международно-правовых норм являются два момента: с одной стороны, усиление интернационализации правовых систем, в первую очередь в сфере прав человека, и, с другой стороны, в то же самое время усиление борьбы с нежелательными явлениями, например с транснациональной преступностью.

Во-вторых, государства параллельно с созданием международно-правовых норм создают также инструменты и институты, формирующие

эти нормы международного права и организующие механизмы их реализации. Здесь необходимо особо указать на роль и функции ООН, а также учрежденных ею организаций, таких, как МОТ, ВОЗ, ИКАО и других.

Третье направление, в котором государства активно влияют на глобализационные процессы, – это региональные союзы. В первую очередь в этом контексте вспоминается Европейский союз, СНГ, ШОС и другие.

Особенность этих региональных объединений состоит в том, что они одновременно являются и проявлением глобализационных процессов, т.е. усиливают глобализацию, но в то же самое время одновременно противостоят ей, пытаются предотвратить проявление нежелательных для государств-членов процессов [2, с. 31].

Одной из проблем внутренней политики является определение государством своих приоритетов. Например, идти ли по пути неолиберализма либо параллельно или взамен этого направления укреплять государство. Различное соотношение этих тенденций можно наблюдать как на разных этапах истории, так и в современной правовой практике различных государств.

В качестве положительного примера глобализации можно указать на появление и деятельность на национальном и международном уровнях таких действующих лиц, как профсоюзы, а также различные международные и (или) национальные неправительственные организации самой разной направленности, выражающие интересы различных социальных групп и слоев населения различных государств, вне зависимости от представителей действующей власти.

Говоря о глобализации, следует отметить, что практические результаты ее осуществления не всегда однозначны. Наряду с устоявшимся мнением, что глобализация несет человечеству блага, обусловленные общим миросожительством, нельзя не заметить ее негативные последствия для отдельных государств и народов, в том числе и для России.

Литература

1. Абдуллаев И.З. Информационное общество и глобализация: критика неолиберальной концепции. – Ташкент: Из-во «Фан ва технология», 2006. – 191 с.
2. Скурко Е.В. Правовая система Российской Федерации в условиях глобализации (по материалам «круглого стола») (часть 1) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2004 – № 4 (58). – С. 28-31.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Глобализация – один из наиболее часто употребляемых терминов современного научного и обиходного языка. Он давно уже по своей значимости стал однопорядковым с такими понятиями, как «история», «цивилизация», «эпоха», «прогресс», «современность», «постсовременность» и другими общегуманитарными понятиями, отражающими стиль и характер общественного сознания нашего времени. Возникновение и рост антиглобалистских настроений и движений, в том числе и в России, также привлекают к этому явлению немалое внимание средств массовой информации и как следствие отражаются в общественном мнении.

В основе общепринятых моделей глобализации, как правило, лежат представления об объединяющейся и интегрирующейся земной цивилизации, охватывающей в своей экспансии все земное и околоземное пространство и преодолевающей различного рода границы – будь то границы культур, государств, социального неравенства, а также временные дистанции и физические расстояния.

Особенности цивилизационного развития каждого региона на данном этапе в значительной мере определяются тенденциями мировой глобализации. В данном контексте интерес представляет и сам феномен «цивилизация», которое можно определить как территориально и хронологически локализованное человеческое сообщество, обладающее выраженным культурным и социально-политическим своеобразием, выделяющим его из ряда других аналогичных сообществ. [1, с. 102].

Глобализационные процессы осуществляют себя, однако, не произвольно и не по воле безликих сил, а через рациональную деятельность людей. Эти процессы проникают во все социальные группы и институты общества, внутренне и внешне трансформируя их. Непосредственному воздействию глобализации подвергаются и поколения – большие социальные группы людей, рожденных приблизительно в один исторический период и имеющих близкий набор ценностей, схожий социальный опыт и сочетающиеся структуры восприятия мира.

Поколения – это не только и не столько статистические группы, сколько большие социокультурные когорты (cohorts), внутренний мир которых сформирован одними и теми же историческими событиями.

Причем участники одной когорты пережили эти события, находясь в близком возрасте. В самом общем виде можно сказать, что социобиологические этапы развития личности налагаются на череду исторических событий, и в результате этой «химической» реакции формируются поколения с их неповторимыми социальными характеристиками.

Глобализация проникает во все клетки больших и малых сообществ, подчас радикально видоизменяя характер отношений между людьми и организациями, создавая новые наборы ценностей и ориентиры в нашей повседневной жизни. Иными словами, глобализация – это не только «маленький мир», но и мир, во многом принципиально новый во всех своих изменениях. И эта новизна порой воспринимается с трудом, сопротивлением, а подчас порождает и прямой протест со стороны тех, кто не в полной мере готов увидеть рождение новой системы с непредсказуемыми и неизученными характеристиками. Так было всегда в истории человечества, когда цивилизация проходила рубеж в своем развитии, «разменивая» одну эпоху на другую.

Несмотря на то, что люди, относящиеся к одному поколению, могут иметь достаточно различные (а иногда и диаметрально противоположные) ценности и мировоззренческие установки, тем не менее, всех этих людей объединяют единое смысловое поле деятельности и общее понимание социального мира по формуле «я знаю, что ты знаешь, что он знает». Это своего рода коллективная сетевая коммуникация представителей одного поколения.

Поколения – это своеобразные зеркала цивилизации, в которых можно увидеть особенности эволюции общества в целом. Общие представления о глобализации и ее влиянии на поколения в полной мере относятся и к российскому обществу.

В России происходит не замедление процессов адаптации к общемировым глобальным изменениям, а, напротив, в силу значительной ослабленной социальной структуры постсоветского общества активно реализуют себя многие именно глобалистические тенденции в их яркой «гибридной» форме.

В противовес тому, что порой заявляется о неизбежном распаде российского общества в самой ближайшей перспективе, этого распада не происходит. Апокалипсиса все не случается. Зато реализуют себя совершенно новые тенденции, прямо и косвенно ассоциирующиеся с глобализацией. Эти тенденции совершенно не обязательно приносят с собой решение старых социальных проблем, превращая общество в рай земной. Глобализация, снимая один ряд социальных болезней, переносит во многих случаях социальную напряженность и возможный конфликт в другую плоскость.

Поэтому стабилизация столь кризисного социума, как российский, может рассматриваться как результат включенности России в общемировой контекст, а не выпадения из него. В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно традиционно стабильные западные общества, подвержено влиянию этих тенденций и выступает в качестве своеобразного испытательного полигона, на котором апробируются те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявят себя в глобальном формате. Причем многие явно традиционно «нехорошие» и ненормативные процессы получают совершенно иную окраску в системе новых глобалистических координат.

Общество вошло в состояние равновесной и долговременной стабильности с необозначенными параметрами этой стабилизации. Данное состояние представляет собой балансы неопределенностей и фрагментации, которые никогда и не будут определены, дефрагментированы и достроены до единого целого в старом смысле этих понятий. Напротив, эта фрагментированность, как ни странно, и есть залог стабильности социальной структуры.

Стабильность нестабильности и фрагментированная социальная структура не есть только лишь российская проблема. Это общая глобальная тенденция, нашедшая в России свое, быть может, самое разительное проявление в силу резкого снижения инерциальной сопротивляемости российского общества. В России, однако, происходит своеобразный симбиоз активных глобалистических тенденций с традиционалистскими, отчасти полуфеодальными напластованиями. Это и создает причудливый, подчас даже экзотический профиль российской ситуации.

Ориентированность на материальное потребление, пусть даже самого низкого уровня.

Постоянное сужение поля социального интереса вплоть до полной одномерности, однофункциональности; превращение людей в «плоскостные фигуры», лишённые глубинных измерений.

Пластичность, т.е. способность адаптироваться к любым социальным изменениям. Население практически может выдержать все. Оно, в принципе, готово спускаться все ниже по лестнице архаизации и примитивизации, оно может выживать в любом варианте, в любой ситуации, при любой власти.

Виртуализация, т.е. чаще всего неосознанное вхождение в мир всякого рода «симулякров» (искусственных мифологических конструкций), не имеющих прямой связи с объективной реальностью, и как внешнее проявление этого процесса – подчиненность средствам массовой информации, рекламе, манипулятивным политическим процедурам. Это культ

телевидения, поп-культуры, рекламы, преклонение перед «звездами» и пр. сочетаются с возникновением нового восприятия социального времени и уходом от фундаментальных знаний. Реализация личности происходит в формате перехода от одного жизненного «проекта» к другому. Причем эти «проекты» имеют краткосрочный характер и обрывают линии социокультурного наследования. Каждый «проект» (образование, новая работа, личные отношения и пр.) подобно океанским волнам на песчаной косе смывает все воспоминания о предыдущем «проекте». Каждый раз все начинается с чистого листа.

Культурная нетребовательность, уход от классического культурного наследия и национальных традиций, а также готовность потребить любой культурный эрзац.

Ценностный мир современного молодого жителя России представляет собой достаточно противоречивое сочетание. Легче всего было бы подвергнуть критике или даже отрицанию этот «новый бравый мир» молодежи, объявив его символом падения нравственности и деградации российского общества. Между тем ситуация представляется гораздо более сложной и не столь тупиковой. Многие показатели, характеризующие ценностный мир молодежи, достаточно причудливым образом сочетаются с глобализационными тенденциями, проявляющими себя на Западе. Из разрозненных ценностей, казалось бы, противоречащих друг другу, создается новый пазьянс, возникает новая ткань общества, черты которого можно лишь предугадывать по отдельным его проявлениям.

Всеохватность и комплексность изменений

Глобализация подчеркивает, что главный акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных «траекторий» социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодействии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимополагании.

Молодые поколения в России приняли эту тенденцию всеобщих изменений. Молодежь отныне живет короткими временными дистанциями («проектами»), не ставя перед собой долговременных задач. Средние и старшие поколения во многом по-прежнему ищут в происходящем историческую логику, пытаются найти сквозные структуры времени, объединяющие прошлое, настоящее и будущее российского общества. Молодежь в свою очередь демонстрирует полное забвение прошлого и нежелание его ворошить. Что и когда в России пошло «не так», ее мало заботит. Ретроспективная глубина ее исторического мышления предельно сократилась. Даже советская эпоха представляет для нее в известном смысле terra incognita. В этом контексте новый бог молодежи – не стабильность историче-

ской ретроспективы, не связь веков и поколений, а состояние постоянного изменения. И то, что для старших поколений представляет сущую муку, для молодых – самоочевидный *modus vivendi*.

Современная российская молодежь просто не представляет, как можно строить планы на далекое будущее, думать о завтрашнем дне, сохранять отношения с людьми, заботиться о собственном авторитете. Для нее все в значительной мере мимолетно, преходяще, поверхностно. За этим, однако, скрывается не падение нравов, а новая реальность глобализации. Она приносит с собой новое социальное время, разбитое на короткие отрезки («проекты»), требующие от человека, прежде всего молодого, максимальной мобилизации наличных ресурсов и затем быстрого перехода к новому «проекту».

Противопоставление глобального и локального

Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких «локальных» ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс «отказа от старого» идет быстро, решительно, зримо. Причем всякое «новое» обладает заведомым преимуществом, поскольку оно «глобальное». Из этого в принципе следует, что это «глобальное» приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах. Этому качеству глобализации полностью соответствует и сетевая структура современных сообществ.

Молодые поколения в России свободно оперируют на горизонтальных уровнях общества, находя себе подобных в ближайшем сообществе, в городе, стране и мире. При этом, не замахиваясь на большие высоты, молодежь находит самореализацию в формировании таких глобальных сетей общения, в том числе через Интернет и туризм. Российская молодежь и локальна, и глобальна одновременно.

Множественность гибридов в области культуры

Глобализация радикально изменяет представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуществу как нечто либо наследуемое,

либо спускаемое «сверху». Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных социокультурных гибридов с присущими им весьма коротким периодом полураспада нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Глобальная культура теряет черты традиционной фундаментальности и завершенности. Она переходит в состояние мозаичности, то есть сочетания отдельных фрагментов, разбрасываемых по полю по прихоти «художника», в качестве которого может выступать каждый человек. Человек и организации все делают всерьез и как бы несерьезно, с элементами самоиронии, взгляда «со стороны» на то, что происходит. Естественно, что такая позиция близка прежде всего молодежи. Старшие поколения с трудом могут ее понять и в еще меньшей степени хотят ее принимать. Для старших поколений это остается неприемлемым.

Примордиальные феномены

Своеобразный поворот получает и тема «гражданского общества» в связи с приложением к ней теории глобализации. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентации приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся «примордиальные» (primordial) феномены получают выход.

Мозаичный набор социальных «типов» и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами – все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира. Молодежь в России по большей части легко ушла в мир примордиальностей (т.е. различных докультурных манифестаций человеческого Я – «сексуальная революция», молодежные субкультуры, наркотики, примитивизация). Для старших поколений это остается непонятным и неприемлемым.

Недовольство цивилизацией пронизывает и российскую молодежь, постоянно ищущую «инаковых» форм снятия противоречий современной культуры и создания своего мира интимной подлинности. Более того, эти тенденции едва ли следует объяснять социальной незрелостью молодежи и уповать на то, что она рано или поздно «перебесится» и «станет нормальной». Этого может и не произойти, и движения к примордиальности вполне могут сохраниться и среди уже повзрослевшей молодежи. Именно это и будет определять в длительной перспективе элементы, характеризующие возникновение в России устойчивого глобального сообщества. Поэтому задача состоит не в том, чтобы тотально отрицать эти тенденции, а в том, чтобы подробно исследовать стремление к подлинности и уходу от цивилизации, особенно в повседневной жизни.

Новая рациональность

Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества» по контрасту с «постсовременным обществом», порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, то она и вырабатывает модели новой рациональности, т.е. представлений о том, «как надо». Молодые поколения, сталкиваясь с традиционными ценностями и элементами ценностей старших поколений, не протестуют, не выходят на улицы в революционном порыве. Молодежь погружается в систему новой рациональности и следует логике, в частности, диктуемой глобализационным процессом.

Любопытно отметить, что это погружение часто проявляется в формах отказа от коммуникации и взаимодействия с представителями старших и традиционалистски ориентированных поколений. Проще говоря, молодежь не спорит, не протестует, она просто ограничивает коммуникацию, создавая свою сферу интересов, символов и смыслов.

При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в «теории мультикультурализма» (multi-culturalism), т.е. в признании доминирования принципа полной мозаичности культурной «карты» той или иной региональной или профессиональной группы. Индивидуальные и групповые культуры словно набираются из отдельных фрагментов, порой лишь отдаленно связанных, либо вообще не связанных друг с другом. Российская молодежь в принципе вошла, или «ушла» в этот мир вторичной рациональности, поэтому ожидать от нее возвращения на ниву «хорошего и правильного» поведения, в традиционном смысле слова, уже не приходится, это уже новый и во многом глобализированный мир.

Литература

1. Тойнби А.Дж. Исследование истории. – М., 2010.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСЕРВАТИВНЫХ РЕФОРМ В. ПУТИНА¹

Современную социально-политическую ситуацию в России трудно назвать стабильной. Раскол, произошедший в российской властной элите в ходе выборов 2011-2012 гг., открытый вызов со стороны прозападной либеральной интеллигенции, брошенный «режиму В.Путина», нарастание социально-экономических противоречий, заметная политизация общественного сознания и т.д., свидетельствуют о том, что в стране происходят процессы, которые требуют усиленной рефлексии и поиска решения как старых, так и новых проблем. В этом смысле показательно, что российское общество сегодня вновь достаточно ощутимо раскололось по идейно-политическому и аксиологическому признаку, но это, на наш взгляд, является лишь проявлением кризиса более высокого уровня – цивилизационного выбора.

Определение России как особой евразийской цивилизации – вопрос постоянных общественных и научных дискуссий. Однако, как отмечают некоторые исследователи: «Скепсис в отношении самого существования особого русского (российского) цивилизационного типа имеет внутреннее российское происхождение. Генетически он связывается с модифицированной идеологией русского западничества и имеет в большей степени политические, чем научные основания. В этом отношении полемика по вопросу – есть ли русская цивилизация – имеет преимущественно внутрисоссийский формат» [1].

Не вдаваясь в суть данной проблемы, рассмотрим, тем не менее, ее политический аспект. После проигрыша СССР в «холодной войне» и последовавшего распада великой державы, страна в течение 90-х годов стремительно двигалась вниз под руководством либерал-реформаторов. И дело было не только в стремительной деградации всех систем жизнеобеспечения, но и в утрате высших цивилизационных ориентиров и смыслов. Российское общество в 90-е гг. пережило фактически своеобразную «клиническую смерть», которая привела к тяжелому кризису национальной идентичности. И нужны были не только жесткие меры по восстановлению позиций государства, но и действия по разработке альтернативы либеральной модели развития. Именно поэтому консервативные реформы В.Путина были восприняты большинством населения и патриотической частью элиты как начало ради-

¹ Исследование проведено в рамках гранта РГНФ №13-13-02002 а/У «Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан».

кального поворота к новому проекту, соответствующему цивилизационной матрице России. В этом направлении действительно было многое сделано – искусственно структурировано аморфное социальное пространство российского общества, восстановлена вертикаль власти, элементы социально-ориентированной политики, предприняты меры по укреплению политического суверенитета страны и т.д. Однако параллельно с этим шел более тяжелый процесс продолжающейся деиндустриализации, реформирования системы высшего и среднего образования, армии, вступления в ВТО, наметилась стагнация российской экономики и т.д., то есть шел процесс по сути направленный на разрушение основ цивилизационной идентичности. Кроме того, не был преодолен огромный разрыв между доходами паразитирующего на национальном достоянии меньшинства и подавляющей части населения.

Анализируя данную ситуацию, складывается убеждение, что власть все время испытывает острый кризис на уровне элементарного целеполагания. Например, вступление России в ВТО было продиктовано, как заявлялось, получением преференций для российского экспорта, однако при этом были принесены в жертву интересы отечественного агропромышленного комплекса, машиностроения и других отраслей, не говоря уже про такие аспекты как – вопросы продовольственной и национальной безопасности, роста скрытой безработицы. Как долго можно будет покрывать нефтедолларами социальные издержки, которые неизбежно станут возникать при сложившемся подходе?

К сожалению, такому положению дел способствовала и позиция самого В.Путина, стремящегося к сохранению консенсуса между либеральной и консервативной частью правящей элиты, «стоящего над схваткой» (по выражению пресс-секретаря президента Д.Пескова). Именно эта установка главы государства, называемая иногда «ситуативным» консерватизмом, пожалуй, наиболее красноречиво показала краткосрочный характер его действий в первое десятилетие правления, и прежде всего на уровне масштабного стратегического планирования.

Рассмотрим теперь, к чему это привело в динамике социально-политических процессов, которые шли в стране в 2000-2012 гг. К сожалению, даже поверхностные результаты изменения ситуации должны, на наш взгляд, вызвать большие опасения и, в первую очередь, у самой правящей элиты.

1. Во многом впустую оказалась растрочена реальная поддержка большинства населения и консервативно-патриотической интеллигенции, на волне которой в 2000 г. В.Путин возглавил распадающуюся страну.

2. Попытка следовать одновременно двум идеологически противоположным векторам цивилизационного развития государства и общества (консервативному и либеральному), не позволила по истечении 12 лет решить никаких фундаментальных задач в экономике и социально-политической сфере.

3. Явственно наметилась стагнация политической системы страны. Неэффективность и ущербность ее институциональной сферы с набором политических симулякров, созданных самим режимом (Государственной Думой, симулякром КПСС – «Единой России» и т.д.). И как результат – удаление населения от власти, медленное снижение доверия к государственным институтам, включая и к партии «ЕР».

4. Для удержания ситуации под контролем, правящий режим был вынужден начать политику «закручивания гаек» в российском обществе, что, естественно, не решило вопросы коренным образом, а лишь сильнее обнажило суть проблемы.

5. Политический процесс начал носить еще более формализованный и имитационный характер (например, скандал с «Оборонсервисом» как имитация борьбы с коррупцией, или рокировки между В.Путиным и Д.Медведевым и т.д.).

6. Проявилось скрытое и явное недовольство властью как со стороны либерально-ориентированной части населения («болотные» митинги), так и со стороны «путинского большинства», то есть снова возник широкий общественный запрос «на перемены» и, что особенно показательно, – на «социальную справедливость». В этой связи характерно как в массовом сознании сменилось, даже после 20-летней идеологической обработки, восприятие фигуры Сталина, то есть как символа «порядка и равного распределения благ». И если власть в последующем не ответит на это скрытое требование, то вполне вероятно, что его со временем сменит фигура Ленина, но уже в качестве символа «революционного слома».

Как видим, ситуация имеет явно негативную динамику. При этом правящий режим от выборов к выборам сталкивается со все новыми вызовами, отвечать на которые, в отличие от 2000г., становится с каждым разом труднее, поскольку успешное, на первый взгляд, применение политтехнологий лишь на короткое время сглаживает положение, но не меняет дело коренным образом. К примеру, на медленную делегитимацию институтов политической системы (ГосДумы, «ЕР» и др.), власть отвечает созданием таких же симулякров, которые не соответствуют ни либеральному, ни консервативному идеалу (например, Общероссийский народный фронт). Казалось бы, все достаточно просто – падают рейтинги у «партии власти», можно быстро

создать и «накачать» в общественном создании ОНФ. А что делать потом, когда и его постигнет такая же участь? Формировать очередной симулякр? Как видим, этот вопрос не решен именно на фундаментальном уровне, поскольку институциональная сфера действующей политсистемы создана и действует (формально) по лекалам западноевропейских демократий, в то время как наиболее соответствующими цивилизационной матрице России могут быть лишь соборные институты (и «ЕР», и ОНФ являются их малофункциональными имитациями).

Такое положение в результате ведет к тому, что власть постепенно лишается даже слабой общественной поддержки (то есть тех, кто готов реально выйти ее защищать), зато число недовольных пропорционально растет. Показательно, что ситуацию во время выборов 2011-12г. удалось удержать лишь ценой очередных социальных обещаний для большинства населения, фактически пожертвовав лояльностью либералов и одновременно сделал их жупелом антинародного недовольства. В третий раз победить на выборах используя подобные методы, вероятнее всего, не удастся. Данное обстоятельство, на наш взгляд, должно заставить правящую элиту не только задуматься о своем будущем, хотя бы из чувства самосохранения, но и, наконец, решится на крупномасштабные преобразования в стране. В противном случае угроза обвала системы при такой динамике в ближайшем будущем выйдет на первый план.

Любопытно, что в оценке складывающейся в стране ситуации сходятся мнения как либеральных экспертов, так и политологов левого и консервативного толка. К примеру, известный левый политолог Б.Кагарлицкий констатирует, что: «Массовое недовольство не только не сходит на нет, оно нарастает, проявляясь в локальных протестах, то в неожиданно прорывающихся на поверхность настроениях, даже в откровенном саботаже антисоциальной политики правительства низовой бюрократией. Но это недовольство так же далеко от идеологии Болотной площади, как сама эта идеология от политической реальности. ... Именно там, за пределами Московской кольцевой дороги, накапливается энергия протеста, способная превратиться в сокрушительную стихию» [2].

Фактически об этом же пишет известный представитель российских либералов-западников, сотрудник Московского центра Карнеги Л.Шевцова, отмечая, что: «Нет сомнений в том, что путинский режим вступил в последнюю стадию своего существования. Есть классические критерии упадка власти, и ее ключевые признаки в России налицо: неспособность Кремля ни сохранить статус-кво, ни начать перемены; переход к репрессиям с целью удержать власть; непонимание современных вызовов и попытки ответить на

них, обращаясь в прошлое (милитаризм, православный фундаментализм); стремление передать контроль над властью и собственностью по наследству» [3].

Трудно также не согласиться с ее утверждением, что «поворот к традиционализму как средству консолидации вызывает недовольство и модернизатов, видевших в Путине гаранта своих надежд, и традиционалистов, для которых Путин чересчур либерален» [4].

В этой связи следует отметить, что сегодня в российском обществе, главным образом с подачи либеральных идеологов, сложился широко распространенный стереотип, о том, что традиционалисты это, прежде всего охранители любого режима, отвергающие какие-либо перемены. Однако с точки зрения современных исследователей, придерживающихся консервативной парадигмы, подлинный консерватизм вовсе не нацелен на охранение любой традиции, а сама попытка примирения двух «традиций» (Традиции и Антитрадиции), то есть то, что является сутью «путинского курса», находится в прямом противоречии с «консервативным стилем мышления». Известный современный философ В.Аверьянов следующим образом определяет этот принципиальный постулат: «Динамический консерватизм (консерватизм традиционалистского типа) тем и отличается от консерватизма чисто охранительного, этого «правого» полюса модернистской общественной системы, что он свободно и непредубежденно относится ко всем этапам русской истории» [5].

В действительности говорить о реальном, а не имитационном повороте политики В.Путина к традиционализму пока еще рано. Во всяком случае, сами традиционалисты в целом однозначны в оценке его курса.

Так, по мнению ряда консерваторов, «путинский неоконсерватизм от начала и до конца создан современными топ-менеджерами, специалистами медийной борьбы. ...Неоконсерватизм Путина не имеет за собой никакой национальной политической традиции. В последние пять лет русские политики упоминают дежурный набор: Ильин – Столыпин – Витте, но за этим нет выстроенного, отрефлексированного видения русской политической истории. ...Таким образом, неоконсерватизм оказывается полностью сконструирован и весь устремлен в будущее, к каким-то формам государственной и общественной жизни, которых никогда и не было. Занятно: консерватизм всегда апеллирует к традиционности трех институций: семьи, церкви и государства. Между тем «консервативная модернизация» Путина отчетливо направлена совсем в другую сторону: на заполнение пустот, оставшихся от ельцинизма» [5].

На искусственный характер «путинского консерватизма» указывает и В.Третьяков, отмечая, что «консерватизм..., строго говоря, пока в России является либо мифом, либо утопией, а проще – начисто у нас как идеология отсутствует. ...А больше всего неясностей и проблем вызывает российская бюрократия, легко мимикрирующая под любую идеологию и пожирающая при этом ее суть, и российские либералы, боящиеся народа больше, чем бюрократии» [5].

Еще более резок в оценках Э.А.Попов. По его мнению: «Современный российский консерватизм (идеология «партии власти») является антитрадиционалистским течением, практически не имеющим ничего общего с «классическим» русским консерватизмом» [5]. Как отмечает один из ведущих отечественных исследователей консерватизма А.М.Руткевич, «...сегодняшний «неоконсерватизм» не только обходится без всяких ссылок на прошлое, но даже способствует разрушению еще сохранившихся традиций» [5].

При всем при этом, несомненно и то, что «путинский режим» в целом движется в рамках именно консервативного тренда, а точнее – в парадигме неотрефлексированного стихийного традиционализма. Как нам кажется, на первоначальном этапе иницируя типично этагистские реформы по укреплению «вертикали» власти, созданию жесткой управленческой иерархии и т.д., путинское окружение и не предполагало, что даже слабое восстановление «холистской оболочки», автоматически запустит процессы по активизации традиционалистских сил в стране. А ведь это важный момент, который может дать многое в понимании особенностей российского традиционного общества. В частности, искусственно структурировав рассыпающееся общество (путем создания социальных и политических ниш), режиму удалось из атомизированной постсоветской толпы создать, в том числе и то, что сегодня называют «путинским большинством». Если бы этого не было сделано – оно не обладало бы никакой субъектностью, не заявляло бы сегодня, хоть и слабо, о своих правах.

Кроме того, безусловно, что под давлением активного либерально-олигархического меньшинства были бы в этом случае продолжены и разрушительные реформы 90-х годов. Так же и в сфере политсистемы – не было бы создано «Единой России» и других симулякров вроде ЛДПР, мы имели бы 500 мелких партий и хаос в парламенте. Чтобы преодолеть «киселеобразное» состояние общества в 2000-е годы как раз нужны были политтехнологи и политики переходного типа вроде В.Суркова, которые могли и сделали эту работу. Критиковать В.Путина можно до бесконечности, однако нужно постараться понять и логику его курса. Другое дело, что этот переходный период неоправданно затянулся. «Силовики» и государственники

в лице В.Путина создали типично традиционалистский режим, механизм функционирования которого они, по всей видимости, плохо понимают. Не могут они его также модернизировать и привести в стабильное состояние. Поворотным моментом в этом сползании стали и выборы 2011-12гг., когда попытка опереться на «консервативное большинство» со стороны В.Путина привела к тому, что либералы и левые радикалы бросили уже открытый вызов сложившейся системе.

В связи с чем необходимо отметить, что сами по себе радикальные субкультуры (крайние либералы, анархисты, левые, нацисты, «разгневанные горожане» и др.) особой опасности в настоящий момент для государства не представляют. Но их значение резко возрастет в условиях массового социального недовольства. Именно поэтому имитация режимом В.Путина «консервативной революции», следование то либеральной, то консервативной парадигме развития – опасное и тупиковое решение вопроса. Частичное возрождение институтов и практик традиционализма, лишенных, тем не менее, реального содержания – это восстановление традиций, но не Традиции. И в этом сомнения быть не должно. Соответственно сегодня власти нужно бояться не либералов и левых радикалов, а «исторического блока» между консервативными, националистическими и лево-патриотическими силами. А поскольку этот процесс хоть и слабо, но уже запущен – резкого слома системы можно избежать, только возлавив его.

Ситуация в стране после выборов 2011-12гг. изменилась достаточно ощутимо, что не только поменяло атмосферу в обществе, но и обнажила слабости и противоречия действующей системы. Речь идет, прежде всего, о сфере информационной безопасности (шире – идеологии). Показательно, что сегодня любая инициатива путинского режима блокируется или подвергается осмеянию со стороны «демократических» СМИ и либеральной интеллигенции, которая в условиях укрепления институтов власти вновь принялась за свое любимое и привычное дело – разрушение государства. Такое положение можно считать вполне закономерным, поскольку за период «ельцинских реформ» в обществе была возвращена активная прослойка адептов либерализма, которая продолжает осуществлять «культурную гегемонию» (по терминологии А.Грамши). Казалось бы, в этих условиях необходим коренной переворот в правящей элите с последующим удалением либеральной части из обоймы власти, усилением консервативного тренда в официальных СМИ, однако пока все свелось к увольнению В.Суркова и «усилению роли В.Володина», что некоторые патриоты поспешили назвать начавшейся «революцией сверху». Но проблема в действительности намного сложнее, и демонизация того же В.Суркова патриотами просто смешна.

Дело ведь не в персоналиях, а в том, что за 2000-2012гг. не было сделано даже слабых попыток со стороны власти сформировать адекватную и дееспособную консервативную элиту. Статусно и идеологически закрепить ее положение на политическом Олимпе (если не считать, конечно, создание Изборского клуба, которое, увы, прорывом не стало). Очередной парадокс путинского режима – все эти годы огромные средства государства шли на финансирование ВШЭ, ИНСОР и другие структуры, связанные с либеральными группировками, в которых шла незаметная работа по анализу и дальнейшей реализации нелиберальных реформ. В то время как консервативные идеологи по-прежнему оставались на обочине политической жизни.

В итоге сегодня нет ни видных консервативных политиков, ни четко разработанной консервативной идеологии, вживленной в механизм власти, ни мощных центров по альтернативному анализу и мониторингу ситуации в стране. Зато есть клубок социальных противоречий, угроза «оранжевой» революции, тысячные марши недовольных и деградирующая система, которую, повторимся, сложно как понять, оставаясь в рамках либеральной идеологии, так и реально модернизировать.

Есть ли выход из складывающейся ситуации? На наш взгляд, для того, чтобы снять данные противоречия, правящая элита в лице В.Путина должна пойти на радикальную смену парадигмы внутривластного развития страны, решить этот вопрос, прежде всего, на уровне цивилизационного выбора, что, на наш взгляд, автоматически потребует пересмотра сложившихся подходов в области государственного строительства, в социально-экономической и политической сферах. Создаст условия для нового витка институционального творчества. Однако для этого необходимо, несмотря на все возможные риски, осуществить следующие меры:

1. Окончательно удалить либеральную часть элиты из верхних эшелонов российской власти.

2. Сделать ставку на действительных носителей консервативной идеологии, поставив под их контроль аполитичную по своей сути управленческо-бюрократию.

3. Изъять из конституционно-правовой сферы государства либеральные идеологические концепты – «гражданского общества», «индивидуальных прав и свобод», «ювенальной юстиции», «построения демократического государства» и др., как несоответствующих российской действительности.

4. Создать новые соборные институциональные структуры на основе широкого народного представительства.

5. Открыть вертикальные социальные лифты для представителей регионов в структуры высшей власти с целью создания новой традиционалистской элиты.

6. Сделать защиту национальной безопасности страны ключевой установкой в процессе стратегического целеполагания.

7. Переформатировать работу социально-гуманитарной сферы отечественной науки с точки зрения государственных и идеологических интересов. Свернуть исследования и работу научных центров либерального направления.

8. Начать разработку и реализацию нового восстановительного (мобилизационного) проекта.

Эти предложения на первый взгляд могут показаться радикальными, тем не менее, сегодня представители различных слоев российского общества и в первую очередь элиты должны понять, что они вызваны, прежде всего, растущей опасностью повторного распада страны. И эта угроза не исчезнет до тех пор, пока мы не поймем, что Россия – самобытная цивилизация со своей логикой и траекторией развития. Что попытки пойти по пути либеральной модернизация неизбежно вернут «ситуацию 90-х годов». Однако при этом нужно осознать и то, что и идеология политических реформ В.Путина 2000-2012гг. не решила фундаментальных задач, поскольку эти реформы были продиктованы прежде всего логикой этатизма, а не «консервативной модернизации». Во время как решить эти вопросы, можно только подчинив работу государства и общества к смыслам высшего порядка, выработав принципиально новый, соответствующий нашей культуре и ценностям цивилизационный проект.

Литература

1. Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э. Особенности российской цивилизации // http://www.rusrand.ru/mission/result/result_582.html
2. Кагарлицкий Б.Ю. Протест для своих // <http://rabkor.ru/opinion/2013/05/09/protest>
3. Шевцова Л. Агония // <http://www.ej.ru/?a=note&id=12644>
4. Шевцова Л. Политические итоги 2012 года: последний этап упадка режима // <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=50462>
5. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2005.

«ГУБЕРНИЗАТОРЫ» И «ФЕДЕРАЛИСТЫ»: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ¹

1. России достался в наследство от Советского Союза так называемый «ассиметричный федерализм». Это значит, что субъекты федерации, входящие в состав российского государства, не одинаковы и относятся к двум типам – административно-территориальные (округа, края, области, районы) и национально-территориальные (республики, автономные области, автономные округа). Административно-территориальные образования расположены на территориях, населенных преимущественно русским населением, национально-территориальные – на территориях исконного проживания иных коренных народов России (татар, башкир, якутов, манси, чукчей и т.д.), хотя давно уже на этих территориях коренное население сосуществует с русскими, а кое-где русские по численности превышают коренные народы да и сами фактически являются коренным населением, потому что проживают там 4-5 веков. Эти регионы получили названия по имени коренного «титального» народа (то есть народа, который там жил до прихода русских), в них созданы условия по государственной поддержке культур этих народов (ведется преподавание, осуществляется делопроизводство, осуществляется теле и радиовещание на национальных языках, поддерживаются государством национальные театры, творческие союзы и т.д.). Национально-территориальные образования России провозглашают себя государствами в составе Российской Федерации (так, статья 1 раздела 1 Конституции Республики Татарстан гласит: «Республика Татарстан – демократическое правовое государство, объединенное с Российской Федерацией Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Татарстан и Договором Российской Федерации и Республики Татарстан «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» и являющееся субъектом Российской Федерации») [2], как правило, имеют конституции, где провозглашается невозможность изменения границ регионов без их согласия, государственная автономия и право на международную деятельность вне пределов ведения федеральных властей. Государственным языком там является наряду с русским язык титульной нации, обладают они также другими символами государственности –

¹ Исследование проведено в рамках гранта РГНФ №13-13-02002 а/У «Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан».

гербом, флагом, гимном. Наконец, в структурах госуправления этих регионов соблюдается негласный принцип резервирования определенных должностей за представителями этих народов (так, традицией стало, чтоб глава такого региона был представителем «титового народа»).

Однако, на самом деле государствами они не являются (отсюда частое именование их квазигосударствами), так как имея внешние формальные признаки государства (гимн, флаг и т.д.) они лишены существенных, позволяющих реализовывать полноценный политический суверенитет (собственная полиция, армия, финансовая система, государственный аппарат). Вспомним классическое определение государства: «...Государство отличается: территориальной организацией власти; наличием особого публичного управления, обладающего специальным аппаратом принуждения (суд, полиция, армия и т.д.); юридической принадлежностью населения к государству; созданием финансово-налоговой системы» [4].

Нужно заметить, что такой ассиметричный федерализм практически составляет специфическую черту России (в мире еще только две ассиметричные федерации – Индия и Танзания). Большинству других федеративных государств мира, например, ФРГ, США, свойственен иной, административно-территориальный федерализм (так, в США также есть коренное население – индейские народности, но разделение на штаты никак не связано с территорией проживания того или иного индейского этноса). Схожая ситуация в ФРГ, хотя субъекты федерации – земли называются по имени проживающего там какого-либо немецкого субэтноса (баварцев, саксонцев и т.д.), фактически это почти ничего не значит: различия между субэтносами постепенно стираются, кроме того, проживающие на территории Германии иные, немецкие народы (например, лужицкие сербы) лишены своих федеративных квазигосударственных образований.

В начале 2000-х годов, когда в центре России и в национальных регионах начали формироваться идеология и политические формы русского национализма, и стали раздаваться голоса об унификации федеративного механизма в России, то есть о превращении всех субъектов федерации в образования по административно-территориальному принципу (по западному образцу). С этих позиций выступает известный политический деятель Д. Rogozin, так, он открыто заявлял о недопустимости ассиметричной федерации в России: «У одних национальных групп есть свои республики в её составе, у других – нет Некоторые субъекты федерации (национальные республики, автономные округа) имеют более высокий политический статус, чем края и области, преимущественно русские регионы. Необходимо подлинное равноправие регионов...Россия должна быть не только единой,

но и неделимой» [3]. Можно предположить, что эта точка зрения имеет своих сторонников и в эшелонах высшей власти в России, во всяком случае с 2000 года намечается тенденция укрупнения регионов и ликвидации определенных национально-территориальных образований (например, ликвидирован Коми-Пермяцкий национальный округ). Наконец, в конце нулевых в нацреспубликах России активизировались общественные силы, выступающие за преобразование этих республик в области, равноправные с другими областями России и не имеющие «этнической специфики» (пример – сайт «Уфа губернская» в Башкортостане).

Эта позиция получила название «губернизаторство», так как в прессе еще с 1990-х годов не совсем правильно административно-территориальные образования РФ принято называть губерниями, а их руководителей – губернаторами (в действительности, по Конституции у нас нет губерний, а есть субъекты Федерации). Национальные движения остальных народов России (особенно тюрков Поволжья и народов Кавказа) сразу же выступили в резкой оппозиции к такому подходу и объявили себя защитниками федерализма, так как усмотрели в губернизаторах унитаристов. Поэтому противники губернизации получили название федералистов.

Но, как это часто бывает в политике, такие саморекомендации той и другой стороны только запутывают суть дела.

2. На самом деле сторонники губернизации вовсе не являются противниками федерализма и вовсе не желают восстановить дореволюционное губернское строение России (а если некоторые из них искренне так думают, то это оттого, то они плохо представляют себе, что такое федерализм и как управлялась Российская империя). Достаточно почитать статьи теоретиков губернизации, как становится понятным: в принципе против федерализма они ничего не имеют и, если придут к власти, не станут менять статус таких субъектов федерации, как Красноярский край, Ставропольский край, городов федерального значения Москва и Санкт-Петербург и т.д.. Федерализм как система, при которой края и области, образованные по территориальному признаку, обладают определенной степенью самостоятельности при решении местных вопросов и в то же время соучаствуют через своих представителей в федеральных органах власти, их вполне устраивает. Поэтому аргументы типа «большой страной невозможно управлять без федеративных механизмов», которые бросают им сторонники федерализма, бьют мимо цели. Губернизаторы это понимают и признают, но вполне логично заключают, что из этого вовсе не следует, что субъекты федерации должны формироваться по национальному признаку, то есть получать название по имени титульного народа, занимать места его постоянного обитания, предоставлять

представителям этого народа квоты, льготы и т.д. Напомним еще раз: ФРГ является федерацией, но такого субъекта федерации как Лужицко-сербская республика, там, например, нет. И, конечно, меньше всего хотят губернизаторы возвращения порядков царских времен, когда губернатор назначался сверху, был наместником царя в губернии, обладал почти неограниченной властью и не разделял власть ни с какими представительными институтами. Большинство наших губернизаторов – убежденные демократы или, как минимум, национал-демократы и считают, что власть в государстве должна быть разделена и рассредоточена по разным институтам и что законодательная власть должна быть в руках народных представителей (в том числе в лице региональных парламентов).

Губернизаторы выступают лишь за ликвидацию национально-территориальных федеративных образований с превращением их в территориальные федеративные образования, где не будет титульных и нетитульных народов (например, за превращение Республики Башкортостан в Уфимский край).

Таким образом, губернизаторы, клянясь в верности историческому прошлому и требуя воссоздания системы управления Российской империи, на самом деле проповедают принцип, который совершенно противоречит основам этой системы. Они хотят, чтоб один и тот же общероссийский закон распространялся на все регионы сжавшейся до границ XVIII века империи (очевидно, что РФ остается империей, то есть многонародным политическим образованием и не есть национальное государство). Идеал же для них слияние всех народов России в тип среднего россиянина (подобного «среднему европейцу» К.Н. Леонтьева). Отсюда такое активное участие в этом движении ассимилянтов (русскоязычных татар и башкир, считающих себя русскими), что легко заметить, читая бумажные и электронные издания губернизаторов.

3. «Федералисты» же наоборот, проклиная «унитаристскую Российскую империю», выступают на самом деле за ее главный принцип – свои особые законы для нацокраин. В сущности, федерация им не так уж и нужна. Если предложить им автономность в местах компактного проживания, но в условиях формального унитаризма, думается, они вполне согласятся. Что подобная автономия вполне совместима с унитарным устройством государства, показал пример дореволюционной Российской империи, где губернии разделялись на внутренние и внешние, и во внешних губерниях действовали не все законы империи, и живущим там представителям нерусских народов разрешалось обустривать общежитие по своим историческим традициям и религиозным законам. Так, народы Кавказа жили по закону шариата, при

этом оставаясь поданными русского царя, а в Туркестане вообще делопроизводство велось на местном языке и, например, не действовали законы царя-реформатора Александра Второго о судах [1, с. 74-75].

Вот и современные представители внутрироссийских национальных движений, чувствуя себя наследниками общин нерусских народов в составе империи, требуют по сути того же: во-первых, принципа самоуправления этих этнических общин (отсюда и убежденность в том, что Башкирской республикой должен управлять башкир, а Татарской – татарин) и во-вторых как можно меньшего вмешательства центра в их внутреннюю жизнь (вспомним как резко отреагировала башкирская общественность на попытки центра сделать мусульманские праздники рабочими днями, как и в центральной России).

Непонимание того, что дело вовсе не в конфликте идей губернизаторства и федерализма возникает оттого, что представители нерусских национальных движений России, борясь за этнические самоуправление и автономию, при этом являются носителями западных парадигм и на уровне сознания требуют создания национальных государств (независимых или объединенных с Россией в федерацию западного типа). Уже существующие республики в составе России они воспринимают как национальные государства титульных народов, которые имеют ограниченную юрисдикцию в силу разделения полномочий между центром и регионами. Но это не так, наши национальные республики вовсе не есть национальные государства. Во-первых, они вообще не есть государства, а квазигосударственные образования, не имеющие важнейших признаков государства, например, собственных армии и полиции, а во-вторых, кроме титульных народов там живет большое количество и представителей других народов РФ, так что зачастую титульные народы остаются в меньшинстве. Попытка их превращения в действительно независимые национальные государства западного типа, очевидно, чревата гражданской войной.

4. По сути оба пути: и тот, который предлагают губернизаторы, и тот, который предлагают федералисты, ведут в тупик и чреват масштабным социальным межэтническим конфликтом. Историческая практика показывает, что имперские механизмы, учитывающие полиэтничность нашего государства, были в этом смысле оптимальны. Империя стала приобретать черты «тюрьмы народов» только в конце XIX века, при Александре 3-м, когда она отказалась от собственно имперской наднациональной политики и, взяв на вооружение лозунг «Россия для русских!», стала превращаться в русское националистическое государство. В ответ на это и стали формироваться нерусские национализмы на окраинах, взорвавшие империю после Февраля 17-го.

Итак, нам нужны имперские механизмы. Но, к сожалению, эти механизмы невозможно просто перенести в современные реалии. Те же башкиры, имевшие статус этносословия в Империи, были объединены компактным проживанием, одним и тем же родом занятий (сельское хозяйство, скотоводство, воинская служба), теперь же они живут и работают вперемешку с русским и татарским населением и представляют собой не патриархальную этнообшину, а нацию (хотя и особого незападного типа, сформировавшуюся при госсocialизме). Полагаем, сегодня нам нужно всерьез задуматься о новой соответствующей другим реалиям форме таких имперских механизмов.

Литература

1. Беккер Сеймур. Россия и концепт империи//Новая имперская история постсоветского пространства. – Казань, 2004.
2. Конституция республики Татарстан// http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/
3. Рогозин Дмитрий «Русское доминирование – это залог существования России» // <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=23094>
4. Юридическая энциклопедия// <http://www.pravoteka.ru/enc/Государство>

Виничук М.В.

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

На современном этапе рыночной трансформации экономики Украины, социально-экономические преобразования особенно остро поставили перед национальной безопасностью государства комплекс теоретических и практических вопросов, которые тесно связаны с ее социальной компонентой. В условиях сочетания тенденций глобальной и национальной трансформации данная проблема требует тщательного исследования и оперативного использования системы современных принципов, методов и факторов обеспечения социальной стабильности.

Современные посттрансформационные и интеграционные процессы требуют от Украины построения экономической основы для обеспечения

надлежащего уровня жизни населения, высокого уровня занятости, защищенности социально уязвимых групп и разработки социальной политики, которая позволила бы построить «государство для человека».

Социально-экономические преобразования, происходящие на Украине в период независимости, особенно остро поставили перед национальной безопасностью государства комплекс теоретических и практических вопросов, которые тесно связаны с ее социальной составляющей. Подтверждением этого выступают, в первую очередь, быстрые информационные сдвиги, обострение глобальных финансовых и внешнеэкономических отношений, компьютеризация производственных процессов, евроинтеграция хозяйственной деятельности общества, экономической, социальной и экологической политики.

Вопросам социальной составляющей экономической безопасности, ее индикаторам и угрозам посвятили труды такие известные ученые, как А. Барановский, С. Варналий, А. Власюк, В. Гец, Л. Герасименко, А. Джужа, Я. Жалило, Ю. Зайцев, С. Киреев, А. Корыстин, Э. Либанова, Е. Панченко, В. Савчук, В. Сенчагов, А. Сухоруков, а проблемы социальной политики осветили А. Беляев, М. Дыба, В. Кириленко [1-8]. Однако, недостаточно основательно исследована взаимосвязь социальной политики государства и его экономической безопасности.

Ермошенко Н.Н. рассматривает понятие экономической безопасности государства как состояние экономического механизма страны, который характеризуется ее сбалансированностью и устойчивостью к негативному воздействию внутренних и внешних угроз, его способностью обеспечивать на основе реализации национальных интересов стабильное и эффективное развитие отечественной экономики и социальной сферы [1].

Вместе с тем экономическая безопасность способна развиваться лишь в плоскости обеспечения социально необходимых условий воспроизводства общественного продукта, в системе сложных связей и взаимозависимостей, обусловленных социальной структурой общества, глубиной социальных противоречий и объективными возможностями их преодоления средствами экономической политики. Сегодня высокий уровень социальной безопасности входит в систему первоочередных приоритетов стран, решающих различные задачи экономического развития и функционирования [2].

Анализ текущих экономических показателей свидетельствует, что проблемы экономической безопасности на Украине в последние годы обострились как в целом, так и относительно главных ее составляющих – государства, субъектов хозяйственной деятельности, человека.

Экономическое развитие страны и ее интеграция в мировое пространство требует немедленной разработки социальной политики, которая бы гарантировала ее жителям достаточный уровень безопасности. Безусловно, любая политика по своей природе, целенаправленностью, способами реализации – социальная. Итак, социальная политика – это деятельность государства по созданию и регулированию социально-экономических условий жизни общества с целью повышения благосостояния его членов, минимизации негативных явлений функционирования рыночных процессов, обеспечения социальной справедливости [2].

Для того, чтобы нейтрализовать влияние негативных явлений, нашему государству необходимо:

- гарантировать стабильное и максимально эффективное функционирование финансовых, бюджетных, налоговых, долговых, валютных, банковских, страховых, инвестиционных механизмов сегодня;
- наращивать уровень трудового, интеллектуального, материального, военного энергетического и технологического потенциала в будущем;
- ограничить отток капиталов за границу и контролировать криминальную ситуацию в обществе.

Другими словами, нужно обеспечить достаточный уровень социальной безопасности страны.

Под социальной безопасностью предлагается понимать состояние защищенности государства от внешних и внутренних угроз, которое достигается путем гармонизации и взаимоувязки ее интересов в соответствии с интересами субъектов внутренней и внешней среды во времени и пространстве [3, с. 29].

Стоит отметить, что существует несколько составляющих социально-экономической безопасности, в частности: финансовая, производственно-технологическая, маркетинговая, инновационно-интеллектуальная, интерфейсная силовая, политико-правовая, экологическая, кадровая, информационная, инвестиционная и социальная, каждая из которых призвана характеризовать и обеспечить надлежащие условия развития государства.

А социальная безопасность возникает как социальный феномен в процессе разрешения противоречия между такой объективной реальностью, как опасность, и потребностью социального индивидуума, социальных групп и общностей предотвратить ее, локализовать или устранить последствия опасности, реализовав свои социальные интересы адекватными средствами [4].

Усиление взаимообусловленности социальной и экономической составляющих развития государства вызвано рядом тенденций: 1) экономическая безопасность, как комплексная характеристика развития и функционирова-

ния экономической системы, синтезирует в себе все формы проявлений общественных отношений, способных вызвать реальный или потенциальный конфликт интересов, а социальная сфера по кризисного развития превращается в дестабилизирующий фактор и требует как объективной диагностики и мониторинга в системе критериев национальной экономической безопасности, так и реализации неотложных мер по обеспечению необходимого уровня показателей – индикаторов социальной сферы; 2) характер процессов, которые происходят в структуре социума, позволяет отнести противоречия в данной сфере к стратегическим угрозам экономической безопасности, касающиеся ключевого компонента национального богатства – человеческого капитала, а социальный аспект экономической безопасности начинает преобладать на тактическом и стратегическом уровнях системы безопасности государства. В этих условиях правомерно утверждение, что экономическая безопасность органически перерастает в социально-экономическую, а критерии оценки социальной сферы с позиций безопасного воздействия на все формы проявления взаимоотношений, обуславливающие базовые ценности и интересы общества, превращаются в ключевые факторы оценки уровня безопасности [2].

Поэтому, на современном этапе, социальная доминанта становится важнейшей целью процессов обеспечения национальной безопасности на всех уровнях и функциональных направлениях деятельности. Развитие экономической и социальной сферы формирует единый взаимообусловленный процесс, в рамках которого осуществляется воздействие на параметры национальной безопасности государства.

В условиях интеграционных и глобализационных процессов политические, экономические и социальные преобразования, происходящие на Украине, сильно влияют на развитие социальной сферы. Сложные задачи посттрансформационного переустройства общества, направленные на устойчивое развитие страны, требуют систематизации угроз и рисков, которые негативно влияют на уровень жизни населения, провоцируют повышение уровня бедности и безработицы. В данном контексте чрезвычайно актуальным оказывается определение потенциальных угроз и рисков социальной безопасности и предусматривание путей предупреждения «социальной опасности», что является конечным результатом благоприятного возникновения, развития и преобразования рисков в угрозы, а затем в опасные события с негативным влиянием на социальное развитие.

Мировой опыт исследования угроз и рисков для формирования и систематизации основных показателей анализа социальной безопасности берет свое начало с конца 1960-х годов. Важное место в таких разработках

занимают ведущие международные организации, а именно: 1) Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), которая отслеживает изменение показателей здоровья и услуг в сфере здравоохранения; 2) Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО, англ. Food Agriculture Organization, FAO), занимающаяся анализом показателей питания и недоедания; 3) ЮНЕСКО, в компетенции которого находятся показатели сферы образования; 4) Международная организация труда (МОТ) – контролирует занятость и безработицу; 5) Научно-исследовательский институт социального развития при ООН – разработал методику «профиль развития», которая базируется на определении связей между общими показателями развития и социального развития [5].

Для Украины построение системы индикаторов и показателей социальной безопасности является относительно новыми задачами, однако, среди стран СНГ она стала лидером в вопросах систематизации показателей и определения их пороговых значений в социальной сфере и адаптации их к социально-экономической ситуации в стране. С середины 90-х годов в мире ведется постоянный мониторинг состояния экономической безопасности с помощью определенной группы социальных индикаторов. К таким информационным показателям относятся показатели качества жизни населения, демографические показатели общественного развития, а также показатели тенденций социальных процессов и социальной сферы государства [6].

Для создания системы индикаторов необходимо определить точку отсчета или минимальный уровень социального благосостояния, необеспечение которого приближает вероятность нарушений безопасности и стабильности к единице, а также границы изменений социально-экономической ситуации в кратко-, средне- и долгосрочном периоде, в пределах которых сохраняется возможность предупреждения угроз экономической безопасности и контроля за развитием социальной сферы [5]. Отклонение от предельных значений будет свидетельствовать о возникновении угроз экономической безопасности социальной компоненты и требовать необходимости принятия мер по предупреждению.

В Украине первая попытка систематизировать индикаторы сделано Приказом Министерства экономики Украины № 60 от 02.03.2007 г., которым утверждена Методика расчета уровня экономической безопасности Украины, где определены основные индикаторы и пороговые значения индикаторов социальной безопасности [7].

На современном этапе анализ фактического состояния социальной безопасности на Украине убедительно свидетельствует о снижении уровня безопасности и о возникновении угроз в социальной сфере. К сожалению,

большинство из индикативных показателей не достигают или превышают пороговые значения. Угрожающим явлением для социально-экономического развития страны является рост уровня бедности, что обуславливает возникновение негативных демографических тенденций, снижение уровня рождаемости, ухудшение здоровья, невозможность получения качественного образования, массовый эмиграционный отток экономически активного населения за пределы страны существенно сужает развитие общества.

Не менее весомым риском выступает повышение уровня безработицы, которая ведет к угрозе резкого роста бедности в стране, а в условиях рецессии представляет опасность особенно уязвимым группам населения: безработным, родителям-одиночкам, многодетным семьям, пенсионерам. Также увеличивается риск для людей с низким уровнем образования, пожилых людей и иммигрантов.

В таких условиях необходимо акцентировать внимание на увеличении уровня легальной занятости и на снижение реальной инфляции, что является весьма проблематичным для Украины.

Как видим, положение Украины в социальной сфере чрезвычайно тяжелое. Все макроэкономические показатели свидетельствуют о длительном спаде социально-экономического развития страны.

С целью предотвращения угроз, целесообразно провести существенное усовершенствование системы статистической отчетности о состоянии социальной сферы в стране, дополнив статистические наблюдения сведениями о состоянии формирования в стране среднего класса, что, к сожалению, сегодня не проводится, а для эффективной нейтрализации угроз экономической безопасности целесообразно применить механизмы социальных ограничений, сдерживая усиление социальной напряженности, несбалансированной социально-экономической политики в пространственно-территориальном и структурном аспектах [8, с. 216].

Литература:

1. Єрмошенко М.М. Фінансова безпека держави. – К., 2001. – 308 с.
2. Соціальна економіка Навч. посіб. / Кол. авт. О. О. Беляєв, М. І. Діба, В. І. Кириленко та ін. – К.: КНЕУ, 2005. – 196 с.
3. Безбожний В.Л. Вибір способу забезпечення соціально-економічної безпеки великих промислових підприємств [Текст]: дис. канд. екон. наук: 08.00.04 / В.Л. Безбожний ; СНУ ім. В. Даля МОН України. – Луганськ, 2009. – 225 с.

4. Сутність соціальної безпеки держави [Електронний ресурс].– Режим доступу: http://buklib.net/component/option,com_jbook/task,view/Itemid,36/catid,122/id,3398/.
5. Поснова Т. В. Соціальні індикатори як інструменти визначення рівня економічної безпеки у соціальній сфері. / Наукові праці НДФІ № 2 (55), 2011 р.
6. Палій Н.С. Система діагностики соціальної безпеки. [Електронний ресурс].– Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/Tiru/2009_28_/16.pdf.
7. Методика розрахунку рівня економічної безпеки України, затверджена Наказом Міністерства економіки України, № 60 від 02.03.2007 р. Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z0162-95>.
8. Стратегія та механізми зміцнення просторово-структурної конкурентоспроможності регіону : монографія / за ред. А. І. Мокія, Т. Г. Васильціва. – Львів: Ліга Прес, 2010. – 488 с.

Воронцова Т.Н.

РАСКОЛОТОВЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ФАКТОР «БЕЗГРАЖДАНСТВЕННОСТИ» ИЛИ УСЛОВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ?

Гражданское общество, понимаемое как комплекс самостоятельных организаций населения помимо государства, существует и на Западе и на Востоке, различаясь по форме и степени распространенности.

«Семья, община, профессиональные объединения, профессиональные группы, неформальные коллективы и т.п. существовали в традиционных обществах Востока, точно так же, как и в средневековой Европе. Они стремились защищать свои групповые интересы в принципе теми же способами, что и европейские города, гильдии и коммуны. Разумеется, были и серьезные несходства. Последние связаны, во-первых, с различиями в отношениях между государством и внегосударственной сферой; во-вторых, с различным характером корпоративно-общинных групп на Западе и в западных обществах» [1, С. 55].

Для Европы характерно «мягкое» государство, фрагментарность европейских обществ, возможность автономии городов. На Востоке и вообще в традиционных обществах государство играло более значительную роль и

стесняло самодеятельность общества. Восточные города, профессиональные корпорации, общины, семья были более зависимыми от государства, в них слабее проявлялись тенденции самоуправления, автономизации личности, что сказывалось на масштабах общественной самодеятельности.

Групповые отношения в неевропейских цивилизациях также отличаются от западных форм. В них сильнее выражена иерархия, ориентация на лидера, приоритет общего интереса над личным. Индивид на Востоке глубоко погружен в коллективистский контекст. Групповая организация строится по модели расширенной семьи, в рамках которой существуют возможности проявления и самоутверждения личности. Тем не менее, вызревание гражданского общества в незападных регионах все же происходило.

С гражданским обществом в России дело обстоит сложнее, чем во многих странах Востока, где в силу ряда причин доминирующая роль государства была выражена еще сильнее, что накладывало отпечаток на социальные, политические, хозяйственные и культурные отношения. Самодеятельность снизу ограничивалась, слабо развивались города, торговля, предпринимательство. Любой институт был тесно привязан к государству, включая церковь и сельскую общину.

Российское государство на протяжении всей истории выступало как всепроникающая и подавляющая развитие общества сила и поэтому только оно и может интегрировать социум. Такой тип развития, при котором власть играет центральную роль в формировании, развитии и структурировании экономических, политических и социальных отношений, называют «государственно-центричной матрицей» [2, С. 8] или X (восточной)-матрицей [3, С. 18]. Он сложился в России в XV-XVI веках и обусловил крайнюю слабость социальных механизмов самоорганизации общества. Российское общество на протяжении большей части своей истории оставалось аморфным, неструктурированным, неспособным к негосударственной институционализации и взаимной заинтересованности людей друг в друге.

Гипертрофированная роль государства в российской истории объясняется разными причинами. Авторитарный характер власти России ставится в зависимость от необходимости вести сельскохозяйственную деятельность в зоне рискованного земледелия, при ограниченных возможностях продовольственного обеспечения населения. Выделяется серьезное значение географической среды, особенностей ландшафта и климата [4, С. 69]. Важную роль играло религиозное мировоззрение. Например, широко распространена трактовка российской истории и политики через призму православного миропонимания.

Огромная территория, масштабность государственного пространства также требовали концентрации власти. Во множестве публикаций отмечается негативная роль необъятных просторов («пространство – наш бич»)[5, С. 87]. В процессе формирования территориально гигантского общества не удалось в достаточной степени сформировать сбалансированный механизм интеграции. Это выразилось в гипертрофии административных методов и в отставании, слабости культурной интеграции.

Г. Гольц считает, что уникальность российского развития (а также российского менталитета) обусловлена, главным образом, формированием культуры в условиях необычной колеблемости природных процессов. С. Кирдина полагает, что, в конечном счете, материальные условия формируют культурные основания, которые складываются у того или иного народа. Природно-климатические предпосылки являются более важными, чем предпосылки религиозные, ценностные и культурные, потому что последние есть их следствия. Это то, что формируется при взаимодействии человека с природой через выработку определенных хозяйственных технологий, которые фильтруют и закрепляют те или иные ценности. А. С. Ахиезер, напротив, отмечает, что влияние природных факторов на содержание культуры зависит не только от характера природных ритмов, масштабов их опасностей, но и от специфики культуры. Культура – мощный фактор, который способен перекрывать природный фактор, о чем, к примеру, свидетельствует опыт Японии [6].

Так или иначе, совокупность природных и культурных факторов определили сущностные характеристики российской власти – ее автономию от общества, неделимость и несменяемость, тождественность власти и собственности.

Самодовлеющий характер власти в России усугубляется расколотостью страны. По Ахиезеру, «Россия – расколотое общество», в нем существуют два разнонаправленных процесса и два социокультурных образца, как в среде интеллигенции и духовной элиты общества, так и в глубине народной жизни, в деятельности миллионов. Этот раскол выражается в борьбе противоположных идеалов – вечевое (соборное, либерального) и авторитарного (абсолютистского, тоталитарного). Раскол приводит к разрыву коммуникаций внутри общества, разрыву между обществом и государством, между духовной и властвующей элитой, между народом и властью, народом и интеллигенцией, внутри народа, то есть между теми, кто стремится предотвратить нарушение уравнительности, и теми, кто, наоборот, пытается преодолеть ее. Расколотость России служит источником постоянной дезорганизации общества.

Следствием гипертрофии власти в России, ее автономии от общества является «безгражданственность» последнего. Зависимость общества от власти обусловила его внутреннюю слабость, неспособность к выработке собственных механизмов регулирования, т.к. государство подавляло всякие попытки самоорганизации. Кризис или распад в обществе преодолевался в российской истории лишь в результате усилий и при решающем участии государства.

Является ли эта слабость непреодолимой чертой россиян?

Довольно часто встречается мнение, что в конце XIX– начале XX вв. в России стали складываться зачатки гражданского общества. Возникли политические партии, многочисленные общественные ассоциации – союзы промышленников и предпринимателей, профессиональные объединения, кооперативное движение, наблюдался рост благотворительных общественных организаций, развивался институт земских управ и т.д., но все они были сметены октябрьской революцией.

Вопрос о существовании гражданского общества в советский период вызывает большие споры. Одни авторы считают, что гражданское общество в этот период отсутствовало. Партия, профсоюз, комсомол, включавшие большинство населения страны, были продолжением государства, «приводными ремнями» тоталитарной системы. Советская власть жестко ограничивала состав субъектов общественной деятельности партийно-государственным и хозяйственным аппаратом и запрещала любую несанкционированную активность по защите особых интересов. Другие полагают, что общественные организации того времени, хоть и действовали под строгим надзором, тем не менее, на низовом уровне и неофициально выполняли некоторые функции, аналогичные институтам гражданского общества, и в них в подавленной форме теплилась гражданская жизнь. По мнению третьих, в России гражданское общество было всегда, но просто изменяло формы своего существования. И в худшие времена сталинского правления сохранялись какие-то формы гражданского общества, например общественные организации: профессиональные организаций типа Союза писателей, Союза кинематографистов, спортивные и культурные общества. Под жесточайшим контролем государства они отстаивали свои интересы. При ослаблении прессинга государства в послесталинские времена стали возникать неофициальные формы общественной самоорганизации. Одним из проявлений гражданского общества в советское время было диссидентское движение, различные виды андеграунда. Развитие гражданского общества происходит циклически, колебательно, в зависимости от характера взаимодействия с властью. При усилении государства гражданское общество «замирало», при ослаблении – активизировалось.

В целом же в российских условиях гражданское общество не приняло сколько-нибудь значимых форм, позволяющих говорить о его влиянии на ситуацию в стране. Исторические традиции в России обусловили слабость гражданского общества, с одной стороны, и решающую роль государства в социальных преобразованиях, с другой. В этих условиях зародившиеся в начале реформ гражданские инициативы могли быть успешными только при поддержке со стороны государства. Но для этого, как минимум, необходимо, чтобы у властвующей элиты были мотивы, побуждающие ее к созданию благоприятных условий для развития гражданского общества. Однако нужно ли государству вызревание гражданского общества? С какой стати власть имущие будут способствовать его развитию, если оно ограничивает их собственную власть и доходы? Политика властей в отношении общественных объединений направлена, скорее, не на формирование структур гражданского общества, а на управление и контроль за этим процессом, если не сказать – на сдерживание и ограничение его. Общий вектор изменений в государстве и обществе воспроизводит государственно-центричную матрицу развития.

В этой связи расколотость российского общества, существование дуальности в его развитии вселяет определенные надежды. Противоборство двух тенденций в российской истории – славянофильской, державной и западнической, демократической всегда играло важную роль в развитии общества. В наше время противоборство западников и традиционалистов продолжает подпитываться из двух источников – образом жизни в крупных городах, мегаполисах и повседневными практиками провинций. Итог такой трансформации – анклавизация, т.е. развитие форпостов социального прогресса западноевропейского типа в мегаполисах при сохранении обширных относительно «застойных» районов периферии [7, С. 390].

Чтобы состоялось становление гражданского общества и правового государства, расколотому обществу требуется целеустремленность и инициативность самих людей.

Пока же приходится констатировать, что при отсутствии доверия между обществом и государством, неразвитости структур гражданской вовлеченности, отчуждении людей от участия в процессах модернизации будущее страны крайне неопределенно. Некоторый оптимизм внушает лишь тот факт, что, несмотря на отсутствие условий для развития гражданских инициатив, процесс их развития происходит, демонстрируя огромный потенциал социального капитала в России.

Литература:

1. Хорос В.Г. Гражданское общество: общие подходы // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 11.
2. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России и Латинской Америке // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы: макросоциологическая объяснительная гипотеза // Социологические исследования. – 2001. – № 2.
4. Страхов А. Социокультурные детерминанты и общественные настроения в России // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 1.
5. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронтир) и ее образ в русской и американской культурах // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5.
6. Социокультурная методология анализа российского общества. [http: scd.plus. centro.ru](http://scd.plus.centro.ru)
7. В.А.Ядов. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? – М.: МВШСЭН, 2000.

Гайкин В.А.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ В.В. ПУТИНА ИЛИ «АНТИХАНТИНГТОН»

«Создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века».

В.В. Путин (Известия. 2011. №184)

Самый известный современный футуропрогноз – концепция Хантингтона (война цивилизаций) не очень научен. Это скорее (во многом эмоциональная) реакция на усиление мусульманского присутствия в Европе, мирное наступление иной культуры (которое приведёт к симбиотическому сосуществованию народов в рамках единого экономического пространства). Мусульманские государства ближнего востока тесно привязаны к экономи-

кам развитых государств. Доминантный (политико-экономический) тренд их развития – укрепление (конвергенция), а не конфронтация (дивергенция) отношений с ЕЭС и США.

Прогноз Хантингтона не историчен, он не рассматривает всемирную историю как процесс развития человечества, имеющий, как и любой развивающийся организм, закономерности, этапы, диалектическое содержание. США (царская Россия) представляют пример малоконфликтного «сосуществования» различных религиозных культур в единой экономике. Межцивилизационный конфликт в середине 21 века может произойти только как локальная реакция (пароксизм) на подавление национальной специфики. Гораздо вероятнее расовая война в конце 21 века как реинкарнация доминантной (расовой) конфронтации первобытного общества (монголоиды – европеоиды).

Геополитическая архитектура Евразии в 21 веке может претерпеть изменения, инициатором которых выступают определённые структуры ООН. Проект «Туманган», продвигаемый ООНовскими стратегами не так безобиден и «прогрессивен», как об этом говорится в рекламных и программных буклетах. В будущем Евразийский транспортный коридор (как часть проекта «Туманган») может стать катализатором создания в Евразии двух расовых коалиций и расовой войны как результата их конфронтации.

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский коридор) – это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а в последствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира в качестве промежуточного этапа на пути к унипланетному сообществу.

Если к истории человечества применить известный гегелевский закон «отрицание отрицания», то можно будет выделить три больших этапа (гегелевская «триада»). Первый – формирование человека как биологического вида начинается с появлением протолодей и заканчивается разделением труда и возникновением первых государств. Второй этап является отрицанием первого (первобытного коммунизма). Третий (постиндустриальное общество) отрицает второй (эксплуатация, борьба классов), возвращаясь к первому этапу на качественно новой основе.

Как известно, конфронтация, борьба есть закон движения (развития) как биологической, так и социальной формы материи. Таким образом, каж-

дому из вышеуказанных этапов должен соответствовать доминантный тип конфликта. Первый этап безклассовый, соответственно классовая борьба существовать не могло. Межплеменные войны имели место быть. Но были ли они доминантным типом конфронтации, влияющим на человечество в глобальном плане, изменяющим его облик, географию расселения? Вряд ли. В основе этих конфликтов, как правило, лежали внеэкономические факторы. Ценного имущества не было (господствовал принцип «все свое ношу с собой»). Захват рабов не имел смысла. В книге «Яноама» описывается жизнь племени южноамериканских индейцев (существовавших как бы в каменном веке), среди которых автор прожила 20 лет (с 1937 по 1957 гг.). Это племя постоянно конфликтовало с тремя другими племенами. Причинами конфликтов почти всегда были попытки (часто успешные) захвата женщин, которых делали женами [1, С.7, 21, 40, 165].

Эти конфликты, возможно, были формой естественного отбора – внутривидовой борьбой. Действительно, в животном мире внутривидовая борьба представляет собой именно борьбу из-за самок за право на продолжение рода. Если считать межплеменные войны в рамках одной расы в неолите внутривидовой борьбой, логично предположить, что у людей, еще не оборвавших пуповину, связывающую их с животным миром, существовала и межвидовая борьба. Таковой могла быть только межрасовая конфронтация.

Межрасовые конфронтации при отсутствии оружия массового уничтожения были не войной на уничтожение, а скорее выдавливанием чуждого этноса, борьбой за установление ареалов расового обитания. Они приводили к вытеснению одних рас другими, переделу евразийского материка, заселению Америки, Австралии. Известно, что в эпоху неолита в Минусинских степях на огромных пространствах от Красноярска до границы Хакасии с Тувой жили европеоиды. Это не был европеоидный анклав в стране монголоидов, такие же европеоиды жили в 3-2-м тысячелетии до н.э. на Алтае, в Казахстане. Начиная с верхнего палеолита это было мощное движение европеоидов на восток. В эпоху бронзы даже Тува была страной европеоидов. Однако великое переселение народов на рубеже нашей эры, отбросив европеоидов на их прародину, изменило границы расовых ареалов в пользу монголоидов, поставив надолго точку в этом территориальном споре.

Второй этап в развитии человечества начался с появления первых классовых государств в долинах великих рек. Он продолжается и в настоящее время. Говоря о доминантном для этого этапа типе конфликта, (и исходя из гегелевского закона), констатируем замещение расового (внеэкономического) антагонизма экономическим – классовая борьбой, межгосударственными конфликтами, преследовавшими экономические цели – захват колоний,

рабов, материальных ценностей, рынков сбыта. То, что эти антагонизмы, как правило, не носили расового характера, подтверждается реалиями рабовладельческих государств. В древнем Египте, древней Греции не было высшей и низшей расы (рабы были и белые, и черные, и желтые). Примечателен состав разнорасовых коалиций, сражавшихся друг против друга во второй мировой войне. С одной стороны, Япония, Германия, Италия, с другой – Россия, США, Китай. ...

При переходе к третьему этапу, в процессе дальнейшего развития капитализма цивилизационные различия будут уменьшаться, дальнейшая роботизация промышленности в силу единых закономерностей развития техники приведет к однородности экономических структур, как на Западе, так и на Дальнем Востоке, цивилизационные различия снимутся практически полностью. Одновременно человек освобождается от экономической зависимости, выходит из сферы материального производства (роботизация), как когда-то в неолите человечество разорвало путы, связывавшие его с природой (перейдя от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству). «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства» [2, С. 386, 387].

Это будет означать, что человечество вступило в третий этап своего развития так называемое постиндустриальное общество. Теперь, если исходить из гегелевского закона, на первый план вновь должна выступить расовая конфронтация, ибо третий член триады должен повторять первый, только на другом качественном уровне. Причиной конфронтации могут стать рост народонаселения, нехватка ресурсов (питьевой воды ...) В борьбе за место под солнцем именно расовый фактор разделит человечество на два лагеря для нового передела материков. В этой возможной расовой конфронтации черная раса будет вместе с белой по одну сторону баррикад противостоять желтой расе. Как известно, белая и черная расы, образно выражаясь, – две ветви одного ствола, в то время как монголоиды – это как бы другое дерево. Эти два дерева – древний австралоид и древний синантроп имели морфологические различия.

Дать точный футуропрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: От каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли

десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился, чтобы изобрести компьютер – несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие).

«В начале XX столетия временной лаг между сменяющимися друг друга индустриальными инновациями составлял 37 лет; после второй мировой войны он составляет четырнадцать лет. (Хосэ Рамон Ласуэн. Урбанизация и экономическое развитие// Пространственная экономика. 2009. №4. – С. 121) Поскольку первый компьютер появился в середине 20-го века, то данное событие можно было бы ожидать в середине 21 века. Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте, выход человечества из сферы производства, а значит вступление человечества в новый (постиндустриальный) этап развития, и как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080-2100 гг.)

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце 21 века расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003г. английским исследователем была найдена ранее неизвестная 2-х томная рукопись И. Ньютона. Информация об этом проходила в прессе и по ТВ[3]. Ее содержание составляют сложные математические вычисления, которые связаны, либо базируются на астрологической информации и библейских сюжетах (Книге пророка Даниила). Согласно гипотезе великого учёного, между восстановлением Римской Империи Карлом Великим, коронация которого состоялась в рождественскую ночь 800 года, и концом света должны пройти 1260 лет. Таким образом, апокалипсис наступит в 2060 году. Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080-2100) и И.Ньютона (2060) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан за 400 лет до события! то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5%)

Можно ли считать расовые войны неизбежными? Отнюдь. Контртенденцией грядущему расовому соперничеству является усиление экономической и политической интеграции государств, рост взаимосвязи, взаимозависимости их экономик. Многое будет зависеть от того, какой из двух процессов завершится раньше – выход человека из сферы производства или приведение мира к единому экономическому знаменателю. Если первый процесс пройдет быстрее, реальна перспектива создания расовых союзов и

балансирования на грани войны. Поэтому приоритетной становится задача создания разнорасовых союзов. В такой обстановке большое значение приобретает субъективный (человеческий) фактор, подобно тому, как камень, скатившийся с горы, вызывает сход снежных лавин.

Именно поэтому важна направленная системная политика по организации единого мира, в результате которой «расовые лавины» пойдут в нужном, безопасном для человечества направлении. Создание в октябре 2000 г. в Астане Евразийского экономического сообщества не каприз «кремлевской верхушки», а закономерный этап мирового исторического процесса. Логика исторического развития потребует присоединения к этому блоку Монголии, Кореи, Японии. У мирового сообщества нет другого выхода, кроме как совместными усилиями строить структуры будущего безопасного мира.

Именно Россия должна будет сыграть роль интегрирующей силы (Запад – Восток) благодаря тому, что она граничит с основными монголоидными государствами и что по ее территории проходит Транссиб – готовая артерия, связывающая Европу и со Средней Азией и с Дальним Востоком. Роль Транссиба будет состоять в “правильной” организации евразийского пространства. Соответственно дезорганизующую роль сыграет “евразийский транспортный коридор”, который планируется создать в обход России.

Создание Евразийского транспортного коридора как части проекта Туманган протежирует ООН. В докладе ООН по проекту “Туманган” говорится: “Значение этого маршрута в том, что он пройдет по Северо-Восточной и Центральной Азии” [4, С. 42.] На самом деле ничего позитивного в этом нет. Строительство транспортного коридора в обход России объединит в первую очередь монголоидный мир, а не всю Евразию. “Евразийский транспортный коридор” заканчивается мегаполисом в устье р. Туманган, который вполне может стать столицей монголоидного мира. Запад, стремясь изолировать Россию, готовит себе второй “Мюнхен”.

Бесцеремонные откровения политологов озвучивают позицию западных лидеров. Директор кельнского Института Восточной Европы Хайнц Тиммерман в своей статье-меморандуме писал: “Целью политики Запада должны быть не легитимизация и укрепление искусственного построения СНГ, а поддержка естественным путем формирования в его рамках субрегиональных образований типа ГУАМ... таким образом должны быть усилена поддержка проекта “Евразийского транспортного коридора” [5, С. 45].

Оставив Россию ни с чем, европейцы столкнутся с гораздо более опасным противником – мощным монголоидным блоком, созданным при активном участии ООН. Запад должен понять, что те мнимые выгоды, которые он получит, исключив Россию из системы интеграции Запад-Восток, заведут

этот процесс в тупик и ударят бумерангом по тому же Западу. В будущем мире Россия (как ядро Евразийского союза) «обречена» на роль третьего (разнорасового) силового центра Евразии (наряду с Европейским союзом и Китаем), снижающим до минимума расовое напряжение между европеоидным и монголоидным полюсами планеты.

Как написал в своей статье В.В. Путин: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [6].

Литература

1. Биокка Этторе. Яноама. – М.: Мысль, 1972. – 206 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. 1964. Соч. Т. 25. Ч. 2. – 451 с.
3. Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. 19.06.2007.
4. Гайкин В.А. Проект «Туманган из прошлого в будущее // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 1999. – №1. – С. 34-46.
1. Тиммерман Хайнц. Процессы дезинтеграции и реорганизации СНГ // МЭиМО. – 1998. – №12. – С. 40-49.
5. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее которое рождается сегодня // Известия. – 2011. – № 184.

Гибадуллин М.З., Артамонычева А.Р.

АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Важную роль в укреплении национального единства государства играет наличие между его территориальными системами экономических, культурных, политических, этнических и конфессиональных связей.

Экономические связи между территориями осуществляются через кооперационное взаимодействие основой которого, в свою очередь, служит движение товарных потоков между субъектами Российской Федерации. Товарным потоком можно считать натуральное или денежное выражение

объема товарного капитала ввезенного и вывезенного из одного региона в другой.

В рамках настоящей статьи ставится цель исследовать экономические связи российских регионов через анализ движения товарных потоков. Эмпирической основой исследования послужили статистические данные о товарообороте Республики Башкортостан.

Для целей исследования все регионы, участвующие в кооперационном взаимодействии с базисным регионом (то есть регионом, являющимся объектом исследования, в нашем случае Республика Башкортостан) делятся на четыре группы, в зависимости от уровня их участия в товарообмене. Причем первая группа состоит из субъектов Федерации, которые по ввозу и по вывозу в товарообороте базового региона имеют удельный вес не ниже некоторого уровня α (в относительных единицах или процентах). Во вторую группу включены регионы с товарообменом не ниже α только по ввозу или только по вывозу. В третьей группе окажутся страны или регионы, имеющие в товарообороте базового региона удельный вес ниже некоторой пороговой величины α и по ввозу, и по вывозу. Все оставшиеся регионы окажутся в низшей, четвертой группе [1, с. 20-29].

Разработанная классификация регионов по дифференциации товарооборота позволяет рассмотреть качественную сторону кооперационного взаимодействия субъектов Федерации. Однако предложенная классификация вырисовывает статичную картину межрегиональной торговли. Между тем, для прогнозирования и мониторинга кооперационных связей на территории России, важно проанализировать их динамику, устойчивость и стабильность. Поэтому методика дифференциации товарооборота дополнена системой рейтинговой оценки.

Суть построения рейтинговых оценок заключается в уменьшении объема информации для проведения сравнительного анализа статистического материала. Фактически выполняется переход от набора показателей, характеризующих экономическую систему, к меньшему количеству упорядоченных характеристик – к рейтингу. Необходимость построения рейтингов обусловлена тем, что независимые сравнения, например, регионов, по отдельным показателям, как правило, дают разнонаправленные упорядочения этих объектов [2, с. 55].

Построение рейтингов осуществляется с помощью введения весов используемых показателей: чем больше значимость показателя, по мнению исследователей, тем больший вес (балл) ему приписывается.

Для целей настоящего исследования рейтинговая методика была модифицирована с учетом доли каждого региона в товарообороте.

Как свидетельствует практика, на регионы первой группы приходится значительно более половины товарооборота базисного региона. Следовательно, их значимость для товарооборота базисного региона (в нашем случае Республики Башкортостан) наивысшая. Роль регионов второй группы в товарообороте базисного региона значительна меньше. Еще меньше роль в товарообороте субъектов Федерации третьей группы. Исходя из этого, можем сделать вывод, о том, что регионы первой группы имеют наибольший показатель рейтинга значимости для базисного региона, регионы второй группы несколько меньший и т.д. Присвоив каждой группе соответствующий годовой рейтинг значимости (от 4 до 1), получим, что все регионы первой группы в данном году имеют рейтинг четыре балла, второй группы- три балла, третьей группы- два балла, а четвертой- только один бал. Аналогичным образом можем рассчитать рейтинг значимости каждого региона на любом временном интервале, например, краткосрочном (в три года) среднесрочном (в пять лет) и долгосрочном (в десять лет).

Нетрудно заметить, что все регионы, попавшие в первую группу, на краткосрочном интервале (в три года) будут иметь наивысший рейтинг значимости в 12 баллов. Исходя из названных условий только с регионами, попавшими в первую группу, базовый регион имеет устойчивые, стабильные кооперационные связи. Регионы второй группы могут иметь рейтинг от 9 до 11 баллов, регионы третьей группы от 6 до 8 баллов, а четвертой от 3 до 5 баллов.

В совокупности все четыре группы субъектов Федерации образуют зону кооперационного взаимодействия базового региона (Республики Башкортостан). Зона кооперационного взаимодействия неоднородна по своей структуре. В ней выделяется ядро, центр и периферия.

Ядро – группа регионов, характеризующаяся наиболее плотными и стабильными торговыми связями с базисным регионом. В ядро зоны кооперационного взаимодействия попадут только те из субъектов Российской Федерации, которые из года в год, на протяжении всего изучаемого периода (в нашем случае три года) попадают в первую рейтинговую группу.

Центр-группа регионов имеющие плотные, но менее стабильные торговые связи с базисным регионом. К этому типу регионов следует отнести субъекты Федерации, попадающие во вторую и третью группу.

Периферия – субъекты Федерации, имеющие слабо выраженные и неустойчивые торговые связи с базисным регионом. Сюда попадают регионы –четвертой группы. По числу регионов это самый значительный сегмент зоны кооперационного взаимодействия.

С точки зрения анализа экономических связей российских территорий наибольший интерес представляет группа регионов, составляющих ядро зоны кооперационного взаимодействия. На ее анализе мы и остановимся.

Опираясь на разработанную методику анализа экономических связей было выявлено ядро кооперационного взаимодействия для Республики Башкортостан с 2006 по 2008 годы.

Республика Башкортостан один из крупнейших экономически развитых субъектов Приволжского Федерального Округа. Обладая солидным производственным и научно-техническим потенциалом, республика активно участвует в межрегиональном взаимодействии на экономическом пространстве России.

В таблице 1 приведены числовые данные, характеризующие территориальную структуру и динамику кооперационного взаимодействия этой республики с регионами первой рейтинговой группы. Как видно из таблицы, состав регионов, попавших в группу 1 кооперационного взаимодействия Республики Башкортостан, колебался в незначительных пределах: в 2006 таковых регионов было 12, в 2007 г. 14, а в 2008 г. 13. Соответственно менялся удельный вес этих регионов в обобщенном товарообороте: 57,4; 67,3 72,0 процентов. Это означает, что хозяйственные связи Республики Башкортостан с субъектами Федерации группы 1 укрепляются.

В то же время, на трехлетнем интервале в состав ядра кооперационного взаимодействия Республики Башкортостан вошло только 11 субъектов Федерации, поскольку Санкт-Петербург и Ульяновская области были представлены в группе 1 лишь единожды, а Республика Удмуртия и Тюменская область по два раза. Они из ядра кооперационного взаимодействия Республики Башкортостан выбыли (субъекты Федерации регионального ядра кооперационного взаимодействия выделены жирным курсивом). Отметим, что ядро кооперационного взаимодействия Башкортостана в краткосрочном периоде заметно укрепилось (удельный вес его увеличился с 56 до 64%), что свидетельствует о повышении устойчивости кооперационных связей данного субъекта Федерации.

Важно отметить, что внутри ядра кооперационного взаимодействия у Республики Башкортостан сложились неравномерные торговые связи. Челя-

бинская область заметно весомее представлена в торговом взаимодействии с Республикой Башкортостан, нежели все остальные регионы и эта тенденция продолжает усиливаться. У Республики Башкортостан, таким образом, фактически сложилось однополюсное ядро кооперационного взаимодействия, с ярко выраженным доминирующим регионом.

Затем следует группа из трех регионов: Свердловская область, Татарстан и Самарская область. Причем к 2008г. Самарская и особенно Свердловская область снизили свое участие в межрегиональном обмене с Республикой Башкортостан, Татарстан сохранил ее на прежнем уровне. Далее следует группа регионов, чье участие во взаимодействии с Республикой Башкортостан выглядит значительно слабее.

У Республики Башкортостан весьма заметно ослабевают хозяйственные связи со Свердловской областью. Отчасти это объясняется тем, что происходит замещение этого субъекта Федерации соседней с ней Челябинской областью. С Республикой Татарстан, Московской, Оренбургской, Нижегородской областями хозяйственные связи Башкортостана достаточно стабильны и ощутимых тенденции в сторону их активизации или свертывания за последние три года не наблюдается.

Анализ экономических связей Республики Башкортостан на внутреннем экономическом пространстве России позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, в Республика Башкортостан сформировала вокруг себя собственную зону кооперационного взаимодействия. Анализ информационно-статистической базы позволяет заключить, что оно характеризуется устойчивостью и стабильностью межрегиональных связей.

В-третьих, Республика Башкортостан имеет резерв для расширения ядра кооперационного взаимодействия за счет налаживания более регулярных связей с Санкт-Петербургом, Удмуртской Республикой, Тюменской и Ульяновской областями.

Таблица 1

Регионы группы 1 Республики Башкортостан

	Регионы группы 1 для Республики Башкортостан	2006	2007	2008	
1.	Челябинская	11,8145	15,457	14,5924	Ядро кооперационного взаимодействия Республики Башкортостан в краткосрочном (трехлетнем) периоде
2.	Свердловская	7,7119	4,9274	3,6818	
3.	Татарстан	7,4647	8,0366	7,5759	
4.	Самарская	7,448	7,3435	5,9253	
5.	Московская	5,4041	4,5606	5,7186	
6.	Москва	3,4894	4,7158	3,2824	
7.	Оренбургская	3,2457	2,2982	2,4184	
8.	Нижегородская	2,4946	3,2778	3,226	
9.	Ленинградская	2,2514	2,6101	2,0074	
10.	Пермский	2,018	2,1852	2,5238	
11.	Ростовская	1,7322	2,0406	1,8211	
12.	Итого по 11 регионам	56,2381	60,249	64,5247	
13.	Санкт-Петербург	1,1636	–	–	
14.	Удмуртия	–	3,1496	4,2307	
15.	Тюменская	–	2,8952	3,2452	
16.	Ульяновская	–	1,0271	–	
	Уд. вес регионов группы 1	57,4017	67,3209	72,0006	

Литература

1. Российский регион в системе глобального кооперационного взаимодействия: Монография/ Хоменко В.В., Гибадуллин М.З и др. – Казань: Изд-во «ФЭН» Академии наук Республики. – 2011. – 191 с.
2. Баранов С., Скуфьина Т. Анализ межрегиональной дифференциации и построение рейтингов субъектов Российской Федерации // Вопросы экономики. – 2005. – № 8. – С. 54-74.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОГРАНИЧЕНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ¹

Алкоголизм, являясь основным наркологическим заболеванием, представляет собой и сложную многоаспектную социальную проблему, не представленную, однако, масштабно в информационном и общественном дискурсе. Уровень алкопотребления в современном кризисном социуме в эпоху турбулентных социальных трансформаций и характер отягощенности сопутствующих проблем позволяют утверждать о прямой угрозе будущему российской нации. Особую опасность для физического и нравственного здоровья населения представляет заметно возросшая алкоголизация молодежи, что значительно увеличивает риск алкогольных заболеваний, размеры неблагополучия в семьях, что в свою очередь приводит к безнадзорности и беспризорности детей, к раннему приобщению детей и подростков к алкоголю.

В начале XXI в. Россия по потреблению алкоголя занимает лидирующее место в мире, при крайне неблагоприятной структуре потребляемых напитков. Доля в ней крепких спиртных напитков составляет 75% против 25-30% в большинстве других стран. Другим важным показателем крайне неблагоприятного состояния нынешней алкогольной ситуации является опережающий динамику потребления алкоголя рост негативных последствий алкопотребления, повышенная, по сравнению с большинством цивилизованных стран, тяжесть и интенсивность их проявлений. Массовый, практически неконтролируемый государством характер приобрело самогонарение.

Первичная профилактика молодежного алкоголизма, которая направлена на предупреждение возникновения алкоголизма, имеет медицинскую и социальную сторону. Медицинская сторона сводится к санитарному просвещению в учебных заведениях района (школах, техникумах, колледжах), а также к выявлению молодежи с повышенным риском развития молодежного алкоголизма. Санитарное просвещение сводится в распространении информации о вреде алкоголя для здоровья подростка и о первых симптомах формирующегося алкоголизма. Для подростков в учебных заведениях медицинская информация преподносится вместе с социальной. Социальная

¹ Статья подготовлена в рамках ГНП РБ «Механизмы социального контроля алкоголизма в молодежной среде Республики Башкортостан»

информация – о неблагоприятных последствиях алкоголизма для подростков, для их друзей и для общества в целом.

В 2009 г. Правительством РФ была принята «Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года», которая направлена на снижение объемов потребления населением алкогольной продукции, в том числе слабоалкогольных напитков, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, улучшение демографической ситуации в стране, увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, формирование стимулов к здоровому образу жизни. Реализация этой концепции повлечет за собой дальнейшие действия по развитию законодательной и регуляторной базы, мер пропагандистского и просветительского характера. Целями реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации являются:

- значительное снижение уровня потребления алкогольной продукции;
- повышение эффективности системы профилактики злоупотребления алкогольной продукцией;
- повышение эффективности регулирования алкогольного рынка.

На уровне субъектов Российской Федерации предусматривается осуществить разработку и реализацию региональных программ (пилотных проектов) с учетом специфики традиций употребления алкогольной продукции и масштабности алкоголизации различных слоев населения.

В социальной сфере на основе инициатив общественных организаций предусматривается создание общественных движений, обществ, клубов, специализированных общественных фондов, в том числе ассоциированных с международными организациями.

Реализацию государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации предусматривается проводить в два этапа. На первом этапе (2010 – 2012 годы) предполагается создать условия для уменьшения остроты сложившейся негативной ситуации, сформировать правовую, организационную и финансовую базы для наращивания дальнейших усилий по поддержке и закреплению позитивных тенденций. На втором этапе (2013-2020 годы) предусматривается продолжение выполнения мероприятий по сокращению уровня потребления алкогольной продукции. К 2020 году предусматривается значительно сократить потребление алко-

гольной продукции населением, а также снизить уровень смертности в связи со злоупотреблением алкогольной продукцией.

Начавшаяся государственная кампания по совершенствованию алкогольной политики не может завершиться успешно без широкой общественной поддержки. В настоящее время уровень социального контроля девиаций необычайно низок и не имеет тенденции и оснований к увеличению. Несмотря на объективную сложность, а во многом и невозможность изменения ситуации, тем не менее, могут быть разработаны и использованы доказавшие свою эффективность технологии по решению проблемы алкоголизации населения и целого ряда сопутствующих проблем. Дальновидным и эффективным видится проведение профилактических мероприятий с группами молодежи как наиболее восприимчивых к профилактике и не имеющих большого опыта потребления алкоголя.

Грицай Л.А.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА РОССИИ МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Так исторически сложилось, что выбор пути развития нашей страны всегда исходил из диады: Запад – Восток. Связано это и с пограничным положением России (пересечение Европы и Азии), и с принятием от Византии на заре нашей государственности православной ветви христианской культуры (что уже отличало русских людей от населения католической средневековой Европы), и с формированием особого устойчивого типа российской ментальности, отличающегося как от ментальности «Запада», так и от ментальности «Востока», и в какой-то мере вбирающего в себе два эти начала.

Особое положение нашего Отечества еще на первоначальных этапах его становления определило как уникальность российской культуры, так и исторически закономерные пути взаимодействия нашей страны с западным и восточным мирами.

Как известно, Киевское государство имело определенные связи со странами Запада и Востока. Активно развивалась торговля, в русских войсках служили выходцы из западных стран, дочери князей выдавались замуж за правителей или знатных людей тогдашней Европы.

Безусловно, более тесно наши предки общались с единоверцами из Византии. Заметим при этом изначальное стремление русских князей к

определенной независимости от этого великого государства, что проявлялось в стремлении поставить на митрополичий престол исконно русского иерарха (митрополит Илларион при Ярославе Мудром), канонизировать своих «русских святых» (мученики Борис и Глеб, братья Ярослава) и т.д.

Таким образом, мы можем говорить о стремлении Киевского государства к общению со всеми западными и восточными странами, но на правах равных партнеров, но никак не вассалов.

Великой трагедией в истории нашей страны стало нашествие хана Батые (1237 г.). По сути дела, это было первое испытание на прочность Руси – раздробленного в тот момент государства, страшное соприкосновение с завоевателями с востока. При этом победившие в этой схватке татаро-монголы не уничтожили нашу страну, но обложили ее тяжелой данью: им были необходимы материальные богатства и «живой товар» – рабы и рабыни. Однако завоеватели не претендовали на духовные и нравственные ценности завоеванных им людей: они даже не стремились разрушать православные храмы (так как были язычниками и опасались гнева «чужих» богов). В тот же исторический момент западные народы, воспользовавшись сложившейся в нашей стране ситуацией, попытались присвоить себе часть русских земель.

И тогда на сцену истории вышел русский князь Александр Невский, который выбрал открытую войну с «Западом» и временное покорение «Востоку». Как известно, князь победил западных завоевателей крестоносцев, претендовавших не только на землю наших предков и их жизни, но и несущих другую веру – католичество и стремящихся к формированию новой ментальности покоренных ими народов. При этом Александр никогда не восставал против монгольского хана, ездил в Орду, возил туда богатые дары, а в одной из таких поездок скончался.

Выбор Александра Невского и его последователей оказался судьбоносным для Руси: укрепнув, наше государство в итоге победило ненавистное иго Востока, но при этом народ сохранил себя, свою целостность, веру и культуру.

В своем последующем развитии наша страна, расширяясь территориально и обретая определенное могущество, склонилась к идее изоляционизма, который выразился в знаменитой формуле монаха Филофея: «Москва – третий Рим». Эта идея являлась доведенным до крайности представлением об уникальности российской цивилизации, ее не соотносимости ни с миром католического Запада, ни с миром Востока.

При этом уже в XVII веке стало набирать обороты движение сопротивления этой идеи крайнего национализма-изоляционизма. В привилегированных кругах возник сначала интерес к миру «запретной» западной

культуры, а потом и осознанное стремление к подражанию народам Европы, пусть очень слабое, но сумевшее подготовить почву для прихода царя-реформатора Петра I, выбравшего для своей страны именно европейский путь развития.

Однако к чести Петра Великого следует отметить, что государь, обращаясь к миру западной культуры, стремился превратить свою родину в сильнейшую империю, равную другим европейским державам. Он активно заимствовал западные технологии, приглашал на Русь ученых и ремесленников, посылал дворянских отпрысков учиться за границу и создавал учебные заведения в самой России. Правда, именно со времен Петра русская элита приобрела определенную моду на «западнический» образ жизни, предполагавший чрезмерное увлечение всем иностранным: начиная от языка и заканчивая взглядами на мир. Но уже в середине XVIII столетия среди привилегированного сословия стали раздавать голоса в защиту самобытности России, ее отличия от европейских народов и, следовательно, о необходимости для правящего класса следовать здоровому патриотизму (Е.Р. Дашкова, Н.И. Новиков, А.А. Прокопович-Антонский, А.Ф. Бестужев и др.).

Однако, следует констатировать тот факт, что данная позиция не нашла широкой поддержки среди образованной части населения, по-прежнему в большинстве своем стремящейся к европеизации. Следовательно, к началу XIX века в Российской империи достаточно зримо обозначился раскол между по-европейски думающим, говорящим на иностранных языках дворянством и остальными общественными классами, придерживающимися многовековых традиций неприятия мира Запада как чуждого национальной ментальности (показательной в данном случае является отношение простого народа к Наполеону как Антихристу и прямое сопротивление всем его реформам).

Заметим также, что уже в XIX столетии противостояние России с Востоком проявлялось сдержанно. Существовали определенные, периодически вспыхивающие, конфликты, касающиеся территорий, но яркого идейного столкновения ценностей, идеологического давления со стороны мира Востока не было. Россия была могущественной державой, восточные правители с этим считались и (как и раньше) не претендовали на изменение ментальности русских. Таким образом, только западная цивилизация по-прежнему настойчиво предлагала России свою систему ценностей.

Видимо поэтому поиски наиболее оптимального пути для развития нашей страны нашли свое яркое отражение в знаменитом идейном противостоянии западников и славянофилов. Как известно, первые придерживались

либерально-гуманистических взглядов, они рассматривала Россию как одну из европейских держав, принимая и поддерживая большинство ценностей западной культуры (индивидуализм, уважение к личности, ее творческому началу и т.д.). Показательным в данном случае является наследие Белинского, «неистового Виссариона» – как называли его современники.

Славянофилы (А.С. Хомяков, братья Киреевские и др.), которых мы можем назвать умеренными националистами, обосновывали уникальность исторического пути нашей страны среди других народов и государств. Они писали о Православии как о духовно-нравственном стряже русских людей, говорили о таких чертах русского народа, как его совесть, «соборная или холистская идеология» (стремление к коллективизму), обостренное чувство справедливости и глубинное стремление к праведности. Именно славянофилы убедительно доказывали инаковость России по отношению к миру западной культуры, ее особое положение, позволяющее вести диалог с миром Запада и Востока, не интегрируясь ни с тем, ни с другим.

Позиции славянофилов были близки «почвенникам», наиболее известный представитель которых – Ф.М. Достоевский – говорил о всемирной отзывчивости русского народа и, критикуя современную ему западную цивилизацию за ее потребительское отношение к человеку, верил в то, что именно русские дадут Европе обновленную в духе истинного христианства общечеловеческую идею веры, любви, смирения и прощения.

Русское западничество ярко проявило себя и в одном печально известном факте рубежа XIX–XX вв. – революционном движении. Либерально-ориентированная молодежь, со страстной верой в справедливость и возможность достижения царства правды, свойственной нашему менталитету, фактически разрушала свою страну изнутри. При этом подобные либеральные идеи с их доминированием интересов и свобод личности над интересами группы не находили поддержки среди простого населения (известны, например, случаи, когда крестьяне сами «сдавали» в участки приходивших к ним с проповедью «новой жизни» народовольцев).

Тем не менее, зловещий план русской революции был воплощен в жизнь, и реальность оказалась куда хуже любых теоретических предположений. После революции 1917 года либеральные идеи, казалось, нашли свое воплощение: изменился существующий строй, бывшие господа либо покинули свою страну, либо лишились прав, имущества, самой жизни. Но долгожданное братство и равенство не наступило. Страна задыхалась от ужасов гражданской войны, голода и массовых репрессий. Поэтому личность И.В. Сталина, отказавшегося от западного либерализма и предложившего в про-

тивовес ему систему национал-социализма (правда, усугубленную глубокой личной диктатурой), оказалась востребованной среди населения страны.

Существует расхожее мнение, что правление Сталина стало иллюстрацией восточного абсолютизма, превратившего страну в один большой «ГУЛАГ». Именно подобная точка зрения до сих пор бытует в либеральной среде, рассматривающего фигуру этого советского правителя исключительно с негативной стороны. Действительно, Сталин подчас принимал такие решения, которые русским царям были не под силу (например, решение о депортации некоторых кавказских народов), но сама реакция на его смерть среди простого населения страны (глубочайшее горе) свидетельствует о том, что подобное жесткое, бескомпромиссное, подчас немилосердное, но ориентированное на интересы своего государства правление соответствовало народным представлениям о национальном лидере.

Фактически Сталин и создал новую могущественную империю – Союз Советских республик, которая могла соперничать с западными государствами. Это противостояние, позже названное «холодной войной», привело к появлению «железного занавеса», опустившегося между социалистическими и капиталистическими странами. Таким образом, наша страна вновь оказалась в состоянии вынужденного изоляционизма по отношению к западному миру, и вновь постепенно стал нарастать интерес ко всему «западному»: запретному, притягательному и «сладкому».

Мы прекрасно знаем, что закончилось все это крахом Советского Союза, потерей огромных территорий, отказом от прежнего социалистического мировоззрения. В 90-е годы западные либеральные идеи в стране торжествовали: нашим соотечественникам казалось, что западный мир принесет России долгожданные материальные блага, свободу, «права человека», огромные возможности для развития личности. Но опять-таки вместо ожидаемого русские люди получили массовое обнищание, олигархию, разгул преступности, вседозволенность чиновничества, пропаганду низменных инстинктов человечества с помощью СМИ и т.д. При этом западная цивилизация опять настойчиво предлагала свою систему ценностей: индивидуализм, конкурентную борьбу, стремление к материальным благам в ущерб духовно-нравственной стороне, гедонизм, культуру потребительства.

На современном этапе мы можем констатировать тот факт, что данные ценности не нашли своей поддержки среди большей части населения нашей страны. Безусловно, есть люди, которые следуют им, но все чаще наблюдается осозанный или неосозанный отказ от того образа жизни, который возобладали в России после 1991 года.

На наш взгляд, общественное мнение все больше склоняется в пользу умеренного национализма как идеи, которая сможет объединить нашу страну и дать ей силы для дальнейшего развития. Безусловно, существует и потребность в сильном национальном лидере, который вернет России былое величие и уважение в мире, а также соберет вместе разрушенный союз бывших советских республик.

По сути дела, наше Отечество снова идет по своему традиционному пути: после духовно-нравственного кризиса, последовавших за ним разрушений, хаоса идей и попытки обрести материальное благополучие путем интеграции с западом (например, как это было в Смутное время начала XVII века) следует обращение к представлениям об особой миссии русского народа, о самобытном пути развития страны, призванной вести диалог и с Западом, и Востоком, не растворяясь ни в том, ни в другом, призванной быть сильной, но замыкаться в себе, стремящейся осуществить то, о чем «замыслил о ней Бог» (по словам В.С. Соловьева, национальная идея – это то, что замыслил Бог о данном народе в Вечности) [1].

Литература

1. Соловьев, В.С. Русская идея // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/solovyov/solovv13.htm>

Демичев И.В.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Проблематика цивилизационного выбора на сегодняшний день уже несколько утратила свою остроту: споры о «западном, восточном и евразийском выборе» России, характерные для нулевых годов, практически угасли, перейдя в разряд, с одной стороны, второстепенных, а с другой стороны – практических вопросов. В то же время набирают свою инерцию споры о модернизации, вновь вознесенные на щит еще при президенте Медведеве в качестве практических, чем были реанимированы дискуссии почти двадцатилетней давности.

¹ Исследование проведено в рамках гранта РГНФ № 13-13-02002 а/У «Социокультурные аспекты модернизационных процессов в Республике Башкортостан».

Помня относительно плодотворное завершение предыдущих дискуссий о цивилизационном выборе, представляется необходимым связать эти две темы. В самом деле, модернизационная риторика поздних 80-х и 90-х годов, заимствованная из концепции «неомодернизации», показала свою бесплодность (так, что даже один из апологетов ее – Илларионов, признал катастрофичность практической реализации этой программы) и привела к выводу, что любые социокультурные трансформации имеют шанс на успешность в меру включения в рутинные практики основной части общества – то есть как-то инкорпорируются в традицию.

Собственно, именно этот, довольно абстрактный, вывод и породил дискуссии нулевых на тему «цивилизационного выбора России». Иными словами, модернизация без традиции бесплодна, а Традиция определяется цивилизационной спецификой данного общества.

С другой стороны, сама по себе цивилизационная специфика определяется в этом аспекте комплексом материальных, социальных и гуманитарных технологий, переводящих материальные ресурсы в социальные блага, а также обеспечивающих согласование членов общества в социальные организации и распределение получаемых благ между ними.

Соответственно, простого определения цивилизационной специфики далеко недостаточно: после предыдущего модернизационного перехода, перехода от аграрного общества к индустриальному, апелляция к «традициям предков» и прочим характерным моментам во многом носит контрпродуктивный характер, предполагая отказ от целой исторической эпохи и ее технологических аспектов, превращение народов в, своего рода, «этнографический заповедник». Разумеется, подобные установки не принимаются обществом, что является благом: отказ от материальной, социальной и гуманитарной инфраструктуры современного общества неизбежно ведет к массовым страданиям и сокращению численности населения, чему наглядным примером выступает социокультурная катастрофа 90-х, последствия которой не преодолены до сих пор¹.

Исходя из этого и предполагается рассмотреть данную проблематику в настоящей статье.

1. Говоря о модернизации, нельзя не сделать хотя бы общей отсылки к «проекту Модерн»², который ознаменовал собой предыдущий модернизационный переход от аграрного общества к обществу индустриальному и дал название самому процессу фазового перехода от одного состояния общества

¹ См., напр., Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. – 2001.

² См., напр., Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М.: Весь мир, 2003.

к другому. Не вдаваясь в глубокое историческое исследование, благо, этому посвящены многие научные работы, можно выделить основные черты «современного общества» или «общества модерна».

Ядром или принципом «общества модерна» выступает достаточно жесткая связка двух социально-гуманитарных технологий, инновационных для своего времени, но ставших обыденными для нас – это связка промышленного типа организации труда и научно-технического его оснащения.

Первое предполагало углубление разделения труда и специализацию функций каждого работающего, второе – функциональное и энергетическое совершенствование собственно технической базы производства, что вместе дало целый спектр положительных следствий для общества, как в плане повышения производительности и общего доступного объема благ, так и в плане формирования новых социальных институтов и типов личности.

Логичным следствием этого стало формирование «новой социальности» Модерна – с городом, как научно-промышленным центром, наукой, как ядром культуры, рациональным типом личности и «автономным индивидом», чья «автономия» определялась, с одной стороны, совокупностью освоенных им необходимых навыков (на что уходили значительно большие усилия, по сравнению с «человеком традиционного общества»), а следовательно, ценность такого человека значительно повышалась), а с другой – объемом распределяемых в его пользу социальных благ.

Уже как своего рода «надстройка» над этим фундаментом и конкретно-исторические формы реализации Модерна во всяком данном обществе складывалось «национальное государство» и «универсальная национальная культура».

Сложное становление собственно «общества Модерна» определялось как раз процессом вовлечения в такой тип отношений все большего числа областей общества (например, перевод сельского хозяйства на промышленный тип организации) и самих обществ (собственно, колониальное движение Европы), что неизбежно составляло комплекс внутренних и внешних противоречий, выразившихся во внутренних столкновениях сначала «консерваторов и прогрессистов» (борьба между парадигмой Модерна и Премодерна), затем – «пролетариата и буржуазии» (борьба не столько за перераспределение благ – сколько за проведение самой парадигмы Модерна, поскольку требование «равенства» против «разделение на пролетариат и буржуазию» представляет собой снятие прежних сословных ограничений) и, наконец, «социалистической и капиталистической мировых систем» (борьба между формами «общества Модерна»).

Современное состояние в этом аспекте можно охарактеризовать, как «ситуация исчерпания Модерна». С одной стороны, формально в глобальном масштабе доминирует «капиталистическая система», как форма «общества Модерна», которая подавила как собственную альтернативу («социалистическую систему»), так и варианты «общества Премодерна» (по сути, на планете не осталось собственно аграрных обществ – последнее масштабное расширение посредством выноса промышленности в страны периферии дало «азиатских тигров») – и в этом смысле, действительно, «альтернативы не осталось». С другой стороны, в рамках самого «общества Модерна» не просто появились, но уже обозначились и переходят в активную фазу фундаментальные противоречия, которые можно было бы сформулировать следующим образом.

Во-первых, вследствие развития технологий и исчерпания возможности внешней экспансии, сокращается возможность для индустриальной занятости. В самом деле, это логичное следствие самой парадигмы Модерна, направленной на совершенствование техносферы и повышения производительности труда: чем больше функций на себя берет техника, тем меньше необходимость участия человека. Если поначалу это компенсировалось экстенсивностью развития, как в отношении «новых рынков сбыта», так и в отношении колоний, поглощавших избыточную рабочую силу, то теперь рынки насыщены (по меньшей мере, в рамках наличной системы отношений: голод и нищета на планете так и не устранены), а «новый колониализм» оказывается невозможен.

Как следствие, избыточное население перераспределяется в лучшем случае – в сферу услуг, в худшем – в сферы социально обеспечиваемых безработных. В результате сокращается сфера массового организованного дисциплинированного индустриального труда как специфической практики общества Модерна, а также порождаются вторичные противоречия в системе (например, огромный «навес» социальной помощи оказывается неподъемным даже для основных экономик мира)¹.

Во-вторых, вследствие усложнения и специализации научных знаний и исследований, в значительной мере оказывается подорванной связь между наукой и технологиями, с одной стороны, а с другой – между наукой и остальной культурой, что приводит к утрате центрального места науки в культуре и общественном сознании. Удлинение цепочки «передатчиков» между фундаментальным и прикладным знанием само по себе переориентирует

¹ См., напр., Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. Монография – М.: Научный эксперт, 2012. – С. 127-212.

внимание общества и его групп в сторону прикладных исследований, оставляя фундаментальной науке роль «оракулов мировоззренческой истины», а то и просто «сумасшедших ученых», которые занимаются никому непонятными и ни для кого не представляющими интерес проблемами (которые – нельзя это не отметить – поглощают при этом значительные ресурсы).

Причем, сами ученые, вследствие своей специализации, со все возрастающими трудностями воспринимают друг друга, поскольку попытки проведения «междисциплинарных исследований», скорее, вносят дополнительную сумятицу, а задача построения «научной картины мира» оказалась так и не реализованной, оставшись на уровне наиболее поверхностных обобщений.

Эти два аспекта, действуя вместе, дают третью характерную черту современности – пресловутый «кризис постмодерна». Отсутствие в рутинном массовом опыте дисциплинированного индустриального труда означает значительную вариативность форм поведения, обусловленную, с одной стороны, достаточно высоким уровнем потребления «общества всеобщего благоденствия», а с другой – парадоксальной в высокоурбанизированных сообществах ориентацией на более персонафицированные и менее формализованные отношения, характерные для «индустрии услуг» в виде мелкого и среднего бизнеса и неформальных субкультур. Равно и отсутствие в рутинной культурной рефлексии дисциплинированного рациональностью научного знания (представленного, скорее, различными фрагментами исследований, нежели концептуализированными формами хотя бы школьных курсов) нивелирует саму парадигму рационального мышления – что и выражается в различных патологиях общественного сознания (рост девиантного поведения и сектантства, радикализации субкультур).

Наличие этих черт позволяет говорить о сломе Модерна, как социокультурной парадигмы, причем, происходящем не вследствие внешнего давления, но в результате его последовательного развития, что обуславливает утверждение именно об «исчерпании» принципов последней.

2. «Исчерпание парадигмы Модерна» выражается и в конкретных социальных процессах, даже без учета специфических черт ее капиталистической формы. Это означает на практике сворачивание социальной инфраструктуры Модерна – индустрии и науки как социокультурных феноменов, формализованного бюрократического аппарата, и, как следствие, сложившихся вокруг них социокультурных общностей: научной интеллигенции, индустриальных рабочих и управленцев¹.

¹ См., напр., Фурсов А.И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними // De futuro, или История будущего. – М.: Политический класс; АИРО-XXI, 2008. – С. 255-304.

На смену им идут в качестве доминирующих общности иного порядка, связанные, во-первых, с инфраструктурой обслуживания капитала, уже не привязанного к индустрии, во-вторых, с идейно-идеологическими движениями различного рода, в той или иной степени отрицающих рационалистическую и гуманистическую парадигму Модерна (при этом не принципиально, что это за движения и где они коренятся – в уже размытом ядре «общества Модерна» в виде «постмодернистских» движений и субкультур, или на периферии в виде, например, радикального ислама), организованные по принципу транснациональных корпораций, точнее, корпоративных сетей.

В каком-то смысле, они на данный момент выступают доминирующей формой социальной организации, обеспечивающей связность социокультурного пространства местных, локальных общностей друг с другом. В то же время, преследуя собственные, неизбежно частные и ограниченные, интересы подобные структуры и не имеют возможности обеспечить устойчивый социальный порядок, и не ставят перед собой такой цели.

Еще одним следствием сворачивания «инфраструктуры Модерна» выступает вполне закономерный «взрыв архаики», выражающийся в виде реактуализации отдельных элементов социальных практик Премодерна, от возрождения уже ставших в той или иной степени (в меру модернизации общностей, разумеется) латентными этнокультурных традиций (например, появление различных неоязыческих групп) до переживаемого «религиозного ренессанса» (в данном случае, не принципиально, христианского или исламского), риторика которого стала вплетаться даже в различные геополитические и внутривосточные доктрины (классическое противопоставление цивилизаций Хантингтона – наглядный пример¹).

Причем, как ни парадоксально, с точки зрения классической «шкалы прогресса» подобные контрмодернистские течения, отвергающие Модерн и отсылающие к установкам аграрного (а то и доаграрного!) типа общества, оказываются не более «обращенными в прошлое», чем установки «возрождения Модерна» по вышеозначенным условиям «исчерпания» последнего. Как и всякое «возрождение прошлого», и те, и другие носят контрпродуктивный характер, поскольку предполагают реанимацию уже утративших свою эффективность социокультурных форм, и если с установками это очевидно, то в случае с «возрождением Модерна» требуется некоторое пояснение.

Проблема заключается в том, что капиталистическая форма модерна подавила остальные его варианты как самостоятельные проекты. Она же строится на максимальной эффективности использования капитала, «инвестиции с целью выгоды». Соответственно, остальные формы использования

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

капитала в рамках ее логики – менее эффективны и не могут выдержать конкуренции с ныне действующими. Попытка вернуть эти формы, обобщенно, социалистические, лишь повторит динамику противостояния проектов – со всеми вытекающими последствиями.

Кроме того, исторические условия, в которых разворачивалось то противостояние – масштабная экспансия капитала и наращивание индустриальной мощи – наталкивается как на уже отмеченные массивные процессы, связанные с развитием технологий и социокультурными трансформациями, так и на «падающую эффективность» собственно промышленного развития (в частности, падающую эффективность добываемой энергии).

Таким образом, современное состояние характеризуется столкновением трех принципиальных интенций: исчерпывающегося Модерна, Постмодерна и Контрмодерна, причем, все три варианта, как представляется, теоретически не дают положительного разрешения наличных проблем. Это, в свою очередь, позволяет говорить о начале нового «фазового перехода», сравнимого с переходом от аграрного общества к индустриальному.

3. Именно в этом ключе и реализуется глобальное противостояние, между сторонами которого предполагается наличный цивилизационный выбор. Следует отметить, что и здесь значительную роль играет специфика современности, а именно, глобальность социальных отношений, глобальная социокультурная инфраструктура¹ – а следовательно, неизбежная глобальность самих противостоящих друг другу цивилизационных проектов: проекты, предполагающие ту или иную изоляцию своих субъектов, по определению в наличных условиях могут выступать пусть и значимыми, но объектами стратегических мер и решений, элементы, которые на тех или иных условиях, но будут встраиваться в «победивший» проект.

С точки зрения рассматриваемой проблемы, проблемы модернизации и модернизационного перехода, глобальные проекты можно разделить следующим образом.

Это, во-первых, «глобальный западный проект», который, с одной стороны, обеспечил и сформировал глобальную социокультурную инфраструктуру и на данный момент доминирует на планете, подавив альтернативный ему «глобальный советский проект». Формально глобальный западный проект еще можно отнести к локомотиву Модерна: несмотря на принятую стратегию выноса промышленности в страны полупериферии, индустриальное ядро и совокупный научный потенциал у них остается.

С другой стороны, именно в его ядре преимущественно разворачиваются отмеченные выше процессы «исчерпания Модерна», а гуманитарные

¹ См., напр., Панарин А. С. Искушение глобализмом. – Эксмо-Пресс, 2002.

технологии и практики Постмодерна открыто взяты на вооружение. Сосредоточив в своих руках основную экономическую, научную, военную, политическую и идеологическую мощь на планете в результате победы в холодной войне, «западный глобальный проект» сохраняет доминирующее положение в мире, но именно поэтому интенции Постмодерна транслируются в глобальном масштабе, приводя как к сворачиванию инфраструктуры Модерна, так и к реакциям Контрмодерна.

Во-вторых, это область «догоняющего Модерна», представленная странами «полупериферии» глобального мира, переживающими индустриальный переход как в результате собственных усилий, так и в результате процесса выноса промышленности из ядра. В них на данный момент сосредотачиваются общности, носители Модерна (квалифицированные индустриальные рабочие, массовая научно-техническая интеллигенция, индустриальные управленцы), и воспроизводится его социокультурная инфраструктура, имеющая претензии дать и наукоцентричную культуру, и соответствующее массовое поведение.

Однако хотя бы относительно осмысленной самостоятельной глобальной проектности, за исключением ее первичных форм (вроде попыток интеграционных процессов БРИКС, например), в этом сегменте человечества, по сути, нет. Кроме того, положение полупериферии предполагает отсутствие самостоятельности в экономическом, научном и политико-идеологическом плане.

Фрагментарные производственные цепочки «вынесенной промышленности», контролируемые через корпоративные сети ТНК и замыкающиеся на «ядро», «дополнительный» характер научной системы (наиболее наглядно это проявляется в России, где происходит не только деградация некогда самостоятельной научной и научно-технической системы вследствие сворачивания инфраструктуры нашей версии Модерна, но и, как представляется порой, проводятся целенаправленные кампании по включению их остатков в качестве элементов «мировой науки») и ориентация на «демократию и права человека» – все это обуславливает подчиненный статус таких стран и логику их действий (например, «борьба за иностранные инвестиции», «борьба за степень локализации», риторика «суверенной демократии» и т.п.), которые направлены, в лучшем случае, на повышение собственной автономности в рамках глобальной системы.

Впрочем, «сворачивание глобальной инфраструктуры Модерна», инициируемое ядром «глобального западного проекта», все нагляднее и активнее проводящаяся на практике в последнее десятилетие, а также усиливающиеся кризисные явления в рамках этого постепенно меняют как положение

стран полупериферии, так и логику их действий, побуждая ко взаимной кооперации помимо ядра и антагонизму последнему. По большому счету, страны «догоняющего Модерна», остающиеся его оплотом, в условиях распада наличной системы международных отношений могут придти к формированию одного или нескольких вариантов «альтернативы», могущих оказаться достаточными, чтобы поддержать существующую глобальную инфраструктуру и не ввергнуть человечество в хаос ее распада. В частности, одним из таких вариантов может быть реанимация «советского проекта» в той или иной форме.

Наконец, в-третьих, это периферия глобального мира, область наименьшей модернизации, включенная, тем не менее, в единую систему. Ее специфика в рассматриваемом аспекте определяется как раз слабостью собственно социокультурной инфраструктуры Модерна, а также инициированным ядром Постмодерном. Не вдаваясь в «игры разума» относительно нарративов, симулякров и дискурсов, общества периферии достаточно живо воспринимают два момента: во-первых, дискредитацию авторитета Модерна, его ценностей и установок, а во-вторых, следующую вместе с этим тенденцию на сворачивание глобальной системы, в которую они вписаны.

Второе неизбежно приводит к росту антисистемных настроений в обществах, а также влияет на «цивилизационный выбор» периферийных элит, которым уже нет насущной необходимости ориентироваться на глобальные стандарты, зато появляется необходимость ориентироваться на собственные силы (наглядным примером здесь выступают «нефтяные республики» Персидского залива в сравнении с Ираном или Турцией).

Первое определяет идейно-политические и культурно-дискурсивные рамки такой опоры: отвержение Модерна (хотя бы и в виде «объекта поклонения») неизбежно приводит к апелляции к «собственным традициям и ценностям», в лучшем случае, фиксирующим премодерн и не прошедшим модернизационную трансформацию. Собственно, поэтому интенции подобного рода следует отнести уже не к Постмодерну, а к Контрмодерну – не исчерпание дискурсов и смыслов Модерна, но отторжение их в пользу архаики Премодерна, что не исключает жесткой связки между ними (например, чем был бы «исламский терроризм» без роли Саудовской Аравии и «афганских моджахедов»)?¹.

В то же время, об осознанной проектности Контрмодерна говорить относительно сложно, поскольку совершенно несамостоятельный харак-

¹ См., напр., Перселегин С. Опасная бритва Оккама. – М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2011.

тер подобного рода процессов (вследствие острой ограниченности ресурсов любого рода: использоваться может только то, что достается от инфраструктуры Модерна, от стрелкового оружия до интернета, финансов и транспорта) и специфической роли в рамках глобальной структуры (ядру Контрмодерн нужен только в одном смысле: подавление и силовое давление на полупериферию; «варвары», используемые «Империей») в значительной степени закрывает возможность глобальной проектности. Направленное на разрушение инфраструктуры Модерна, движение подобного рода неизбежно будет приводить к разрушению глобальности как таковой, возвращая мир в реалии эпохи не позже раннего колониализма, в том числе и в технологическом плане, поскольку поддерживать научный, научно-технический и технологический уровень в подобных условиях невозможно.

Столкновение этих трех фундаментальных тенденций (разумеется, с определенными вариациями внутри каждой из них) в целом определяет динамику современного глобализированного мира, в поле которого и может быть осуществлен стратегический цивилизационный выбор.

Дрогунов С.В.

СМЫСЛ ЖИЗНИ МОЛОДЁЖИ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

В частности, привилегией молодых является демонстрация своей взрослости, прежде всего, тем, что они ставят под сомнение смысл жизни.

Виктор Франкл

Поиск смысла жизни – проблема практической философии, имеющая отношение к определению конечной цели существования индивидуума как биосоциального существа, а также человечества (социума, этноса) в целом; это одна из фундаментальных мировоззренческих философем, играющая ключевую роль в духовно-нравственном становлении облика личности. Более того, «...смысл жизни считается в философии важнейшим системообразующим показателем полноценного человеческого существования» [1, с. 8].

Также рассматриваемый вопрос как одна из традиционных стержневых проблем философской антропологии интерпретируется, преимуще-

ственно, с точки зрения определения, в чём состоит наиболее достойный для человека смысл жизни. При анализе этого понятия, помимо нахождения ответа на поставленный вопрос, необходимо его детерминировать как явление, феномен, имеющее несколько толкований, с учётом всех социально-субъективных особенностей, чётко определить наиболее истинное из выявленных. «Человек в поисках смысла жизни не только вопрошает к себе самому, но и обращается к миру... Где он, смысл жизни? Содержится ли он в реальной ситуации (объективность), или он есть результат душевных переживаний (субъективность)... смысл жизни не предзадан, его надо найти, и найти, преодолевая трудности.... Т.е. смысл жизни и объективен, и субъективен» [2, с. 40].

В этой связи особый интерес представляет собой поиск смысла жизни молодых людей, учитывая особенности и специфику реалий современности.

Аспекты обозначенного поиска должны иметь категориальную структуру. Первый аспект – социальный: молодёжь представляет собой социокультурную группу, имеющую определённые возрастные рамки и статус в обществе; второй – философский: понятие «смысл жизни» является отнюдь нетривиальным с точки зрения непосредственного осмысления, требует идеологически иного подхода в плане рефлексии и анализа причин и путей его поиска, адекватности полученных результатов в случае успеха последнего.

Обоснованность выбора в качестве объекта изучения и анализа такой социокультурной страты, как молодёжь, заключается в том, что данная социокатегория понимается как совокупность молодых людей, которым предоставляется возможность социального становления (или социализации). Именно юношество в значительной степени обладает таким уровнем социальной мобильности, интеллектуальной активности и здоровья, который выгодно отличает его от прочих групп населения. Обоснованность выбора временного периода исследования продиктована особенностями реалий объективной действительности – т.е. той конъюнктурой и теми проблемами, которые наличествуют на данный момент (т.н. хронологическая актуальность).

В связи с этим молодёжь представляет собой наиболее интересующий объект как для теоретического анализа, так и практического исследования в контексте обозначенной проблемы. Отсюда, руководствуясь вышерассмотренными методологическими аспектами, и следует искать сокровенный ответ на поставленный вопрос: «Каков же смысл жизни современной молодёжи?».

Сущность смысла жизни заключена в отношениях. Нет отношения к миру, нет и смысла. Всё зависит от выбранной системы ценностей как руководящего начала; в определённой степени смысл жизни коррелирует с ценностями и взаимоотношениями между ними и человеком. Это аксиологическая сторона вопроса. Где же сама онтология? Она проявляется в ситуациях, где имеет место диалектика непрестанно взаимодействующих сторон, как то: отношения между различными субъектами, субъектами и миром. «Мир осмыслен и может существовать без человека, т.к. есть основа отношений. Он в своём движении образует некоторую целостность, которая сама себя образует и осмысливает как собственное продолжение и выживание. Онтологически, значит, смысл в том, что имеется общая основа этого мира» [3, с. 138].

В контексте обозначенных рассуждений, взятых за исходные положения, интерес представляют как аксиологический, так и онтологический подтексты смысла жизни молодёжи настоящего времени, выходящего по степени социально-философской актуальности на уровень национального вопроса.

В результате консолидации вышеизложенных аспектов формируется третий (общий), положенный в основу тональности дальнейших рассуждений. Именно через посредство него предпримем попытки вскрыть сокровенный ларец тайны, на дне которого и зияет искомая истина. Для реализации заложенной идеи и последующего анализа такого важного и сложного экзистенциального феномена, как смысл жизни молодёжи в контексте современности, был выработан целостный концептуально-идеологический подход.

Сегодня научно-техническое развитие претерпевает стадию апогея, захлёстывая сферы общественной и личной жизни индивидов своеобразной волной, на гребне которой находится влияние технико-технологических факторов. Наступило время глобальных процессов информатизации и компьютеризации; Интернет, СМИ, мобильная связь проникли во все сферы человеческого бытия, пропитав их своим, подчас негативным, влиянием. В свете такой динамики особняком должна стоять духовная составляющая личности.

Молодёжь во все времена представала ключевым слоем в общем пласту, именуемым социумом. Внутренний мир юных индивидуумов поистине богат, совокупность взглядов, система ценностей и особенностей характера всегда отличались своей неоднородностью. Молодёжь, в силу преобладающего значения в плане процентного преобладания в народной массе, всегда воспринималась как потенциальная сила, порой с лёгкостью поддающаяся манипуляциям, для возможности осуществления глобальных перемен,

научных прорывов, социальных революций. Учитывая возрастные рамки, характеризующие молодёжь как наиболее энергичную страту социума, высокопоставленный политический аппарат (как правило) и старался сделать юношество объектом манипуляций для достижения своих, зачастую крамольных, целей.

Взгляды, чаяния людей преклонного возраста отличаются непоколебимой консервативностью и заскорузлостью, что само по себе не даёт возможности не только к прямому осуществлению вышеуказанных манипуляций, но и не является благодатной почвой, чтобы на ней можно было взрастить древо мышления, глубоко пускающего могучие корни непосредственно в естество человеческого сознания, а кустистые ветви устремить к солнцу истины.

Рассмотренные обстоятельства и факты по совокупности определяют существенную практическую значимость и ценность поиска смысла жизни молодых людей в контексте современности со следующими директивами: понять основные причины поиска, установить (с последующим анализом) критерии и мотивационную обоснованность, детерминировать внешние факторы, влияющие на попытки его осуществления. Рассмотрим всё по порядку.

При интерпретации основных причин поиска смысла жизни целесообразен надлежащий акцент внимания на следующем обстоятельстве. Когда в поступках и действиях человека отсутствует обусловленность, это автоматически сказывается на качестве самой жизни. Жизнь без смысла означает, что человек лишён разумно-чувственной мотивации, внутреннего духовного стержня, непреклонной воли, позволяющих взять собственную судьбу в свои руки. В результате он становится слабым, теряет опору, любая неблагоприятная жизненная ситуация может дестабилизировать душевную гармонию.

Индивид также становится легко управляемым: отсутствие смысла лишает прочных жизненных критериев и установок. В результате страдают его индивидуальность, способности, таланты и потенциал. Ему можно невозбранно внушить всё что угодно, а любые сторонние взгляды или мировоззрение начинают восприниматься как свои собственные (проявление конформизма). Ослабевает сила противостояния внешним жизненным обстоятельствам. Жизнь без смысла часто является тревожным признаком того, что человек уклоняется от ответственности за себя в отношении с другими людьми.

Налицо явно обозначивший себя крен аксиологической подоплёки личности в сторону острой поляризации жизненных приоритетов, попра-

ния нравов; стремление сделать абсолютную ставку на что-то одно, субъективно значимое, что по совокупности дезориентирует генеральный вектор истинно-подлинного развития и духовного становления индивида, изменяя его, вектор, по направлению ложного пути, приводящего к нравственному регрессу.

Применяя предлагаемый концептуально-идеологический подход, приведём следующую логически выстроенную последовательность философских рассуждений в попытке отыскания смысла жизни юношества. Здесь подразумевается выделение т.н. иерархии приоритетов, принципиальная структура которой является пирамидальной, включающей пять ступеней, а именно.

Первая ступень в рассматриваемом соподчинении – всевозможные потребности. Речь идёт о потребностях как естественно-природного характера, так и возникающих в повседневной жизни. Любая потребность подразумевает её удовлетворение, ибо в противном случае она неизбежно трансформируется в искушение, провоцируя возникновение духовного дискомфорта.

Вторая ступень – стремления. Следует выделить как стремления в удовлетворении вышерассмотренных потребностей, так и своего рода побуждения в нахождении путей во избежание тех самых искушений, если имел место указанный процесс трансформации. О. Уайльд патетично заявлял, что лучший способ победить искушение – уступить ему. Но если отбросить в сторону лиричность, то обозначенные стремления и побуждения уже могут выступать в качестве некоего квазипоиска (поиска смысла существования, но пока ещё не смысла жизни, как такового, не во всей полноте обоснования).

Третья ступень – это выявление цели. Любой молодой человек по достижении рассматриваемой ступени (преодолев первые две) условной иерархии приоритетов, задумываясь о своём существовании, рано или поздно ставит перед собой её, своего существования, цель. Цели могут различаться как по духовному критерию (идеальному), так и критерию материальному. Но, так или иначе, они будут направлены на достижения как единичных, тривиальных ценностей (например, являясь логическим апофеозом стремлений и побуждений для удовлетворения потребностей, речь о которых шла выше), так и на покорение более высоконравственного жизненного рубежа. На данной стадии понятие «поиск» приобретает истинное субъективное значение, отчасти становясь для человека проблемой в попытках самоидентификации.

Четвертая ступень – поиск путей достижения целей. Здесь понятие «поиск» практически окончательно приобретает статус экзистенциальной единицы (но пока еще не экзистенциального феномена). Данная ступень в иерархии приоритетов является наиболее философски значимой: у молодых людей прослеживается определённая социальная дифференциация, а именно.

1) По интересам: различные социальные группировки и политические объединения, идеологические конгломераты, имеющие цель в личном самовыражении посредством искусства и творчества, а также экстремизма и негативной экспрессии (налицо чёткая онтологическая двунаправленность).

2) По душевно-образной тождественности: различные кружки, спортивные школы, социальные институты и структурные единицы, а также объединения по интересам и взглядам, субъекты, составляющие суть которых являются по своей ментально-психологической природе конгениальными.

3) По убеждениям: как религиозного характера (что находит отражение в проявлении сектантства, образовании религиозно-общинных формаций), так и при появлении формирований культа личности, культа явления и т.п. Яркая иллюстрация – плюрализм субкультур, набирающих силу и актуальность в последнее время среди молодёжи, представляя одновременно и средство самовыражения, и один из путей в достижении мнимой псевдоцели.

4) По образу жизни: различия в культурно-идеологических аспектах, особенности проявления социального поведения, приобщение к высокодуховному видению или уподобление аморально-упадническому сосуществованию, приводящему, в конечном итоге, к тотальной стагнации; также крайне актуальная позиция молодёжи сегодня: «плата дани современной моде».

Именно на данной ступени иерархии приоритетов, а, точнее, у её границы, у молодых людей появляются такие абстрактно-идеализированные понятия, как «реальное», «иллюзорное», «заветное», «сокровенное» и т.п., напоминающие, разве что издали, по философским коннотациям – потребности, речь о которых шла выше; появляется духовная дефиниция – «мечта».

Реальным представителями молодёжи живут, пытаясь объяснить всё то, что в нём происходит, что происходит с ними; процессы и явления необходимо осмыслить; все «почему?», довлеющие над индивидами, должны иметь чёткое разумное обоснование (может иметь место антагонизм между сентиментальностью и здравым рассудком, фаза диалектического противоречия).

Иллюзорное же суть нечто, чего бы хотелось однажды достичь; то, что является для них идеальным, венцом существования (в некоем роде это уже воспринимается именно как смысл бытия, который нужно постигать), а кто-то, живя этим понятием, создает «комфортную» психологическую атмосферу себе как субъекту, исходя из принципа: «хорошо поместить свой идеал там, где ты никогда не будешь. Это в будущем избавит тебя от ответственности за то, что ты его так и не достигнешь». Здесь пропрядывает избегание ответственности за то, что желаемое с действительным могут навсегда разойтись. Лелея надежду о достижении заповедной вершины, индивид, отодвигая этот ключевой момент, так и не подступится к основанию оной для её покорения.

Заветное и сокровенное выступают частными случаями иллюзорного за той лишь разницей, что молодой человек придаёт этому большую значимость, яснее и чётче усматривает смысл бытия именно в этом; порой, не отодвигает, а, наоборот, старается «придвинуть» момент наступления истины.

Наконец, мечта... Она является своеобразным медиатором между четвёртой и пятой (заключительной, т.е. вершиной) ступенями рассматриваемой иерархии приоритетов, разобравшись в сути которого, индивид сможет осуществить ключевой заветный шаг на пути постижения смысла своей жизни.

Зачастую понятия «мечта» и «цель» у многих людей приобретают статус семантических эквивалентов, что является заблуждением. Мечта, как отдалённый маяк в просторах бытия, выступает в роли ориентира, помогающего выбирать по возможности истинный путь жизнетворчества. Мечта не подвластна времени, инвариантна и, практически, недостижима, ибо все постигаемое человеком интерпретируется как цель, исходя из своих собственных сил для её достижения. А мечта – это лишь нечто идеализированное, потенциально осуществимое, для реализации которого нет чётко детерминированных возможностей; и не может быть, чтоб у человека не было мечты, а имелись только цели: ведь человек, как говаривал Э.М. Ремарк, живёт мечтами.

Квинтэссенция дилеммы в том, что к цели идут, а мечтой – живут (она уже выступает как некий катализатор к жизни, смысл которой стоит искать). Поставив перед собой цели, потом, когда все посильные будут достигнуты, а непостижимые канут в лету, – перед человеком будет зиять пустота, и её не заполнить ничем, ибо не было мечты – того, чем можно и нужно было жить.

Пятая ступень (вершина пирамиды приоритетов) – обособление и становление понятия «смысл жизни»; трансформация плюрализма суждений,

составляющих суть четвёртой ступени, в одну категорию, как высшее, полноправно имеющее статус «экзистенциального феномена». Здесь редуцируется всё мирское и тленное, индивид устанавливает баланс между идеальным и материальным с последующей доминантой в виде духовного. Происходит осознание любви и добра, творчества и познания как средств не только для самовыражения, саморегуляции внутреннего мира, но и для рефлексии с целью дальнейшего саморазвития. Это паллиатив того, что откроется на пути к основной цели – сосуществования с природой в абсолютной гармонии.

Таким образом, введённая в рассмотрение иерархия приоритетов является собой концептуально-идеологический подход, суть которого следующая. Рассмотренные уровни состоят с соседними в определённой степени корреляции, что предполагает между ними различные взаимодействия, даёт возможность перехода индивиду с уровня на уровень. Каждая из ступеней уже является «смыслом жизни», как таковым, в его собирательном понимании.

Для одного молодого человека венец бытия – потребности, а смысл жизни – в их удовлетворении: индивид находится у подножия пирамиды приоритетов (базовая первая ступень), не видя мотивации для продолжения своего восхождения по ней. Для другого смысл жизни – в стремлении как процессе побуждения или стремлении в достижении чего-то; в выявлении и обозначении цели, чётком определении границ горизонта, к которому необходимо проплыть по волнам бытия в утлом челне познаний, заключая в этом суть своего существования. Всё это инкриминируется человеку при достижении второй и третьей стадий иерархии приоритетов, соответственно; и т.д. в аналогичном ключе до самой вершины условной пирамиды – пятого уровня, высшего – истинного обособления и становления понятия «смысл жизни».

Следует отдельно сакцентировать внимание на том обстоятельстве, что «смысл жизни» претерпевает эволюцию в своей интерпретации в субъективном понимании и восприятии молодёжи. Проследим это: на первой стадии в иерархии приоритетов он зарождается в виде побуждения для реализации потребности. На второй стадии происходит трансформация в квазипоиск. На третьей в понятии поиска редуцируется префикс «квази-», получая истинное, но пока ещё субъективное значение. На предпоследнем уровне за «смыслом жизни» окончательно затверживается статус экзистенциальной единицы, которая, в конечном счёте, эволюционирует в экзистенциальный феномен, поиски и ратификацию которого и надлежит претворять в действительность.

Процесс преобразования происходит не сам по себе, а в сознании молодёжи (на ментальном уровне) вследствие динамики перемещений по иерархии приоритетов. Что же служит основополагающим критерием, являющимся идентификатором положения индивида в иерархичной модели, устанавливая его истинный смысл жизни, а также определяющим признаком в возникновении духовной эволюции понятия «смысл жизни» у молодых людей?

В роли универсального мерил выступает духовно-нравственный уровень развития личности (ДНУРЛ) как шкала морали, находящаяся в прямом соответствии с введённой иерархией приоритетов. Определяя конкретный уровень развития личности, производя верификацию между ним и ступенями в иерархии, мы сможем прийти к разъяснению сути сакраментального понятия и фактологическому объяснению явления его эволюции. Получается, чем ниже ДНУРЛ, тем более низменную нишу занимает человек в иерархии приоритетов, и тем менее чётко представляет само понятие и пути его познания.

Следовательно, имея универсальную модель (в виде иерархии приоритетов) для детерминации смысла жизни молодёжи, чёткую шкалу в виде ДНУРЛ всегда можно через посредство сопоставления в первом приближении установить жизненные приоритеты и ценности индивида, расцениваемые как истинный смысл его жизни. Как отмечает А.А. Горелов, «...понимание смысла жизни помогает выжить в труднейших условиях», ибо «... высшая цель как смысл жизни необходима человеку как ориентир в пути, как эталон, по которому он должен измерять ценность всех своих поступков...» [4, с. 85].

Резюмируя, заметим, что сегодня среди молодёжи негативной доминантой выступает низкий ДНУРЛ с подавляющим большинством человек (истинность в определении смысла жизни здесь так и остаётся недостижимой, заменяясь на псевдосмыслы). Имеет место взаимнообратная связь: при увеличении показателя ДНУРЛ (т.е. движении к вершине пирамиды приоритетов), превалирование масс ослабевает. Вершину же венчает лишь доля процента от общего числа юношей и девушек. Установленное обстоятельство сполна подтверждает суть иерархической системы как пирамидальной структуры.

Литература

1. Горелов А.А. Практическая философия : учеб. пособие / А.А. Горелов. – 1-е изд. – М.: ООО «ИД Альянс», 2008. – 214 с.
2. Желтов М.П. Практическая философия : учеб. пособие / М.П. Желтов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – 152 с.
3. Ерохин В.Г. Основы философии учеб. пособие. Рязань : Горизонт–РИУП, 1996. – 144 с.
4. Горелов А.А. Истина и смысл / А.А. Горелов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2010. – 147 с.

Дупленко Н.Г.

СНИЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ КАК УСЛОВИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СВЯЗНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Административно-территориальное деление страны складывается под воздействием многообразных факторов, в число которых входят и культурно-исторические предпосылки, и физико-географические характеристики территории, и политические, и экономические факторы. Следствием является то, что административно-территориальные единицы имеют значительную асимметрию своего потенциала и, как следствие, асимметрию социально-экономического развития.

Без реализации мероприятий по снижению асимметрии на субрегиональном уровне она приводит к тому, что отстающие муниципальные образования тормозят развитие всего региона. Углубление различий в уровне и качестве жизни населения сопровождается деградацией сельских территорий и малых городов [1, с. 97]. С другой стороны, реализация мероприятий по стимулированию развития отстающих муниципальных образований приводит к выравниванию социально-экономического развития региона, снижению социальной напряженности, росту инвестиционной привлекательности, что способствует развитию региона в целом.

На региональном уровне важным следствием асимметрии социально-экономического развития может являться ухудшение геополитической и социокультурной связности регионов – важнейшей предпосылки политической, социальной и культурной целостности государства.

Таким образом, при сравнительном анализе регионов необходимо не просто сравнить их природно-ресурсный потенциал, уровень развития про-

мышленности, сельского хозяйства, малого предпринимательства, средне-душевой доход и т. п., но и выявить оси наибольшей асимметрии социально-экономического развития. Важно не только отслеживать изменение этой асимметрии, разрабатывать мероприятия по её снижению, но и оценивать региональные программы социально-экономического развития, поддержки малого предпринимательства и прочих по их влиянию на изменение асимметрии. С тем, чтобы не допускать её усиления, поскольку это может оказать негативное влияние на развитие государства в целом.

Можно предложить следующий механизм сглаживания асимметрии социально-экономического развития регионов (см. рис. 1).

Рис. 1. Механизм сглаживания асимметрии социально-экономического развития регионов

Первый этап – аналитический. Он включает оценку асимметрии экономического развития, оценку асимметрии социального развития и оценку асимметрии потенциала регионов того или иного федерального округа.

Для оценки асимметрии экономического развития можно использовать такие показатели, как количество субъектов хозяйственной деятельности, объем промышленного производства, объем продукции сельского хозяйства, строительство, объем инвестиций в основной капитал.

Как и при оценке экономического развития, для оценки уровня социального развития могут быть использованы различные показатели, в том

числе естественный прирост (убыль) постоянного населения, уровень безработицы, номинальная среднемесячная заработная плата, обеспеченность населения жильем, показатели медицинского обслуживания, показатели развития образования и культуры, а также уровень преступности.

Данную систему показателей можно сравнить с показателями оценки социально-инфраструктурной обеспеченности и уровня жизни населения муниципальных образований региона, предложенными Е.Ю. Меркуловой и П.А. Поповым [2, с. 211, 216.]. В их число включены показатель медицинского обслуживания (численность врачей всех специальностей на десять тысяч человек населения), показатель развития образования и культуры (обеспеченность детей дошкольными образовательными учреждениями), среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, обеспеченность жильем и уровень преступности.

По нашему мнению, оценка асимметрии социального развития и уровня жизни будет более объективной, если добавить показатель уровня безработицы, увеличить число показателей медицинского обслуживания, развития образования и культуры. Ключевым же показателем, характеризующим уровень социального благополучия в регионе, является, на наш взгляд, прирост или убыль населения.

Хотелось бы подробнее остановиться на таком показателе уровня развития образования и культуры, как численность учащихся общеобразовательных школ, приходящихся на одного учителя. Он используется и при оценке эффективности местными органами власти на региональном уровне, однако ими положительно оценивается увеличение численности учащихся, приходящихся на одного учителя. Если же он ниже установленного руководством «нормативного уровня численности учащихся, приходящихся на одного учителя, для расчета неэффективных расходов – 12 человек», то это расценивается как неэффективное расходование бюджетных средств на образование.

По нашему мнению, этот подход не учитывает социальную значимость малокомплектных сельских школ. Значительное сокращение их числа для краткосрочного «повышения эффективности» расходования бюджетных средств значительно ухудшило социальную обстановку на селе и будет иметь далеко идущие негативные последствия, общие потери от которых значительно повысят мнимые выгоды от ликвидации сельских школ. По этой причине при оценке уровня образования показатель числа учащихся, приходящихся на одного учителя, целесообразно учитывать в обратной зависимости.

Следующий этап – оценка асимметрии потенциала – состоит из трех частей. Первая – это оценка неизменных элементов потенциала. К ним можно отнести площадь территории, географическое положение, климат, рельеф местности. Оценка асимметрии здесь проводится один раз, повторная оценка может понадобиться только в случае изменения административных границ регионов, их объединения или, наоборот, дробления.

На рисунке 2 представлено распределение элементов потенциала региона по степени их изменяемости.

Рис. 2. Виды элементов потенциала региона по степени их изменяемости

Сравнение только по неизменным элементам потенциала не позволяет получить верное представление о том, какими предпосылками для экономического развития обладает то или иное муниципальное образование.

Поэтому второй частью является оценка условно-неизменных элементов потенциала регионов. Сюда входят, в частности, рекреационные ресурсы – реки, озера, другие места отдыха жителей, а также достопримечательности. Сюда же можно отнести и почвенные ресурсы. В эту группу входит

все то, что не изменяется при нормальных условиях, однако может исчезнуть или потерять свои ценные свойства в случае какого-либо бедствия, например, пожара, или в результате негативного воздействия – например, загрязнения окружающей среды. Оценку этой части асимметрии потенциала регионов также достаточно провести один раз. Повторная оценка требуется только в редких случаях уничтожения или значительного ухудшения каких-либо из этих ресурсов.

Третья часть – это оценка медленно изменяющихся ресурсов. В эту группу входят трудовые ресурсы, минеральные ресурсы, транспортная инфраструктура и т. п. Безусловно, эти элементы потенциала регионов изменяются, но, как правило, сравнительно медленно, поэтому их оценку можно проводить один раз в три-пять лет. Разумеется, за исключением тех случаев, когда произошло быстрое изменение этой части потенциала – например, при вводе в эксплуатацию важного объекта транспортной инфраструктуры или при открытии значимого месторождения полезных ископаемых [3, с. 60].

В качестве показателей для оценки медленно изменяющихся элементов потенциала региона можно предложить численность населения и его плотность (т. к. значительная плотность населения приводит к развитию социальных связей, а это, в свою очередь, усиливает обмен предпринимательским и производственным опытом), лесной фонд, наличие полезных ископаемых, биологических ресурсов, инфраструктуру железнодорожного, автомобильного, водного и воздушного транспорта. Большинство из перечисленных показателей являются комплексными. Например, уровень развития железнодорожной инфраструктуры зависит от плотности пригородного железнодорожного сообщения, удельного веса населенных пунктов, не связанных железнодорожным сообщением, от наличия крупных железнодорожных узлов, международного железнодорожного сообщения.

Следует отметить, что наиболее сложным для оценки из перечисленных показателей является, на наш взгляд, обеспеченность региона минеральными ресурсами. Очевидно, что нельзя просто рассчитать совокупную стоимость запасов полезных ископаемых в каждом из регионов, поскольку минеральные ресурсы в данном случае рассматриваются не сами по себе, а как часть потенциала, необходимого для экономического и социального развития.

Поскольку для экономического и социального развития разнообразие минеральных ресурсов тоже имеет значение, сравнение потенциала можно производить по их основным видам. Нами предлагается следующий ме-

тод. В регионе, где находятся максимальные запасы того или иного вида минеральных ресурсов, их запасы оцениваются в один балл, по остальным они будут пропорционально ниже. Затем по каждому из регионов федерального округа баллы по всем видам минеральных ресурсов суммируются, и получившиеся оценки вновь приводятся к сопоставимому виду путем приравнивания самой высокой общей оценки к единице и соответствующего уменьшения общих оценок по остальным регионам. Разумеется, такой метод оценки асимметрии не лишен недостатков и требует доработки, но в рамках исследования, для которого полезные ископаемые являются лишь одним из элементов потенциала регионов, его использование, по нашему мнению, вполне допустимо.

Следует отметить, что анализ асимметрии социально-экономического развития целесообразно производить не только на региональном, но и на субрегиональном уровне. В этом случае в зависимости от выбранных объектов сравнения возможны два подхода. В качестве объектов могут выступать, во-первых, муниципальные образования [4, с. 452], во-вторых, экономико-географические районы [5, с. 240]. Оба подхода имеют свои достоинства и недостатки. Так, муниципальные образования могут оказаться несопоставимы по своему размеру. Например, в Калининградской области постоянное население городского округа «Город Калининград» составляет 431 тысячу человек, в Ладушкинского городского округа – менее четырех тысяч человек. В то же время при делении региона на экономико-географические районы чрезвычайно затруднен сбор данных для анализа.

Предложенная методика оценки асимметрии муниципальных образований была апробирована на примере Калининградской области. Результаты исследования подтвердили наличие в регионе ярко выраженного полюса роста – города Калининграда, а также позволили сделать вывод о том, что высоким потенциалом обладает и ряд других муниципальных образований. Достаточно интересным представляется также сравнение оценок уровня экономического развития и потенциала. В Калининградской области лишь в двух муниципальных образованиях оценка уровня экономического развития превышает оценку потенциала – в городе Калининграде и в Светловском городском округе. То, что последний занял второе место по экономическому развитию, имея наименьшую оценку потенциала, свидетельствует о том, что в настоящее время в Калининградской области муниципальные образования могут реализовывать лишь некоторые из своих преимуществ.

После оценки асимметрии экономического и социального развития, а также потенциала регионов можно следовать оси наибольшей асимметрии. В

качестве следующего шага можно предложить анализ влияния региональных программ на этот процесс. Механизм сглаживания асимметрии социально-экономического развития регионов целесообразно дополнить системой мониторинга изменения асимметрии, который позволит своевременно корректировать федеральные и региональные программы.

Реализация предложенного механизма приведет к уменьшению социально-экономической дифференциации территории региона и снижению социальной напряженности, что является одной из важных предпосылок улучшения качества жизни населения, повышения инвестиционной привлекательности и экономического роста.

Литература

1. Клименко Н.А. Территориальная когезия как основа сбалансированной территориальной политики в Калининградской области // Балтийский регион. – 2011. – № 1. – С. 97-105.
2. Меркулова Е.Ю., Попов П.А. Инструменты и методы оценки социально-экономической асимметрии развития муниципальных образований региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (93). – С. 210-219.
3. Дупленко Н.Г. Асимметрия социально-экономического развития муниципальных образований / Системное моделирование социально-экономических процессов: труды 34-й Международной научной школы-семинара, Светлогорск, 26 сентября – 1 октября 2011 г.: ч. 2. – Воронеж: Издательство Воронежского гос. ун-та, 2011. – С. 60-61.
4. Дупленко Н.Г. Механизм выравнивания асимметрии социально-экономического развития региона // European Social Science Journal. – 2012. – № 1. – С. 452-459.
5. Тургель И.Д. Локальная асимметрия регионального развития: содержание, оценка, социально-экономические последствия // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики (Опыт России и Беларуси) / Под ред. М.А. Портного. Серия «Новая перспектива». Вып. XVI. – М.: МОНФ, 2000. – 267 с.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА

В настоящее время актуальность теоретического анализа условий, содержания и факторов формирования региональной идентичности не подлежит сомнению. И если факторы формирования этнической идентичности рассматриваются и исследуются в научной литературе, то проблема внеэтнической, общегражданской идентичности требует своего изучения.

По нашему мнению, региональную идентичность можно определить как определенную итоговую самооценку индивидом своего места в социально-экономическом и культурно-символическом пространстве региона. Эта самооценка должна с необходимостью иметь позитивный характер, создавая тем самым мотивацию для индивида жить, учиться, работать, раскрывать свой человеческий и творческий потенциал в рамках данного региона. Это, в свою очередь, повышает привлекательность региона, улучшает его имидж, способствует его конкурентоспособности. Принципиально, что личностная позитивная самоидентификация позволяет индивиду оценивать качество своей жизни в регионе как достойное, высокое, ощущать удовлетворенность жизнью.

В рамках данной статьи хотелось бы остановиться только на некоторых факторах формирования региональной идентичности у молодого поколения, а именно, на двух факторах. Первый – оценки условий жизни в типичном индустриальном городе Урала, второй – миграционные намерения.

Несколько слов о предпосылках исследования. Условия социализации молодого поколения зависят не только от переживаемого страной периода исторического развития. Они задаются и контекстом социальной ситуации в конкретном регионе. И если основное содержание задано в начале девяностых годов XX века и определяется как пореформенное, переходное, трансформирующееся; направленность и долгосрочность перспектив развития очевидна (демократия, рынок, культурное многообразие, социальная активность и творчество личности и т.п.) – то конкретная социальная ситуация региона, населенного пункта более изменчива, подвержена влиянию множества факторов. Вместе с тем, именно конкретные условия жизни во многом определяют стиль и успешность адаптации молодого поколения к постоянно меняющимся условиям жизни.

В современных условиях молодой человек находится в наиболее сложной ситуации, поскольку процессы самоопределения протекают в ситуации социальных трансформаций, соответственно, изменяются и механизмы формирования региональной идентичности. Если в недалеком прошлом такие механизмы опирались в немалой степени на этнические и культурно – идеологические факторы, то сегодня, пожалуй, ведущую роль играют экономические и социальные.

На примере социологических исследований, проведенных автором, рассмотрим некоторые особенности формирования региональной идентичности молодого поколения. Анкетный опрос, посвященный изучению проблем молодежи, был проведен в 2010 году в Нижнем Тагиле Свердловской области, являющимся крупным индустриальным центром Урала. Выборка квотная репрезентативная с соблюдением всех половозрастных и социально-профессиональных параметров, объем 478 единиц. Опрос проведен при содействии управления по делам молодежи городской администрации.

Прежде всего, к факторам формирования региональной идентичности отнесем те оценки и мнения, которые складываются в сознании респондентов относительно условий жизни в городе. Человеку наиболее близки те проблемы жизни, с которыми он сосуществует ежедневно. Для молодого человека характерные черты и качества окружающего микросоциума, внешний облик городского пространства имеют глубокий смысл. Ответы на вопрос: «Какие проблемы городской жизни Вы считаете первоочередными для решения?» позволили выстроить иерархию этих проблем. Как выяснилось, более чем для половины всех опрошенных наиболее актуальной проблемой является трудоустройство – этот вариант ответа выбрали 54% опрошенных.

На втором месте такие показатели, как решение жилищной проблемы для молодых семей и поддержание в нормальном состоянии городских дорог – этот вариант ответа выбрали по 42% опрошенных.

Третью группу наиболее актуальных проблем составляют такие, как оздоровление экологической обстановки – 40%, обеспечение стабильной работы градообразующих предприятий – 39%, обеспечение правопорядка – 32%, обеспечение местами в детских садах – 28%, поддержание чистоты улиц, дворов – 27%. Прочие факторы менее значимы, хотя несомненно актуальны для любого промышленного города – это и обеспечение современными детскими площадками, и наличие зеленых прогулочных зон, и возможностей для качественного досуга, и т.п.

Таким образом, складывается вполне определенный образ города как «города – труженика» прежде всего. Закономерно, что в опросах 90-х годов к числу наиболее актуальных проблем респонденты относили именно то, что связано со стабильностью работы производства, градообразующих предприятий, а уже во вторую-третью очередь – экология, культура и т.п. Отсюда понятно, почему наиболее болезненный вопрос сегодня связан с трудоустройством, причем для респондентов – женщин эта проблема еще актуальнее (60% против 47%). Этот вывод подтверждается и анализом ответов на вопрос: «Какие личные проблемы важнее всего решить в ближайшее время?». Это, в первую очередь, «найти хорошую работу» – 48% и «решить жилищную проблему» – 47%.

С одной стороны, актуальность проблемы трудоустройства – не новость для рыночного общества. Так, наши опросы разных лет фиксировали ее значимость: в опросе 1993 года – пятое место в иерархии (19%); в 2000 году – седьмое место; в 2004 – пятое место (24%) (авторские данные). Однако сегодня налицо усиление актуальности проблемы, что в первую очередь связано с экономическими реалиями моногорода. В решении этой проблемы молодые люди склонны ориентироваться на молодежные общественные организации (40%), управление по делам молодежи (35%), местную (32%) и федеральную власть (28%). Характерно, что запрос к молодежным общественным организациям становится более четким, оформленным – так, судя по материалам опроса 2005 года, на молодежные общественные организации возлагали надежды в вопросе трудоустройства 27% респондентов.

Изучение миграционных настроений молодежи помогает более точно оценить степень удовлетворенности жизнью в городе. На вопрос о том, хотели бы сменить место жительства, 48% дает положительный ответ, 35% – отрицательный, 16% – условно-положительный. Причины гипотетического переезда: поиск привлекательной работы (29%), желание повысить уровень жизни и обрести перспективы (по 28%), учеба (27%), желание стимулировать профессиональный рост (26%), желание более благоприятной экологической обстановки (23%), организация своего дела, решение жилищного вопроса (по 11%), поиск спутника жизни (10%), разнообразие досуга (8%).

Вопрос: «Куда хотели бы переехать при наличии возможностей» позволяет увидеть привлекательные с точки зрения респондентов направления. Это столичные города Москва и Санкт-Петербург (19%), абстрактная «заграница» (18%), вполне конкретный и близкий Екатеринбург (12%), любой крупный или курортный город (по 9%), село, поселок, деревня (4%).

Вопрос о том, хотели бы респонденты, чтобы их дети жили в этом городе, дает следующую картину мнений. Более половины респондентов дают

отрицательный ответ («нет» – 25%, «скорее нет» – 30%), чуть более четверти – положительный («да» – 14%, «скорее да» – 13%), 18% затрудняются с ответом.

С другой стороны, проводимые фокусированные интервью позволяют констатировать, что самосознание респондентов устойчиво содержит многокомпонентный смысловой ряд – исторический, символический, культурный, который позволяет ощущать себя частью цепи поколений и ощущать гордость за принадлежность именно к этому городу и региону. Таким образом, в сознании респондентов сосуществуют и уживаются противоречивые оценки, умонастроения, что характерно для переходных периодов развития общества.

Очевидно, что изучение факторов региональной идентификации включает в себя как объективную составляющую (историко-географические, этнокультурные, социально-экономические, политико-управленческие предпосылки и условия), так и субъективную (особенности и черты самосознания различных социальных групп, способы передачи социального и культурного опыта, символы, традиции, социальную мифологию). Весь этот комплекс требует не только моделирования, но и систематического изучения.

Таким образом, дальнейшее всестороннее исследование процессов, факторов и результатов формирования региональной идентичности представляется очень важным, актуальным направлением научной деятельности социальных философов, социологов, политологов и культурологов. Эта рефлексия важна, в том числе, и для решения задач обеспечения конкурентоспособности регионов.

Зазулина М.Р., Нечипоренко О.В.

ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЫБОРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА¹

Для всего постсоветского пространства, на котором с начала 1990-х годов происходят изменения, значимые в контексте общемировых, глобальных процессов, проблема цивилизационного выбора, определяющего стратегии дальнейшего развития наиболее актуальная и болезненная.

Ситуацию усложняет тот факт, что проблема реформирования современных обществ содержит в себе два аспекта: преобразование организационных систем общества (институциональные преобразования политики,

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001).

экономики) и реформирование социума как уникальной социокультурной системы. Два аспекта реформирования взаимосвязаны. Изменения в институциональной среде неизбежно влияют на доминирующий тип социальной интеграции, на систему социальных взаимодействий и ценностей, регулирующих социальные связи в обществе. В свою очередь, социокультурная специфика страны подразумевает селективность инноваций, или их определенный темп. Рассогласованность преобразований в этих двух сферах выступает причиной глубокого социального кризиса, крайним проявлением которого выступает дезорганизация социальной системы – как ввиду неэффективности новых институтов, так и ввиду деструктивных тенденций и роста социального напряжения в обществе.

Исходным пунктом развития постсоветских обществ послужил развал советской социалистической системы, а конечной целью их трансформации явилось построение демократического общества с развитой рыночной экономикой. Принадлежность всех постсоветских государств к одному типу общества (советскому) породила, во-первых, общие черты их институционального устройства, а во-вторых, проблемы, связанные с его изменением. Идентичность внешних глобальных вызовов способствовала тому, что некоторые из проблем стратегического характера постсоветские государства пытались решить совместно. Во всех новых независимых государствах неизбежным было столкновение традиционных для данной национальной политической культуры ценностей и норм политической жизни с новыми, современными тенденциями и элементами политического развития.

Принципиальные, парадигмальные изменения основных составляющих социального бытия в контексте основного вызова современной эпохи, глобального социально-экономического кризиса – требуют новых способов их постижения и, что вполне логично, становятся главной составляющей дискурса общественных наук. Тема социального кризиса рассматривается как одна из общезначимых и сквозных в философии и социологии на рубеже XX-XXI вв. Особую остроту тема кризиса приобретает на рубеже XX-XXI столетий, в условиях разворачивания разнонаправленных процессов постсоциалистической трансформации, охватившей около 30 стран в течение 1990-2000 гг. В качестве наиболее примечательных фактов постсоциалистической трансформации отмечается поразительное разнообразие национальных моделей реформирования и результатов преобразований (Д. Норт, Я. Винецки, С. Войгт, С. Пейович, Г. Роланд, В. Нее), а также разнонаправленность процессов реформирования: в большинстве трансформирующихся обществ, вопреки декларациям о демократизации и модернизации, происходит перерождение и реанимация авторитарных режимов, растет

социальная поляризация и прогрессирует экономическая демодернизация (Т. Карозерс С. Коэн, Т. Бейчельт, А. Хоффман).

Проблема социального кризиса в условиях глобализации становится одной из наиболее дискуссионных и актуальных проблем общественных наук. Обострение ряда противоречий, связанных с растущим взаимовлиянием государств в современном мире, нарушением их политической и экономической устойчивости и безопасности, вызванном появлением дополнительных рычагов и механизмов влияния на страны, переживающие масштабные социальные трансформации – актуализирует необходимость определения принципиальных подходов и условий интеграции обществ с переходной экономикой в мировое глобализирующееся сообщество, а также анализа как негативных последствий глобализации, так и новых возможностей для преодоления кризисных явлений. С одной стороны, современное постиндустриальное общество открывает безграничные возможности для роста производительности труда и эффективности производства, повышения уровня жизни основной массы населения Земли. С другой стороны, мы являемся свидетелями усиливающихся процессов социального неравенства и роста бедного населения, а в культурной сфере – вытеснение национальных эстетических и этических традиций моделями, поставляемыми универсальной масс-культурой.

Комплексное исследование опыта постсоветской трансформации предполагает ориентацию как на непосредственные изменения в экономической, политической и институциональной сферах, так и на социальные последствия этих изменений и позволяет рассмотреть сущность и направление развития процессов, разворачивающихся на постсоветском пространстве, в рамках общетеоретической концепции социального кризиса, основывающейся на тесной связи между темпами социокультурной динамики, экономического роста, моделями государственной социальной политики, социальными и политическими тенденциями развития общества. В соответствии с таким подходом, конфигурацию и остроту проблем, с которыми столкнулись реформируемые общества, определяет сочетание кризисных проявлений двух трансформаций (общецивилизационных кризисных процессов и противоречий переходного периода), а механизм разворачивания, специфика и затяжной характер социального кризиса, переживаемого реформируемыми обществами, связаны с двойной структурой предпосылок формирования кризисных явлений – то есть последовательным воздействием на тот или иной социум внешних вызовов глобальной среды и ответных «адаптационных» трансформаций социальных систем, порождающих внутренние кризисные явления, набор и острота которых зависит от выбранной

стратегии реформирования. Неадекватный ответ на глобализационный вызов приводит к совокупному дестабилизирующему воздействию кризисных явлений (внешнего и внутреннего порядка). В случае успешных преобразований, направленных на решение, в первую очередь, внутренних проблем стабилизации социальной ситуации в обществе и разрешение внутренних кризисных ситуаций, вызванных трансформацией, источником кризисной динамики выступают цивилизационные изменения и новые вызовы внешней глобальной среды.

Набор и острота социальных проблем, с которыми столкнулись реформируемые государства, имеющие общие типологические черты и тенденции развития, в значительной степени определяется такими факторами как:

– «Внешние» факторы: социокультурные контакты с уже существующими центрами «универсальной мировой культуры», характер воздействия со стороны «глобализованного общества».

– «Внутренние» факторы, определяющие специфику трансформационных процессов в конкретных постсоветских обществах к которым можно отнести:

- отношения между обществом и государством
- становление рыночной экономики и влияние этого процесса на жизнедеятельность общества (соблюдение баланса экономического и социального компонентов трансформации)
- исторические обстоятельства формирования и эволюции новых государств.

Успешность трансформации во многом зависит от того, насколько процесс изменений протекает органично, то есть имманентно вписывается в национальные институты, воспринимается обществом, или хотя бы значительной его частью, как естественный и поддерживался ими. Отсюда становится очевидной значение, которое имеет для понимания сущности модернизационных процессов конкретное содержание традиционности, воспроизводимое данным обществом, то есть совокупность устойчивых практик жизнедеятельности, репродуцируемых данным обществом, институционализованный в данном сообществе «социальный порядок».

Одним из факторов, определивших глубину трансформационных преобразований, оказался выбор приоритетных направлений реформирования, а также способа (пути) осуществления реформ. В рамках общей направленности переходных процессов, бывшими республиками СССР реализовывались различные концепции этого перехода: от одновременного и резкого реформирования всех сфер в сочетании с ослаблением позиций государства («шоковая терапия»), до постепенного замедленного поэтапного перехода с

сохранением государственного контроля в полном объеме (эволюционный путь развития). Проведенное исследование позволило выявить сильные и слабые стороны (преимущества и недостатки) различных стратегий реформирования.

Две основные модели реформирования постсоветских стран («эволюционная» и «модернизационная») коррелируют со степенью сохранности административно-командных методов управления социально-экономическим развитием. Особенностью трансформации постсоветских обществ с эволюционным развитием (Беларусь, Узбекистан) является сохранение административно-командной системы, обладающей такими чертами как: государственная собственность на ресурсы, плановое регулирование производства, распределения ресурсов и доходов, государственный патернализм и автаркия, что создает условия для устойчивого экономического роста, но порождает социальные проблемы, затрудняющие переход от экстенсивной к интенсивной экономике рыночного типа.

Для государств, реализующих стратегию «шоковой терапии» (Россия, Казахстан, Украина), характерно сокращение уровня и объемов вмешательства в развитие экономической и социальной сферы общества. Результат перехода к рынку путем «шоковой терапии» в большинстве постсоветских стран оказался одинаков: произошла экономическая (трансформационная) рецессия, источником которой были ошибки в макроэкономической и структурной политике – и, прежде всего, быстрая либерализация внешних экономических отношений при наличии институционального хаоса. Быстрое изменение в балансе власти и общества при осуществлении «шокового» модернизационного пути развития повлекло за собой обострение социальных проблем и резкое снижение уровня и качества жизни основной массы населения. Наиболее характерными чертами трансформационных процессов в этих государствах стали, во-первых, поляризация общества, его расслоение на «очень богатых» и «очень бедных» при отсутствии сильного среднего класса, способного быть гарантом стабильности демократической системы; во-вторых, – масштаб бедности, то есть преобладание бедного населения над богатым. Модернизационный путь развития чреват недооценкой рыночных функций социальных институтов, определяющих основные стандарты функционирования общества в условиях рыночной экономики, что ведет к экономическому волюнтаризму и резкому снижению уровня и качества жизни основной массы населения, что вызывает необходимость разработки и введения компенсаторных механизмов, предназначение которых – смягчить проблемную ситуацию. Происходящее вытягивание экономической пирамиды ведет к реальной опасности социального взрыва при достижении «точки насыщения».

Одним из следствий выбора различных стратегий реформирования стали диаметрально противоположные процессы, происходящие в постсоветских обществах. Наряду с повышением благосостояния общества за счет увеличения ВВП, в странах, выбравших стратегию «шоковой терапии», наблюдается тенденция усиления поляризации общества, вследствие разницы в денежных доходах различных социальных групп; а в Беларуси и Узбекистане – тенденция уменьшения поляризации (в процессе выравнивания денежных доходов разных социальных групп населения). Социально-ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью выравнивания их материального положения. Возникает опасность того, что подобная уравнивательная политика может быть чревата дальнейшим уплощением экономической пирамиды в обществе в ходе выравнивания среднедушевых денежных доходов разных слоев населения.

Масштабные изменения социальных институтов порождает ситуацию трансформационного кризиса идентичности, которая обостряется переплетением этих процессов с глобальными тенденциями нивелировки национальных и культурных различий, ставящими под угрозу прежние представления о самобытности, персональной и коллективной идентичности. Кризис идентичности, как на индивидуальном уровне, так и на уровне больших социальных групп (вплоть до национальных сообществ) – является характерной особенностью нового тысячелетия, он обостряется вследствие глобализации информационного пространства и несет угрозу локальным историческим и культурным образованиям во всем мире. К глобальным процессам относится увеличивающаяся открытость социума, ведущая к культурным взаимодействиям, включая разрывы социума и культурные травмы, что, естественно, способствует размыванию идентичностей. В то же время, что обратным эффектом «текучей» идентичности является то, что люди даже сильнее, чем раньше, нуждаются в некотором «островке» стабильности, в соотношении себя с какой-нибудь более-менее постоянной социальной общностью. Отсюда – рост этнического самосознания, тенденции к этнической анклавизации общества, увеличение популярности во всем мире этнонационалистических партий и движений. Эти два разнонаправленных процесса усложняют формирование и воспроизводство гражданской идентичности. В условиях усложняющейся социокультурной динамики значение символов приобретает характер «текучести», подвергается реинтерпретации,

кодированию и перекодированию. Соответственно, достижение «жесткой», единой для всех членов социума идентичности становится невозможным, что, тем не менее, не исключает управления процессами формирования гражданской идентичности. Особую опасность в периоды коллективных кризисов представляет формирование и укрепление «негативной идентичности» отдельных людей и целых групп и слоев общества, которая может сопровождаться ощущением неполноценности, ущемленности и даже стыда за представителей своего этноса.

К специфическим для большинства постсоветских стран условиям, которые осложняют формирование гражданской идентичности, относятся гетерогенность этнического состава населения стран, а также последствия социально-политических и экономических трансформаций конца XX в. Разнообразие национальных условий, различия в темпах и стратегиях реформирования определяют вариацию управленческих механизмов и инструментов формирования гражданской идентичности.

Применение отдельных положений теории модернизации позволяет говорить о типологической схожести изменений, происходящих в постсоветских странах с изменениями в других развивающихся странах, и о догоняющем характере этих изменений. Определяющим для развития такого типа является сочетание традиционного и инновационного (модернизационного) элементов. С такой точки зрения, неотъемлемой чертой системной трансформации постсоветских обществ является динамический дуализм, проявляющийся в сосуществовании рыночной и нерыночной систем, противоборство старых и новых ценностей, а для успеха реформ решающее значение имеет не столько темп, сколько рациональность способа их проведения.

По нашему мнению, важным в понимании специфики трансформационных процессов в постсоветских государствах является то, что конечная цель реформирования – создание механизмов рыночной экономики и демократически-правовой государственности – в большинстве случаев не была достигнута, вследствие чего к середине 1990-х гг. наметились первые признаки формирования типологически своеобразных, устоявшихся режимов, по своему характеру являющихся квази-рыночными и квазидемократическими, что и обусловило социокультурную специфику развития социального кризиса в этих странах. В практике стран с развитой рыночной экономикой механизмами, выработанными для регулирования социального неравенства, являются социально-ориентированная политика государства и институты гражданского общества, аккумулирующие наиболее актуальные интересы и запросы различных общественных групп в публичной

сфере. Однако в постсоветских странах становление гражданского общества происходит в условиях острого дефицита доверия к существующим общественно-политическим институтам. В результате в общественной жизни генерируются две различные тенденции социально-политического развития: 1) авторитаризм (в долговременной перспективе страны с высоким уровнем неравенства тяготеют к авторитаризму); 2) нестабильный «маятниковый» противоречивый курс внешней и внутренней политики государства. В обоих случаях происходит замедление развития экономики, блокируется ее переход к инновационной стадии, создается социальная почва для популистского авторитаризма и экстремизма.

Таким образом, конфигурацию и остроту проблем, с которыми столкнулись реформируемые общества, определяет сочетание двух трансформаций (глобальных кризисных процессов и противоречий постсоветского транзита). В условиях системной трансформации эскалация проблем, как правило, сопровождается их усложнением, вследствие чего повышается значимость исследований, которые бы не ограничивались только постановкой научных задач, а являлись фундаментом для будущих социальных инноваций и реформ и способствовали определению путей преодоления кризисных явлений, проявляющихся как в социально-экономической сфере (дезинтегрированность по имущественным и социальным признакам, социальная эксклюзия и депривация), так и в форме кризиса идентичности, кризиса легитимации, предыдущих форм общественной жизни, разрушения традиционной системы ценностей.

Комплексный характер социального кризиса, сопровождающего процессы трансформации постсоветских обществ и представляющего собой закономерный результат глобальных и региональных, социально-экономических, общественно-политических и культурных процессов, делает актуальным анализ противоречий социального развития реформируемых обществ в условиях глобализации, а разнообразие и специфика национальных моделей реформирования – обуславливает необходимость компаративистских исследований, направленных на анализ и обобщение совокупного опыта современных социально-экономических, политических и культурных преобразований.

Сравнительный анализ социокультурных особенностей кризиса в реформируемых обществах позволяет выявить особенности формирования и функционирования новых механизмов обеспечения баланса социальных и экономических компонентов трансформации, соотнести кризисные процессы, разворачивающиеся в реформируемых обществах, с общемировыми тенденциями, прежде всего, с процессами глобализации и спецификой их проявления на национальном уровне.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ НАДЕЖНОСТЬ

Стратегия задач органов власти сформулирована Президентом Республики Татарстан Р.Н. Миннихановым: «Эффективное государство – это государство на службе человека и общества» [1 с. 16].

История России – это история революционных изменений, результатом которых является изменение производственных отношений, снижение качества производительных сил, перераспределение собственности. Альтернативы развития государства традиционно представлены крайними точками: или нерушимое старое; или неведомое, непонятное новое. История России свидетельствует о большой значимости личностной стороны дилеммы Л.Н. Толстого. Параллельно со сменой лидера, изменением расстановки политических сил в стране происходит коренная перестройка всей социально-экономической системы. Цепная реакция революционных преобразований возможна потому, что эти изменения формируются и опираются на нигилизм к прошлому и безответственность за будущее. Жажда перемен преобразуется в доктрину «до основания мы старый мир разрушим», в итоге получается профанация прогрессивных идей, которые были импульсом этих перемен. «Только успокоится, только государство повернётся в сторону цивилизованной жизни – опять бунт низов» [9 с. 152]. Развивая известное высказывание Н. В. Гоголя, беда России в периодическом снижении общего уровня образования и культуры, росте анархии в массах, постоянной перегрузки беспорядка, бескультурия, безграмотности. Дефиниции, выработанные многими поколениями, меняются на противоположные. Происходившие в России процессы напоминают эпоху Людовика XI, «когда феодальная система, начала изменяться под влиянием грубых людей, сосредоточивших своё внимание на достижении личных целей и видевших именно в этом своё счастье» [7 с. 7]. Постоянные перемены в России приводят к полной фрагментации общественных отношений, сбоям преемственности культуры тысячелетней истории. Когда общество турбулентно, имеет место неупорядоченность всей вертикали социально-экономических отношений. Регулирование социально-экономических процессов в этом случае возможно в большей части административными методами.

Известный западный писатель писал: «... всё вокруг показывает, чего можно достичь даже в диком краю с суровым климатом, если законы там разумны, а каждый человек заботится о пользе всей общины, ибо сознаёт себя её частью. И каждый дом здесь – уже не временная лачуга пионера, а

прочное жилище фермера, знающего, что его прах будет покоиться в земле, которую рыхлил его плуг; или жилище его сына, который здесь родился и даже не помышляет о том, чтобы расстаться с местом, где находится могила его отца» [6 с. 6]. Любые достижения человечества – это коллективные достижения. И, наоборот, отчуждённость людей, невоспитанность, неуважение к ближнему сегментируют общество, сдерживают экономический рост. Государство – это та политическая сила, которая обеспечивает организованность, системную (экономическую, социальную, политическую) целостность общества [5 с. 2].

Стабильное равномерное движение вперёд консолидированного государства одна из важных предпосылок экономического роста и, как показывает история США, фактор доминирования на мировой арене. Обеспечение этой стабильности закрепляется законодательно. Действующая Конституция США была принята в 1787 г. Французский кодекс, составленный под руководством и при непосредственном участии Наполеона в 1804 году, продолжает действовать, пусть и в измененном виде, и в наши дни. Конституция в России принималась в 1918, 1924, 1936, 1977, 1978, 1993 гг., кроме того существенные изменения были внесены в 1989 г., 1990 г, 1991 г., 1992 г., 2008 г.

Россия – курьёзная страна, потому что имея высокий потенциал конкурентоспособности, не может обеспечить его практическую реализацию. Товары, работы, услуги не имеют современный «интерфейс», а экономика необходимую инфраструктуру. Экономические потери России из-за несовершенства транспортной инфраструктуры достигают 7-9% в год [4 с. 3].

Качество работы любого специалиста зависит от применяемых инструментов и оснастки. Точно также функционирование экономики зависит от существующих институтов и институциональной среды. Институциональные перемены могут способствовать экономическому росту, так и нет. Это зависит от того, насколько транзакционные издержки носят рыночный характер. Демонстрацией значимости транзакций является овладение большим сегментом российского рынка американской фирмой McDonald's, в то время как имеются аналогичные предложения с более высоким качеством и продукцией, и обслуживания. Основной критерий создания институтов и инструментов – облегчение производства и обмена на рынках готовой продукции и факторов производства. Локализация производства и обмена есть следствие создания институтов ради повышения транзакционных издержек или транзакционные издержки неэффективны по существу. Эффективность институционального механизма обеспечивается не только наличием Конституции, статусным и обычным правом и другими «правилами игры», но

и совершенствованием механизма обеспечивающего реализацию этих правил, подкреплённых определёнными нормами поведения. Цивилизованный бизнес опирается на деловой этикет и остракизм лица нарушившего его. Минимизация транзакционных издержек возможна созданием условий при которых невыгодны обман, нарушение обязательств, беспринципность и другие нецивилизованные нормы поведения экономических контрагентов. Институциональная структура выполняет в экономике стабилизирующую функцию, что достигается через значительное повышение определённости и предсказуемости экономических отношений, рост институциональной надёжности. «Институциональная надёжность имеет принципиальное значение, поскольку она означает, что несмотря на постоянное расширение сети взаимозависимости, обусловленное ростом специализации, мы можем быть уверенными в результатах, которые неизбежно становятся всё более и более удалёнными от круга наших индивидуальных знаний» [10 с. 2]. Надёжность институциональной среды выше, а значит и более эффективен хозяйственный механизм, если политическая конъюнктура менее влияет на функционирование, установленных прав и законов.

Реформы требуют внесения изменений в систему обеспечения правопорядка и структуру органов власти, требуют изменения институциональной среды. Новые рыночные экономические отношения и архаичные институты, например, структуры управления образованием, выполняющие ту же роль, что и отделы народного образования при социализме, несовместимы. Перестройка российской экономики в сторону современных рыночных отношений происходила без наличия соответствующей институциональной среды. Вакуум институциональной среды заполняется подражанием цивилизованным нормам, тем самым априори страна занимает позицию в арьергарде. К этому следует добавить, что потребительский спрос сформирован и удовлетворяется импортом, 43% товарных ресурсов в 2011 г. в розничной торговле поступления по импорту [12 с. 1]. Предпочтение потребления зарубежных одежды и обуви, продуктов питания, товаров длительного пользования не способствует формированию гражданских позиций в обществе. И эти предпочтения столь велики, что их часто не сдерживает даже низкая эргономичность этих товаров. Выставка «Пояс в культуре этноса» в этнографическом музее Санкт-Петербурга показывает насколько большое значение для социальной идентификации имеет самобытность. «По словам одного из очевидцев Павловского царствования, «ничто не могло сравниться с тем вредом, какой причинили Павлу Петровичу прусская дисциплина, выправка, мундиры и т. п.» [2 с. 4].

Развитие рыночных отношений – это и разрушение общественного уклада, поэтому для обеспечения функционирования этих отношений необходимо установление государством жестких рамок, обеспечивающих функционирование институциональной среды общества. Этими рамками должен быть ограничен спектр альтернатив доступных экономическим агентам. Вообще, величина ошибок при принятии экономических решений возрастает с ростом суммы имеющихся нераспределённых доходов. Трансакционные издержки, сужающие доступные варианты поведения, необходимы также по причине отсутствия веры в незыблемость правил, договоров, прав собственности и поведения экономических агентов построенного лишь исходя из принципа максимизации выигрыша. Чем слабее существующая институциональная среда, обеспечивающая гармоничное функционирование государства, тем жёстче её надо регулировать. «Когда демократическое общество находится в состоянии младенчества, его нужно воспитывать. И если слова убеждения не действуют, власть должна жёстко наказывать виновных» [13 с. 7].

Отсутствие правопорядка и несоблюдение законов, политическая нестабильность способствуют росту транзакционных издержек, ухудшают инвестиционный климат. Эффективность экономических показателей снижается пропорционально с ухудшением работы институциональной среды. Высокие транзакционные издержки снижают производственные издержки, повышение производственных издержек – следствие недостаточного уровня транзакционных издержек или их низкой рентабельности.

Институциональная среда эффективна в том случае, если её деятельность выражает интересы государства. В случае обратного, необходима или ликвидация, или реорганизация существующих институтов. Например, ценообразование тормозит развитие агропромышленного комплекса и способствует гипертрофированному развитию торговли. Последнее можно было бы исправить определённой предельной торговой наценкой (в пределах 25 %) от производителя к конечному потребителю, независимо от числа промежуточных звеньев. Для развития сети общественного питания необходимо укрепление альтернативы предпочтения этих учреждений другим формам питания, ориентирував ценообразование не на разового клиента, а на массового потребителя. Изменение института закупок, так как структура лотов электронных торгов исключает участие мелких и средних производителей узко-специализированной номенклатуры товаров и предопределяет участие посреднических фирм. Институциональная надёжность означает маркетинговую ориентацию, то есть создание институциональной среды обеспечивающую эффективную деятельность юридических и физических лиц. На

практике это означает, например, повышение рентабельности расходов не за счёт сокращения финансирования или ликвидации учреждений, а улучшения уставной деятельности этих учреждений. Точно также – не увеличение возрастного ценза уголовной ответственности, а заботу государства о становлении, развитии и укреплении института семьи, как социально-культурного резерва общества. Создание экономически мощных унитарных предприятий для усиления конкуренции на рынке. Оценку деятельности фондов занятости по количеству трудоустроенных граждан, глобализация ими рынка трудоустройства, развитие дистанционных форм занятости, что сегодня посредством современных средств коммуникации вполне доступно. Использование IT-технологий не только, как средство, но и как предмета труда. Имеется ввиду отмена предоставления сведений в документальной форме, если имеется официальная база данных в электронной форме. Более эффективное прогнозирование подготовки необходимых специалистов для экономики.

Нормы поведения формируются исходя из исторического опыта социума. Проблемы национальных отношений сегодня обусловлены столкновением революционного нигилизма и патриотического воспитания. С одной стороны, людьми, объединяющие повседневное поведение с религиозным, и, с другой стороны, людьми, отделяющие светскую жизнь от религиозной или, вообще, не признающих церковные каноны. Уместно, в связи с этим, вспомнить формулу политического деятеля генерала Шарля де Голля: «патриот любит свой народ, а националист ненавидит другие народы» [8, с. 2].

Существующая среда обитания способствует разобщённости общества, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума за 9 месяцев 2012 года 17,2 млн. человек [11 с. 1]. Централизация экономической, политической и культурной жизни в мегаполисах приводит к мощным однонаправленным миграционным потокам, противопоставлению «столичного» менталитета «провинциальному». На граждан оказывают влияние негативные явления среды: явления, тяготеющие к криминальным, низкие пороки и невоспитанность. Как институт протестантизма способствовал развитию предпринимательства в Европе, так традиционные религии в России могут и должны способствовать укреплению государства. С другой стороны, если моральные нормы не имеют силы, действенной мерой является сила рубля. Действенные методы экономического воздействия в политике, имеется ввиду Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» с изменениями от 8 июня 2012 г., необходимо применять и в экономике. Функция денег основная и главная – стимулирование количества и качества общественно-

полезной деятельности человека. Кроме того, вероятность антисоциального поведения увеличивается в той степени, в какой деньги не выполняют эту функцию.

Внедрение рыночных отношений пока не решает задачу рационального использования экономических благ. Проблема «бесплатного пользования» благами присутствует в российской экономике ещё с социалистических времён и выражается в том, что статус общественных благ воспринимается значительно ниже частных и их использование часто неэффективно и расточительно. Поэтому экономической свободы в распоряжении и использовании частной собственности должно быть значительно больше, чем государственной, а не наоборот. Укрепление финансовой ответственности необходимо как на макроуровне, так и на микроуровне, вплоть до уровня семьи. Возмездность полученной стоимости – экономическая догма, обязательность выполнения которой необходимо учитывать при принятии всех экономических решений. К примеру, при предоставлении бюджетных льгот работнику, то они должны быть привязаны к тому региону, где фактически работник пользуется общественными благами, а не по месту расчёта заработной платы или другим формальным признакам.

В условиях во многом виртуальных социально-экономических отношениях, институциональная среда обеспечивает их целесообразность и упорядоченность. Транзакционные издержки выполняют роль катализатора инвестиционных процессов в экономике, обеспечивают экономический рост. Но это возможно только тогда, когда в обмене действует третья сторона – государство, возможно в условиях «положительной комплиментарности» наций [3, с. 61]. Институциональная надёжность не только гарантирует благоприятный инвестиционный климат, но и снижает потери от рисков размещения собственных средств, что можно рассматривать как альтернативу инвестированию.

Литература

1. Послание Президента Республики Татарстан Государственному Совету Республики Татарстан. Сентябрь, 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tatarstan.ru/pub/view/14322>. – 21.03.2013.
2. Байов А.К. Военное дело в эпоху императора Павла I [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://statehistory.ru/1261/Voennoe-delo-pri-Pavle-I/>. – 21.03.2013.

3. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало / Лев Николаевич Гумилёв. – М.: ДИ-ДИК, 1994. – 542 с. – 21.03.2013.
4. Иванова Г. Метро-лучший выход из пробки. Опубликовано в газете «Питер-Инфо» 4 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. – http://www.moscow-info.org/pdf/73/moscowinfo_n41_29.10.2012.pdf. – 21.03.2013.
5. Климова С. В. Политология. Учебно-практическое пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebno-prakticheskoe-posobie-klimova>. – 21.03.2013.
6. Купер, Дж. Ф. Собрание сочинений в семи томах: т. 2 / Джеймс Фенимор Купер. – М.: Правда, 1982. – 448 с.
7. Скотт, В. Собрание сочинений в восьми томах: т. 8 / Вальтер Скотт. – М.: Правда, 1990. – 480 с.
8. Масаев, М. В. Гуманитарная составляющая современного образа инженера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.vntu.edu.ua/humed/2010/txt/masaev.php>. – 21.03.2013.
9. Толстой, А. Н. Хожение по мукам т. 2 / Алексей Николаевич Толстой. – М.: Амальтея, 1993. – 287 с. – 21.03.2013.
10. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stepanenkova.ru/Hrestomatiya-on-stories-of-economy/page163/page165/index.html>. – 21.03.2013.
11. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51kv.htm. – 21.03.2013.
12. Федеральная служба государственной статистики. Структура товарных ресурсов розничной торговли http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/retail/. – 21.03.2013.
13. Уралов И. Защитим наши города. Опубликовано в газете «Петербургский дневник» 26 октября 2012 г. [Электронный ресурс]. – http://www.spbdnevnik.ru/files/flimsy/pdf/107_1351232953.pdf. – 21.03.2013.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НАРОДОВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Культура каждого народа имеет свое неповторимое лицо, является частью культуры всего человечества. Национальное и общечеловеческое в культуре – это два взаимосвязанных и взаимозависимых друг от друга фактора. Ю.М. Лотман справедливо отмечает, что культура – понятие коллективное: отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в её развитии, тем не менее культура по своей природе – явление общественное. Говоря о «вековом здании культуры», Ю.М. Лотман подчеркивает, что культура не есть феномен, принадлежащий строго определенной исторической эпохе, какому-либо поколению. «Культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта... Потому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того же подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла»[1; с. 8].

Таким образом, культура аккумулирует весь исторический путь, пройденный человечеством, является своеобразным паролем для входа в другие измерения. При этом национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, выявляя также пласты, на которые в родной культуре внимание не обращалось. Диалогичность как важнейшее феноменологическое свойство культуры проявляется и в том, что культура не просто формирует и реализует сущностные силы человека, но реализует их в диалоге, т.е. в обмене знаниями, информацией, духовными ценностями, в повышении общенациональной культуры каждого народа.

Следует отметить то, что на рубеже XX-XXI вв. социально-культурная ситуация ярко проявила объективную закономерность, согласно которой ни одна национальная культура не может существовать обособленно, ни одна нация не может жить и развиваться усилиями только своей культуры. Во взаимозависимом мире культура каждого народа тесно связана с другими культурами, и процессы их взаимовлияния и взаимодействия в современных условиях все более усиливаются, сопровождаются возрастанием интенсивности контактов в межкультурном сотрудничестве.

Башкортостан – это своеобразная модель многонациональной России. Здесь живут и трудятся представители более ста народов. Многие из них

крупные диаспоры: русские, татары, чувашаи, марийцы, мордва, удмурты. За многовековое совместное проживание в регионе у них сформировалось уникальное культурное сообщество, которое выдвинуло из своих рядов целую плеяду выдающихся деятелей культуры, литературы и искусства, ставших национальной гордостью этих народов.

Во время пребывания в г. Уфе в июне 2001 г. В.В. Путин отметил: «В Башкирии как в капле воды, отражается вся наша Россия с её многообразием культур, религий, языков, с дружбой народов». На торжествах, посвященных 450-летию вхождения Башкирии в состав России, В.В. Путин подчеркнул, что «в республике нашли столь необходимую «золотую середину» в подходах к развитию национальных культур и языков многих народов».

Не случайно этот край дал целый ряд известных в российской культуре и науке людей разных национальностей – башкир, татар, русских, чувашей и др.

В связи с этим изучение культурного пространства Башкортостана как значимого историко-культурного феномена, выявление его особенностей с точки зрения анализа межкультурных взаимодействий приобретает особую актуальность. Однако при всей сложности и многовариантности путей взаимодействия культур народов Башкортостана ученые до сих пор не ставили перед собой задачу осветить всю историю взаимовлияния этих культур. При исследовании они делали акцент на отдельные сферы духовной и материальной культуры народов Башкортостана.

Как подтверждал известный ученый этнограф Р.Г. Кузеев [2], сфера народного искусства, духовной культуры, семейного быта народов данного региона еще более самобытна. Обобщающих сравнительно-историко-этнографических исследований по этим проблемам пока мало.

Взаимодействие культур особенно выпукло выражается во внутреннем устройстве жилища и в оформлении интерьера. Так, например, Р.Г. Мухамедова усматривает «переплетение культур башкирских, татарских и мордовских племен». Влияние русской культуры на развитие жилища мишарей она отмечает в устройстве полатей, в хлебопекарнях, печах с трубами и т.д. [3; с. 42]. Авторы коллективной монографии «Чуваши» обращают внимание на татарские заимствования в устройствах жилища чувашей и марийцев [4; с. 310-318]. Исследователи истории культуры народов данного региона также подчеркивают большую сопоставимость; по существу всех сфер прикладного искусства и духовной культуры народов. В народном искусстве удмуртов, пишет например, Н.С. Королев, имея в виду вышивки, узорное ткачество, женский костюм, интерьер жилища и искусства резьбы по дереву, – больше

общих черт с искусством башкир и татар, нежели родственных им финно-угорских народов»[5; с. 126].

Исследования ученых показывают, что в 1980-е гг. стали появляться научные работы, посвященные взаимосвязи и взаимодействию фольклора народов Башкортостана. И.Н. Надиров, изучивший огромный материал по фольклору народов региона, приходит к выводу о том, что и виды, и жанры песенной поэзии башкир, татар, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов в своих основных формах совпадают»[6; с. 49-51].

В исследованиях Т.А. Масленниковой проблема взаимовлияния культур народов рассматривается на материалах башкирского народного искусства [7]. Автором убедительно показана обусловленность становления и развития народного искусства башкир природно-климатическими и историческими условиями, способствовавшими влиянию культур народов региона, что получило отражение в предметах обихода и объектах народного зодчества – автором выявлены художественные особенности и характер взаимодействия культур в сложившейся историко-культурной среде. При этом научно обосновано, что важную роль в становлении характерных особенностей башкирского народного искусства сыграли его взаимосвязь и взаимодействие с традиционной культурой народов, населяющих нашу республику.

В тесном переплетении культурных связей, общности историко-генетических корней культурогенеза заключается многообразие и самобытность культур нашего региона. Вышеперечисленные свойства ярко проявляются во всех сферах культуры, в том числе в традициях и обычаях, связанных с жизненным циклом человека. Многочисленные факты в исследованиях проблемы диалога культур свидетельствуют о том, что сущность различных межкультурных контактов во многом зависит от главных общечеловеческих ценностей. В устном народном творчестве народов Башкортостана, особенно в пословицах, например, можно обнаружить то единое и непреходящее, образующее общечеловеческие ценности, в основе которых лежит приверженность к Добру, Красоте и Истине.

«Добро всегда в цене», – говорят башкиры. «Добрый конь не устаёт, добрый человек не отказывает в помощи», – поучают татары. «Добро добром возвращается», – высказываются удмурты. «Доброе дело воодушевляет, плохое – настроение портит», – отмечает мордва. «Доброта рождает доброту» – говорят марийцы. «Доброе имя дороже золота», – заключают чувашские мудрецы.

В пословицах народов Башкортостана высоко ценятся и прославляются такие моральные ценности, как дружба, единство и сплоченность людей,

что является весьма важным фактором внутри- и межэтнической консолидации и менталитета народа.

Действительно, социальная среда человека обуславливает то, что он не может жить один, неизбежно вступит во взаимоотношения с другими людьми. Именно поэтому открытые, искренние отношения между людьми многонационального Башкортостана, основанные на поддержке и взаимопомощи, которые мы и называем дружбой, имеют основополагающее значение. Иначе говоря, нравственная ценность дружбы поднимается до уровня философского обобщения. Выражая общее мнение народов, населяющих Республику Башкортостан, афоризм провозглашает: «Дружба народов – их богатство». Именно признание её значимости как важного канала социального взаимодействия представляется актуальным и сегодня, в эпоху фатального индивидуализма и разобщенности, в эпоху господства техники и технократического духа. При этом устойчивая положительная динамика развития региона, продуктивное взаимодействие населяющих его народов возможно на основе следования принципам толерантности. Формируясь в одной историко-культурной среде, народы Башкортостана обрели уникальный опыт совместного сосуществования на принципах миролюбия и толерантности.

В Башкортостане в результате многовековых процессов взаимопроникновения выкристаллизовалась толерантность как способность к мирному сосуществованию народов. Ключевым, раскрывающим жизненные потенциальные возможности нравственной идеи толерантности составляющим является межкультурный диалог, ибо именно через осмысление и интерпретацию других культур возникает нравственное сознание личности и общества в целом.

Любая культура существует не сама по себе, а во взаимодействии с другими культурами. Человек ведет диалог не только с другими, но и самим собою, со своей историей, меняясь в ходе этого диалога. В Башкортостане веками складывалась толерантная культура взаимодействия русских, башкир, татар, удмуртов, марийцев, чувашей и других народов. Здесь созданы оптимальные условия для удовлетворения духовных и культурных потребностей всех народов, что позитивно сказывается на сохранении социальной стабильности в поликультурном регионе. В республике действует взвешенная национальная политика, имеется серьезная законодательная база, позволяющая проводить полноценную работу по сохранению и развитию национальных культур. Среди них можно отметить законы: «Об образовании», «О культуре», «Об общественных объединениях в Республике Башкортостан», «О национально-культурных объединениях граждан в Республике Башкортостан», «О языках народов Республики Башкортостан» и т.д.

Развитию национальных культур народов способствуют также государственные программы «Народы Башкортостана», «Возрождение и развитие башкирского народа», «Сохранение, изучение и развитие языков народов Республики Башкортостан», «Башкиры Российской Федерации на 2008-2017 гг.» и т.д.

Сегодняшний облик Республики Башкортостан сложился благодаря многовековому диалогу между народами с глубоко специфичными национальными культурами, языками, связанными общностью пройденного исторического пути.

Подводя итоги следует отметить, что в Республике Башкортостан межкультурному диалогу уделяется большое внимание и в теоретическом и практическом плане.

Изданы, например, очерки «Народы Башкортостана», в которых показаны история, материальная и духовная культура каждой из наиболее крупных диаспор. В связи с преподаванием в учебных заведениях истории и культуры края изданы учебники и учебные пособия. Имеются общетеоретические (С.А. Арутюнова), историко-этнографические (Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова, Н.В. Бикбулатова, С.Н. Шитовой, М.В. Мурзабулатова, Р.З. Янгузина, И. Габдрафикова), историко-описательные (И.Г. Георги, В.М. Черемшанского) работы, отдельные очерки по истории, этнографии народов, населяющих республику.

Однако большинство из этих работ посвящено отдельной конкретно взятой проблеме и не ставит целью комплексно анализировать культурное строительство во всем его многообразии – с взаимодействием различных культурно-бытовых, нравственно-этических, литературно-фольклорных, обрядовых и иных традиций, формирующих особую ментальность народов Башкортостана.

В целом следует отметить, что изучение диалога культур народов Башкортостана, их взаимодействие, взаимовлияние и роль в формировании современной культуры республики оставляет желать лучшего. Это особенно важно сейчас, когда со всей актуальностью стоит вопрос о воспитании современного гражданина, глубоко впитавшего в себя духовное богатство своего народа, свободно ориентирующегося в общечеловеческих культурных ценностях. С учетом актуальности и степени изученности этой важной проблемы нами ставится задача – воссоздать объективную картину историко-культурного развития народов Башкортостана на основе анализа общего и особенного в их материальной и духовной культуре, взаимовлияния и взаимопроникновения культурных традиций, сыгравших огромную роль в формировании современной многонациональной культуры Башкортостана.

Литература

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства. (XVIII-нач. XIX в.). – СПб; 1998.
2. Кузеев Р.Г. Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. – М.: 1985; Народы среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992.
3. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – М., 1991. – С. 42.
4. Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в XIX-XX вв. – Уфа, 1968. Т. 3.
5. Королев Н.С. Общие черты в народном искусстве. – М., 1990.
6. Надиров И.Н. Взаимосвязи песенного фольклора народов Среднего Поволжья и Приуралья // Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. – Казань, 1983.
7. Масленникова Т.А. Художественная организация среды в Башкирском народном искусстве. – Уфа, 2005. – 548 с.

Киекбаев М.Д., Абдрахманов Д.М.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕВЕНЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ АДДИКЦИЙ¹

В настоящее время существенно увеличивается как широта, так и глубина воздействия разного рода аддиктивных факторов на формирование личности, особенно молодежи. Предлагая сравнительно простой выход из возникающих проблем в процессе социализации, аддикции мощно воздействуют на психику и личность человека и ведут к их определенной трансформации. Характер этих трансформаций современной наукой недостаточно изучен, что существенно затрудняет позитивное решение проблемы формирования устойчивости личности к этим факторам. Сегодня аддиктология занимается изучением таких зависимостей, как наркотическая аддикция (включая токсикоманию), алкогольная, табачная аддикции, информационные (Интернет), компьютерные, игровые (включая и компьютерные игры),

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-13-02008 «Социальные аддикции в кризисном социуме и механизмы их минимизации».

трудовые зависимости, а также пищевые, любовные и сексуальные, зависимости от людей, предметов и событий, власти, работы, покупок (шополизм), лудомания, графомания и многие другие.

Широкое распространение различных видов зависимого поведения представляя собой серьезную угрозу для современного общества и требует объединения усилий специалистов различного профиля. Можно сказать, что в настоящее время дискурс зависимости намеренно вытесняется дискурсом прав человека, демократии, свободы, выбора. Глубокое понимание причин, механизмов и факторов возникновения зависимости подразумевает обращение внимания как на личностные особенности аддиктов, так и на внешние, в частности на социально-психологические условия развития склонности к аддиктивному поведению. Последний аспект подразумевает серьезное исследование ближайшего окружения зависимых лиц, при этом в первую очередь речь идет о семье. Именно в семье происходит первичная социализация ребенка, его адаптация к меняющимся жизненным обстоятельствам, формирование определенных когнитивных схем и паттернов поведения, позволяющих более или менее адекватно воспринимать и решать те или иные проблемы. Большинство отклонений в поведении зависимых лиц имеет единую основу – неправильную систему семейного воспитания, что обуславливает личностную незрелость, социальную дезадаптированность ребенка, большое количество внутрличностных проблем и ограниченный набор способов их разрешения. Для такой личности аддиктивная активность выступает одним из наиболее легких и притягательных путей развития. Аддиктивное поведение предоставляет человеку наиболее простую возможность ухода от решения насущных проблем, способ многим избавления от кризисных переживаний, оно является максимально заманчивым способом убежать от себя, избежать сложного процесса личностного становления и развития.

Согласно Концепции государственной молодежной политики в Российской Федерации молодежь является объектом «национально-государственных интересов, одним из главных факторов обеспечения развития российского государства и общества», она несет «особую ответственность за сохранение и развитие своей страны, за преемственность исторического и культурного наследия, за возрождение своего Отечества». За молодежью государством признается «исключительная роль» как «стратегического ресурса общества». Рост аддикций среди молодежи свидетельствует, что профилактическая работа зачастую не дает весомых результатов, несмотря на то, что ею занимаются как органы власти и управления, силовые структуры, так и институты гражданского общества (общественные и

религиозные организации, различные фонды, образовательные учреждения, средства массовой информации). Следует подчеркнуть тезис о неадекватности молодежного досуга, который порождает скуку и тоску.

Крайняя важность повышения качества воспитания обусловлена ослаблением духовности, преобладающим в молодежной среде культом материального обогащения, пренебрежением опытом старших поколений. Корректировка поведения некоторых категорий подростков – это сложный многогранный процесс, требующий выработки эффективной управленческой стратегии на всех уровнях.

Следует подчеркнуть важность социального контроля аддиктивного поведения. Общество, в первую очередь на региональном и муниципальном уровне, должно в полной мере осознать нависшую над ним проблему и деятельно решать ее. Социальный контроль в данной сфере – это совокупность способов целенаправленного воздействия общества или социальной группы на личность, ориентированную на аддикции, с целью регуляции ее поведения и приведения последнего в соответствие с общепринятыми в данном обществе нормами. Кроме того, социальный контроль может реализоваться и как внутренний самоконтроль личности (резистентность), как способность индивида, основываясь на интернализированных нормах и правилах, контролировать самого себя.

Полноценная профилактика аддиктивного поведения невозможна без участия в ней средств массовой информации – авторитетного и популярного пропагандистского органа. На представителей этой мощной индустрии должна быть возложена моральная ответственность за качество информационной продукции и за ее содержание. В печатных изданиях и телевизионных программах информация для подрастающего поколения в настоящее время носит в основном развлекательный характер.

Следует выделить точку зрения, сложившуюся в социологии, согласно которой девиации, как и флуктуации в неживой или мутации в живой природе, являются всеобщей формой, способом изменчивости, а, следовательно, жизнедеятельности и развития любой социальной системы. Согласно этой точке зрения, отклонения в поведении естественны и необходимы, они служат расширению индивидуального и коллективного опыта, обеспечивают разнообразие в психофизическом, социокультурном и духовно-нравственном аспектах человеческого поведения, которое служит условием совершенствования общества и социального развития.

И нам бы хотелось сформулировать некое правило, которому созвучны мысли многих выдающихся мыслителей: следует отклоняться от нор-

мы позитивно, чтобы не отклониться негативно. Следует культивировать в человеке стремление заниматься творчеством, наукой, искусством, тем или иным способом самосовершенствоваться, находя трансценденцию в подлинно высших смыслах.

Киреева Н.Н.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Современные социальные условия предъявляют новые требования к интеллектуальным возможностям молодежи и институтам, участвующим в политической социализации личности.

Процессы глобализации стали причиной перемен в политических и экономических системах. Сегодня Россия находится на пороге вхождения в информационное общество и это сопровождается обострением проблем развития информационной культуры и политической социализации молодежи в современном социуме.

В настоящее время отсутствует единое понимание феномена информационной культуры, его значимости и роли в политической социализации молодежи в информационном обществе.

Сегодня ключевыми проблемами российского общества являются: невысокий уровень информационной культуры молодежи, неэффективность процесса политической социализации молодежи, неравномерное включение молодежи в информационное пространство, отсутствие мотивации молодежи к получению новых знаний. Все это является препятствием для повышения интеллектуальных способностей молодежи, в результате чего происходит снижение социально-экономической активности, ограничение мобильности.

Демократический процесс в современном мире тесно связан с интеграцией общества. Главным гарантом информационного сопровождения данного процесса являются средства массовой информации.

По мнению Пьера Бурдьё, наряду с возрастающей ролью средств массовой информации, увеличением ее возможностей влияния на процессы в

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-13-02016 «Динамика порогового значения технологий массовой манипуляции в конструировании протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан».

обществе, наблюдается усиление зависимости средств массовой информации от власти и бизнес структур [1].

«Символическая власть» средств массовой информации, ранее независимая от политики и экономики, в настоящее время сосредотачивается в одних руках.

Средства массовой информации приобретаются владельцами корпораций, тем самым, ужесточая контроль над большими информационными группами. Ими присваиваются телевизионные студии, телеканалы и т.д. В результате информация, культурные блага становится товаром и их формирование подчиняется общим экономическим регуляторам, главным из которых является – прибыль. Но чем выше прибыль, тем ниже этические границы [5, с. 89].

Это подтверждается многочисленными социологическими исследованиями иностранных СМИ, где обнаружен факт, что средства массовой информации играют роль «манипулятора сознания» [4, с. 48].

Вопрос политического манипулирования есть одна из главных проблем в политических дискуссиях. Разные технологии манипуляции используется как властью, так и оппозицией.

Частое использование политического манипулирования влечет за собой негативные политические и социальные последствия: социальная дестабилизация, возрастание протестной активности, падение доверия к власти.

Политическое манипулирование в СМИ реализуется через ряд основных форм влияния, таких как реклама, пропаганда, массовая культура, связи с общественностью, агитация и т.д., касающихся практически всех сфер жизни человека, которые транслируются через СМИ.

Существует множество видов манипулирования массовым сознанием посредством телевидения: фабрикация фактов; утверждения и повторения; дробление и срочность; упрощение, стереотипизация; сенсационность и т.д. [3, с. 203].

Молодежь может стать объектом манипуляций, определенных политических сил, если она отстраняется от политики и у нее недостаточно политических знаний.

Молодежь, более остро воспринимающая окружающую обстановку, представляет собой часть общества, накапливающая и реализующая протестный потенциал.

Под воздействием политических, экономических, социальных факторов, в среде молодежи, более поддающейся негативному влиянию, могут вырабатываться крайние убеждения и взгляды.

В марте 2013 г. был проведен социологический опрос студентов различных факультетов и курсов БашГУ, БГПУ им. М. Акмуллы, УГАТУ, УГУЭС.

Цель исследования: выявление влияния технологий массовой манипуляции на современную студенческую молодежь.

Выборка составила 425 студентов. Опрос проводился методом анкетирования.

К показателям результативности политической социализации молодежи можно отнести следующее: политическую информированность; политическую компетентность; политическую активность [6, с. 289 – 294.].

Результаты исследования показывают, что за политическими событиями в стране периодически следят 42,7 % респондентов, лишь изредка – 37 %, не следят за политическими событиями в стране 10,7 % респондентов. Занимаются политикой и постоянно следят за политическими событиями в стране лишь 0,9 % опрошенных.

На вопрос **«Вы просматриваете Интернет страницы политических партий?»** «не смотрю сайты партий» ответили 81,7 % респондентов.

Сайт партии «Единая Россия» смотрят 12,1 % опрошенных. Сайт партии КПРФ – 3,3 %, сайт партии ЛДПР – 2,1 %, сайт партии «Справедливая Россия» – 0,5 % респондентов.

На вопрос **«Писали ли Вы когда-нибудь комментарии на политические статьи в интернете?»** ответили «нет, и не планирую» 58,3 % респондентов, «не писал, но хотел бы» ответили 30,1 % опрошенных, «да, был такой опыт» – 11,1 % опрошенных, «да, пишу регулярно» – 0,5 % респондентов.

Оценивая степень доверия к политической информации, получаемой из средств массовой информации, ответы распределились следующим образом: степень доверия «невысокая, необходим критический подход» – ответили 33,4 % респондентов, «достаточно высокая» – 28,5 %, «отслеживаю только информативную составляющую, все оценочные суждения пропускаю» – 24,3 % опрошенных, «низкую» степень доверия отмечают 11,9 %, «высокую» – лишь 2 % респондентов.

На вопрос **«Готовы ли Вы выходить на митинги, активно участвовать в политике?»** ответили «да, если того потребуют обстоятельства» – 42,4 %, «нет, это не входит в мои намерения» – 26,1 %, «не готов» – ответили 16,8 %, однозначно «да» – ответили лишь 6,9 % респондентов.

На вопрос **«Удовлетворены ли Вы своим уровнем жизни?»** ответили «не совсем» – 33,7 % опрошенных, «да, вполне» – 26,7 %, «нет, но все зависит от меня» – 19,8 %, «нет, в нашей стране очень трудно жить» – 17,7 % респондентов.

На вопрос «**Пойдете ли Вы на выборы депутатов Государственного Собрания – Курултая РБ в сентябре 2013г.?**»: «да» – ответили 34,3 %, «нет» – 24,1 %, «да, все равно заставят» – 17,5 %, «не знаю, мне все равно» – 11,3 % респондентов.

Говоря о степени готовности выходить на митинги, активно участвовать в политике, были получены следующие результаты: «да, если доведут» – ответили 31,9 %, «нет, не пойду» – 21,2 %, «я об этом даже не думал» – 21 %, «да, каждый нормальный человек, в таких условиях, обязан это делать» – 14,3 % респондентов.

При оценке конкретного социально-политического события 45,2 % студентов прислушиваются к мнению членов своей семьи. Сообщениям из средств массовой информации доверяют 21,6 % респондентов. Мнения друзей учитывают 17,5 % опрошенных, представителей политических партий – 7,5 %, общественных объединений – 5,8 % и коллег – 2,4 % респондентов.

В информационном обществе на процессы политической социализации молодежи влияют: информационное пространство, реклама, смыслы и образы, формируемые СМИ, сила воздействия которых нередко превосходит влияние традиционных институтов социализации (школа, университет, семья) [2].

Средства массовой информации воздействуют на политическую социализацию молодежи через информационный процесс, что позволяет конструировать политические установки.

Влияние СМИ на политическую социализацию молодежи осуществляется посредством формирования политической реальности и виртуализации политического процесса.

Когда в сознание молодежи целенаправленно внедряются специально сконструированные виртуальные объекты, результат может быть как позитивным (гармонизация социальных отношений), так и негативным (разрушение системы ценностей, выход политической системы из равновесия).

Ответы респондентов на вопрос «**Каким каналам информации Вы доверяете?**» распределились следующим образом: телевизионная информация вызывает наибольшее доверие у 40,4 % студентов, на втором месте радио – 31 %, на третьем месте интернет – 17,9 %, публикациям в газетах и журналах доверяют 15,6 % респондентов, информации на листовках и в объявлениях доверяют 1,1 %, слухам и «сарафанному радио» доверяют 1,1 % опрошенных.

На вопрос «**Каким информационным ресурсам Вы больше доверяете?**»: государственным информационным ресурсам доверяют 48,9 %, независимым – 39,9 %, блогосфере – 5,7 %, коммерческим – 2,9 % и оппозиционным – 2,6 % респондентов.

На вопрос «**Как Вы думаете, в средствах массовой информации новости искажают?**» – «да, все без исключения и официальные и неофициальные СМИ, искажают» считают 16,6 % респондентов. О том, что необходимо отслеживать содержание информации в официальных и неофициальных источниках считают 43,5 % опрошенных.

Интернет, телевидение, радио и печать, как виды СМИ, имеют различную степень манипулятивных возможностей.

Радио отличается широким спектром распространения, доступностью и непрерывностью передачи информации.

Печатные СМИ имеют ограничения манипулятивных возможностей, по причине отсутствия аудиовизуального ряда, но имеют ряд преимуществ, а именно – возможность фиксации, анализа и сохранения информации.

Интернет в этом ряду является наиболее прогрессивным орудием манипулирования, где основным сегментом потребителей является молодежь. Он обладает особенными технологическими характеристиками, такими как оперативность, мультимедийность, интерактивность и т.д.

Манипулятивный потенциал телевидения имеет преимущество, по сравнению с радио и печатными СМИ, он обладает аудиовизуальным воздействием.

Телевидение является мощным средством как позитивного, так и негативного воздействия на восприятие молодежной аудитории. Опасность негативного воздействия на телевизионную аудиторию может возникнуть даже в случае, когда авторы или ведущие телепередачи не задаются такой целью. Часто это происходит в результате некорректного использования различных форм подачи телевизионной информации. Следует отметить, что манипулирование сознанием телевизионной аудитории заложено в любой телевизионной трансляции.

Необходимо также учитывать некоторую зависимость вещательной политики телетранслятора от личностных установок, жизненных стереотипов руководителей телекомпаний. Личностная установка телевизионного руководителя может переноситься и на материалы, транслируемые в телеэфире.

Для позитивного воздействия телевидения на политическую социализацию молодежи необходимо ввести, на пути поступления негатива, своеобразный барьер, т.е. выбор при просмотре телевизионных передач, переориентирование телевизионных программ в позитивно-образовательном аспекте. Таким образом, можно использовать воздействие телевидения в том аспекте, в каком телевидение изначально предназначалось: дать возможность массовому телезрителю получать информацию, знания, т.е. обучение (образование).

Наибольшему манипуляционному влиянию подвержена значительная часть молодежи, в силу невысокого уровня ее информационной культуры, лабильности сознания, отсутствия жизненного опыта и т.д.

Современные технологии политического манипулирования можно охарактеризовать как многофункциональные, обладающие высокой проникающей способностью и степенью влияния на индивидуальное и массовое сознание молодежи, ценности и политическое мировоззрение. От того, насколько молодежь способна расшифровывать эти технологии, зависит ее политическая социализация.

Литература

1. Бурдьё П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Анисимовой Т., Марковой Ю.; Отв. ред., предисл. Шматко Н. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.
2. Жуков В.И. Социальное образование и социальная сплоченность российского общества в условиях глобального кризиса // Человеческий капитал. № 3(11). 2009.
3. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды – как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивидов и масс. СПб.: «Скифия», 2008.
4. Михайличенко Д.Г. Значение технологий массовой манипуляции психикой в межэтнических конфликтах современности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 2.
5. Муратов С.А. ТВ – эволюция нетерпимости (история и конфликты этических представлений). М, 2001.
6. Щеглов И.Л. Политическая социализация личности и современный исторический процесс // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4.

ВЫСТРАИВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Одной из характерных черт общественного развития во всем мире в начале XXI столетия явилось стремление к национальному возрождению, формирование национальных организаций и движений, перераставшее во многих случаях в межрегиональные движения родственных народов. Примером таких взаимоотношений является процесс интеграции или сотрудничества финно-угорских народов России, начавшийся в конце 1980-х – нач. 1990-х гг. и получивший дальнейшее развитие [1, S. 93-107]. Начало консолидации родственных народов явилось частью всего общественно-политического движения России на современном этапе, отличающегося, прежде всего своим содержанием, появлением как новых явлений в виде «неформального движения», так и восстановлением многообразия политических партий и объединений, национальных движений [2, с. 6-8].

Первое мордовское культурно-просветительское общество под председательством М.Е. Евсевьева возникло в 1917 году в городе Казани. Его целью было «объединение интеллигентных и народных масс» для поднятия культурного развития мордвы. В работе этого общества активное участие принимали будущие преподаватели Мало-Толкайского мордовского педагогического техникума В.Н. Колюжков, М.М. Кузьмин, Е.Б. Бургаев.

10 июня 1921 года в городе Самаре состоялся I Всероссийский съезд коммунистов мордвы. В 1926 году в Самаре был открыт клуб национальных меньшинств, где особой активностью отличалась мордовская секция, сыгравшая большую роль в консолидации эрзянского и мокшанского населения в 20-е годы XX века [3].

Активная деятельность мордовской общественности по возрождению культуры, языка и образования продолжалась в 80-е и 90-е годы XX века. В 1990 г. первый съезд представителей эрзянской и мокшанской общественности принял решение о создании Куйбышевского национального культурно-просветительского общества «Масторава» («Мать-земля»). У истоков становления общества стояли. А.И. Инчин, М.М. Богачева, Т.И. Волкова, Ч.Г. Журавлев, В.А. Кавтаськин, П.К. Кулагин, С.В. Николаев. Обществом при поддержке органов исполнительной власти Самарской области проделана значительная работа по организации фольклорных праздников, проведению научно-практических конференций по проблемам образования и культуры,

обеспечению школ необходимой литературой, организации лекционных курсов.

Активная работа также проводилась филиалами «Масторавы» в городе Тольятти, Шенталинском, Похвистневском, Иса克林ском, Клявлинском и других районах области. Свою лепту в популяризацию мордовской культуры вносит самарская городская эрзянская общественная организация – «Лисьмапря» («Родник»), под председательством – А.М. Кузнецова.

Стремление к этническому возрождению, решительный настрой на отстаивание прав и интересов своего этноса охватывает сегодня лишь тонкую прослойку гуманитарной интеллигенции, активистов национально-просветительских движений [4]. Новые интеллектуальные кадры формируются, в большинстве своем, из сельской молодежи.

В январе 1996 года министерство образования Республики Мордовия и министерство науки и образования Самарской области подписали соглашение, направленное на возрождение и развитие национальной системы образования. Согласно этому документу предполагалась разработка программы по развитию и возрождению школ, детских дошкольных и внешкольных учреждений в мордовских селах. (В настоящее время программа не осуществляется).

Отметим, что в последние годы между Самарской региональной общественной организацией «Мордовский национально-культурный центр «Масторава» и Республикой Мордовия наладились тесные дружественные отношения. Благодаря сотрудничеству с Государственным комитетом Республики Мордовия по национальной политике и с Поволжским центром культур финно-угорских народов, в Самаре из Саранска регулярно поступает учебная и художественная литература на эрзянском и мокшанском языках, а также номера «Финно-угорской газеты», энциклопедии, журналы, брошюры, словари, аудио- и видео-материалы, наглядные пособия по истории мордовского и финно-угорских народов. Данная продукция распределяется среди национальных коллективов и школ Самарской области в районах компактного проживания мордвы.

Важную роль в выстраивании общественно-политических отношений мордовского этноса в Самарском крае играют средства массовой информации. Вопрос о собственной газете встал перед активистами мордовского национально-культурного движения уже в 90-е годы XX столетия, которые можно назвать периодом мордовского национального возрождения в Самарской области. Именно в это время в регионе сформировались основные мордовские общественные организации, определились основные направления их деятельности.

Стремление к организации своего печатного органа подкреплялось и тем, что исторически Самарский регион является основоположником формирования мордовской национальной печати. Именно здесь в 1929 году начал издаваться литературно-художественный общественно-политический журнал «Сятко» («Искра»), который в последствии, в связи с формированием мордовской государственности, был переведен на территорию Мордовии. Однако, в силу ряда причин, процесс становления собственного национального печатного органа эрзя-мокшанского населения Самарского региона растянулся. Благодаря активной позиции лидеров и членов национально-культурного центра «Масторава», постоянно поднимающих этот вопрос, и помощи руководителей и работников Администрации Самарской области, в частности Губернатора Титова К.А., начальника отдела по делам национальностей и религиозным конфессиям Самарской области Фурсова О.Б., главного специалиста отдела Осиповой Н.П., в октябре 2000 года вышел первый номер газеты «Валдо Ойме».

С самого начала газета стала выходить на двух языках – эрзянском и русском, что во многом связано с этнической ситуацией внутри самой мордвы (часть этноса, не владея языком, проявляет большой интерес к истории, культуре, образу жизни мордвы). Попытки перевода издания на три языка (к вышеуказанным, включая мокшанский), успеха не имели в силу малочисленности этой части этноса в Самарском регионе и, что особенно важно, малочисленности носителей мокшанского языка.

На совместном заседании актива «Масторавы» и объединенного редакционного Совета были определены основные направления деятельности и задачи газеты «Валдо Ойме»: пропаганда, возрождение и всесторонняя поддержка языка, культуры, полноценного национального образования, истории, традиций народа; пропаганда наиболее значимых морально-нравственных качеств и норм жизни эрзя-мокшанского народа; толерантное отношение к своему инонациональному окружению; подъём уровня национального самосознания, чувства собственного достоинства и самоуважения. Газета должна была стать трибуной, отражающей жизнь, проблемы, нужды нашего народа.

Особое место в публикациях занимают люди, которые делают нашу историю, берегут и делают богаче нашу национальную жизнь. Сохранение национального языка и культуры, защита культурно-языковых прав личности и народа, комфортное внутреннее состояние этноса, неповторимость духовного богатства народа, уважение к другим народам – основа публикаций газеты «Валдо Ойме». «Валдо Ойме» является важным помощником мор-

довского национально-культурного центра «Масторава» в решении многих поставленных перед обществом задач, высоко оценивается не только активистами национально-культурного движения, но и мордовским населением Самарского региона.

Давно замечено: культурные ценности являются основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, основой духовного и нравственного роста человека. Утрата любого элемента культурного наследия – невосполнимая потеря, которая ведет к духовному обеднению всей человеческой цивилизации. И задача любого печатного органа, в том числе «Валдо Ойме», – не допустить этих потерь, всемерно защищать и пропагандировать культурные ценности не только своего, но и иных этносов [5].

Таким образом, можно выделить следующие особенности социокультурного и общественно-политического взаимодействия мордовского народа в Самарском крае: открытость, стремление к развитию национальной культуры и языка, сохранению традиций; активное сотрудничество с институтами гражданского общества и органов власти Самарской области, а также Республики Мордовия; выстраивание дружественных, добрососедских отношений с представителями других этносов, населяющих изучаемую территорию, уважительное отношение к другим культурам и конфессиям. Огромную роль в данных процессах играют национально-культурные средства массовой информации, национальные творческие коллективы, общественные объединения и граждане Самарской области.

Литература

1. Домокош П. История и роль международных конгрессов финно-угроведов // CIFU X, Pars I. Orationes plenariae, – Joschkar-Ola, 2005. – S. 93-107.
2. Дзялошинский В. Интеграционные процессы в финно-угорском сообществе: тенденции и перспективы // Финно-угорский вестник. – 2004. – № 2(33). – С. 6-8.
3. Мишанин Ю.А. Этнокультура мордвы в журналистике России XIX начала XX века. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001; Малкова Н.М., Николаев С.Д. Этносы Самарского края: Мордва [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.samddn.ru/index.php?option=com_flippingbook&view=book&id=4%3Amord

- va&catid=1%3Aetnosy-samarskogo-kraja&Itemid=212. – С. 34-36 (дата обращения: 12.06.2012 г.).
4. Беляева Н.Ф. Традиционное воспитание детей у мордвы / Н.Ф. Беляева. – Саранск, 2000.
 5. «Валдо ойма» («светлая душа») – газета самарской региональной общественной организации «Масторава» [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://etnopress.samddn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=7:l-r-l-r-lr&catid=18:2012-01-23-11-56-41&Itemid=4 (дата обращения: 12.06.2012 г.).

Кляшев А.Н.

ПРОТЕСТАНТИЗМ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ПОЛИЭТНИЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

На конфессиональном поле России XXI в. функционируют тысячи религиозных объединений, представляющих широкий спектр мировоззренческих систем. С 90-х годов XX века на конфессиональном поле РБ параллельно восстановлению позиций традиционных для республики конфессий – православия и ислама – происходит формирование христианского сообщества, в доктринальном отношении своими корнями восходящего к общепротестантской парадигме. По данным официальной статистики, на 01.01.2012 г. православие и ислам являются ведущими конфессиями на территории РБ, их объединения составляют 82% от общего количества религиозных организаций (около 61% – ислам, около 21% – православие). Протестантские формирования занимают третье место – их приблизительно 12 % [1]. За последние двадцать лет в Башкортостане закрепились практически все основные течения протестантизма, как консервативного (лютеране, кальвинисты), так позднего (баптисты, адвентисты) и пятидесятнического (пятидесятники, харизматы) направлений.

В 2012 г. автором на территории РБ зафиксировано 120 протестантских общин, 50 % которых (60 общин) приходится на пятидесятников. Выявленное в 2012 г. количество членов зарегистрированных протестантских религиозных объединений составляет 5850 человек, 59,8% из них (3500 человек) приходится на пятидесятников [2]. Действительное количество протестантских религиозных объединений, а также самих верующих,

на территории РБ больше за счёт многочисленных незарегистрированных религиозных групп, однако их выявление представляет собой трудновыполнимую задачу.

В целях получения информации о социально-демографических характеристиках и некоторых мировоззренческих ориентациях христиан – пятидесятников Республике Башкортостан в 2009 г. ИЭИ УНЦ РАН было проведено анкетирование членов двенадцати общин, входящих в состав четырёх уфимских протестантских религиозных организаций: «Жизнь Победы» (РОСХВЕ, девять общин), «Союз Христиан» (АХЦ «Союз христиан»), «Виноградник» (АХЦ «Союз христиан» и Ассоциация Церквей «Виноградник» – Association of Vineyard Churches), «Свет Правды» (РОСХВЕ, Ассоциация христиан веры Евангельской «Общение Кэлвэри») и в одной кальвинистской (реформатской) церкви «Возрождение», (правда, кальвинисты представлены одним пастором). Генеральная совокупность исследования 1075 человек; объём выборки составляет 19,8% от генеральной совокупности.

По причине недостаточности эмпирического материала относительно количества членов протестантских религиозных объединений всех направлений на территории РБ отследить динамику численности протестантов в период с 1991 по 2009 гг. не представляется возможным, однако результаты анкетирования позволяют составить представление об изменении числа верующих в поздних Евангельских христианских формированиях за этот период. По результатам анкетирования (202 ответивших на вопрос о дате прихода в церковь), в период, зафиксированный документами текущего архива Совета по делам религий при правительстве РБ (1986 – 2000 гг.), в пятидесятнические религиозные организации РОСХВЕ и АХЦ «Союз Христиан» пришло 54,8% опрошенных. С года принятия Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» (1990) и до 2000 г. пришло 52,8%, а с 2001 по 2009 гг. в эти церкви пришло 45% респондентов.

В период с 2009 по 2012 гг. общее выявленное количество членов протестантских религиозных объединений увеличилось на 46,25% (1850 человек). Для пятидесятников прирост за этот период составил: 150% (1500 человек) для РОСХВЕ (если в 2009 г. их было около 1000 человек, то в 2012 г. – 2500) и 36% (265 человек) для ХВЕП (с 735 в 2009 г. до 1000 человек в 2012 г.). Для сравнения: у лютеран – ингерманландцев (шведско-финской традиции) – прирост за этот период составляет 26% (85 человек) (с 240 в 2009 г. до 325 человек в 2012 г.) [2].

Республика Башкортостан представляет собой многонациональный субъект Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., русские составляют 36,1% населения РБ, башкиры – 29,5%,

татары – 25,4% [3]. Полиэтничность Башкортостана нашла своё отражение и в национальном составе членов протестантских религиозных объединений. Для российского протестантизма характерна адаптация к этническим особенностям регионов [4], что является актуальным в условиях многонационального Башкортостана. По данным анкетирования, из 213 респондентов 63,3% – русские, 24,2% – татары, 6,0% – башкиры, 2,8% – украинцы, 1,9% – марийцы, 1,9% (4 респондента) – другие национальности (две чувашки, одна еврейка и одна россиянка). 30,2% опрошенных являются представителями этносов, традиционно рассматриваемых как носители Ислама – татары и башкиры. Эти данные коррелируют с результатами интервьюирования служителей поздних направлений протестантизма – в баптистских церквях РС ЕХБ представители тюркоязычных этносов – башкиры и татары – составляют до 30% прихожан, причём наблюдается тенденция их роста среди состава новых членов [5].

Причины, по которым потенциальные носители православия и ислама становятся протестантами, носят комплексный характер. Большую роль в распространении пятидесятничества на территории РБ играет наднациональный характер протестантизма, позиционирующего христианство как религию для всех народов и акцентирующего общечеловеческую значимость акта Искупления Создателем падшего творения. Так, в приходе ЕЛЦ г. Уфы среди прихожан есть не только этнические немцы, но и русские, татары и башкиры – по словам пастора, «наши двери открыты для всех» [6]. Помимо этого, в протестантских религиозных объединениях имеет место творческий подход в осуществлении различных религиозных практик. Так, в общине «Вефиль», организационно входящей в Объединение ХВЕ «Общение Кэлвэри» (РОСХВЕ), существует домашняя группа по изучению Библии, занятия в которой ведутся на татарском языке с использованием текста Нового Завета на татарском языке «Инжил». На воскресных служениях общины проповеди и служения прославления проводятся как на русском, так и на татарском языках. Аналогичная библейская домашняя группа организована и в церкви «Свет Правды» [7]. При некоторых общинах ЕХБ (Уфа, Нефтекамск, Давлеканово, Ишимбай) существуют группы башкир и татар, которые имеют свои специфические богослужения на родном языке. При Уфимской церкви ЕХБ в течение более 12 лет работает радиостудия для записи радиопрограмм на башкирском и татарском языках. Существует специальная евангелизационная группа для организации благовестия среди мусульманского народа [6]. По личным наблюдениям автора, в протестантской и неопротестантской среде имеет место уважительное, доброжелательное отношение к национальным культурам. Такие особенности миссионерской

деятельности и внутрицерковной жизни приводят к тому, что христианство не воспринимается этническими тюрками и русскими как чуждая, нетрадиционная для них религия. Несмотря на адаптированность протестантских объединений к этническому фактору, внутри общин существует не разделение по национальному признаку, а, наоборот, надэтническая консолидация – в ходе интервьюирования нередко имели место высказывания: «У нас одна национальность – христианство» [7]. Адаптированность деятельности протестантских объединений РБ к полиэтничному характеру региона совпадает с общим вектором функционирования протестантов на территории России. Так, С.Б. Филатов и Р.Н. Лункин отмечают особенности миссионерской деятельности пятидесятников среди малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока: использование национальных языков, инструментов и одежды на богослужениях. Помимо этого, в неопятидесятнических церквях пасторы поощряют изучение родной культуры и приобретение навыков традиционного хозяйства (оленоводства и рыболовства) среди молодого поколения [8].

Одним из факторов, делающих протестантизм привлекательным, является его интеллектуализм: интервьюируемые члены религиозных объединений выделяли такие особенности этого направления христианства, как акцент на проповеди при минимальной обрядовости, систематическое изучение Священного Писания и религиозной литературы в домашних библейских группах и воскресных школах, разнообразный спектр вариантов осуществления религиозной жизни верующего, дающий широкие возможности для реализации экзистенциальных поисков, рациональный, осознанный подход к спасению [6; 7]. Благодаря этим качествам в протестантские общины приходит довольно много людей с высоким уровнем образования. По данным материалов анкетирования, из 213 опрошенных 42,2% респондентов имеют высшее образование, 30,3% – среднее специальное образование, 11,9% – среднее образование, 1,4% – начальное образование, 2,3% – неполное среднее, 10,1% – незаконченное высшее, 1,8% (четыре респондента) имеют учёную степень. На долю лиц с высшим, незаконченным высшим, средним специальным образованием и учёной степенью приходится 84,4%. Дифференциация социально-демографических характеристик респондентов по этносам позволила выявить следующие характеристики:

Русские: у 43,6% респондентов высшее образование, 28,6% имеют среднее специальное образование, 10,5% имеют среднее образование, у 12% – незаконченное высшее, 1,5% (два респондента) имеют учёную степень. Татары: у 44% респондентов высшее образование, 26% имеют среднее специальное образование, 18% имеют среднее образование, у 8% – незакон-

ченное высшее, 2% (один респондент) – учёная степень. Башкиры: у 25% респондентов высшее образование, 58,3% имеют среднее специальное образование, у 8,3% – незаконченное высшее, 8,3% (один респондент) имеет учёную степень. У татар и русских законченное высшее образование имеют свыше 40% респондентов, высшее и незаконченное высшее образование имеет более 50%, у башкир более 50% респондентов составляют лица со средним специальным образованием, на втором месте – выпускники ВУЗов, 8,3% респондентов-башкир имеют учёную степень. Вместе с тем у башкир отсутствуют респонденты с начальным, неполным средним и средним образованием (табл. 1). Пятидесятническое направление протестантизма привлекательно для представителей национальной интеллигенции всех трех основных этносов, представляющих это направление протестантизма на территории РБ: русских, татар и башкир.

Таблица 1

Образовательный уровень протестантов РБ по этносам (в %)

	Общие данные	Русские	Татары	Башкиры
Начальное	1,4	2,3	–	–
Неполное среднее	2,3	1,5	2	–
Среднее	11,9	10,5	18	–
Среднее специальное	30,3	28,6	26	58,3
Незаконченное высшее	10,1	12	8	8,3
Высшее	42,2	43,6	44	25
Ученая степень	1,8	1,5	2	8,3

Источник: Материалы этносоциологического опроса членов пятидесятнических религиозных объединений Республики Башкортостан. (ИЭИ УНЦ РАН, Уфа, 2009 г., рук. д.и.н. А. Б. Юнусова; исполн. А.Н. Кляшев).

При анализе некоторых данных в целях выявления наиболее общих тенденций проводилось сопоставление с результатами всероссийского исследования религиозности населения, проведенные Институтом социально-политических исследований Российской Академии Наук (ИСПИ РАН) в

2004 и 2006 гг. среди православных и мусульман. В 2004 и в 2006 гг. отдел социологии, политики и общественного мнения ИСПИ РАН проводил всероссийское исследование религиозности населения в 14 субъектах РФ (Москва, Петербург; Татарстан и Башкортостан; Краснодарский и Хабаровский края; области: Архангельская, Воронежская, Екатеринбургская, Иркутская, Ростовская, Самарская, Томская, Ярославская). Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, грант 04 – 03 – 00364а, рук. – д.с.н. В.В. Локозов, д.с.н. Ю.Ю. Синелина. В 2004 г. было опрошено 1794, а в 2006 г. 1848 респондентов, проживающих в городах и сельской местности по квотно-пропорциональной выборке, составленной на основании последней переписи населения. Было осуществлено сравнение групп православных (14 субъектов РФ) и мусульман (Башкортостан, Татарстан) по уровням религиозной активности, воцерковленности, склонности к суевериям [9]. Результаты ИСПИ РАН по православным на 2004 г., следующие: высшее и незаконченное высшее образование у 28% опрошенных (52,3% у неопротестантов, здесь и далее в круглых скобках – данные по членам неопротестантских религиозных объединений РБ), среднее специальное – у 37% (30,3%), среднее – у 25% (11,9%), неполное среднее – у 11% (2,3%). У мусульман высшее и незаконченное высшее образование у 14% опрошенных (52,3%), среднее специальное – у 38% (30,3%), среднее – у 30% (11,9%), неполное среднее – у 18% (2,3%). У пятидесятников больше лиц с высшим и незаконченным высшим образованием, чем у всех подгрупп православных и у мусульман, и меньше – со средним специальным, средним и неполным образованием (табл. 2).

Таблица 2

Уровень образования в типологических группах
(Протестанты – 2009 г., православные, мусульмане – 2004 г., в %)

Образование	Протестанты	Православные	Мусульмане
Неполное	3,7	11	18
Среднее	11,9	25	30
Среднее специальное	30,3	37	38
Высшее, незаконченное высшее	52,3 (в том числе 42,2 высшее)	28	14

Источники: Материалы Всероссийского исследования религиозности населения (Институт социально-политических исследований РАН, Москва, 2004 г., рук. – д.с.н. В.В. Локосов; исполн. д.с.н. Ю.Ю. Синелина.) // Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. – С. 89–97; Материалы этносоциологического опроса членов неопротестантских религиозных объединений Республики Башкортостан. (Институт этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа, 2009 г., рук д.и.н. А.Б. Юнусова; исполн. А.Н. Кляшев).

Об интеллектуализме протестантизма свидетельствуют данные о регулярном изучении религиозной литературы протестантами и, соответственно, о хорошем знании доктрин протестантского направления христианства: 78,6% респондентов читают Библию регулярно, 20,5% читают Библию иногда, 1% (2 респондента) никогда не читают. 52% читают литературу протестантских авторов регулярно, 43,1% читают иногда, 5% (10 респондентов) не читают никогда. Для сравнения: результаты исследования ценностной структуры россиян в рамках всероссийского исследования религиозности населения, проведенные Институтом социально-политических исследований Российской Академии Наук (ИСПИ РАН) в 2004 и 2006 гг. среди православных и мусульман [10; 9], демонстрируют, что регулярно читают Евангелие 7% православных, регулярно читают Евангелие и другие положенные тексты 4% православных. Регулярно читают Коран 11% мусульман, регулярно читают Коран и другие положенные тексты 6% мусульман (показатели на 2006 г.).

На основании приведенных выше данных можно заключить, что протестантизм на территории Башкортостана является конфессиональным выбором полиэтничной интеллигенции республики.

Эти сведения дополняют материалы по профессиональному составу респондентов: 16,5% опрошенных- специалисты и инженерно-технические работники, 13,0% – служащие, 10,9% – пенсионеры. 10,0% – предприниматели, 9,1% – квалифицированные рабочие, 8,7% – руководители предприятий и организаций, 7,8% – домохозяйки, 6,5% – работающие пенсионеры, 6,5% – учащиеся, 2,6% – работники государственного аппарата. На специалистов и инженерно-технических работников, служащих, предпринимателей, квалифицированных рабочих, учащихся и руководителей предприятий и организаций приходится в совокупности 63,8%. – протестантизм в РБ привлекателен для квалифицированных специалистов с высоким уровнем образования.

Наднациональный характер протестантского вероучения является фактором преодоления национализма и консолидации полиэтничной интеллигенции республики. Протестантизм в РБ с его систематическим изучением

Священного Писания и религиозной литературы, акцентом на проповеди и «интеллектуальным» подходом к спасению привлекателен в основном для представителей интеллигенции трех основных этнических групп, проживающих на территории Башкортостана – русских, татар и башкир.

Литература

1. Информация Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при президенте Республики Башкортостан (01.01.2012) // Текущий архив Совета по государственно-межконфессиональным отношениям при президенте Республики Башкортостан.
2. ПМА 5 – Полевые материалы автора – интервьюирование служителей церквей: Адвентистов седьмого дня; «Виноградник» (АХЦ «Союз Христиан» – пятидесятники-харизматы) г. Уфа РБ, январь 2012 г., Евангелическо – Лютеранскую Церковь Ингрии (ЕЛЦИ – шведско-финской традиции) г. Бирск РБ, январь 2012 г.; «Дом молитвы для всех народов» (Евангельские христиане – баптисты ВСЕХБ); «Церковь Христа Спасителя» (Региональное Объединение ХВЕП РБ – пятидесятники); «Великое Поручение» (РОСХВЕ – пятидесятники) г. Уфа РБ, апрель 2012 г., (тетр. 5).
3. Республика Башкортостан. Приволжский федеральный округ 3.3 Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации / Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010. – Режим доступа: http://www.pereris-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php (дата обращения 28.06.2012)
4. Коскелло А. Инкультурация по-ингерманландски // Russian Review – Электрон. журн. – Keston Institute is the operating name of Keston College, a company registered in England No. 991413, and registered charity No. 314103. – Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition12/02Ingria.html; Лункин Р.Н. Нехристианские народы России перед лицом христианства // Религия и общество. Очерки современной религиозной жизни России / Отв. ред. и сост. – С. Б. Филатов.; Кестонский Институт. – Москва – СПб.: «Летний Сад», 2002. – С. 361-382; Филатов С.Б. Феномен российского протестантизма

- стантизма // Russian Review. – Электрон. журн. – Keston Institute is the operating name of Keston College, a company registered in England No. 991413, and registered charity No. 314103. – Режим доступа: <http://www.keston.org.uk/encyclo/16%20Protestantism.html>; Филатов С.Б. Лункин Н.Р. Вольнодумие на берегах Амура и московская идеология православной цивилизации: где тонко, там и рвется Russian Review – Электрон. журн. – Keston Institute is the operating name of Keston College, a company registered in England No. 991413, and registered charity No. 314103. – Режим доступа: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition41/02-far-east.htm.
5. Кляшев А.Н. Протестанты и неопротестанты Республики Башкортостан: некоторые факторы трансформации конфессиональной идентичности [Текст] / А.Н. Кляшев // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2010. – № 6 (50). – С. 135-143.
 6. ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора в церкви: Евангелическо–Лютеранская церковь РБ (ЕЛЦ – немецкой традиции); «Дом молитвы для всех народов» (евангельские христиане – баптисты ВСЕХБ); «Церковь Христа Спасителя» (Региональное Объединение ХВЕП РБ – традиционные пятидесятники); Адвентистов седьмого дня; «Евангельская Библейская Церковь» (РАНЕЦ – пятидесятники-харизматы) г. Уфа РБ, июль 2009 г. (тетр. 2, информанты: Г.Т. Миних Г.Т., 1954 г.р.; А.В. Лазненко., 1967 г.р.; В.И. Мальцев, 1948 г.р.; Е.А. Шимановский, 1975 г.р.; С.В. Карпенко, 1973 г.р.).
 7. ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора в церкви: «Союз Христиан», «Виноградник» (АХЦ «Союз Христиан» – пятидесятники-харизматы); «Свет Правды», «Жизнь Победы», «Вефиль» (РОСХВЕ – пятидесятники); «Возрождение» (реформаты) г. Уфа РБ, июнь 2009 г. (тетр. 1, информанты: Л.Л. Баталова, 1963 г.р.; Э.Ф. Баширов, 1968 г.р.; И.М. Михайлова, 1954 г.р.; Л.Е. Бугаёва, 1963 г.р.; В.Я. Сильчук, 1963 г.р.; Г.Н. Шапошников, 1971 г.р.; С.В. Широков, 1973 г.р.; Ш.Р. Набиуллин, 1972 г.р.; С.Н. Гильманшин, 1977 г.р.; И.Х. Керимов, 1989 г.р.; Н.Н. Шестова, 1957 г.р.; А.И. Гильманова, 1980 г.р.; Г.С. Невоструев, 1976 г.р.; А.А. Мындру, 1976 г.р.; Е.Г. Еникеева, 1972 г.р.; А.Р. Гильманшина, 1983 г.р.; Ю.Н. Дьячкова, 1988 г.р.).
 8. Лункин Р.Н. Нехристианские народы России перед лицом христианства [Текст] / Лункин Р.Н. // Религия и общество. Очерки

- современной религиозной жизни России. / Отв. ред. и сост. – С. Б. Филатов.; Кестонский Институт. —Москва – СПб.: «Летний Сад», 2002. – С. 361-382.; Филатов С.Б. СМИ: О христианских религиозных сообществах России. 2005 // Invictory.org. [Электронный ресурс] / Портал христианских ресурсов. – Режим доступа: <http://news.invictory.org/issue9832.html>.
9. Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. 2006. № 11. – С. 89-97.
 10. Синелина Ю.Ю. Православные и мусульмане: сравнительный анализ религиозного поведения и ценностных ориентации [Текст] / Ю.Ю. Синелина // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 89-95.

Козлова В.Ю.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПЕРМСКОГО КРАЯ

В настоящий момент население Пермского края находится на пороге нового периода осознания собственной идентичности. За многовековую историю поселений и государственных образований на территории Края самоидентификация жителей строилась на различных основаниях. На сегодняшний день все они исчерпали себя, и стала остро ощущаться необходимость в формировании новой региональной идентичности. Однако до сих пор не определено, как и на базе чего её выстраивать.

Важнейшим моментом, показавшим жизненную важность самоидентификации, стал период с 2008 по 2012 годы, который условно можно называть «культурной революцией». В это время все культурные процессы в городе Перми и крае контролировали Марат Гельман и Борис Мильграм. Они выдвинули здравую мысль о том, что именно культура должна стать двигателем развития края. Однако в практической деятельности это обернулось насаждением современного искусства, привлечением неместных художников, музыкантов и так далее. На это тратилась львиная доля финансирования культуры. Подлинная культура края была отодвинута в дальний угол, и получала на своё содержание крохи. Это привело к тому, что город Пермь стали узнавать в России не по подлинным образцам культуры, а по «красным человечкам», букве «П» и прочим артефактам. Для пермяков само слово «культура» стало почти ругательным, так как из него был вы-

холощен настоящий смысл. Таким образом, культура, которая должна была объединить жителей края на основе общих ценностей, сделать край узнаваемым и самобытным, стала яблоком раздора. Пермьяки по-прежнему не ответили на вопросы – «кто мы?» и «как нам себя представлять другим?».

Поэтому сейчас нужно начинать системную работу по анализу всей предшествующей истории и культуры, для того чтобы именно там найти показатели и критерии для самоидентификации. Опираясь на них можно выстроить новую региональную идентичность Пермского края и донести её сущность до людей. Прежде всего жители Края должны осознать его огромный культурный потенциал, который может стать предметом для гордости, основой для выделения себя среди других регионов страны и для успешного развития. Необходимо аккумулировать в единое ядро все известные пермские бренды: пермский геологический период, пермский звериный стиль, пермскую деревянную скульптуру, пермский балет и другие.

Если взглянуть на всё предшествующее настоящему моменту время, мы там можем видеть различные понятия, периоды и территориально-государственные образования, название которых включало слова «Пермь» или «пермский». Первый такой период не имеет отношения собственно к истории. Это Пермский геологический период. Тем не менее, нам всё время приходится иметь его в виду. Так как это единственный геологический период, название которого связано с территорией России. Так или иначе, это понятие постоянно витает в воздухе, хотя оно и не достаточно представлено в крае. Поэтому осознание места Пермского геологического периода в самоидентификации пермяков необходимо.

Теперь выделим территориально-государственные образования, называемые «Пермскими»:

1. Пермь Великая – самостоятельное государство со своей столицей.
2. Пермь губернская – XVIII – начало XX века – территория Западного и восточного Урала с уездным годом Екатеринбургом.
3. Пермь областная – 1938-2005 годы: а) Пермская область советская с Коми-пермяцким округом и б) Пермская область, постсоветская, без Коми-пермяцкого округа.
4. Пермский край возник в результате объединения Пермской области с Коми-пермяцким округом в 2005 году.

Первое, известное на территории Пермского края государственное образование – Пермь Великая. Определить дату возникновения этого объединения практически невозможно. В русских документах «Перемь» упоминается впервые в «Повести временных лет», как неславянский народ, дающий

дань Руси. Новгородцы проникли на территорию Перми Великой в XII веке. Они ограничивались сбором дани и не имели там своих поселений. Великопермское княжество со столицей в Чердыни было сильнейшим из государственных образований коми-пермяков. В 1472 Иван III послал туда князя Фёдора Пёстрога с войском, подчинившего княжество и весь край Великому княжеству Московскому. Иван III до конца своего правления оставил номинальным правителем края князя Михаила Пермского. Позднее Пермь Великая полностью подчинилась Московскому княжеству. После губернской реформы Петра I, территория Перми Великой была разделена между несколькими губерниями, и само название «Пермь Великая» исчезло с карты России более чем на сто лет. Сегодня вновь возрождается интерес к истории Перми Великой, который может стать катализатором процессов самоидентификации в крае.

Название «Пермь» вновь вошло в обиход в период губернской реформы Екатерины II. Она приказала учредить столицу вновь создаваемой Пермской губернии и назвать её Пермь. Небольшому посёлку Егошихинского завода было присвоено имя древней страны. Новому городу подчинили огромную территорию Урала. И в течение двух последующих столетий город рос в желании соответствовать своему громкому имени. Единственным обстоятельством, постоянно омрачающим развитие Перми, было наличие рядом крупного уездного города Екатеринбурга, который по многим показателям опережал губернскую столицу.

Этот этап развития региона закончился после революции 1917 г. Наступил период неразберихи с властными структурами. Пермь сначала попала в подчинение к бывшему своему уездному городу Екатеринбургу, став частью Уральской области, образованной в 1923 года из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний. Центром области стал Екатеринбург (с 1924 года Свердловск). Пермь, как и другие города, была непосредственно подчинены облисполкому. Пермский округ был одним из 16 округов области. В 1925 года был образован Коми-Пермяцкий национальный округ.

В 1938 год Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана самостоятельная Пермская область путём выделения из состава Свердловской области. В 1940 году Пермь вновь потеряла своё имя и стала называться Молотовым, а область – Молотовской. Только в 1957 году историческое имя было восстановлено. В состав Пермской области входил Коми-Пермяцкий автономный округ (до 1977 года – национальный округ). В течение этого периода Екатеринбург считался столицей всего Урала, а Пермь, которая не хотела полностью утратить столичный статус, стали называть столицей За-

падного Урала. При этом Пермь постепенно превратилась в тень Екатеринбургa, так как имела статус закрытого города. Так, например, во время показа прогноза погоды на центральных телеканалах она никогда не указывалась. Внутреннее значение города базировалось на двух составляющих – экономическом развитии (большое число промышленных предприятий почти во всех отраслях) и культуре (Театр оперы и балета, Пермская художественная галерея и т.п.).

После распада Советского Союза началась потеря идентичности Перми. Изменился статус города. Он стал открытым. В 1993 году с принятием Конституции России Коми-пермяцкий национальный округ стал самостоятельным субъектом Российской Федерации, территориально продолжая находиться в составе Пермской области, также являющейся субъектом РФ, и находясь с областью в договорных отношениях.

Последней точкой, обозначившей полный кризис пермской региональной идентичности, стало то, что в соответствии с Указом Президента России «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 года Пермская область была отнесена к Приволжскому, а не Уральскому федеральному округу. Вновь во всю мощь зазвучал вопрос – «кто мы?». Пермяки традиционно привыкли считать себя уральцами. Существуют специальные термины – «Западный Урал», «Приуралье», «Предуралье». Вдруг волевым решением в одночасье они перестали быть уральцами. Возник вопрос – кем они стали? Приволжцами? Это было очень трудно понять и принять. Но, тем не менее, именно в этот момент совершился эпохальный поворот в сторону формирования собственно Пермской идентичности. Пермь насильно была вырвана из уральской общности и впервые смогла посмотреть на себя безотносительно к другим уральским городам, и прежде всего, к Екатеринбургy. А приволжские города не воспринимались и по большому счёту до сих пор не воспринимаются ни как соперники, ни как близкие по духу. То есть, появилась возможность спокойно осознать себя, подумать о том, как развиваться дальше, как заявить о себе стране и миру.

Постепенно население стало осознавать необходимость определения собственной принадлежности к чему-либо. Оставалось только понять к чему. Первым шагом стало понимание того, что необходимо восстановить свою территориальную целостность. Стало ясно, что отделение Коми-пермяцкого национального округа от Пермской области было большой ошибкой. Когда осознание этой ошибки произошло с обеих сторон, был запущен процесс образования Пермского края. 7 декабря 2003 года состоялся референдум, на котором жители Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного

округа поддержали объединение в единый субъект Российской Федерации. 1 декабря 2005 года образовался новый субъект Российской Федерации – Пермский край. Объединение было подтверждено Федеральным конституционным законом «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа». Так Пермской земле удалось выделить себя территориально, административно и законодательно.

Стать отправной точкой в процессе формирования региональной идентичности Пермского края, а также решить массу проблем, которые стояли перед краем в последние годы, позволит возрождение понятия «Пермь Великая» и использование его в проектах развития Пермского края. Это очень ёмкое и многозначное понятие.

Приведём несколько значений понятия «Пермь Великая»:

1. Многофункциональность – смысловой охват всех сторон развития региона. Название «Пермь Великая» может относиться не только к культурным проектам, но к проектам развития любой сферы, будь то, промышленность, сельское хозяйство, транспорт или что-то другое.

2. Историчность – создание новой истории края на фундаменте всего предыдущего периода развития. Это понятие пришло из глубины веков. И, как следствие, оно отсылает нас к собственной богатой истории, которая должна не только стать известной и понятной населению, но и превратиться в ту основу, на которой будет выстраиваться имидж региона в стране и мире.

3. Масштабность – постановка грандиозных задач. Сама формулировка названия говорит о грандиозности задач, а, следовательно, планка развития поднимается на максимальную высоту.

4. Региональность – включение в процесс развития всего края. Понятие «Пермь Великая» не замыкает процессы развития только на краевой столице, а предусматривает развитие всего края в комплексе

5. Самодостаточность города и края. Эпитет «Великая» не предполагает соперничества ни с кем, но подразумевает культурную самодостаточность, следствием чего станет поднятие экономической сферы региона.

Термин ««Пермь Великая» позволит снять очень болезненное для Перми и пермяков противоречие – извечное соперничество Екатеринбурга, в котором Пермь на протяжении последних ста лет проигрывала. Она была частью Уральской области, областью Урала, столицей которого является Екатеринбург. В постсоветский период стало очевидно экономическое и ментальное превосходство Екатеринбурга перед Пермью. И это после того, как Екатеринбург изначально подчинялся Перми. Для того чтобы как-то

компенсировать ущемлённое самолюбие, Пермь всегда старалась назвать себя столицей чего-либо. Сначала Западного Урала, а сейчас, краевой столицей. Термин «Пермь Великая» даёт возможность Перми остановиться в этой заведомо проигранной гонке, осознать свою самобытность и начать её использовать, для того чтобы достичь такого уровня развития, когда любое сравнение было бы в пользу Пермского края. Разорвать сложную связь с Екатеринбургом позволяет и полная официальная независимость Перми от Екатеринбурга – принадлежность к другому федеральному округу.

6. Многонациональность – включение в процесс всех национальных групп. Это понятие позволяет равноценно представить всё многочисленную семью народов, населяющих Пермский край.

7. Преемственность и примирение города Перми со своим старинным названием. Использование названия «Пермь Великая» в различных проектах развития края позволит городу Перми стать столицей региона «Перми Великой» и самому быть великим.

8. Подлинный культурный ресурс развития края. Использование термина «Пермь Великая» позволит на всех уровнях и в сознании жителей закрепить тот факт, что современное развитие края будет опираться на его культурный потенциал.

Таким образом, термин «Пермь Великая» может определить вектор формирования региональной идентичности Пермского края, придать устойчивость положению региона, который не будет нуждаться в сравнении с кем-либо, которому важен будет факт собственного существования и своя самобытность.

Кунафин М.С.

О СМЫСЛЕ ВЫРАЖЕНИЯ «ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР»

Если имя неправильно, то слово не имеет под собой основания. Следовательно, дело не делается и порядок не соблюдается. Отсюда, – система управления искажена, и люди растеряны.

Конфуций.

Адекватно ли выражение «цивилизационный выбор» процессам, происходящим в российском сообществе? Полагаю, что нет. При всей изначальной метафоричности этого выражения – оно, все-таки, предполагает наличие

волящего субъекта, делающего осознанный выбор между несколькими вариантами возможного развития событий. С каким же субъектом мы имеем дело? Очевидно с «цивилизацией». Однако бурный интерес к этому понятию и его активное развитие в течение XX века, как я считаю, так ни к чему и не привели. Четкие и строгие критерии, превращающие его в научную категорию, отсутствуют. Под цивилизацией понимается некая социальная общность, более – менее связанная какими-то общими характеристиками.

Понятно, что формирование такого типа общностей на основе нестрогого набора параметров, может достигать какого угодно уровня произвольности. В то же время за этим понятием сохранилась обманчивая аура научной строгости, что позволяет спекулятивно использовать его, прежде всего в сфере идеологии.

На мой взгляд, определенную строгость это понятие приобретает, если его употреблять в контексте противопоставления «природа – культура». Цивилизация есть «тело» культуры, и «тело» это является техногенным. Данная характеристика относится к человечеству в целом, то есть под определение «цивилизация» подпадают все культуры, так как все они в той или иной форме превращают естественную природу в искусственную техногенную среду. Соответственно история человечества – это история единой техногенной цивилизации, в «теле» которой произрастает множество культур, порой существенно отличающихся во многих аспектах материального и нематериального характера, но объединенных в единую цивилизацию по способу техногенного преобразования реальности.

Поэтому различного рода суждения о плюрализме цивилизаций, как я считаю, связаны с непониманием субстанциального характера цивилизации. Если делается предположение о существовании нескольких цивилизаций, то необходимо указать наборы параметров субстанциально отделяющих одну цивилизацию от другой. Только в этом случае можно говорить о научном смысле категории «цивилизация». До сих пор это не удавалось и, уверен, не удастся никому, так как для этого необходимо иметь дело с цивилизациями нетехногенных типов, которые нам попросту неизвестны.

Соответственно во всех случаях различения цивилизаций, по какому бы основанию оно ни проводилось («культурно-исторические типы» Н. Я. Данилевского, «культуры – цивилизации» О. Шпенглера, «цивилизации» А. Тойнби), речь идет не о субстанциальных отличиях одной цивилизации от другой, а о локальной дифференциации культур, произрастающих в «теле» единой техногенной цивилизации.

Поэтому очень важно понимать о чем мы говорим, когда ведем речь о разного рода «цивилизационных выборах». С моей точки зрения, никакого выбора в цивилизационном смысле у российского сообщества, равно как

и у других культур, не существует. Такой выбор означал бы выбор между техногенной цивилизацией и ее нетехногенными вариантами, которые нам неизвестны. О каком же выборе в таком случае идет речь? Может быть о культурном? Но такое предположение также неверно. Разве может народ добровольно отказаться от собственной национальной идентификации, то есть перестать быть самим собой?

Разумеется, локальные культуры и единая цивилизация связаны между собой. При этом, я полагаю, именно культура оказывает определяющее воздействие на базовые параметры цивилизационного развития, замедляя их в одном случае (Восток) и ускоряя в другом (Запад). Конкретные формы этого взаимодействия при их абсолютизации порождают иллюзию субстанциальной отличности друг от друга цивилизаций.

Несмотря на сказанное, интуитивное ощущение «выбора» и его необходимости остаются. И эта интуиция обоснованна. Выбор приходится делать в разное время всем культурам. Но этот выбор не цивилизационный и не культурный – это выбор между прошлым и будущим. Выбор, по сути, сводится к способности культур создать или перенять и принять наиболее эффективные для развития цивилизационных параметров гуманитарные и социальные структуры. Культуры, способные на это, вырываются вперед в эволюционной гонке и активно распространяют свои культурные стандарты. Это напоминает активное распространение в пределах вида собственно генома выигрывающей в эволюционной гонке особи.

В конечном счете, «выбор» любой культуры сводится к осознанию необходимости и замены существующих социальных и гуманитарных стандартов на нормы более эффективные в цивилизационном отношении. На такие нормы, которые делают возможными научный и технический прогресс. Сами понятия «прогресс», «эволюция», «развитие» имеют смысл, если речь идет о качественном усложнении уже существующих техногенных структур. Внешне реализация «выбора» выглядит как социальные изменения, но это только манифестация глубоких внутренних гуманитарных и цивилизационных процессов.

Фактически то, что мы называем «выбором», должно сводиться к приведению в соответствие социально-гуманитарных структур культуры и соответствующих цивилизационных параметров. Например, невозможно перейти к современному этапу цивилизационного развития, если ему не соответствуют существующие социально-гуманитарные структуры культуры. Исторический опыт доказывает, что наиболее адекватное соответствие может быть достигнуто при демократической организации социально-гуманитарных стандартов.

Итак:

1. Выражение «цивилизационный выбор» не имеет смысла, так как такого выбора попросту не существует.

2. Выражение «культурный выбор» также не имеет смысла, так как означает отказ от культурной самоидентификации.

3. Понятие «выбор» имеет смысл и актуально, но означает выбор между прошлым и будущим данной культуры, то есть означает способность этой культуры к ее переходу на следующий этап цивилизационного развития.

Теперь основываясь на указанных теоретических посылах, попробуем понять, на какой выбор может претендовать российское сообщество. Существующее положение дел указывает, что оно не в состоянии перейти к «постиндустриальному» этапу техногенного развития. Цивилизационные предпосылки для этого присутствуют. Но отсутствуют социальные и гуманитарные условия. Это выражается не только в отсутствии реальных демократических институтов, что уже само по себе делает невозможным такой переход. Важно и то, что к российскому сообществу неприменима категория «культура» в употребляемом здесь смысле, так как ее применение возможно только в случае наличия самоосознания всех в принадлежности к единой общности, как, например, это реализуется в понятиях «француз», «немец» и т.д. Если невозможно «культура», то невозможно и ее воздействие на цивилизационные параметры через изменение социально-гуманитарных структур.

Отсутствие «культуры» означает отсутствие субъекта, способного провести эти изменения. Важным фактором, превращающим российское сообщество в единую культуру, могло бы стать национальное самоосознание, что можно наблюдать в национальных государствах. Однако в условиях Российской Федерации создание русского национального государства означало бы распад федерации. Попытка создания единой культуры путем отмены статуса национальных республик приведет к балканскому варианту развала государства. Единственным исторически реальным способом постепенного превращения российского сообщества в единую культуру является развитие федерализма.

Итак, для превращения российского сообщества в единую культуру, способную провести необходимые изменения в социально-гуманитарных нормах для актуализации «постиндустриальных» цивилизационных параметров, необходимо развитие реального федерализма, что в свою очередь, возможно только в условиях фактического действия демократического механизма.

Таким образом, ключ открывающий дверь к «постиндустриальному» этапу цивилизации – это полноценное действие демократического меха-

низма. Менее всего заинтересована в запуске такого механизма ныне действующая власть. Будучи коррумпированной и фактически нелегитимной она, следуя инстинкту самосохранения, предпринимает и будет прилагать все возможные усилия, чтобы этого не произошло никогда. Фактически это выражается в том, чтобы превратить нормы Конституции, федерализма и прежде всего демократии в пустой звук. Если российское сообщество согласится с таким ходом событий, то платой за это станет отсутствие единства с последующим переходом к состоянию «культуры» и дальнейших перспектив цивилизационного развития.

В этом контексте идеи «цивилизационного выбора», «особого пути развития», «суверенной демократии», «евразийской цивилизации» и пр. не что иное, как идеологические мифы, порождаемые усилиями власти, периферийностью цивилизационного развития страны, ущемленным имперским самолюбием и прочими психосоциальными недугами.

Люткевич С.С.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В СИБИРИ

Рост давления государства в вопросах веры был одним из факторов революций в арабских странах, утверждают авторы доклада Pew Forum on Religion and Public Life в 2012 г. Россия, в рейтинге исследования, также находится в числе стран с самым высоким уровнем религиозной напряженности.

Сегодняшняя ситуация обусловлена тем, что основные верования, которые признаны государством такие, как православие, ислам, буддизм и иудаизм, автоматически получают некоторые преференции со стороны власти. Это логично и объяснимо, так как большая часть населения России считается их приверженцами. Но, религиозная ситуация в стране не остается стабильной.

Постоянно идут процессы, которые меняют религиозную картину государства и настойчиво дополняют её, проявляя фактическую, а не формальную конфессиональную действительность. Идет массовое возрождение шаманских традиций, особенно в Сибири. Это религиозное направление органично вписывается в современную культуру со всем её критицизмом и рационализмом. По-нашему мнению, подобное явление несет положительные моменты. Именно народные верования являются исторически и социально

обоснованными, национально и патриотически-ценными для укрепления современного государства, несущими развитие привязанности к родной земле и идеологически оправданными процессами во времени и пространстве сегодняшней России. В настоящее время люди, которые стараются вернуться к своим исторически обоснованным религиозным корням, одновременно – и активная часть гражданского общества, которая несет и яркую экологическую окраску. Причем, патриотически-настроенную и не подпитываемую идеологически и финансово со стороны внешних сил. Это говорит о том, что шаманизм в современном его состоянии нашёл такие формы своего проявления, которые позволили ему войти в резонанс с современными культурными запросами людей.

Указанные же выше религии, которые автоматически даются как традиционные, пришли в Россию и Сибирь в виде неких миссионерских проектов. Это неотъемлемая часть нашей общей истории. Об этом не стоит забывать.

Тем временем возникают проблемы такого рода, когда представители одного народа, одной национальной группы, исторически исповедуют несколько вероучений. Сегодня фактическое состояние религиозной ситуации осложняется неожиданно активизирующейся миссионерской работой представителей буддистов в нетрадиционных для них территориях. Особенно это заметно на примере сибирских народов. Мы рассматриваем шаманизм как традиционное верование для народов Сибири – одну из самых древних религиозных культур, присущую всем народам, которая идет из глубин начала развития человечества на территории Сибири. Развитие шаманизма в Сибири строится на следовании современного человека по пути его предков, оставивших ему в наследство архитипические представления, традиции и своё понимание мира. Нельзя не учитывать насколько глубоко уходят корни каждого верования в породившую их почву.

Мы обсуждаем нижеуказанные ситуации только потому, что развитие некоторых отрицательных тенденций лучше предупреждать.

1. Кемеровская область – шорцы. Народ, который имеет поликонфессиональный статус. Христианство в форме православия, немного протестантских общин, возрождающиеся шаманские традиции. Основной проблемой на сегодня является активная миссионерская деятельность буддистов, которая старается базироваться среди групп шаманских традиций.

2. Алтай – алтайцы.

Среди народных алтайских верований сегодня выделяются верующие двух направлений – шаманисты и язычники – бурханисты, по-своему дистанцирующиеся от реставрируемых шаманских практик и их приверженцев.

Современное состояние «бурханизма» и «белой веры» можно охарактеризовать как возрождение в форме различных религиозных групп. Но на сегодня среди алтайцев до 85% придерживаются традиционных верований.

Большинство из них вообще не вступают в организации, совершают моления малыми группами, состоящими из проживающих в той или иной деревне коренных жителей. Приверженцы «алтайской веры» не только открепиваются от влияния Запада, но также не желают попадать под влияние восточно-азиатских политических систем, проводником каковых считают буддизм. Последователи язычества негативно воспринимают попытки буддистов утвердить свою религию в качестве официальной традиционной религии алтайского народа.

Алтай всегда находился на перекрёстке цивилизаций, и каждая оставляла свой отпечаток на религиозно-культурных традициях коренного населения региона. На Алтае частично синтезировались православные, исламские, буддийские и языческие обряды и традиции. От старообрядческого Беловодья до последователей учения Рериха. Помогая человеку, каждая религия вносит свои акценты.

Именно поэтому важно, чтобы у каждого религиозного направления был свой путь, не связанный с опорой на государственные официальные структуры. «Навязывание буддизма властями» вызывает возмущение сторонников шаманского Алтая даже в большей степени, чем уже привычное положение РПЦ. Можно констатировать, что алтайцы сходятся с православными в своем недоверии к европейской цивилизации. Основной претензией к глобализации и к мировым религиям является угроза размывания самобытности малых национальных культур, заметная и явная неэкологичность. В результате мы имеем десятки случаев взаимного осквернения сакральных мест, дацанов и т.п. практических выражений неприязни.

В связи со становлением Алтая как неформального Центра традиционного сбора и постоянной концентрации представителей шаманов всего юга Сибири, проблемы противостояния между миссионерской работой буддистов и шаманов будут возрастать, что неминуемо скажется на социальной и политической ситуации в ближайшем будущем.

3. Тува – тувинцы.

В январе 1990 года в Тыве была зарегистрирована первая буддистская община, а в 1991 году началась перестройка храмов. В настоящее время в Тыве 9 храмов и 6 буддистских молельных домов. Отличительная черта тувинского буддизма сложилась в результате векового сосуществования с шаманизмом. Буддизм перенял некоторые шаманские традиции. В ранние периоды шаманы часто принимали участие в буддистских церемониях вместе

с ламами, существовала особая категория духовных лиц ламы-шаманы. В настоящее время 90% тувинцев считают себя буддистами, но они регулярно обращаются за помощью к шаманам. Главной отличительной чертой тувинской религиозности является синкретизм. Буддизм в Туве ассимилировал шаманские обряды и наоборот. Сейчас идет обратный процесс: шаманы перенимают буддистские обряды и толкуют их по-своему.

В Туве распространяется мнение о том, что буддизм должен утвердиться в своем значении основы общественной и политической жизни, а также в качестве объединяющего фактора в развитии общества. Буддистское духовенство стремится к влиянию во всех сферах жизни: культурной, политической и экономической. Шаманизм в современной Туве расцветает также бурно, как буддизм, и даже еще энергичнее, поскольку язычество оказалось труднее искоренить во времена коммунистического режима.

Структурированные языческие организации – это новый феномен эпохи перестройки. Шаманизм в настоящее время признан одной из трех традиционных религий Тывы и пользуется определенной поддержкой государства (хотя и не такой, как буддизм). Таким образом, в настоящее время в Тыве и буддизм, и шаманизм переживают настоящее возрождение. Как и в прошлом, обе религии существуют в виде симбиоза и взаимно влияют друг на друга.

В Туве на основе шаманской религии и тибетского буддизма возникла своеобразная синкретическая форма буддизма (тувинский буддизм), которая была практически уничтожена за годы советской власти. В данный период буддизм возвращается в Туву, но уже в своем чисто тибетском варианте, и уже отрицательно воспринимается большинством народа республики.

Религиозное мировоззрение тувинцев, в основе которого лежит шаманская культура, формировалось в течение многих столетий. На сегодняшний день оно является сложным переплетением различных религиозных традиций и культур. Размежевание буддизма и шаманизма в конце XX в. привело к возрождению древних шаманских традиций, существовавших до прихода тибетского буддизма.

Шаманизм, в данном случае, является тем этно–сохраняющим фактором, той базовой религией, на которой держится вся тувинская культура. Вобрав в себя все древние религиозные традиции и обряды тувинского народа, шаманизм стал ныне основой для всех остальных религий, входящих в культуру данного этноса.

Шаманизм занимал и продолжает занимать определенную нишу в общей системе духовной культуры тувинцев, сохраняя свою аудиторию и своих последователей. Официальная же религия буддизм, ранее вбравший

в себя шаманские культы, ныне размежевался с теми религиозными традициями, которые им были усвоены ранее. Тем самым он разорвал этнокультурную связь с народом и ослабил свои позиции в тувинской культуре, отдав ее на откуп другим религиозным системам народа. Социальная же роль христианства еще полностью не определена и пока находится в стадии поиска, но, скорее всего, оно займет важное место в культуре.

4. Буряты. Агинские буряты, Республика Бурятия и Усть-Ордынские (западные) буряты Иркутской области.

По мере освоения территории Забайкальского края происходит качественное изменение конфессиональных параметров – от шаманских форм до доминирующего характера некой ведущей конфессии, в силу приграничных свойств этой территории. Под воздействием ряда факторов на разных исторических этапах развития, религия переживает взлеты и падения, с нарастанием активности в настоящее время.

Спецификой конфессионального пространства г. Забайкальского края является преобладание православной и буддийской религии, а также приграничное положение региона, что не исключает возможности проникновения других религиозных вероисповеданий и обострения геополитической обстановки. Буряты Агинского округа забайкальского края в настоящее время практикуют религиозный синкретизм, весьма схожий практически с тувинскими реалиями. Это так же объединяет их с соседями-монголами. Шаманизм Агинских бурят возрождается на ярком фоне буддизма!

Практический парадокс, который не могут объяснить и сами буддисты. Уже при советской власти в период гонений на все религии, используя традиционные контакты формальные и неформальные буддисты глубоко были уверены в исчезновении местных народных форм религии. Но, нельзя было не учитывать, насколько глубоко уходят корни каждого верования в породившую их почву. Отработанная система религиозного учения, слаженный механизм религиозного аппарата, сотни лет воздействия на население не могут уничтожить генетическую память. «Духовный инстинкт» бурят дал о себе знать в определённый период, возродив шаманские традиционные верования. Все указанные нами проблемы требуют тщательного исследования.

В Бурятии существование буддистов и последователей шаманизма на одной территории принимается как данность и, в отличие от других сибирских земель, синкретизм не отмечен. Хотя в одной семье могут спокойно сосуществовать и буддисты, и шаманисты. Но в высшем конфессиональном руководстве региона толерантность к шаманам не приветствуется. Руководство

буддистов Бурятии активно использует все варианты и способы давления на шаманские группы, включая административный ресурс. Это постоянно отмечается представителями СМИ региона.

Современных бурятских шаманов интересуют проблемы всего Байкальского региона и бурятского народа в целом. Процессы возрождения национальной культуры и традиционной духовности проходят в разных районах этнической Бурятии схоже. Только у западных бурят процесс возрождения шаманизма шел естественным путем, поскольку основные шаманские традиции у них сохранились. А у восточных бурят, несмотря на сохранившиеся базовые шаманские элементы, возрождение шаманизма из-за высокой степени ламаизации, проходило с элементами реконструкции. В этом заключается отличие современного шаманизма западных бурят от шаманизма восточных. Но все же, несмотря на локальные отличия, основа, сущность бурятского шаманизма едина.

Забайкальский край – это территория, на которой большинство населения является носителем религиозных идей. Важно, что верующие, колеблющиеся и неверующие, в большинстве своем, автоматически идентифицируют себя с той или иной религией, не заявляя об атеизме.

Вера даёт человеку нормы и традиции, обряды и принятые образцы поведения. Если человек живёт в соответствии с ними, то он существенно снижает вероятность конфликта с окружающими. В той мере, в какой человек разделяет глубинные символы веры, он имеет опору в самые тяжёлые моменты своей жизни. Вера создаёт для психики человека надёжную защиту, которая позволяет выдержать жизненные трудности без ущерба для личности. Определение конфессиональных предпочтений свидетельствует о широком распространении идентификаций, связывающих население с ценностями православия и буддизма. В то же время, во многих случаях религиозные предпочтения являются выбором граждан, не связывающих его с этничностью. У них отмечается факт сосуществования противоречивых и смешанных религиозных представлений и такой же смешанный поведенческий комплекс, существование которого связано с религиозной терпимостью и безразличием населения. У всех указанных народов Сибири в настоящее время идет массовое возрождение народных верований на основе шаманских традиций. Одновременно, среди этих народов заметное место занимает буддизм (в меньшей степени у шорцев).

Шаманизм бурят – вера, рожденная этим народом в этой местности, на этой земле и сохранившаяся в течение тысячелетий, хотя ей предрекали

гибель и исчезновение еще в прошлом веке. Её никогда не признавала официальная власть, так как считалось, что у шаманизма нет стройной канонической литературы. Экстаз шамана официальная наука относила к болезни и расстройству психики. Но время показало, что на самом деле шаманизм жив и его древние практики открывают путь к сверхчувственному восприятию. Буддизм постановлениями и решениями Правительства РФ и местных властей отнесен к основным традиционным религиям для России, наряду с православием, исламом. Основной проблемой для традиционных верований в Сибири является то, что отсутствует любая структуризация шаманских организаций. Шаманы объединяются только как небольшие группы, практически имея единую идеологию и традиции верований, практических обрядов, но не имея централизованных, формальных органов управления. Чаще всего это местные Центры в статусе культурных или религиозных организаций некоммерческого статуса.

Заметная часть вышеперечисленных народов никогда не была буддистами. Миссионерская работа буддистов в Восточной и Западной Сибири весьма активизировалась. Не всегда это бывает выбором местного населения, к сожалению. В результате горят дацаны по южной Сибири...

В этих условиях важным фактором развития становится политика государства, направленная на сотрудничество с любыми традиционными религиозными объединениями и национальной общественностью на конкретных этнических территориях. Так как только на этой основе становится возможной реализация усилий, направленных на урегулирование межконфессиональных противоречий, обеспечение свободы личности. Это предполагает возрастание ответственности религиозных объединений, продуцирующих региональную религиозную и социальную политику и повышения уровня толерантности внутри каждой конфессии как уважения человека, признание его права свободно выбирать свой собственный путь веры.

Ляпанов А.В.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ КАК ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Россия представляет собой федерацию, которая состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей, автономных округов – равноправных субъектов Российской Федерации (ст. 5

Конституции РФ). В последние годы активно проходил процесс федеративного строительства, которому сопутствовали развитие и совершенствование нормативной базы, в том числе государственной социально-экономической политики.

Одним из несомненных достоинств предыдущего периода (с 2000 г.) можно отметить относительную стабильность развития социально-экономической сферы, что нашло свое отражение и в использовании инструментов долгосрочного планирования. Так, 17 ноября 2008 г. Правительство РФ утвердило Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [1]. Данный документ рассматривается сегодня как программный, именно на него ориентируются и регионы, и различные отрасли народного хозяйства. Как приложение к данной Концепции разработан прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 гг. При стратегическом планировании необходимо учитывать специфику регионального развития экономики и синхронизировать положения стратегий развития отдельных регионов как между собой, так и с базовыми положениями Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

Кроме того, продолжают распределение и передача части федеративных функций на региональный уровень, что автоматически влечет за собой повышение значимости региона при планировании и проведении социально-экономической политики. Однако, отношения центр – регион, регион – регион остаются сложными и противоречивыми, поскольку в них переплетаются разноуровневые процессы, сталкиваются интересы, рассмотрение которых требует разработки и применения новых приемов их согласования.

Формирование социально-экономической политики на уровне региона – достаточно новое явление в России. Государственные институты субъектов Федерации взаимодействуют с федеральными органами в соответствии с существующим распределением прав и полномочий. При этом социально-экономическая политика не имеет четко выраженной специальной институциональной структуры. Она опирается практически на все институты государства в регионах и органы местного самоуправления.

Одним из самых серьезных препятствий при проведении государственной социально-экономической политики выступает межрегиональная дифференциация.

На 2011 г. количество субъектов Российской Федерации составляет 83. Из них только 12 на последний момент не требовали дотаций от государства. О том, что субъектов в России слишком много, говорят давно и на разных

уровнях. Процесс сокращения-укрупнения субъектов запущен, однако его темпы многих не устраивают. Так, бывший спикер Госдумы Борис Грызлов предлагал уменьшить количество субъектов Российской Федерации с 83 до 16 [2]. Действительно, существующая пропорция является нарушением закона предела кратности в науке о системах. Суть закона заключается в том, что в сложной системе на одну управляющую подсистему не может приходиться слишком много управляемых подсистем. В социально-экономических системах, таких как государство, регион, оптимальное соотношение между центром и провинциями (штатами, регионами и т. п.) должно составлять от 1:20 до 1:25 [3, с. 47].

Образование в 2000 г. семи федеральных округов (на данный момент восьми за счет выделения Северо-Кавказского федерального округа из Южного федерального округа на основании Указа Президента РФ от 19 января 2010 г. № 82) можно рассматривать как попытку создания промежуточного варианта управления, так сказать, среднего уровня. Однако, как известно, федеральные округа во многом не соответствуют существующим экономическим районам.

Данному требованию больше отвечают создаваемые с 1990-х гг. межрегиональные ассоциации. В настоящее время образованы следующие ассоциации [4]: Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение»; Ассоциация экономического взаимодействия территорий Северо-Запада РФ («Северо-Запад»); Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ Центральной России («Центральная Россия»); Ассоциация экономического взаимодействия областей Центрально-Черноземного региона РФ («Черноземье»); Ассоциация «Большая Волга» по экономическому взаимодействию республик и областей Поволжского региона РФ; Ассоциация социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа («Северный Кавказ»); Ассоциация экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона («Уральская»); Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Дальний Восток и Забайкалье»; Межрегиональная ассоциация «Арктическое соглашение».

Ассоциации представляют собой некоммерческие организации, созданные органами представительной или исполнительной власти субъектов РФ или органами местного самоуправления с целью координации взаимных усилий по социально-экономическому развитию регионов, наиболее полной реализации преимуществ регионального разделения труда, консолидации финансового потенциала. Основными формами деятельности ассоциации являются разработка и реализация региональных, межрегиональных или местных программ и проектов.

Таким образом, одной из главных задач государственной социально-экономической политики в России, как и в любой другой стране с большим разнообразием условий социально-экономического развития регионов, является уменьшение различий в уровнях жизни населения, проживающего на разных территориях, преодоление региональной асимметрии в целом.

На данный момент следует констатировать сильную дифференциацию экономических и социальных параметров субъектов Российской Федерации (Далее все расчеты основаны на статистических данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>).

Одним из основных показателей уровня жизни населения является величина прожиточного минимума. Прожиточный минимум определяется по следующим категориям населения: трудоспособные, пенсионеры, дети. Рассмотрим подробнее трудоспособную часть населения как наиболее многочисленную и экономически активную (табл. 1).

Таблица 1

Величина прожиточного минимума в Российской Федерации для трудоспособного населения за IV квартал 2009 г.

Регион	Величина прожит. минимума, руб.	Коэффициент различия прожиточного минимума внутри одного федерального округа
В среднем по России	5 562,0	2,77
<i>Центральный федеральный округ</i>	5 284,7	2,00
Тамбовская область	4 190	
г. Москва	8 398	
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	6 548	2,17
Ленинградская область	5 103	
Ненецкий авт. округ	11 064	
<i>Южный федеральный округ</i>	4 777	1,38
Кабардино-Балкарская Республика	4 101	
Краснодарский край	5 655	

<i>Приволжский федеральный округ</i>	4 925	1,31
Республика Татарстан	4 522	
Самарская область	5 943	
<i>Уральский федеральный округ</i>	6 612	1,91
Курганская область	4 999	
Ямало-Ненецкий авт.округ	9 547	
<i>Сибирский федеральный округ</i>	5 651	1,56
Кемеровская область	4 567	
Республика Алтай	7 138	
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	9 821	1,71
Еврейская автономная область	6 643	
Камчатский край	11 366	

Как следует из табл. 1, величина прожиточного минимума существенно отличается не только по федеральным округам, но и внутри них. Об этом свидетельствует коэффициент различия прожиточного минимума – величина, получаемая посредством деления величины прожиточного минимума в субъекте с самым высоким его уровнем на величину прожиточного минимума в субъекте с самым низким уровнем прожиточного минимума. Согласно данным табл. 1, в среднем по России данный коэффициент на конец 2009 г. составил 2,77.

Величина прожиточного минимума устанавливается в каждом регионе. На нее объективно влияют стоимость потребительской корзины, уровень цен и доходов населения в разных регионах. Однако существует и определенная обратная связь. Официальная величина прожиточного минимума используется для оценки уровня жизни населения региона, при разработке и реализации социальных программ, оказании государственной социальной поддержки малоимущим и для формирования бюджета субъекта Федерации, т.е. косвенно, но оказывает влияние на уровень доходов населения. Так, например, с 1 января 2010 г. действует правило, согласно которому размер пенсии с учетом других мер социальной поддержки пенсионеров не может быть ниже прожиточного минимума пенсионера, установленного в субъекте Федерации. Если расчетный размер пенсии ниже – применяются доплаты этому пенсионеру из федерального или регионального бюджета. Федеральный бюджет подключается в том случае, если в регионе прожиточный

минимум пенсионера на уровне либо ниже федерального значения. Если прожиточный уровень пенсионера выше федерального, то доплаты производит региональный бюджет [5]. Однако данное положение закона вызывает серьезные опасения Правительства РФ на предмет сознательного занижения уровня прожиточного минимума в отдельных регионах.

Следующим показателем уровня жизни населения является доход последнего. Для удобства анализа и сопоставления его с величиной прожиточного минимума в табл. 2 представлены величины среднедушевых денежных доходов по субъектам Российской Федерации, также за IV квартал 2009 г.

Таблица 2

Среднедушевые денежные доходы по субъектам
Российской Федерации за IV квартал 2009 г.

Регион	Величина денежного дохода, руб.	Коэффициент различия среднедушевых денежных доходов
В среднем по России	19 791,20	2,22 (7,10)*
<i>Центральный федеральный округ</i>	27 975,50	4,03 (4,62)
Тамбовская область (Владимирская область)	13 993,80 (12 202,40)	
г. Москва	56 377,50	
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	19 499,20	3,24 (3,47)
Ленинградская область (Псковская область)	13 569,30 (12 650,80)	
Ненецкий авт. округ	43 959,60	
<i>Южный федеральный округ</i>	15 040,90	1,4 (2,3)
Кабардино-Балкарская Республика (Республика Калмыкия)	11 986,90 (7 936,20)	
Краснодарский край (Республика Дагестан)	17 216,80 (18 268,10)	

<i>Приволжский федеральный округ</i>	16 182,60	1,18 (1,89)
Республика Татарстан (Республика Марий Эл)	17 728,00 (11 078,80)	
Самарская область	20 940,80	
<i>Уральский федеральный округ</i>	23 131,70	3,4
Курганская область	14 270,20	
Ямало-Ненецкий авт. округ	47 629,90	
<i>Сибирский федеральный округ</i>	23 131,70	0,83 (1,63)
Кемеровская область (Алтайский край)	15 098,60 (11 265,00)	
Республика Алтай (Красноярский край)	12 560,90 (18 396,60)	
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	22 440,60	1,77 (3,35)
Еврейская автономная область	15 059,7	
Камчатский край (Чукотский авт. округ)	26 661,90 (50 516,40)	

* В скобках показаны минимальные и максимальные данные по регионам с наименьшими и наибольшими показателями среднедушевых денежных доходов населения при несовпадении с аналогичной картиной прожиточного минимума.

Если исходить из того, что величина прожиточного уровня должна соответствовать уровню цен и доходов населения, то в регионах с низким уровнем прожиточного минимума будет и низкий уровень среднедушевых доходов и наоборот. Однако подобная тенденция наблюдается только в Уральском федеральном округе. Во всех других федеральных округах произошли изменения. В табл. 2 указан коэффициент различия среднедушевых денежных доходов как соотношение величин доходов в регионах с высоким и низким уровнем среднедушевых денежных доходов (в скобках отражен реальный уровень дифференциации среднедушевых доходов по регионам). В среднем по России он равен 7,10. Следует отметить ситуацию в Сибирском

федеральном округе. Если по уровню прожиточного минимума лидировала в округе Республика Алтай, а самый низкий уровень был в Кемеровской области, то по уровню среднедушевых доходов наблюдается диаметрально противоположная картина.

Кроме того, коэффициент различия среднедушевых денежных доходов наглядно показывает неоднородность социально-экономического развития регионов и внутри федеральных округов. Относительная однородность (равенство) наблюдается в Сибирском и Приволжском федеральных округах (1,63 и 1,89 соответственно). Значительная разница в среднедушевых денежных доходах зафиксирована среди регионов Дальневосточного, Северо-Западного и Центрального федеральных округов (3,35, 3,47 и 4,62 соответственно).

Сравнив данные по федеральным округам из табл. 1 и 2, можно получить обобщенное представление о соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в IV квартале 2009 г. и о социально-экономической межрегиональной дифференциации в целом (табл. 3).

Таблица 3

Соотношение денежных доходов населения
с величиной прожиточного минимума в IV квартале 2009 г.

Регион	Среднедушевой денежный доход, руб.	Величина прожиточного минимума, руб.	Доля прожиточного минимума в среднедушевом денежном доходе, %
В среднем по России	19 791,20	5 562,0	28,10
<i>Центральный федер. округ</i>	27 975,50	5 284,7	18,89
Тамбовская область	13 993,80	4 190	29,94
Владимирская область	12 202,40	5 385	44,13
г. Москва	56 377,50	8 398	14,90
<i>Северо-Западный федер. округ</i>	19 499,20	6 548	33,58
Ленинградская область	13 569,30	5 103	37,61

Регион	Среднедушевой денежный доход, руб.	Величина прожиточного минимума, руб.	Доля прожиточного минимума в среднедушевом денежном доходе, %
Псковская область	12 650,80	5 094	40,27
Ненецкий авт. округ	43 959,60	11 064	25,17
<i>Южный федер. округ</i>	15 040,90	4 777	31,76
Кабардино-Балкарская Респ.	11 986,90	4 101	34,21
Республика Калмыкия	7 936,20	4 609	58,08
Краснодарский край	17 216,80	5 655	32,85
Республика Дагестан	18 268,10	4 285	23,46
<i>Приволжский федер. округ</i>	16 182,60	4 925	30,43
Республика Татарстан	17 728,00	4 522	25,51
Республика Марий Эл	11 078,80	4 614	41,65
Самарская область	20 940,80	5 943	28,38
<i>Уральский федер. округ</i>	23 131,70	6 612	28,58
Курганская область	14 270,20	4 999	35,03
Ямало-Ненецкий авт. округ	47 629,90	9 547	20,04
<i>Сибирский федер. округ</i>	23 131,70	5 651	24,43
Кемеровская обл.	15 098,60	4 567	30,25
Алтайский край	11 265,00	5 503	48,85
Республика Алтай	12 560,90	7 138	56,83

Регион	Среднедушевой денежный доход, руб.	Величина прожиточного минимума, руб.	Доля прожиточного минимума в среднедушевом денежном доходе, %
Красноярский край	18 396,60	6 335	34,44
<i>Дальневосточный федер. округ</i>	22 440,60	9 821	43,76
Еврейская автономная обл.	15059,7	6 643	44,11
Камчатский край	26 661,90	11 366	42,63
Чукотский авт. округ	50 516,40	11 036	21,85

Приведенные выше данные подтверждают картину социально-экономической дифференциации регионов. Так, в отдельных субъектах Федерации доля прожиточного минимума в среднедушевом денежном доходе достигает 40 и даже 50 %, что характеризует их как депрессивные. В то же время есть регионы с высоким уровнем жизни, в которых доля прожиточного минимума в среднедушевом денежном доходе ниже или чуть выше 20 %.

Современный уровень межрегиональной дифференциации – это свидетельство несовершенства существующего экономического пространства и слабости механизмов его целевого регулирования. Различия регионов по уровню экономического развития и уровню жизни – вызов, который государство не имеет право проигнорировать. Для решения данных проблем уже недостаточно использования только прямых государственных расходов – необходимо в полной мере применять рыночные и социальные механизмы. А если учесть и социокультурный аспект, то проблема российского федерализма приобретает еще более сложный и противоречивый характер.

Литература

1. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 47, ст. 5489.

2. URL: <http://www.yarmaline.ru/statji/73-subektov-na-2010>.
3. Школьников Н. Н. Системные функции макрорегиональных структур в территориальной организации экономики России : дис. ... канд. экон. наук. Черкесск, 2005.
4. Бабич А. – М., Павлова Л. Н. Государственные и муниципальные финансы // Межрегиональные ассоциации. URL: http://polbu.ru/babich_finance/ch91_i.html.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» : федер. закон от 24 июля 2009 г. № 213-ФЗ // Рос. газ. 2009. 29 июля.
6. Ляпанов А.В. Социальная политика современной России: теория и практика. – Владимир: ВИТ-принт, 2012. – 156 с.

Лукманов А.С.

ДИАЛЕКТИКА ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: РЕСУРС УБЕЖДЕНИЯ И МАНИПУЛЯЦИЯ СОЗНАНИЕМ

Инструменты управления обществом условно можно разделить на две большие группы: ресурсы убеждения и ресурсы принуждения (или насилия). Принуждение, как таковое, не есть насилие в его чистом виде, но любое принуждение, будь-то правовое или патерналистское, в определенной мере имеет характеристики насилия.

История взаимодействия власти и народа, на наш взгляд, показывает то, что до второй половины XX в. ни одна группа ресурсов власти не являлась определяющей. В тоже время проявление массового насилия в определенные периоды создавало ощущение, что насилие доминировало над убеждением. Но это только на первый взгляд. Все режимы, в том числе и самые “кровавые”, всегда опирались на принципы легитимности. Основания для легитимности не универсальны, они существуют в субъективном восприятии конкретного общества в конкретной исторической среде. Власть

не может опираться исключительно на насилие. Диктатор сохраняет свою власть, потому что есть достаточное количество людей, сохраняющих ему верность. Верность базируется на убежденности в “правильности” власти. Т.е. соотношение убеждения и насилия для достижения целей властной элиты во многом имело паритетный характер.

В последние десятилетия доминирующей становится тенденция признания принципов гуманизма, а проблема прав человека ставится во главу угла общественного дискурса. Несмотря на то, что насилие так же повсеместно даёт о себе знать, оно стало осуждаемым – в целом человек не принимает его, как должное. Чем это вызвано? Сам процесс осуществления власти заключает в себе диалектическое единство убеждения и насилия. Единство неразрывно, меняется лишь соотношение в использовании ресурсов. Таким образом, как и во все исторические эпохи, власть не может функционировать без использования обеих групп ресурсов. Однако в результате информационной глобализации и распространения IT-технологий, телевидения и других способов массовой коммуникации за последние десятилетия и **в настоящее время происходит всё большее смещение в сторону использования ресурсов убеждения в осуществлении власти.** Данная тенденция может показаться весьма позитивной и даже зародить надежды относительно полного отказа от использования ресурса насилия. Тем не менее необходимо обратить пристальное внимание на возникающие противоречия.

Убеждение, достигнув определенного уровня, превращается в насилие над сознанием и человеческим правом на достоверную информацию. Возникает вопрос, как определить этот уровень? Человек имеет право на получение полной и достоверной информации по широкому спектру проблем, кроме относящихся к государственной или коммерческой тайне. **Информация является полной, если в ней рассматривается целая гамма возможных вариантов, учитываются интересы всех сторон и толкование дается через разные ценностные призмы. А критерием достоверности информации является отсутствие искажений.** Подача информации должна сопровождаться с четким указанием лиц или групп, апологизирующих за данное мнение.

Уровень допустимости интенсификации ресурса убеждения можно оценивать по вышеуказанным критериям. Например, фраза «чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью» является истинной, но не полной, т.к. учеными доказано, что немедицинское употребление алкоголя в любых объемах вредит здоровью человека. Неполнота информации является её искажением. Следствием внедрения убеждения о допустимости употребления вредных веществ является постепенное самоуничтожение обще-

ства, что есть не что иное, как насилие. Другой пример: согласно теории «навязывания повестки дня» СМИ указывают на то, о чем потребителям информации нужно думать в первую очередь. Например, при постоянных сообщениях об актах насилия аудитория воспринимает мир более опасным, чем он есть на самом деле. Таким образом, аудитория не получает достоверную информацию о мире, искусственно формируется фон алармизма. В условиях постоянного ожидания опасности и хаоса, человек подсознательно становится готовым принять управление «твердой руки», что создаёт условия для установления законов антидемократического характера. В условиях совершенствования средств массовой коммуникации данная проблема бросает новые вызовы человечеству, которое переходит в эпоху, когда ценности прав человека формально являются доминирующими.

Современные технологии манипулирования позволяют формировать единое коллективное сознание у совершенно разных групп людей, которые, не зная друг друга, будучи разобщенными, имеют одни и те же мысли, охвачены одними и теми же эмоциями, и, соответственно, их нетрудно побудить совершать одни и те же действия. Индивиды, которые, на первый взгляд, независимы, на самом деле являются частью единой массы, или по-другому, толпы. Толпа же характеризуется иррациональностью. Т.е. люди, находящиеся в толпе, независимо от их образования и социального положения, одинаково подвержены массовым инстинктам. Данный вид толпы известный французский социальный психолог С. Московичи называет публикой: «Если изначально толпа есть скопление людей в одном и том же замкнутом пространстве в одно и то же время, то публика — это рассеянная толпа. Благодаря средствам массовой коммуникации теперь нет необходимости организовывать собрания людей, которые бы информировали друг друга. Эти средства проникают в каждый дом и превращают каждого человека в члена новой массы» [1, с. 8]. При этом каждый **индивид в «рассеянной толпе» является в определенной мере таким же иррациональным, как если бы он находился в толпе, сосредоточенной в едином пространстве.** Личность, ставшая частью рассеянной толпы, лишается способности рационально и критически мыслить. Она теряет способность выходить за ментальные рамки, сформированные не всегда истинной установкой. При этом не нужны никакие доказательства, чтобы заставить массы принять какое-либо утверждение, необходимо лишь постоянное его повторение. Вот что об этом пишет основатель социальной психологии Гюстав Ле Бон: «Простое утверждение, не подкрепляемое никакими рассуждениями и никакими доказательствами, служит одним из самых верных средств для того, чтобы заставить какую-нибудь идею проникнуть в душу толпы. **Чем более кратко**

утверждение, чем более оно лишено какой бы то ни было доказательности, тем более оно оказывает влияние на толпу» [2, с. 95]. Ле Бон пишет о толпе людей, сконцентрированной в едином пространстве. В нашем рассуждении свойства «сконцентрированной толпы» рассматриваются в качестве идентичных свойствам «рассеянной толпы». О допустимости такого подхода писал и теоретик доктрины массового общества Отрега-и-Гассет: «принадлежность к массе – чисто психологический признак, и вовсе не обязательно, чтобы субъект физически к ней принадлежал» [3].

Человеческое поведение, когда на него не воздействуют манипулятивные факторы, определяется рациональным выбором на основе возможных вариантов. В данном случае понятие «рациональный выбор» включает в себя также объективное иррациональное начало в поведении человека, которое присуще ему априори, без целенаправленного воздействия внешних факторов. Стремление к более широкому рациональному свободному выбору особенно актуализируется в условиях социально-экономического развития, в результате которого по объективным причинам также развивается общая образованность и информированность. В отличие от человеческого, мотивация поведения животного не трансформируется, врожденные инстинкты всегда являются основой его действий. Попадая под влияние толпы, в том числе и «рассеянной», человек отчасти теряет способность рационального выбора и тем самым уподобляется животному. **Выбор моделей поведения в толпе не происходит на уровне сознания личности – поведением индивида управляет некая коллективная эмоция, спонтанно сформировавшееся коллективное бессознательное толпы.**

В этом заключается главное противоречие интенсификации использования ресурсов убеждения. Цивилизация сегодня теоретически приблизилась к обеспечению людей достоверной информацией, т.е. наделением их бесконечным множеством вариантов для рационального выбора. Этому способствует всеобщая доступность образования во многих странах, относительно высокая социальная мобильность, развитие информационных технологий и Интернета. Данный тренд современной истории отмечают известные американские политологи Рональд Инглхарт и Кристиан Вельцель: «Процесс индустриализации несет с собой рационализацию, секуляризацию и бюрократизацию, но возникновение «общества знаний» оборачивается изменениями иного порядка, идущими в новом направлении, — повышается роль личной независимости, самовыражения и свободы выбора. Утверждение ценностей самовыражения преобразует модернизацию в процесс человеческого развития, формируя тем самым гуманистическое общество нового

типа — в центре его находится человек» [4, с. 10]. В данной статье проблема рассматривается под другим углом, когда в центре общества нового типа оказывается не индивид, а масса, а потребность в свободе выбора остается неудовлетворенной в результате чрезмерной интенсификации ресурса убеждения. Особое значение масс в стремлении к иррациональности констатирует С. Московичи: «В цивилизованном обществе, утверждает психология толп, массы возрождают иррациональность, которую считали исчезающей, этот рудимент примитивного общества, полного отсталости и культов богов. Вместо того, чтобы уменьшаться в процессе развития цивилизации, ее роль возрастает и укрепляется» [1, с. 35].

Чем же опасно данное положение вещей? И в чем выражается возрожденная иррациональность? **Современная унификация человечества, с одной стороны, объективно вызванная глобализацией а, с другой, целенаправленно контролируемая информационной политикой крупнейших экспортеров СМИ, сопровождается постепенным вытеснением на периферию различных уникальных культур и традиций, тем самым порождая новый тип человека – «homo-unitas».** Скорость распространения такой модели индивида зависит от масштабов и скорости глобализации. Эпоха, где у каждого народа «своя правда», трансформируется в эпоху, где «правда» универсальна. **В рамках модели «homo-unitas» могут быть сформированы общие стандарты мышления и поведения, искусственные универсальные ценности.** Похожие выводы сформулировал исследователь влияния СМИ на аудиторию, профессор Пенсильванского университета Джордж Гербнер, который ввел понятие «mainstreaming» («унификация»), толкуя его, как «направление различных взглядов людей на социальную реальность в единое русло» [6]. Гербнер исследовал американский социум, но учитывая то, что США являются ведущим экспортером телевизионных программ и массовой культуры, можно предполагать, что унификация имеет глобальный характер. Нужно признать, что такой подход к последствиям глобализации находит поддержку не у всех исследователей. К примеру, автор одного из самых популярных учебников по политологии профессор Эндрю Хейвуд считает, что он присущ людям «несведущим», «ибо глобализация идет рука об руку и с тенденциями локализации, регионализации, поликультурности» [7, с. 173]. При этом главным аргументом Хейвуда является то, что все ценности, передающиеся через информационные продукты США, воспринимаются сквозь призму местных культурных парадигм. И, соответственно, в результате проникновения новых идей в местных культурах образуется нечто более сложное, чем полная «американизация»

или полное непринятие «новых» ценностей. Но разве этот «контраргумент» не является одновременно аргументом, подтверждающим идею унификации, ведь, в сущности, результатом диффузии различных культурных парадигм является ослабление парадигм традиционалистского типа?

Как уже отмечалось выше, в рамках взаимодействия между властью и населением осуществляется формирование «рассеянной толпы» и взаимоотношения переходят в форму «власть-масса», когда субъектом выступает власть, а масса выступает единым объектом. Очевидно, что устанавливаемая форма глобального взаимодействия «власть-масса» противоречит одному из основополагающих принципов либеральной идеологии – индивидуализму, ведь единым объектом восприятия информации по большому счету выступает масса, обладающая общими психологическими характеристиками, а не индивид, свобода которого является неотъемлемым требованием либерализма. **Для «homo-unitas» стандарты мышления и поведения превалируют над критическим и творческим осмыслением мира, такой человек руководствуется стереотипами, стандартами в своем поведении, рамки рационального выбора у него сужаются.** Таким образом, человек в современном обществе может стать жертвой глобальной унификации и уподобиться управляемому «биороботу».

Если описанная форма взаимоотношений будет развиваться, то преобразование убеждения в форму насилия над сознанием будет усиливаться. Такой подход к современности позволяет утверждать, что рано предсказывать «конец истории» в классическом понимании Френсиса Фукуямы. В условиях постепенно наступающего всеобщего контроля над сознанием вряд ли можно говорить о победе либеральной демократии, актуально начать беспокоиться о всеобщей унификации и одновременной имитации обеспечения человеческих прав и свобод в условиях информационного прессинга. Если убеждение превратится в насилие над сознанием, то в будущем речь пойдет не о торжестве демократии, а о новом глобальном типе тоталитарного общества. Как красноречиво отмечает Московичи: «существует только одна настоящая тирания — это та, которая действует на души бессознательно, поскольку именно с ней невозможно бороться» [1, с. 98]. Нужно отметить, что целью информационного прессинга в обществах с «полной свободой» СМИ является воздействие именно на бессознательное человека, таким образом критический анализ информации на уровне сознания становится невозможным. Исходя из этого можно предположить, что пропаганда в идеократических государствах может быть даже более безопасней для сознания личности, чем в демократических, так как идеократия открыто провозглашает

свои принципы и идеи, которые она пытается внушить людям. В демократических обществах открытая пропаганда заменяется пропагандой, действующей на бессознательное, её невозможно распознать и провести через собственные ментальные «фильтры». Важнейшим условием для существования «здорового общества» является обеспечение возможности сравнения моделей поведения в своем стремлении к лучшей жизни. Когда пропаганда имеет скрытый манипулятивный характер, возможность рационального сравнения становится недоступной, т.к. не рассматривается полная гамма вариантов. Если человек будет не в состоянии распознать деструктивные ценности, аморальные модели поведения, навязываемые извне, то это будет означать высшую степень диктатуры.

Данное состояние убедительно описано в антиутопическом романе Джорджа Оруэлла «1984», где одна из основных целей тоталитарного режима «навсегда уничтожить возможность независимой мысли» [8, с. 134].

Образование и воспитание зарождают веру и убежденность в правильность тех или иных моделей поведения, в верности тех или иных воззрений на мир. Отсутствие образования не означает отсутствия убежденности, она лишь менее рациональна. Т.е. люди, по своей сущности, всегда обладают разным миропониманием, а это всегда в той или иной мере приводит к противоречиям, которые зачастую выливаются в насилие. Но, во всяком случае, разнообразие форм миропониманий является признаком «здорового общества». При внедрении унифицированных стандартов во многих областях человеческой жизнедеятельности, разнообразие снижается, можно согласиться, что вместе с тем снижается и риск возникновения вооруженных конфликтов на идейной почве. Но такая модель мирового порядка свидетельствует не о снижении уровня насилия в мире, а скорее о том, что физическое насилие трансформировалось в форму насилия над сознанием до такой степени, что человечество утратило разнообразие, т.е. унифицировалось. В результате такой трансформации сознания человек принял форму «homo-unitas», который живет по стереотипам, зачастую искусственно сформированным извне. Сравнивая психологию различных народов, Гюстав Ле Бон в своей книге «Психология народов и масс» писал: «Глубокие различия, существующие между психическим складом различных народов, приводят к тому, что они воспринимают внешний мир совершенно различно. Из этого вытекает то, что они чувствуют, рассуждают и действуют совершенно различно и что между ними существует разногласие по всем вопросам, когда они приходят в соприкосновение друг с другом» [2, с. 55]. В сущности, весь мир представляет собой взаимодействие противоположностей и в этом его

движущая сила и основной фактор развития. Глобальная унификация человечества, утрата самобытности различных культур – явление, противоречащее самой сущности мироздания, в основе которой – многообразие, несомненно, что это шаг назад в историческом процессе.

Из всего сказанного выше вытекает ряд вопросов: как в современных условиях человеку сохранить свою индивидуальную сущность, не становясь частью «рассеянной толпы», стереотипы и модели, которой формируются целенаправленно извне? И как создать условия формирования здоровой личности, способной оценивать критически информацию, которая ему навязывается через СМИ?

Идея о необходимости контроля над глобальными процессами рассматривалась ранее многими исследователями и экспертами. Главное отличие между идеологиями наднационального контроля над ходом глобальных процессов заключалось в выборе предмета контроля. Например, безудержный рост негативных последствий индустриализации, который ведёт человечество к самоуничтожению, нужно поставить под контроль с точки зрения экологов. Странники концепции грядущего дефицита продовольствия считают, что нужно поставить под контроль демографический рост человечества [9, с. 275-276]. С точки зрения необходимости сохранности различных культур и самобытных ценностных парадигм, человека, как уникала, сосредотачивающего в себе неповторимую индивидуальность, необходимо поставить под контроль глобальную информационную политику. Какой бы предмет контроля не утверждался в качестве основного, необходимо признать, что ради благополучного хода развития человечества контроль над глобальными процессами необходим. Вопрос заключается лишь в том, как реализовать систему координации хода глобальных процессов.

Для того, чтобы не допустить унификации человечества, на наш взгляд, необходимо создать международную организацию, которая будет включать страны, стремящиеся сохранить свою идейно-культурную независимость и самобытность. В рамках наднациональной самоорганизации необходимо разработать систему мер и основные принципы контроля потоков информационных продуктов таким образом, чтобы это, во-первых, не противоречило принципам свободы слова и информации в каждой отдельно взятой стране, и, во-вторых, позволяло бы сохранять традиции и сложившиеся веками ценности отдельных народов – участников организации. Например, в качестве правила в рамках данной организации следовало бы установить квоту на телевидении стран-участниц для показа передач культурно-просветительского характера отечественного производства. Таким образом, можно приостановить унифицирующее и зачастую деструктивное влияние

главных производителей информации, и одновременно, создать защиту для демократических принципов свободы информации в каждой отдельной стране-участнице. Взаимодействие самобытности традиций и идейного плюрализма без давления внешних производителей стереотипов позволило бы достигнуть гармонии в данной проблеме. Инициатором создания такой организации по регулированию информационных потоков следовало бы выступить России, как одной из главных жертв импорта деструктивной информации, народ которой на настоящий момент из народа с быллым высоким уровнем пассионарности трансформировался в общество потребления без какой-либо скрепляющей надсегментарной связи, национальной идеи и стратегии развития.

Подытоживая, необходимо еще раз отметить, что отсутствие контроля над инфопотоками ставит человечество на грань утраты многообразия, творчества и самостоятельности во многих сферах человеческой деятельности. Пока человечество имеет способность к декартовскому сомнению, пока оно понимает ценность многообразия культурных парадигм, «homo-sapiens» будет существовать. Именно сомнение, критическое отношение к тому, что нам преподносится в качестве безальтернативной истины, является признаком способности индивида мыслить, сравнивать, а значит сохранять свою уникальную человеческую природу.

Литература

1. Московичи С; Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998
2. Г. Ле Бон; Психология народов и масс. – СПб: Макет, 1995
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс; [Электронный ресурс]: http://www.skmrf.ru/library/library_files/ortega.htm
4. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011.
5. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций; [Электронный ресурс]: <http://www.klex.ru/35e>
6. Хейвуд Э. Политология: Уч. для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
7. Оруэлл Д; 1984. – М.: ПРОГРЕСС, 1989.
8. А. Печчеи; Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ МАССОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

Технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих воздействие на объект. Сущность технологий массовой манипуляции заключается в том, что они выступают важным элементом воли к власти и стремления к наживе субъектов этих технологий, препятствуя свободной деятельности человека. Эти технологии представляют собой вид символической власти, действующей не автономно от других видов, но функционируя в контексте различных социальных институтов, практик, технологий, маскируясь в них, оказывая воздействие на объекты.

Важнейшим структурным элементом технологий массовой манипуляции является сам человек, его ценности, интеллект, психика, поведение. Интеллект и психика человека, с одной стороны, и социальность, с другой, взаимосвязанные, взаимообуславливающие друг друга образования. Таким образом, технологии массовой манипуляции не функционируют вне психических структур человека, но лишь находятся в постоянном взаимодействии с ними. При этом технологии массовой манипуляции воздействуют не только на объект, но также оказывают влияние на формирование и их субъектов, создавая у них ощущения вседозволенности, всемогущества и атрофируя принципы уважения к индивидуальности других.

Технологии массовой манипуляции являются способом информационно-психологического репрессивного воздействия, так как их функционирование на уровне магистральных социальных процессов общества предполагает манипулирование не только психикой человека, но и символами (знанием, информацией, образами и др.). Основными способами такой манипуляции являются конструирование, умолчание информации, прежде всего, в СМИ (в том числе и умолчание последствий изменений, вызванных каким-либо событием, фактом, процессом), искажение, селекция, передергивание и др. С помощью этого вызывается желаемая для субъектов данных технологий реакция объекта.

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-13-0201 «Динамика порогового значения технологий массовой манипуляции в конструировании протестного потенциала молодежи Республики Башкортостан».

Влияние технологий массовой манипуляции на формирование современной социальности значительно. В современном обществе публичной сфере нанесен существенный урон технологиями массовой манипуляции, которые редуцируют представления человека о сложных, многофакторных социальных процессах в простые мифологемы, лишенные доказательной базы, а их распространение ведет к иллюзии всезнайства, глубокого понимания широкого спектра социальных процессов. Циркулирующие в рамках современного политического процесса информационные потоки «подпорчены», а распространение информации подчинено целям субъектов этих медиумов (например, владельцев медиа, лидеров националистических и экстремистских организаций).

В условиях, когда информационные потоки принимают активное участие в генерировании власти и материальных ценностей, очень трудно таким институтам, как телевидение, радио, интернет, печать отказаться от их властной составляющей, деидеологизироваться. Современные субъекты политики рассматривают и финансируют эти институты, исходя из соображений полезности в конструировании властных конфигураций, отвечающие их специфическим интересам. Тогда как а priori предполагается, что основной принцип функционирования всех вышеперечисленных институтов заключается в беспристрастном, объективном распространении информации и знаний. Молодежь и другие социальные группы теряют, таким образом, гносеологические ориентиры для осуществления свободной и рациональной деятельности, отчуждаясь от реального политического процесса. Отсюда ограниченная способность формирования навыков политической компетентности у молодежи, неумение достигать информационной независимости относительно различных средств массовой информации.

Важнейший источник репрессивности технологий массовой манипуляции заключается в том, что лишь небольшое число участников социального процесса считает необходимым идентифицировать, а также нивелировать их значение. Репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции может быть направлено на все социально-политическое пространство: от представлений одного человека до имиджа государства. При этом насильственные и запретительные меры в отношении технологий массовой манипуляции выявляют свою апористичность. Чем больше запретов, тем более изошренными становятся сами технологии, которые таким образом проявляют свою гибкость. Запретительные меры косвенно стимулируют развитие технологий массовой манипуляции, поэтому необходим поиск иных алгоритмов противодействия им. Все это приводит к выводу о том, что техно-

логии массовой манипуляции представляют собой важнейший инструмент современного социального контроля.

Предполагая в качестве своей задачи изменение мнений, побуждений, целей и действий объектов своего воздействия технологии массовой манипуляции также преобразуют социальные институты, практики и другие технологии, а своей конечной целью предполагают частичное или полное осуществление контроля над объектами своего воздействия, ущемляя, тем самым, права и достоинство человека.

В начале сентября 2013 г. состоятся выборы депутатов в высший законодательный орган Республики Башкортостан (Государственное собрание – Курултай). Сложившаяся к началу электорального периода политическая конфигурация заключается в противостоянии нескольких политических сил, группирующихся вокруг следующих субъектов региональной политики:

- Окружение бывшего Президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова, потерявшее и активно пытающееся вернуть статус правящей элиты.

- Нынешний президент Республики Башкортостан Р.З. Хамитов и его команда.

- Группы влиятельных политических лиц, состоящих из бывших и нынешних высокопоставленных чиновников федерального и регионального значения, топ-менеджеров крупных предприятий Башкортостана, входящих в федеральные холдинги, а также позиционирующих себя в качестве оппозиционных и претендующих на политическое влияние предпринимателей.

Такая конфигурация позволяет заключить, что в Башкортостане сформирована конкурентная политическая среда, представленная различными по статусу, влиянию и целями субъектами политического действия.

Последние электоральные циклы – выборы в Государственную Думу Российской Федерации (декабрь 2011 г.) и выборы Президента Российской Федерации (март 2012 г.) по всей стране ознаменовались ростом протестных настроений, особенно среди молодежи. Протестные движения были инициированы несогласием части активного населения страны с официальными результатами выборов. В ответ руководство страны взяло курс на ужесточение законодательства. Как следствие возрастает протестная активность молодежи, желание принять участие в протестных акциях.

Протестные отношения и соответствующая политическая культура в современной России концентрируются, прежде всего, вокруг негативного восприятия курса развития государства населением (неудовлетворенность политической конфигурацией, репрессивный порядок регулирования, отчужденность власти от общества, коррупция и др.).

Учитывая эти условия, в марте 2013 г. был проведен посредством метода анкетирования эмпирический замер основных индикаторов политической субъективации молодежи в Республике Башкортостан. Всего было опрошено 425 студентов в возрасте от 17 до 25 лет из 5 ведущих вузов Башкортостана. Большинство опрошенных студентов отнесены к женскому полу (79,5 %), что в целом характерно для многих вузов Башкортостана, но не позволяет покрыть полностью структуру студенческих предпочтений в сфере политики.

В проведенном социологическом опросе выявлена попытка оценить степень подверженности студенческой молодежи воздействию технологий массовой манипуляции. Для этого студентам после заполнения первой анкеты было предложено заполнить вторую часть, все вопросы в которой повторяют вопросы первой анкеты. Однако вопросы первой анкеты составлены в соответствии с предельно объективированными канонами прикладной социологии, тогда как все вопросы второй анкеты сформулированы в соответствии с дискурсом материалов блогосферы и других интернет-ресурсов.

При этом в анкетировании оценивались только дискурсивные проявления массового манипулирования, тогда как манипулятивная составляющая таких явлений, как флэшмобы и видеоролики, осталась вне исследовательского поля авторов.

В результате были получены значительные расхождения в ответах на вопросы, имеющие одинаковую семантическую нагрузку, но заданные различным образом. Так, например, на вопрос об участии в протестных акциях ответ «не, не пойду» получил 20,9 %, тогда как ответ «не готов» получил лишь 7,9 %.

5,5 % заявивших о том, что региональная власть «скорее эффективная» отметили, что нынешняя власть в РБ – «сплошная демагогия». Возможно, впрочем, что «демагогия» в соответствии с макиавеллистской традицией политологических исследований является для этой части респондентов признаком эффективности власти и расхождения в таком случае не существует.

На вопрос «достаточно ли у региональной власти в Башкортостане полномочий для решения важнейших социальных проблем?» утвердительно ответили 18,8 %. При этом среди них 5,3 % от общего числа респондентов на аналогичный вопрос во второй анкете ответили «нет, региональная власть просто выполняет указания Москвы». Процент затруднившихся ответить на этот вопрос в первой анкете составил 18,8, тогда как во второй анкете 13,0.

С точки зрения 44,8 % респондентов, оппозиция способна реально улучшить ситуацию в стране. Однозначно о неспособности оппозиции

улучшить жизнь в стране заявили лишь 8,5 %. При этом, 14 % ответивших положительно на вопрос о способности оппозиции улучшить жизнь в стране во второй анкете ответили, что оппозиция – «это такие же политики, как и другие, только еще не прорвавшиеся во власть». Такой ответ предполагает очевидный намек на неспособность оппозиции улучшить жизнь в стране.

Среди 42,2 %, сообщивших о том, что они готовы выходить на митинги, активно участвовать в политике 2,2 %, ответили во второй анкете «зачем это нужно?», а 6,0 % от общего числа респондентов выбрали ответ «я об этом даже не думал».

Эти и другие данные, полученные в ходе анкетирования, свидетельствуют о высокой манипулятивной приверженности довольно большого сегмента опрошенных респондентов. Несмотря на вооруженность студенческой молодежи Башкортостана критическим инструментарием оценки политических конфигурации, ее представители в своей основной массе оказываются уязвимыми для навязывания искаженных посредством технологий массовой манипуляции идеологом и мифологом. Отсутствие сформированной политической позиции и аморфность взглядов не позволяет студенческой молодежи эффективно сопротивляться манипулятивному воздействию через различные медиумы. Таким образом, можно заключить, что технологии массовой манипуляции являются важным фактором политической субъективации современной студенческой молодежи.

Михайлова Е.А.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РОССИЙСКОМ РЕГИОНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Российское общество, представляющее собой исторически сложившуюся полиэтническую систему, в настоящее время переживает новый этап развития межнациональных отношений. Этносоциальные процессы находятся под влиянием комплекса факторов, среди которых выделяются продолжающийся, общий для страны процесс социетальной трансформации, а также этнодемографические и миграционные процессы, отличающиеся различной региональной спецификой.

Современная динамика этнодемографической ситуации в Астраханской области прослеживается по результатам переписей.

**Таблица 1 «Современная динамика этнодемографической ситуации в Астраханской области»
(по результатам Всероссийских переписей населения)**

	1959	1970	1979	1989	2002	2010
русские	0,77513	0,754987	0,747542	0,71966	0,69688	0,676
казахи	0,098186	0,111428	0,116832	0,127582	0,14188	0,163
татары	0,081527	0,077306	0,077318	0,072298	0,07022	0,066
украинцы	0,009322	0,016126	0,017301	0,018874	0,01254	0,009
калмыки	0,018073	0,013163	0,009494	0,008261	0,00712	0,007
чеченцы	–	0,001646	0,005053	0,007953	0,00997	0,008
даргинцы	0	0,000371	0,001315	0,002731	0,00353	0,0042
цыгане	0,000466	0,000893	0,002398	0,002483	0,00431	0,006
армяне	0,002413	0,002057	0,001798	0,002831	0,00628	0,006
азерб.	0,000484	0,000904	0,001093	0,004569	0,00817	0,009

Со второй половины двадцатого века формируется неизменная тенденция сокращения доли русского и татарского населения, возрастание доли казахского (за счет собственной рождаемости в результате сохранения традиционных черт в воспроизводственном поведении) и представителей народов Кавказа (в основном за счет миграции).

Особенности межэтнических отношений находят свое отражение в этнических стереотипах, понимаемых как эмоционально-насыщенные, обобщенно-устойчивые, сложившиеся в исторической практике межэтнических отношений образы этнических групп, регулирующие восприятие и поведение людей, принадлежащих к разным этническим группам.

Эмпирическое исследование этнических стереотипов основных этнических групп Астраханской области было проведено в 2008 году, опрошено 315 представителей основных этнических групп (русские, татары, казахи), отобранные по квотной диспропорциональной выборке.

Была применена методика контент-анализа групповых качеств, предложенная З.В. Сикевич для выявления характеристик модальной личности в форме этнических авто- и гетеростереотипов [3]. Опрошенным было предложено назвать пять основных качеств, присущих большинству

представителей определенной группы (русские, татары и казахи). В качестве смысловой единицы анализа рассматривались групповые свойства национального характера каждой группы.

Ответы были классифицированы по следующим категориям: общий стиль поведения, общий стиль деятельности, отношение к людям, отношение к себе, волевые качества, качества ума, эмоциональные качества, социальное поведение, характеристики менталитета группы. После первичной квантификации единиц анализа была проведена вторичная группировка для укрупнения смысловых блоков, что позволило более четко выявить соотношение признаков. Для интерпретации данных сопоставлялась общая частотность ответов по категориям и по соотношению качеств с преобладанием положительной и отрицательной оценки. На основании ранжирования наиболее часто фиксируемых понятий составлялся образ типичного представителя этнической группы в представлении самих членов этой группы, а также в мнении других групп.

Обработка полученных результатов дала следующую содержательную составляющую данных.

Русских было опрошено 106 человек. Всего было названо 482 качества-стереотипа, в том числе 470 понятий и 12 развернутых оценочных суждений.

Образ русских в представлении самих себя, вполне соответствует результатам, получаемым по аналогичным методикам и неоднократно описанным в научной литературе. Главными качествами являются великодушные, жизнерадостность, простота, доброта, открытость, честность, терпимость. Недостатки выражены, прежде всего, в том гнезде стереотипов, в котором фиксируются отношение к труду и трудовой деятельности (лень, бесхозяйственность).

Образ татар в гетеростереотипах русских имеет достаточно явно выраженные позитивные черты (дружелюбие, гостеприимство, уважение к традициям, предприимчивость, изобретательность, практичность). Это может быть следствием определенной схожести культурных образцов, сформированных на протяжении длительной истории совместного проживания. Некоторые отрицательные качества – например, хитрость, жадность – на наш взгляд, свидетельство экономической активности представителей данной этнической группы.

В ходе анализа гетеростереотипов был получен развернутый перечень характеристик, достаточно противоречивых. Так, признавая ряд позитивных качеств этнической группы (дружелюбие, доброжелательность,

помощь представителям своим соплеменникам), выделяются и негативные гетеростереотипные характеристики (хитрость, лень, жадность).

Казахи в восприятии русских имеют явно выраженные положительные характеристики, среди которых преимущественно отмечаются групповые качества, характерные для традиционных социальных отношений (религиозность, уважение традиций группы, сплоченность).

Немногочисленные отрицательные качества (жадность, наглость, лень) на наш взгляд, объясняются двумя факторами. С одной стороны, мобильностью группы (урбанизационными тенденциями, ростом квалификационных и образовательных характеристик), то есть в определенном смысле давлением группы. С другой стороны – в регионе сохраняются различия между этническими группами в образовательных характеристиках.

Также были изучены автостереотипы казахов. Казахов было опрошено 100 человек. Опрошенными было названо 402 качества-стереотипа, из них – 395 понятий и 7 развернутых оценочных суждений.

В автостереотипах казахов положительные характеристики преобладают над отрицательными, за исключением рубрик волевых качеств и качеств ума.

Это также можно связать с сохраняющимися в регионе различиями в образовательных характеристиках этнических групп. Ввиду поселенческих различий у казахов сохраняется самый низкий среди изучаемых групп образовательный уровень – с тенденцией к росту.

При рассмотрении гетеростереотипов, которые сформировались у представителей казахского этноса, проживающего на территории Астраханской области, стереотипизация оценок показывает выявленную выше тенденцию.

Татары в восприятии казахов являются носителями преимущественно положительных качеств (трудолюбие, гостеприимство, щедрость, доброта, терпение, активность, сплоченность, жизнерадостность, уважение к традициям, религиозность).

Исключение также составляет рубрика «Качества ума», в которой отрицательные характеристики преобладают над положительными. При этом речь идет вовсе не о невысоком интеллектуальном уровне представителей группы, а, наоборот, о слишком изворотливом уме. Это в контексте межэтнических отношений в области свидетельствует о различиях в образовательном уровне и традиционной включенности в определенные отрасли хозяйственной деятельности (например, занятие торговлей, характерное с советского периода).

Восприятие русских казахами незначительно отличается от автостереотипов самих русских. В качестве отрицательных характеристик были названы преимущественно поведенческие категории (пьянство, лень, неуравновешенность и вспыльчивость). В целом положительные стереотипы преобладают над отрицательными.

Важными чертами характера русских участники опроса посчитали качества, отражающие общий стиль поведения русского человека – простоту, открытость, терпимость. Почти не назывались качества, отражающие отношение человека к самому себе, что свидетельствует о типичной для русских установке на «других», об их коллективизме.

Наибольшее количество недостатков было названо в той части исследования, которая фиксировала отношение русского человека к труду. Здесь было отмечено, что русский человек трудолюбив, но значительно чаще ленив, халатен, безалаберен и безответствен.

Татар было опрошено 109 человек. Респонденты назвали 343 качества, характеризующих этнические группы. Среди названных качеств были названы 332 понятия и даны 6 развернутых оценочных суждений.

При практически полном преобладании в автостереотипе татар положительных характеристик (доброта, надежность, трудолюбие, гостеприимство, гордость, терпение, ум, хитрость, находчивость, предприимчивость, жизнерадостность, сплоченность, уважение к традициям), выделяется только одна характеристика, определенная нами, как имеющая отрицательную модальность (наглость).

Образ русских в восприятии татар также по многим характеристикам совпадает с автостереотипом русских, при преобладании положительных характеристик.

Самым главным качеством русского человека, по результатам этого опроса, является доброта и, в частности, ее проявление к людям. Назывались также в качестве основных такие черты, как ум, гостеприимство, душевность, отзывчивость, широта души.

Что касается негативных характеристик, здесь по-прежнему акцентируется внимание на лени, непредсказуемости, безалаберности и безответственности.

Гетеростереотип казахов (по представлениям татар) также характеризуется преобладанием положительных характеристик (дружелюбие, трудолюбие, гостеприимство, доброта, сплоченность, стойкость, жизнерадостность, уважение к традициям, религиозность). Обращает на себя внимание присутствие отрицательных характеристик в рубрике «Качества ума» (глупость, жадность) и «отношение к людям» (наглость). Это также представ-

ляется отражением сохраняющихся в сознании представителей этнических групп различий в образовательном уровне двух тюркских групп.

Таким образом, в авто- и в гетеростеретипах трех основных этнических групп региона преобладают положительные характеристики. В ходе анализа гетеростеретипов различных этнических групп был получен развернутый перечень противоречивых на первый взгляд характеристик. Незначительная доля отрицательных характеристик в контексте межэтнических отношений в области свидетельствует о сохраняющихся в области различиях в образовательном уровне и традиционной включенности в определенные отрасли хозяйственной деятельности. Этностеретипы также отражают тенденции восходящей мобильности тюркских этнических групп (урбанизационные процессы, рост квалификационных и образовательных характеристик).

Степень сходства наиболее часто фиксируемых качеств позволяет сделать вывод о доминировании симпатии в этнических отношениях.

В образах старопоселенческих этнических групп (как авто-, так и гетеростеретипов) преобладают положительные характеристики, и качества, почти исключают отношения высоко- либо низкостатусности.

В качестве основного фактора формирования этностеретипов рассматривается изменение образовательных характеристик групп

Образовательный уровень этнических групп выступает одним из важных показателей этносоциального статуса, определяющий перспективы социального развития этнической группы. Анализ государственной статистики показывает рост образовательного уровня населения по всем этническим группам. Так, показатель высшего образования (на тысячу занятых) по данным переписей 1979 и 1989 года изменился следующим образом (данные приведены по материалам, предоставленным Астраханским областным комитетом государственной статистики):

Таблица 2. Высшее образование на 1000 занятых

	1979	1989
Русские	100	137
Казахи	24	41
Татары	54	90

По данным Всероссийской переписи 1989 года доля лиц с высшим образованием составила у русских 9 %, 6 % у татар, 2,5 % у казахов. По данным переписи 2002 года высшее образование имели 15,2 % русских, 10,8 % татар, 5,1 % казахов. В 2010 году высшее образование зафиксировано у 20 % русских, 16,6 % татар, 8,8 % казахов.

Как видим, происходит рост образовательных характеристик по всем трем этническим группам. Различия в образовательном уровне отражают дифференциацию этнических групп по типам расселения. Более урбанизированные русские и татары отличаются соответственно более высоким уровнем образования. Проживающие большей частью в сельской местности казахи обнаруживают меньший разброс в уровнях образования и преимущественно имеют среднее и среднее профессиональное образование.

Образовательный статус групп отражает их включенность в территориальное, отраслевое и профессиональное разделение труда. Все исследователи, касающиеся проблем межэтнического взаимодействия в регионе, отмечают, что относительно гармоничные отношения были основаны на исторически сложившемся разделении труда между этническими группами.

В ходе проведенного в 2005 году исследования проблемы, насколько жителями Астраханской области этничность воспринимается как социальный ресурс, респондентам предлагалось ответить на серию вопросов, затрагивающих аспекты этносоциального неравенства (преимущества и привилегии в различных сферах жизни). Как оказалось, возможности трудоустройства и сфера предпринимательской деятельности представителями основных этногрупп практически не воспринимаются как поле этнической конкуренции. В то же время в общественном сознании сложилось представление о более выраженном неравенстве этнических групп в политической сфере [2, с. 95].

Неравенство этнических групп потенциально является основным источником социальной и межэтнической напряженности. В Астраханской области основными направлениями национальной политики провозглашаются: формирование и распространение идей духовного единства, чувства российского патриотизма, дружбы народов, межнационального согласия; распространение знаний и информации об истории и культуре народов, населяющих область; развитие национальной общеобразовательной школы; обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства граждан, усиление ответственности за разжигание межнациональной розни.

На практике ключевыми направлениями национальной политики стали: развитие традиций толерантности путем соответствующего воспитания молодежи; реализация прав национальных меньшинств на сохранение и развитие культурной самобытности, на защиту, восстановление и сохранение культурно-исторической среды обитания; стимулирование и поддержка межнационального культурного сотрудничества; поддержка деятельности национально-культурных центров и национально-культурных автономий различных уровней.

С начала реализации современной национальной политики представителями областной научной интеллигенции, активно взаимодействующими с органами власти, было сформировано представление о том, что ни один из местных этносов не может обоснованно претендовать на звание «коренного», «аборигенного», «автохтонного» и т.д. [1, С. 7]. Этнические группы определяются только как старопоселенческие, к которым относят татар, ногайцев, русских, казахов, калмыков, чье пребывание в крае насчитывает несколько веков, и новопоселенческие, представители которых стали активно мигрировать в область в последние десятилетия (например, даргинцы, аварцы, чеченцы и др.)

Попытки высказываний о наличии в области «коренных» этнических групп имели место только в начале 90-х годов и решительно осуждались в ходе общественных дискуссий, освещаемых в СМИ. В результате представления об отсутствии в области коренных народов, историческая полиэтничность региона и толерантность в отношении этнических групп, стали основными компонентами регионального мифа, транслируемого в общественное сознание с помощью различных средств коммуникации. Как следствие, в регионе отсутствуют идеологические обоснования для этнополитических движений, отстаивающих преимущественные права отдельных этнических групп и выражающих сепаратистские тенденции.

Таким образом, в Астраханской области в качестве основных факторов формирования этнических стереотипов выступают этностатусные характеристики групп (образование и включенность в определенные сферы общественного производства), и формирование и воспроизводство региональной мифологии как одного из направлений национальной политики.

Литература

1. Викторин В.М. Межэтническая ситуация в Астраханской области: культурные, социальные, политические проблемы: Методические рекомендации для студентов, педагогов и социальных работников. – Астрахань: Изд-во Астраханского гос. Пед. Ун-та, 1998.
2. Михайлова Е.А.. Этнические стереотипы в системе этносоциальной стратификации Астраханской области / Е.А.Михайлова – СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2011.
3. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: Учебное пособие. – СПб.:Изд-во Михайлова В.А., 1999.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Одной из характеристик региона как социально-экономической системы является целеполагание.

Разграничим на категориальном уровне понятия «цель» и «задачи». Во избежание пространной дискуссии по вопросу содержательной характеристики, которая неизбежно приведет к отвлечению от основной проблемы исследования, остановимся на классическом определении цели, предложенных в экономической энциклопедии.

Как философская проблема понятие «цель» возникает в греческой философии, начиная с эпохи Сократа. Наиболее значительное в античной философии учение о цели развил Аристотель, толковавший цель как «то, ради чего» нечто существует. В Современной экономической энциклопедии указывается: «Цель – в общефилософском и бытовом смысле – то, что представляется в сознании и ожидается в результате определенным образом направленных действий [11, с.930] ». Обобщим: цель – конкретный конечный результат.

Применительно к управлению в общем понимании С. Бир в книге «Наука управления» отмечает: «Цель науки управления заключается в том, чтобы показать наилучшее направление деятельности при заданной совокупности обстоятельств, а это предполагает необходимость учета всех обстоятельств» [1, с.33].

Отталкиваясь от подхода к региону как к системе, одним из главных признаков которой является наличие цели, А. Курникова говорит: « Цель определяет смысл существования системы, то, для чего она функционирует [6]».

Задача всегда исходит из цели и представляет собой конкретизацию путей достижения цели. Задача – это то, что нужно выполнить для достижения цели.

И. Калининкова отмечает, что целью управления социально-экономическим развитием региона является достижение эффективного и равномерного распределения всех ресурсов территории. Для достижения эффективных результатов поставленных целей нужна продуманная стратегия, учитывающая обе составляющие результата – и социальную, и экономическую. Подсистема экономического характера целей определяет, как ра-

ционально использовать экономические возможности регионов, эффектов региональной агломерации, преимуществ регионального разделения труда и межрегиональной кооперации. Социальная подсистема, по мнению И. Калининской, включает следующие направления: обеспечение достойного уровня благосостояния в каждом регионе, создание примерно равных жизненных шансов для всех граждан независимо от места проживания, реализацию права свободного места жительства и трудовой деятельности, так как чрезмерные региональные контрасты в социальных условиях создают угрозу, и региональная социальная политика должна быть призвана ослабить внутренние социальные напряжения [3, с.181-193]. В данном подходе цель подменена задачами, причем задачи представлены односторонне, только с позиции ресурсной составляющей. Если уж рассуждать о задаче, то она может заключаться не в распределении ресурсов, а в рациональном их использовании. Недостатком данного подхода является учет лишь двух составляющих устойчивого развития – экономической и социальной без рассмотрения третьей – экологической. Ведь как было определено ранее в работе, устойчивое развитие базируется на трех китах: экономической, социальной и экологической основе.

Г. Фетисов и В. Орешин отмечают, что главная цель регулирования регионального развития состоит в создании благоприятных условий для формирования обоснованных внутренних территориальных пропорций на базе стимулирования развития отраслей специализации и использования сравнительных преимуществ территорий. Это служит основой определения потенциальных направлений роста на уровне региона, выявления отраслей, которые смогут поднять экономику региона и оказать мультиплицирующее воздействие на развитие сопряженных секторов регионального хозяйства [10, с. 193-199]. Как и в предыдущем подходе, здесь цель подменяется задачами. И снова, если уж говорить о задачах, то в отличие от представленного выше подхода данный не отражает рациональность использования потенциала и ресурсов, но его преимуществом является отражение прочих аспектов развития: отраслевая оптимизация, комплексное территориальное развитие.

Л. Боташева главными целями регионального управления определяет:

- обеспечение роста экономики на базе разумного сочетания рыночных механизмов и целевого регулирования органами власти;
- укрепление финансового положения региона за счет его деятельности, привлечения частных и иностранных инвестиций;
- повышения уровня жизни населения;
- сокращение безработицы, в том числе за счет развития малого и среднего бизнеса;

– выравнивание уровня экономического развития между регионами посредством их экономического взаимодействия, а также взаимоотношений с федеральным центром [2].

Из представленного здесь перечня целью является лишь повышение уровня и качества жизни, но напрямую ее целью считать нельзя, т.к. органы власти своими действиями в процессе управления не повышают уровень и качество жизни, а лишь создают для этого необходимые условия. Одним из направлений создания таких условий является сокращение безработицы и обеспечение роста экономики, таким образом, эти две составляющие не являются целью регионального управления. Привлечение инвестиций скорее направлено на обеспечение роста экономики и, как следствие, на повышение уровня жизни населения, нежели на укрепление финансового положения.

Е. Коваленко [5, с. 83-85] отмечает, что главной целью регионального управления является повышение степени удовлетворения социально-экономических потребностей населения, проживающего на территории конкретного региона, на основе комплексного развития. А. Осипов основной целью экономического развития большинства стран и регионов определяет улучшение качества жизни населения [8, с. 11-18]. Подобный подход встречается наиболее часто и из представленных подходов он в наибольшей степени соответствует действительности.

И вновь налицо очередное внутрисистемное противоречие. Говоря о цели регионального управления, следует напомнить, что субъектами управления являются региональная власть, предприятия и население. Однако необходимо учитывать, что цели каждой категории имеют различную направленность, в связи с чем позволительно представить их совокупность в виде векторной схемы. Общий эффект управления заключается в приближении целей элементной базы региона к цели региона. Общий эффект управления регионом определяется сложением целей как векторов. Чем меньше угол между векторами, т.е. чем больше сближаются цели подсистем, тем выше совокупный эффект [9, с. 234].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в экономической литературе достаточно часто отождествляют цели с задачами управления развитием региона и в большинстве этих случаев задачи представлены очень узко, однонаправленно. Вместе с тем, основной целью эффективного управления социально-экономическим развитием региона является создание условий (экономических, социальных и экологических) для повышения уровня и качества жизни населения на основе комплексного территориального развития.

На достижение основной цели эффективного управления развитием региона направлено решение задач. Ряд наших выводов касательно задач уже был сделан выше в рамках исследования целей, расширим представление о них.

А. Осипов отмечает, что задачами социально-экономического развития являются: увеличение доходов, улучшение образования, питания и здравоохранения, уменьшение нищеты, оздоровление окружающей среды и др. [8, с. 11-18].

Данный подход к задачам не отражает экономический, институциональный и инновационный блоки задач.

По мнению Е. Коваленко основными задачами регионального управления являются: обеспечение расширенного воспроизводства условий жизнедеятельности населения региона, высокого уровня и качества жизни; экономическая и социальная трансформация хозяйства региона, анализ, прогнозирование и программирование регионального развития; оптимизация финансовых потоков, формирование условий и механизмов укрепления экономической базы региона и муниципальных образований; обеспечение экологической безопасности в регионе, защита окружающей среды; формирование и реализация структурной, инвестиционной и научно-технической политики в регионе, формирование и развитие рыночной инфраструктуры [5, с. 83-85]. Недостатком данного подхода является отсутствие в нем комплексного территориального развития.

Е. Коваленко, Г. Зинчук, С. Кочеткова, С. Маслова, Т. Полушкина, С. Рябова, О. Якимова считают, что к важнейшим задачам следует отнести: укрепление социально-экономических основ российского государства, сохранение его целостности путем обеспечения социально-экономической интеграции российских территорий, укрепление единого социального и экономического пространства; сглаживание изначальных различий в уровнях экономического и социального развития регионов, обеспечение достойного уровня и качества жизни населения; создание действенного социально-экономического механизма федеративных отношений, способного обеспечить функционирование национальной экономики как единого целого через сочетание интересов государства и отдельных его региональных составляющих; формирование многоукладной экономики на основе равноправного развития различных форм собственности, социальной и рыночной инфраструктуры [4, с. 121-122]. Данный подход не отражает рациональность использования потенциала и ресурсов, а также инновационную составляющую, особенно актуальную сегодня.

По мнению Р. Маннапова и Л. Ахтариевой, региональное управление призвано решать целый ряд важнейших задач, основными из которых укрупненно видятся следующие: создание базовых организационных, экономических, институциональных условий для бесперебойного функционирования экономики и социальной сферы региона; формирование благоприятной среды для расширенного воспроизводства различных видов ресурсов, укрепление собственного потенциала региона; ориентация хозяйствующих субъектов на удовлетворение рыночных потребностей в продукции (товарах, услугах) как на внутрирегиональном и внутрироссийском, так и на международном рынках; содействие росту деловой активности населения (домашних хозяйств) и расширению предпринимательской деятельности; поддержка конкуренции во всех секторах региональной экономики; разработка, в соответствии с общефедеральной, собственной социально-экономической политики; анализ, оценка, прогнозирование, планирование, программирование развития региона и организация выполнения намеченных мероприятий по различным направлениям; организация и координация институциональных преобразований структурной перестройки регионального хозяйства, инновационных процессов, трансформации отношений государственной, муниципальной, частной и общественной собственности; содействие укреплению финансово-экономической базы муниципальных образований; участие (и содействие) в развитии различных видов инфраструктуры (в том числе дорожно-транспортной, энергетической, инженерно-коммунальной, научной, связи, информационно-коммуникационной, социально-культурной, рекреационной, рыночной); обеспечение экологической безопасности и защита природной среды в регионе; координация всех социально-экономических и общественно-политических процессов, протекающих в регионе, и применение эффективных методов и инструментов воздействия (мотивации, стимулирования, регулирования, контроля) [7, с. 47-56]. На наш взгляд, Р. Маннапов и Л. Ахтариева наиболее полно и актуально отражают весь спектр задач, стоящих перед региональным менеджментом. Недостаток заключается в том, что они представлены на разных уровнях абстракции. Кроме этого «анализ, оценка, прогнозирование, планирование» с точки зрения экономической сущности относятся не к задачам, а к функциям.

Мы считаем целесообразным сформировать задачи, основываясь на системном подходе к региону как совокупности подсистем: экономической, социальной, экологической, институциональной и инновационной.

1. Экономический блок задач: привлечение инвестиций; рациональное использование потенциала и ресурсов; оптимальное отраслевое развитие; сбалансированность различных рынков; комплексное развитие и, как

результат, выравнивание уровня социально-экономического развития муниципальных образований; Социальный блок задач: создание условий для здорового образа жизни; создание новых рабочих мест;

2. Экологический блок задач: улучшение экологической обстановки и защита природной среды в регионе;

3. Институциональный блок задач: создание и внедрение системы эффективного государственного управления;

4. Инновационный блок задач: внедрение инноваций в производство продукции, товаров, услуг.

Литература

1. Бир С. Наука управления: пер. с англ. / Предисл. С.В. Емельянова. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – С. 33.
2. Боташева Л.С., Боташева Л.С. Стратегические цели социально-экономического развития региона // Управление экономическими системами: электронный экономический журнал. – 2011. – № 3. // Интернет-ресурс: <http://uecs.ru/uecs-27-272010/item/371-2011-04-04-08-34-05> (дата: 11.03.2013 г.)
3. Калининкова И.О. Управление социально-экономическим потенциалом региона: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2009. – С. 181-193.
4. Коваленко Е., Зинчук Г., Кочеткова С., Маслова С., Полушкина Т., Рябова С., Якимова О. Региональная экономика и управление: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2008. – С. 121-122.
5. Коваленко Е.Г. Региональная экономика и управление: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2005. – С. 83-85.
6. Курникова А.В. Системные признаки региона как объекта управления // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 39. – 2012. – № 24 (278). – С. 53-56. // Интернет-портал: <http://www.lib.csu.ru/vch/278/012.pdf> (дата: 11.03.2013 г.)
7. Маннапов Р.Г., Ахтариева Л.Г. Современные закономерности, принципы, задачи и механизм регионального управления // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 3 (141). Экономика. Вып. 19. – С. 47–56. <http://www.lib.csu.ru/vch/141/008.pdf> (дата: 01.11.2012 г.)

8. Осипов А.К. Система регионального управления: понятие, функции и правовое обеспечение // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. – 2007. – № 6. – С. 11-18 // Интернет-ресурс: http://vestnik.udsu.ru/2007/2007-06/vuu_07_06_03.pdf (дата: 17.03.2013г.)
9. Трещевский Ю.И. Методология исследования экономики, управления и финансов / Ю.И. Трещевский, Н.Ю. Трещевская / под ред. докт. экон. наук, профессора Ю.И. Трещевского. Воронеж, 2009. – С. 234.
10. Фетисов Г.Г., Орешин В.П. Региональная экономика и управление: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2010. – С. 193-199.
11. Экономическая энциклопедия / Науч. – ред. Совет изд-ва «Экономика»; Ин-т экон. РАН; Гл. ред. Л.И. Абалкин. – М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. – С. 930.

Нехорошков А.С.

РОССИЯ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР МИРОВОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Категория цивилизации выделяет не только страну или группу стран из мировой истории, но и включает их в историю, представляя каждую цивилизацию как форму и этап мирового исторического процесса, как его особую конкретизацию. Историю человечества можно рассматривать как смену цивилизаций – особой формы социокультурной общности. Поэтому цивилизационный подход направлен не только на выявление специфики каждой цивилизации, но и на анализ их единства в масштабе мировой истории. Каждый миг исторического времени имеет некоторую ценность в себе и некоторую уникальную связь с целостностью истории и с объемлющей эту целостность Вечностью. Этот подход позволяет понять необходимость диалога между цивилизациями, анализа не только их взаимоотталкивания, но и взаимопроникновения.

Цивилизация и история – это два полюса механизма исторической динамики человечества. История человечества включает в себя процесс усложнения реальности. Гибель большинства известных науке цивилизаций с полной очевидностью свидетельствует об этом. В таком мире могут существовать лишь те цивилизации, которые способны отвечать на усложнение

проблем своевременным усилением способности формулировать и решать эти проблемы.

Главная проблема для России – найти пути усиления массовой способности эффективно решать жизненно важные проблемы, обеспечивать свою выживаемость, жизнеспособность в усложняющемся мире. Все другие проблемы (например, касающиеся экологии, терроризма, здоровья населения и т.д.), какими бы важными они ни были, сами являются аспектами этой всеобъемлющей суперпроблемы.

Сегодня российское общество стоит перед историческим выбором между двумя альтернативами:

1. Воспроизводить ценности западного потребительского общества.
2. Выработать новую парадигму общественного развития.

Первый путь настраивает нашу страну на «безоговорочное принятие западных (а на самом деле, просто последовательно модернистских) ценностей».

Второй путь связан со стратегией саморазвития, то есть с поиском путей устойчивого цивилизационного развития на основе возрождения, поддержания и совершенствования собственных социокультурных форм жизнедеятельности. По мнению правоведов: «Стратегическим условием обеспечения долговременной устойчивости страны является выявление и сохранение общественной идентичности, важнейшей составляющей которого является самоидентификация общества как некоторого целого, отделенного от всего остального человечества. Для страны на современном этапе принципиально важна именно общественная, а не национальная самоидентификация, так как Россия – многонациональная страна, для которой укрепление национальных идентичностей практически в любой форме объективно означает движение к неизбежно катастрофическому распаду».

Последние десять лет Россия жила в режиме «догоняющего развития». Особенностью догоняющего развития являлось формирование современных политических, экономических, социальных структур не в результате естественного саморазвития общества, а под воздействием на него экономики и культуры более развитых стран Запада. Новые формы хозяйствования, внедренные идеологами российского западничества, не были подготовлены для внутреннего развития нашей страны, поэтому они создавались в ответ на «вызов Запада» и во многом противоречили традиционным ценностям российского общества.

Такое «заимствование чужого наскоро» обернулось для России социальной трагедией. Реформаторский опыт последнего десятилетия убеждает нас в том, что необходимо изменить вектор общественной эволюции. Сегодня

Россия «стоит на пороге выбора»: «либо мы войдем в сообщество цивилизованных стран, не догоняя, а встраиваясь в него, либо будем оттеснены на периферию мировой истории». Иначе говоря, перед руководством нашей страны стоит непростая задача – обрести собственную цивилизационную идентичность, адекватную современной реальности.

У России есть все предпосылки для цивилизационного прорыва: духовное подвижничество и уникальный этнокультурный потенциал, природные и социальные ресурсы, бесценный опыт изживания власти технократии, выгодное геополитическое положение между Востоком и Западом.

Принимая навязанную Западом модель потребительского общества, Россия обрекаем себя на вечную «догоняющую модернизацию» и экологическую катастрофу.

Руководству нашей страны не должно забывать о том факте, что потребительское благополучие стран Запада основывается на эксплуатации экологического капитала всей планеты. Путь Запада – это перманентная «война» с окружающей средой, и мы не можем идти по этому опасному пути. Поэтому Россия должна, на наш взгляд, выбрать путь устойчивого и сбалансированного развития, а не путь «догоняющего развития», а вместо потребительского общества – духовную цивилизацию.

Модель «догоняющего развития» за последнее десятилетие исчерпала себя хотя бы потому, что современность, по этой модели, отождествляется с индустриальной фазой общественного развития, а сегодня эта фаза сменяется постэкономическим обществом. Переориентация интересов и целей национальной политики с модернизации на глобальное развитие и есть единственный способ возвращения в современность, обретения идентичности, способствующей реалиям сегодняшнего дня. Именно в этом направлении следует искать систему ценностей, способную стимулировать экономический рост и социальное развитие. Поэтому только при условии решения проблем глобального порядка, Россия сможет обрести новое дыхание, преодолеть поразивший ее кризис, заявить о себе как о стране XXI века.

«В таких условиях, – как говорит Э.Г. Кочетов, – у России не остается другой возможности кроме как форсировано перейти в новую фазу своего цивилизационного развития в рамках неэкономической модели развития, ибо очевидно, что раздельное решение вопросов по формированию доктринальных подходов в военной, экономической и политической областях в рамках господствующих сейчас в России подходов ничего, кроме ускорения цивилизационного поражения России, не несет».

Э.Г. Кочетов пишет: «Россия становится предвестником зарождения новой цивилизации – неоэкономической, так и лидером этого процесса. Но так как эта новая цивилизационная модель вырастает на информационной стадии индустриализма, естественно, что основные компоненты последней должны форсировано внедряться в экономику и культуру Российского общества».

В «Концепции формирования информационного общества в России» справедливо подчеркивается, что формирование информационного общества «полностью отвечает концепции устойчивого развития – формированию экономики, основанной на знаниях, а не на расширяющемся потреблении природных ресурсов, сокращению отходов производства, решению экологических проблем».

Цивилизационное призвание России. Во всей мировой истории, как отмечал К. Ясперс, действует механизм западно-восточного цикла (179, С. 115-116). Специфика современного этапа цивилизационного развития состоит в том, что западническая фаза цикла заканчивается и набирает обороты восточная фаза цикла.

Основываясь на этих факторах Россия может выступить на мировой арене как носитель специфической модели цивилизационного развития, во многом корректирующей западный путь прогресса. Историческая преемственность, общественная идентичность, восстановление духовно-экологических оснований человеческого бытия, культурное возрождение, одухотворение информационного пространства страны – таковы основные ориентиры выбираемого пути России. Россия обладает высокой культурой, и она в глубинных своих истоках конгениальна идеалу духовной цивилизации.

Литература

1. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. – М., 2001. – № 2.
2. Ахиезер А.С. *Россия: критика исторического опыта*. В 2-х тт. – Новосибирск, 1997-1998.
3. Мантатова Л.В.. *Стратегия развития: Ценности новой цивилизации*. – Улан-Удэ: издательство ВСГТУ, 2004. – 242 с.
4. Пригожин А.И. *Реформы спотыкаются о менеджмент*// *Общественные науки и современность*. – М., 2001. – № 4. – С. 58.
5. Сапронов П.А. *Власть как метафизическая и историческая реальность*. – СПб., 2001. – С. 527.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ¹

Одной из самых актуальных задач социальных наук является выработка концепций, способствующих разработке эффективной стратегии развития в контексте процессов глобализации и регионализации, имеющих общую направленность для большинства стран мира и влекущих за собой преобразования внутренней структуры сообществ на национальном, региональном и локальном уровнях, ускоряющих количественную и качественную динамику социальных изменений. Теоретическое осмысление происходящих общемировых сдвигов закладывает основания для осмысления важности факторов глобального и регионального (локального) характера в современной социальной жизни.

Такой подход связан сегодня с решением ряда проблем, имеющих, наряду с теоретико-методологическим, и важнейшее практически-политическое значение. В первую очередь, эта проблема соотношений общецивилизационных универсалий и региональной (локальной) специфики, поскольку современное общество имеет как бы два основания – глобальное и локальное, причем они все более сопрягаются. На локальном уровне это связано с усилением роли и значения социальной жизни и социальных связей конкретных территорий, с переходом от централизации к децентрализации.

Концепция глобализации является в современной социологии наиболее популярным инструментом анализа социальных процессов. Хотя дискуссия по проблемам глобализации продолжается уже несколько десятилетий, единого, общепринятого определения термина «глобализация» до сих пор не существует, это понятие остается весьма расплывчатым, по существу, каждый автор вкладывает в него собственный смысл. Однако, говоря о глобализации, большинство исследователей видят сущность этого процесса в распространении некоей универсальной модели организации общества и экономики на весь мир. Автор классических трудов по социальной динамике интеграционных процессов, Э. Гидденс, отмечает, что «компрессия пространства-времени» – фундаментальный компонент метафизики глобализма – ведет к децентрализации прежних социальных практик, эрозии национального государства как «базисной формы модерна», и, в конечном счете, к формированию транснационального социального пространства, организованному по сетевому принципу взаимодействия международных организаций, групп, отдельных личностей [1, р. 23]. В основе всех теорий

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФГФ (проект № 13-23-02001).

глобализации лежит дихотомическая типология социальной организации: локальная versus глобальная. В теориях глобализации это дихотомическое различие становится парадигмой описания и объяснения любых тенденций и используется для создания теоретических моделей изменений за историческими и географическими пределами сдвига.

Одним из проявлений динамики процессов глобализации является столкновение двух уровней организации общества. Наравне с появлением унифицированных структур в политике и экономике, праве разных стран сохраняется также особенное и уникальное в культурах. В этой связи прав Р. Робертсон, обративший внимание на такой феномен, как «глокализация» (глобализация + локализация) – процесс адаптации элементов современной западной культуры к локальным условиям и местным традициям, вследствие чего нормой становится не однородность, а гетерогенность региональных и локальных форм социальной активности. Различными исследователями в значение термина «глокализация» включается вся совокупность изменений процесса глобализации, вызванных региональной спецификой, которая характеризуется историческими, географическими, этнокультурными особенностями развития территории. Именно подобная специфика формирует характер, силу и направления изменений всего процесса глобализации. Глобальные и локальные тенденции в конечном счете взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение. С ростом давления глобализации на элементы локального уровня, изменения претерпевают не только местные традиционные структуры (хозяйственно-культурные типы, социально-политические институты), но и сама глобализация неизбежно видоизменяет свою форму. Целостность и единство подобного рода территориальных образований обеспечивается наличием целого факторного ряда (физико-географический, фактор природопользования, демографический, этнокультурный, фактор региональной политики), который способствует взаимосвязанному функционированию региона (локальной общности).

Концепции, в которых делаются попытки совместить обе тенденции: глобализацию и универсализацию мира, с одной стороны, и его фрагментацию, обособление отдельных частей и областей – с другой, – сегодня достаточно популярны. Согласно этой точке зрения, отношения в современном мире определяются, с одной стороны, центробежными процессами (такими как глобализация или интеграция), а с другой – центростремительными (регионализация и локализация): глобализация реализует свои потенции через децентрализацию мирового пространства. С подачи известного американского социолога Дж. Несбита это явление стало называться «глобальным парадоксом».

В результате процессов глобализации суверенные государства утрачивают свои функции по управлению экономическими, социальными и политическими процессами, протекающими как на их территории, так и за ее пределами. В тоже время, «размывание» межгосударственных границ сопровождается активизацией надгосударственных и негосударственных акторов на мировой арене межправительственных организаций, транснациональных корпораций, внутригосударственных регионов, различного рода неправительственных организаций (правозащитных, экологических, профессиональных и других движений). Описывая этот процесс, исследователи отмечают: «Мощь государств, размываемая полюсами или блоками сверху, одновременно размывается и снизу городами-государствами или государствами-регионами» [2, р. 14].

Самостоятельность регионов сказывается в том, что они начинают действовать в нехарактерных для них, ранее внешних (по отношению к государству) сферах: если ранее внутригосударственные регионы стремились оказывать влияние лишь на внутривнутриполитические процессы своей страны, а международные организации – на те вопросы, которые ограничивались внешнеполитической сферой (что, казалось бы, логично), то теперь это не так. Внутригосударственные регионы все чаще пытаются выйти на международный уровень [3]. В результате отдельные регионы пытаются выступать в современной внешней политике в качестве агентов, равноправных с национальными государствами, а международные организации активно участвуют в урегулировании внутренних конфликтов. Внешняя политика оказывается неразделима с внутренней политикой.

Практика регионализма показывает, что такие регионы имеют мало общего с простым административным делением: это не только объект, но и субъект, вырастающий и выращиваемый в ходе регионального самоопределения, политики самого региона и его ключевых групп. Регионализм как явление, характерное для большинства стран мира, выступает идеологией и практикой достижения реальными внегосударственными пространственными общностями некоторого институционального статуса. Обратной стороной этого процесса является превращение традиционных национальных государств в «...неестественные, даже невозможные с точки зрения бизнеса единицы в глобальной экономике...», в результате чего «...прежняя карта мира... становится не более чем иллюзией» [2, р. 68].

В противоположность территориализму национализма (национально-государственного суверенитета) глобализм – это детерриториализация, свободное перемещение всех ресурсных потоков, трансцендирование исторически сложившихся границ. Представители геоэкономической школы,

предлагая новое понимание экономического пространства как фрагментированной целостности, утверждают, что ослабление государственного суверенитета сопровождается экономическим процессом формирования архипелагов «городов-государств» и «государств-регионов», которые часто взаимодействуют напрямую в рамках «панрегионов» или же в рамках глобальной экономической системы, пытаясь минимизировать власть государства. Возникают естественные экономические зоны, участвующие в хозяйственной жизни не только отдельных континентов, но и всего мира, причем без серьезного посредничества ни со стороны государств, ни со стороны наднациональных полюсов. У этих зон нет политических границ, но есть рубежи, направление которых определяет логика глобализованной экономики, не знающей границ.

Вероятность столкновения интересов и возникновения автономистических, если не сепаратистских, тенденций, может, пользуясь образным выражением геоэкономистов, превратить мир в архипелаг, состоящий из островов богатства посреди океана бедности. Такими островами будут «города-государства» или «регионы-государства». Дробление современного национального государства может привести и к более серьезным последствиям: ломке социальных отношений и протекающей более или менее латентно постоянной глобальной гражданской войне [4]. Вместо «цивилизованных» мировых войн между национальными государствами насилие может принять форму «варварских» гражданских войн внутри самих государств. Последние десятилетия богаты такими примерами, даже в «цивилизованной» Европе.

В результате действия вышеназванных факторов все с большей настойчивостью возникают заявления о размывании национального суверенитета, а также о кризисе, эрозии, закате Вестфальской модели мира, о том, что эта государственно-центристская модель стала разрушаться к концу XX столетия. Если под суверенитетом понимать то, что принято называть «вестфальским суверенитетом», то есть политическую организацию, основанную на том, что внешние акторы фактически не могут воздействовать на внутреннюю политику или могут, но крайне ограничено, то надо признать, что такой суверенитет действительно постепенно размывается. Таким образом, возможна – а по мнению многочисленных наблюдателей, и более чем вероятна – переоценка статуса и функций национальных государств, представлявшихся ранее почти идеальными инструментами территориальной организации.

В целом же, адаптация государств к меняющейся действительности идет сложно; национальное государство оказывается все уязвимее перед

вызовами глобализации и в современных условиях может действовать по-разному. Один путь – использовать экономические, правовые рычаги и совместно с другими акторами, надгосударственными и негосударственными, «выстраивать» новую архитектуру мира, вернее, встраиваться в формирующийся глобальный новый мировой порядок. Второй путь поведения государства в условиях глобальной трансформации – пытаться сохранить властные полномочия в прежнем объеме и действовать прежними методами, ограничивать действия негосударственных акторов как на своей территории, так и за ее пределами. Такой путь в условиях глобального мира представляется бесперспективным, лишь временной отсрочкой перед неизбежностью последующего «догоняющего развития» – на уровне эволюции государственного механизма.

Трансформационные изменения, которые в течение последних двадцати лет происходят в российском обществе, в современных условиях оказываются решающими факторами, предопределяющими стратегии социально-политического и экономического развития – как всей страны, так и отдельных регионов. Преобразования, включающие в себя как переход к рыночной организации экономики, так и реформирование социально-политической сферы общества, породили ряд масштабных и ранее неизвестных социалистической системе социальных отклонений и актуализировали необходимость анализа возникающих социальных проблем, и поиска методов и инструментов их решения.

Базовыми принципами, закладываемыми в формирующуюся модель социальной политики России, являются принципы децентрализации и полисубъектности. Их реализация предполагает возможность в рамках единого социального пространства на территории страны формировать региональные и муниципальные модели социальной политики, позволяющие оптимизировать социальное развитие территорий с учетом региональной специфики и на основе региональных ресурсов. Следствием децентрализации является устранение жесткой административной вертикали в системе управления социальной сферой, ограничение распорядительных функций федеральных отраслевых органов по отношению к региональным и муниципальным и в итоге – замена отраслевого принципа организации системы управления на принцип территориально-отраслевой. В результате реализации данного принципа субъекты РФ получают возможность осуществлять собственную, самостоятельную региональную политику.

Перенесение центра тяжести в вопросах социальной политики на уровень местных органов власти является в определенном смысле закономерным процессом. Децентрализация системы жизнеобеспечения населения,

способствует повышению ее адресности, т.е. ориентации на потребности конкретных групп, разнообразию используемых инструментов социальной политики, в зависимости от избранных приоритетов и специфики территорий. Это повышает ее эффективность. Перераспределение функций между различными социальными партнерами, в том числе, государством, местными органами власти, различными общественными объединениями трудящихся, отдельными гражданами – процесс длительный и зависящий от целого комплекса условий. Среди них особая роль принадлежит источникам финансирования социальных программ, существованию работающей нормативной базы, развитых институциональных форм, условиям для социального партнерства. Все это предполагает продуманную последовательную политику и наличие времени.

Однако до сих пор принять эти функции в полном объеме местные органы власти не готовы, многочисленные проблемы, существующие в развитии субъектов Российской Федерации, особенно отчетливо проявляющиеся в феномене неравенства развития территорий – свидетельствуют о том, что региональная социальная политика, осуществляемая на федеральном, субъектном и муниципальных уровнях, нуждается в теоретико-методологическом обосновании и концептуальном объяснении. Особенно важной с теоретической точки зрения темой представляется изучение факторов формирования региональных моделей социальной политики, институциональных, идеологических и политических. Как представляется, органы государственной власти и местного самоуправления при разработке проектов социального развития должны учитывать: 1) стратегию развития, реализуемую на государственном уровне; 2) непосредственные итоги следования выбранной стратегии в социальной сфере; 3) экономический и ресурсный потенциал территорий, непредвзятый анализ которого позволяет формировать жизнеспособные модели регионального развития и воздействия на него управленческих структур.

Итак, сама логика динамики глобализации предполагает не только сохранение различий в глобализуемом мире, но и «накопление» этих различий. Социальное пространство никогда не было однородным, и современные глобализационные отношения и процессы, интегрируя мир по некоторым показателям (таким как экономические стратегии или политика), часто лишь усугубляют инвариантность социального пространства. Обобщение и анализ опыта стран, реализующих различные стратегии регионального развития, позволяет разработать методологию общего подхода, основанного на тесной связи между темпами экономического роста, занятостью, стратегиями реформирования государственной социальной политики и социальными

тенденциями развития общества – применимо как к анализу социальных процессов, разворачивающихся на уровне отдельных стран, так и на региональном и локальном уровнях.

Литература

1. Giddens A. Globalization and Civilization. – L., N.Y., 2002.
2. Omaha K The end of the nation state. – N. Y., 1995.
3. Лебедева М. М. Формирование новой политической структуры мира и место в ней России // Полис. 2000. № 6. – С. 40-50.
4. Жан К., Савона П. Геоэкономика, господство экономического пространства. – М., 1997.

Нугуманов М.М.

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

Изучение этнических культур, межнациональных отношений стало одной из актуальных проблем современного общества. Исследователи связывают возросший интерес к этничности с мировыми процессами интеграции и глобализации, когда происходит интернализация культурных норм и ценностей [1]. Возникновение культурных традиций реально обусловлено всем ходом общественно-исторического развития человечества. Они в конкретных формах выражают своеобразие и специфические стороны культуры, языка, быта, характера и самосознания той или иной общности.

Кардинальные изменения, происходящие в России, имеют свою специфику, связанную с тем, что общество поляризовалось, а традиционные этносы, проживающие в едином государстве, вступили в конфликтные столкновения, что бесспорно сказалось на особенностях их самосознания. Миграционные потоки, проходящие в рамках СНГ, характеризуются одним свойством: происходит перемещение людей из менее политически и социально-экономически стабильных стран Средней Азии и Кавказа в направлении России. При этом в миграционном потоке в основном представлены трудовые мигранты. Россия, безусловно, нуждается в притоке трудовых мигрантов, так как в результате экономического роста и снижения темпов воспроизводства населения в стране ощущается недостаток трудовых ресурсов. Однако интеграционные процессы на рынке труда не могут быть успешными до реализации общих интеграционных процессов [2].

Возросшая роль миграционных процессов приводит к размыванию этнических культур, а в некоторых случаях к их столкновению. Дискуссии вокруг интеграции мигрантов в российское общество, возникающие на различных уровнях вследствие принятия политических решений и законодательных актов, связаны не столько с вопросами адаптации и натурализации мигрантов, сколько с постановкой внешних по отношению к этническим миграционным сообществам проблем: криминализация и политизация этничности, недостаточная проработанность нормативно-правовых актов, регламентирующих миграционную политику страны [3]. Можно выделить два аспекта интеграции: институциональный и социокультурный [4].

Современные общества характеризуются многообразием вариантов этнокультурного взаимодействия. При взаимодействии на этническом уровне происходит ряд процессов, которые могут привести как к разным формам объединения этносов и их культур (ассимиляция, интеграция), так и к разным формам разделения (транскультурация, геноцид, сегрегация) этносов и культур. В процессе аккультурации каждый человек одновременно вынужден решать две проблемы – сохранение своей культурной идентичности и включение в чужую культуру. Согласно Дж. Берри, комбинация возможных вариантов решения этих проблем дает четыре основные стратегии аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию [5]. Межкультурные стратегии, характерны для любых социальных групп (явно или неявно), вступающих в межкультурные отношения. Ситуации, в которых предпочтение отдается стратегии интеграции, и эта стратегия успешно используется, способствуют наиболее успешной психологической и социокультурной адаптации. Исходя из теории Дж. Берри, успешная адаптация представляет собой не ассимиляцию с чужой культурой. Межкультурная адаптация представляет собой процесс вхождения в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения. При этом успешность адаптации предполагает достижение социальной и психологической интеграции с другой культурой без потери богатств собственной [6]. Адаптационные процессы способствуют формированию кросскультурных коммуникаций. Стратегии аккультурации продемонстрировали свою существенную связь с положительной адаптацией: интеграция, как правило, наиболее успешна; маргинализация – на последнем месте; а ассимиляция и сепарация располагаются посередине [7].

Интеграция – взаимодействие внутри государства или какого-нибудь крупного региона нескольких существенно различающихся между собой по языку и культуре этносов, при котором у них появляется ряд общих черт.

При этом у них формируются элементы общего самосознания, основанного на длительном хозяйственном, культурном взаимодействии, политических связях, но народы и культуры сохраняют свою самобытность [8]. Юдина Т.Н. выделяет четыре типа социальной интеграции мигрантов: культурную, нормативную, коммуникативную и функциональную [9]. Интеграция может быть только добровольной как со стороны меньшинства, так и со стороны большинства, поскольку представляет собой взаимное приспособление этих групп, признание обеими группами права каждой из них жить как культурно различным народам [10]. Стратегия интеграции предполагает включение мигрантов, которое приводит к принятию ими норм культуры принимающего общества при существенном ослаблении влияния на мигрантов норм общества исхода. Так преодолевается маргинальное раздвоение идентичности мигранта, включение его в новое сообщество, что приводит к объединению этносов под эгидой культуры принимающего общества [11].

Этнокультурная сфера является основной зоной конфликта между принимающей стороной и мигрантами. Для успешного воспроизводства процессов интеграции в условиях культурного разнообразия, необходимо достижение социокультурного баланса и динамического равновесия между культурными и социальными компонентами как условиями устойчивости общества. Т.е. функции, структуры и процессы общества обеспечивают взвешенное удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей, интересов субъектов деятельности, входящих в это общество.

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект №12-06-33019 «Моделирование сценариев интеграции инокультурных мигрантов в России до 2030 г. (региональный аспект)».)

Литература

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Трансформация государства и общества в условиях глобализации: модель Башкортостана. – Уфа, 2007. – С. 27.
2. Бахтияр уулу Бакас. Новые реалии в процессах интеграции России и стран СНГ // Особенности миграционной политики. Проблемы, поиски, решения: сборник научных трудов Международной молодежной конференции / под ред. Г.А. Барышевой. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2012. – С. 122.
3. Мокин К.С. Групповые стратегии интеграции этнических миграционных сообществ. – Саратов: «Научная книга», 2006. С. 7-8.

4. Кузнецов И.М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 273-288.
5. Berry J.W. Immigration, acculturation and adaptation. *Applied Psychology: An International Review*. 1997, № 46 (1), P. 9.
6. Гриценко В.В. Теоретические основы исследования социально-психологической адаптации личности/группы в новой социо- и этнокультурной среде // Проблемы социальной психологии личности. http://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30303_full.shtml
7. Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. – С. 389.
8. Культурология. Теория культуры: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 392-397.
9. Юдина Т.Н. Миграция. Словарь основных терминов. – М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. – С. 64.
10. Абдрахманов Д.М., Шакиров И.А., Демичев И.В., Нугуманов М.М. Интеграция инокультурных мигрантов в современное российское общество // Вестник Пермского Университета. № 2, 2013. – С. 170-174.
11. Акмалова А.А., Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учеб. пособие / Отв. ред. П.Д. Павленок. – М.: ИНФР А-М, 2011. – С. 9-10.

Паначев В.Д.

МОЛОДЕЖЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Формирование потребности в социальной активности – еще одном компоненте целостной личности, является также обязательным условием ее становления и развития в этнокультурных и этнополитических процессах в XXI веке. Социальная активность, по мнению социологов – важнейшая жизненная характеристика личности, оказывающая влияние и на формирование других ее компонентов. Она является не только одним из условий становления целостной личности молодежи, но и фактором, обеспечивающим ей возможность всестороннего гармоничного развития и толерантного отношения к другим нациям и народам. Следует заметить, что социально

активную личность отличает высокая осознанность своих действий, чувство долга и ответственности за порученное дело, высокий общий культурный уровень, гражданственность, патриотизм.

Активность личности проявляется в ее общественной деятельности и приобретает смысл, только будучи направленной на социально значимый результат. Поэтому накопление опыта общественной работы, где личность может наиболее ярко проявить свою активность, становится неотъемлемой частью учебно-воспитательного процесса в каждом вузе региона. Приобретение практического опыта такой деятельности обеспечит личности возможность участия в социальном творчестве, проявления себя в общественной жизни. Дело в том, что в большинстве вузов Урала ярко просматриваются этнокультурные и этнополитические процессы. Особенно в последние годы, когда студентами вузов стали представители почти 122 народов. В такой этнокультурной составляющей, представляющей славянскую, фино-угурскую и тюрскую культуры актуальной становится проблема толерантного отношения ко всем народам своего региона в формировании социальной политики личности [1, с.78].

Формирование активной жизненной позиции студенческой молодежи, повышение социального смысла ее общественной деятельности предполагает использование разнообразных форм и методов этой работы. Начинать следует с вовлечения студентов в общественную жизнь вуза. Это участие в жизни студенческой группы, научных кружках и др. Усилению мотивации на научно-исследовательскую деятельность, более быстрому приобретению мастерства способствует привлечение студентов к профессиональной общественной работе. Как можно заметить, сформированная у личности потребность в социальной активности направляет ее деятельность на проявление себя во всех сферах жизнедеятельности общества. Таким образом, вуз, обеспечивая формирование целостной личности специалиста, бакалавра и магистра закладывает основу для ее будущего всестороннего развития. Приобретенный опыт самостоятельной работы, активности, сформированная потребность в творческом труде позволяет проводить целенаправленную работу по творческому саморазвитию и воспитанию культуры толерантности молодежи региона.

Организация учебно-воспитательного процесса в вузе, направленная на формирование личности на основе рассмотренных условий позволит, на наш взгляд, решить задачу подготовки студентов с повышенным творческим культурным и политическим потенциалом, заложить необходимый фундамент для формирования целостной, всесторонней, саморазвивающейся, социально активной личности, способной решать поставленные перед нею

обществом задачи на высоком профессиональном уровне в любых условиях этнокультурных и этнополитических процессов. Более эффективно это происходит при активной опоре на следующие принципы формирования личности:

Принцип ориентации на творческую, личностную и профессиональную индивидуальность каждого студента предусматривает необходимость смены приоритетов в системе подготовки специалистов и основой обучения должно быть человеческое развитие, а главной его целью – самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности. Данный принцип ориентирован на личностные параметры, на возможно более полное выявление творческих способностей студентов, на профессиональную индивидуальность, обусловленную особенностями личности, а не этнокультурные различия.

Принцип полисубъектности политического образования характеризуется тем, что в обучении учитываются активность личности, ее интересы, потребности, толерантное отношение к другим народам.

Принцип развивающего обучения характеризуется тем, что он ориентирован на потенциальные возможности студента и на их реализацию. Индивид в процессе обучения рассматривается как самоизменяющийся субъект учения. Обучению при этом принадлежит ведущая роль в развитии личности. В реализации данного принципа прослеживается диалектическая взаимосвязь обучения и развития личности. Развивающее обучение предполагает постепенное и постоянное усложнение заданий, в результате чего осуществляется переход личности на новый более высокий уровень развития. Таким образом, корректно организованное обучение стимулирует и направляет развитие, усиливая те его компоненты, которые в наибольшей степени обеспечивают именно профессионально-творческое развитие личности специалиста [2, с. 34].

Принцип трансформации когнитивного содержания в эмоциональное характеризуется эмоциональным отношением субъекта к учебному материалу, чувственным переживанием задания, которое требуется выполнить. Данный принцип, прежде всего, предполагает передачу информации студентам не в форме «мертвой буквы», а с собственным эмоциональным переживанием, личностным отношением педагога к излагаемой проблеме, материалу. Именно передача информации на чувственно-эмоциональном уровне к индивидуальным особенностям национальных черт студентов делает ее актуальной и востребованной. Отношение педагога к когнитивному содержанию трансформируется студенту и становится его сугубо индивидуальным отношением к происходящему.

Успешность обучения во многом зависит от степени принятия и эмоциональной оценки субъектом содержания образования, его личностного отношения к происходящему и выделения для себя профессиональных приоритетов.

Принцип обеспечения дифференцированного и индивидуального характеризуется тем, что в организации учебного взаимодействия учитываются способности субъектов к учебно-познавательной деятельности, подбираются наиболее оптимальные формы, методы, темпы и объемы содержания, создаются оптимальные условия для усвоения знаний. Студенты ориентируются на самостоятельное освоение нового опыта развитие познавательных и личностных возможностей. Обучение направлено не только на выявление творческих способностей, но на основании учета индивидуальных особенностей индивидов создаются оптимальные условия для их творческого развития и внешнего управления.

Реализация данного принципа осуществляется в условиях совместной учебной деятельности студентов всех народов региона в рамках решения общих задач обучения и воспитания, при этом в таком коллективном общении происходит формирование культуры толерантности личности, ее индивидуальное развитие и становление.

Кроме вышеперечисленных, как основных, мы в своем исследовании также опирались на принципы сознательности и активности, активизации и мотивации, который предусматривает активную деятельность студента и интерес к ней. Мотивация представляет собой совокупность стойких мотивов и побуждений индивида, которые определяют содержание, направленность и характер его деятельности. Принцип самоактуализации характеризуется развитием внутренних стремлений личности к самосовершенствованию и самоопределению. Принцип демократизации обеспечивает демократические отношения между преподавателем и студентом. Андрагогические принципы характеризуются тем, что в центре обучения находится обучающийся и обучение строится с учетом его запросов. Приоритетной является самостоятельная деятельность субъектов, направленность на творческое саморазвитие, рефлексия своей деятельности [3, с. 45].

Выявленные и реализованные в исследовании принципы основаны на ведущей роли общечеловеческих ценностей, свободном творческом развитии личности, гуманизации образования, необходимости формирования культуры толерантности в этнокультурных и этнополитических процессах в XXI веке.

Литература

1. Паначев В.Д. Биопсихосоциальная структура человека в современном обществе (монография). Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. – 123 с.
2. Паначев В.Д. Здоровье населения России как философско-антропологическая проблема // Вестник ПГТУ. Культура. История. Философия. Право – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2009, №1. – С. 34.
3. Паначев В.Д. Инновационная интерпретация физической культуры и спорта // Альманах современной науки и образования. Серия. Педагогика, психология, социология и методика их преподавания.- 2009, Вып. 4 (23), ч.1. – С. 45.

Погорелая Т.А., Погорелая Г.В.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА: ОТКРЫТОСТЬ И БЕЗОПАСНОСТЬ (ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ЦЕНТРА В КИТАЕ)

Практически единственным направлением государственной стратегии развития национальной экономики, в котором интересы регионов и центра трансформирующихся экономик целиком совпадают, является информационная стратегия. Особенно важна конструктивная реакция центра на проблемы связанные с информационной экспансией, которые особенно остры в приграничных регионах, где важным элементом механизма формирования устойчивых внешних связей является быстрое создание информационной инфраструктуры. Информационные сети, обладая огромным потенциалом с точки зрения воздействия на рост экономической и инвестиционной активности (со стороны как внутренних, так и внешних крупных инвесторов), требуют принятия большого ряда мер в области макроэкономики, финансовой деятельности и образования.

Основной, заявленной поставщиками ИКТ-услуг, функцией мобильных сетей как мировой распределительной платформы является интенсивное распределение информации для ускорения развития всех субъектов мировой экономики. Но если импульс совершенствования коммуникационных технологий постоянно исходит из развитых стран, то оно им и обеспечивает

быстрое расширение сферы влияния и западные СМИ в реальности транслируют исключительно «идеалы западной демократии», что собственно и означает информационную экспансию.

В большинстве трансформирующихся государств это стало серьезной проблемой формирования национального самосознания, адекватного периоду становления нового технологического уклада, когда СМИ обладают возможностями активного влияния на восприятие гражданами политических явлений, событий, политики в целом, с целью переосмысления роли государства в развивающихся странах. Особенно перспективным и успешным направлением расширения влияния в этом смысле выступают инициативы по повышению качества высшего образования в различных странах, с использованием дистанционных технологий обучения. В частности концепцию непрерывного обучения используют в качестве полезного стимулирующего инструмента при выработке политики западных партнеров во взаимодействии со странами периферии.

Китай занимает первое место в мире по числу интернет-пользователей и потому необходимо изучать его опыт противостояния мощному внешнему идеологическому влиянию, особенности его информационной стратегии, в условиях устойчивого роста числа китайских пользователей сети Интернет, которые связаны со стремлением противостоять господству в информационном секторе американского и евросоюзного медиа-обществ. Импульс постоянного совершенствования коммуникационных технологий исходит из развитых стран и обеспечивает им быстрое расширение сферы трансляции «идеалов и ценностей западной демократии». В этом – главная проблема формирования национального самосознания, адекватного периоду становления нового технологического уклада, когда СМИ обладают активно влияют на восприятие гражданами отдельных политических явлений и событий и отношение к политике в целом, особенно в периоды интенсивного общественного развития.

Китайское руководство традиционно следует «герметичной» стратегии в сфере информации. В ее основе – идея развития за счет консолидации внутренних ресурсов, в т.ч. ценой самоизоляции. Основная часть коммуникационных ресурсов КНР направляются на информационно-идеологическую работу внутри страны. Во внешней деятельности акцент делается не на общение внешней аудиторией, а на препятствование проникновению чуждого в национальное информационное пространство.

Усилия правительства КНР в этой сфере направлены на недопущение: утечки нежелательной информации за рубеж и воздействия на аудиторию нежелательной информации и идеологии из-за рубежа. Одновременно с

помощью прямой массовой пропаганды обеспечить лояльность и консолидацию общества на основе официальной идеологии [1]. Для научного обоснования формирования основных направлений соответствующей стратегии госрегулирования и цензуры в сети используются два теоретических подхода: теория «государственной критики» и теория «потенциала коллективного действия». Первый обосновывает цели руководства в информационном секторе: подавление инакомыслия и сокращение возможностей самовыражения граждан, не согласных с существующей системой государственной власти, политикой КПК. Второй – основную цель государственной цензуры: пресечение формирования активного коллективного мнения, способного вызвать протест [2]. Синтез этих подходов образует фундамент действующей модели и соответствующей ей структуры централизованного контроля над глобальной сетью.

Использование основной части ресурсов на информационную работу внутри границ наносит ущерб общению с внешней аудиторией, ограничивая собственные возможности распространения «не западных идеалов». И все же анализ официальных статданных, на основе расчетов ВБ, показывает, что доступ населения к сети Интернет в КНР постоянно растет. Темпы роста абонентской базы Китая превышали 30% ежегодно с 2006 г. Конечно, доступ к сети не распределяется равномерно среди населения страны. В 2010 г. городские пользователи Интернета составляли 72,2% общего количества, а сельские – 27,8% [3]. И только в 2012 г. началось выравнивание условий, существенно увеличен доступ к сети жителей отдаленных регионов страны.

Доступ к сети Интернет в Китае находится под контролем министерства промышленности и информационных технологий (МИИТ) и распределяется между восемью государственными лицензированными поставщиками услуг Интернета (ISP). Мандат МИИТ включает в себя функции регулирования деятельности телекоммуникаций, Интернета, в т. ч. широкополосных подключений, а также контроль IT разработок. Доминируют госкомпании, среди которых крупнейшая – China Telecom – контролирует 70% местного рынка, на втором месте – интернет провайдер China Unicom, обслуживающий около 20% рынка в 2010 г. (широкополосный интернет) [4].

Резкое увеличение возможности доступа к сети привело к формированию в стране многочисленных интренет-сообществ, серьезно влияющих на общественный дискурс, но в целом интернет-среда в Китае не занята несколькими гигантами типа Фейсбука, Твиттера. В Китае тоже существуют крупные национальные сайты: blog.sina (публикует 59% всех постов), hi.baidu, voc, bbs.m4, и tianya (3% постов). Но китайский Интернет содер-

жит огромное количество средних и мелких сайтов регионального значения (учитывая огромные абсолютные числа в Китае, даже малый региональный сайт привлекает значительные по численности пользователи). На каждом сайте работают цензоры и около 13% постов подвергаются цензуре [2]. В Китае существуют ограничения, с которыми вынуждены соглашаться даже такие интернет-гиганты как компания Google, открывшая в 2006 г. сайт на китайском языке. По условиям соглашения с китайским правительством, Google блокирует доступ жителей КНР к сайтам с политически некорректным, с точки зрения китайских властей, содержанием.

Посредством административного регулирования власти используют две стратегии в осуществлении веб-цензуры: 1) фильтрация материалов, 2) поощрение самоцензуры. Систему фильтрации называют «великий китайский файрволл», по аналогии с Великой Китайской стеной (wall – стена) – система специальных серверов (system of firewalls), ограничивающая доступ к «проблемным» внешним ресурсам. Серверы устанавливаются на интернет-канале между пользователями и поставщиком Интернет-соединения для фильтрации информации, не исключая и традиционного использования файрволов провайдерами для защиты от вирусов и хакеров. С помощью Internet Information Service государство регулирует доступные контенты и отслеживает действия пользователей.

Публикация новостей в интернет-ресурсах КНР осуществляется в соответствии с Положением 2005 г. об Управлении новостными услугами в интернете: в Интернете могут быть размещены только новости, происходящие из контролируемых государством новостных агентств. Агентства, получившие государственные лицензии, ограничены в освещении ряда предметов, утвержденных правительством, но могут публиковать текущие новости, комментировать события в сфере политики, экономики, иностранных дел, международного сотрудничества, в военном секторе, в социальной и общественной жизни, в сфере нарушения общественного порядка. Не государственные и не имеющие лицензии Веб-сайты могут представлять лишь ранее опубликованный (подвергшийся цензуре) материал.

Отметим, веб-цензура в Китае адаптируется к изменяющимся условиям, что сводится к осуществлению дополнительных мер для «ограждения информации» во время важных событий, визитов высшего руководства страны за границу и др., противодействию распространению антипартийных и антиправительственных настроений. В китайском Интернете запрещено использовать слова «Тибет», «Китай», «Тайвань», «демонстрация», «равноправие», «антияпонский», «свобода», «демократия», «ВИЧ» и др. Они авто-

матически заменяются на черные точки при попытке оставить сообщение на форумах. КПК, осознавая рост внимания к тенденциям в формировании в сети общественного мнения и использовании все новых видов «медиа», создала большой штат проправительственных блоггеров, негативно комментирующих высказывания пользователей, критикующих правительство. Это эффективнее пассивной цензуры, т.к. воспринимается аудиторией как позиция рядовых граждан. По оценкам The Guardian, штат таких блоггеров в КНР в 2008 г. насчитывал около 300 млн. человек [5].

Важным в установлении цензуры стал 2009 г., когда канцелярия Госсовета КНР выпустила первый «Китайский национальный план по правам человека», предусматривая, что «государство будет принимать эффективные меры по развитию прессы и отраслевых изданий и обеспечить доступность все информационных каналов, чтобы гарантировать право граждан быть услышанными» [6]. Одновременно началась кампания против распространения непристойной видеопродукции. Главными объектами проверки стали магазины, предоставляющие услуги по скачиванию видеопродукции в Интернете и сохранению ее на мобильные телефоны, ужесточилась процедура получения домена. Одновременно Китайская Государственная администрация радио, кино и телевидения (SARFT) закрыла гражданам доступ к торрент-трекерам [7]. На ситуацию повлияли волнения в Синцзян-уйгурском автономном районе, где происходили столкновения между ханьцами и уйгурами. Были приняты меры, ограничивающие все СМИ в освещении событий в Урумчи, в т. ч. блокировка Facebook, Twitter и др., полное отключение Синцзяня от доступа к сетям [8]. Бунтовщиков обвиняли в использовании интернета для вдохновения восстания.

В 2010 г. Пресс-канцелярией Госсовета КНР выпущена Белая книга «Ситуация с Интернетом в Китае». В документе говорится, что китайское правительство не препятствует, а поощряет и поддерживает распространение информации с помощью Интернета, который позволяет всем гражданам получать большое количество информационных материалов. В соответствии с законами, Госсовет страны гарантирует гражданам свободу слова, право на информацию о происходящем, на участие в социальной жизни, выражение мнений и осуществление контроля над распространением информации [9].

Общий подход однако не претерпел существенных изменений. 19.12.2012 г. вышел законопроект, ужесточающий регулирование иностранных и местных компаний с участием иностранного капитала, которые не могут публиковать информацию без лицензии Генеральной администрации прессы и публикаций. Приведен список контентов, которые не должны со-

держаться в публикациях: направленных против конституции, разглашающих государственные тайны, угрожающих государственной безопасности, способных нанести «урон государственным интересам и чести», распространяющих слухи, ведущих к нарушениям общественного порядка, несущих угрозу социальной стабильности, морали и традициям китайского общества [10]. Нелицензированные сайты, публикующие запрещенную информацию или неразрешенные он-лайн игры, будут закрыты. Для их владельцев предусматриваются санкции, как за совершение уголовного правонарушения. China Daily анонсировал 22 декабря новый законопроект, подчеркивая, что в течение 20 лет в Китае не существовало специального законодательства, регулирующего киберпространство, а все пользователи только выиграют от появления такого регулятора [11].

Отношения КНР с крупнейшими интернет-корпорациями складываются нестабильно, но в целом, внешние игроки вынуждены играть по правилам принимающей стороны. В Китае запрещены с 2008 г. Facebook (правда успешно работает его китайский аналог RenRen), с 2009 г. Twitter (но существует китайский аналог Sina Weibo). Skype доступен только в виде специального дистрибутива, со встроенной функцией фильтрации нежелательного контента. 16 марта 2008 г. был заблокирован доступ на видеохостинг YouTube. Из личного опыта этого периода, связанного с обучением в Научно-техническом Университете г. Чанша, отметим ограниченность новостного потока в интернет ресурсах, особенно в отношении реакции мирового сообщества на ситуацию внутри КНР, связанную со страшным землетрясении в провинции Сычуань. При этом внутренние информационные ресурсы максимально использовались для освещения ситуации и эффективной координации действий по оказанию помощи. Периодически власти закрывают доступ к Wikipedia и фоторесурсам Yahoo. В число ресурсов, подвергающихся цензуре, входит большинство западных СМИ: сайты BBC, CNN, ABC и CBS News, журнал Time, сайты множества американских университетов, поисковая система Alta Vista.

В январе 2010 г. Google попытался изменить сложившуюся ситуацию, пойдя на конфронтацию с системой государственного контроля информации в Китае, объявив, что больше не будет соответствовать требованиям фильтрации контента, налагаемым на все зарубежные компании, работающие в КНР. Этому жесткому заявлению компании предшествовали хакерские нападения на сервис Gmail, который в тот период уже занимал около трети китайского рынка поиска информации, сильно отставая от Baidu, доля которого составляла около 60%. В марте компания заявила, что будет перена-

правлять трафик с Google.cn на другой сайт, Google.com.hk, базирующийся в Гонконге. В ответ на это через неделю после перевода серверов в Гонконг сервера начали давать многочисленные сбои [12]. Доля рынка, занимаемая Google в континентальном Китае, упала с 35,6% до 17%. Пользователей раздражают блокирование интернет-страниц и перебои в работе, поэтому компания предложила им сервис, оповещающий, что если в поиск вводится определенное слово, то доступ может быть заблокирован. Заявлено: это позволит сделать поиск более удобным для пользователя [13].

Демарш Google вылился в бурные обсуждения цензуры в китайском интернете за рубежом и внутри страны, но не изменил ситуацию. Сочетание строгих технических механизмов фильтрации и контент-провайдеров ведет к распространению самоцензуры. Пользователи стремятся избегать обсуждения деликатных вопросов online. Skype также была вынуждена согласиться на введение цензуры в ходе предоставления своих услуг с помощью использования системы TOM-Skype (китайское совместное предприятие), настроенной на поиск в текстовой информации определенных словосочетаний («Далай Лама», «Площадь Тяньаньмень» и др.). Генеральный директор и основатель Skype сказал, что у компании нет другого выбора, если она хочет работать с 1,3 миллиардным населением Китая [14].

Основной целью «герметичной» стратегии является государственная безопасность. Но и за пределами США информация о Китае, ситуации в политической и социальной сфере остается не полной. Недостаточный объем информации в китайском эстеблишменте о социально-экономической программе «шанхайцев», о новом руководителе, Си Цзянпине, о внешней и внутренней стратегии руководства КНР не позволяет реализовать потенциал влияния Китая на мировое сообщество. Дефицит информации о стране не способствует популяризации культуры и языка, а факт существования многоуровневой цензуры в интернет пространстве негативно отражается на образе государства, т.к. сложно дать адекватную оценку реальным процессам в информационном секторе КНР и четко провести различия между разговором о централизованной цензуре и антикитайской пропагандой, нацеленной на дискредитацию альтернативного западному пути развития. И все же количество пользователей сетей в КНР растет, а в стратегических направлениях борьбы государства с бедностью сохраняется упор на развитие ИКТ, распространение которых рассматривается как эффективный способ обеспечения всему населению широкого доступа к услугам (особенно к образовательным), к возможностям приобретения новых профессиональных навыков и знаний, к повышению конкурентоспособности на рынке труда.

Литература

1. Гуменский А. Управление международной информацией – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-second/004.htm>
2. Gary King, Jennifer Pan, Margaret Roberts How Censorship in China Allows Government Criticism but Silences Collective Expression – URL: <http://gking.harvard.edu/gking/files/censored.pdf>
3. Китай намерен в течение будущих пяти лет обеспечить 45 процентов населения доступом в Интернет – Белая книга – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7017370.html>
4. Telegeography, Broadband Provider Rankings: The Rise and Rise of China, July 28, 2010 – URL: http://www.telegeography.com/cu/article.php?article_id=33858
5. China joins a turf war – URL: <http://www.guardian.co.uk/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr>
6. Information Office of the State Council of the People's Republic of China, National Human Rights Action Plan of China (2009 – 2010), 2009 – URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-04/13/content_11177126.htm
7. В Китае запретят торрент-трекеры – URL: <http://lenta.ru/news/2009/12/11/sarft/>
8. China shuts down Internet in Xinjiang region after riots – URL: <http://opennet.net/blog/2009/07/china-shuts-down-internet-xinjiang-region-after-riots>
9. Белая книга: в Китае Интернет в полной мере играет свою роль в распространении информационных новостей – URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7017350.html>
10. Ren Zhongyuan China draft to tighten Internet publishing norms – URL: http://articles.marketwatch.com/2012-12-20/industries/35933470_1_internet-rules-internet-publishers-draft
11. Regulate cyberspace with special law – URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2012-12/22/content_16041052.htm
12. Google 'may pull out of China after Gmail cyber attack' – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8455712.stm>
13. Google будет предупреждать пользователей о китайской цензуре («The New York Times», США) – URL: <http://inosmi.ru/foreast/20120605/193174450.html>
14. Skype признал, что вынужден мириться с китайскими законами – URL: <http://www.towave.ru/news/skype-priznal-cto-vynuzhden-miritsya-s-kitaiskimi-zakonami.html>

СОВЕТ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ «ЦЕНТР – РЕГИОНЫ»: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации является федеральной палатой российского парламента, представляющей интересы субъектов федерации, которая призвана во взаимодействии с законодательными органами российских регионов обеспечить гармонизацию федерального и регионального законодательства в сфере совместного ведения РФ и субъектов РФ, а также учет региональных интересов при принятии федеральных законов. Вышеизложенное положение позволяет определить политико – правовую роль верхней палаты парламента в системе «Центр – регионы» как достаточно значительную.

В соответствии с п.2 статьи 95 Конституции Российской Федерации в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти. Историко-правовой анализ показывает, что данный принцип представительства не использовался в Советском Союзе: в Совет Национальностей Верховного Совета СССР избирались по 32 депутата от каждой союзной республики, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от каждой национальной области и по 1 депутату от каждого национального округа. После развала Советского Союза в протоколе к Федеративному договору 1992 года автономные республики требовали не менее половины мест в региональной палате, однако необходимость выравнивания статуса республик и остальных субъектов федерации не предполагала принятия данного решения.

Отметим, что современные федеративные государства в основном имеют равное представительство субъектов федерации во второй палате парламента, кроме того численность второй палаты на постсоветском пространстве мало связана с численностью населения страны и не выдерживает пропорций по сравнению с численностью нижней палаты. Во всех современных странах с бикамеральной структурой число сенаторов поставлено в зависимость от числа регионов (в России по 2 представителя, в Узбекистане – 6, в Беларуси – 8 сенаторов от каждого региона); на сегодняшний день один российский сенатор представляет более 1,7 миллиона человек, в то время как в Казахстане – 389,3 тыс., в Узбекистане – 268,5 тыс., в Таджикистане – 217 тыс., в Беларуси – 160,9 тыс. [1].

Нельзя не согласиться с мнением Л.В. Смирягина, что данный принцип равного представительства регионов входит в противоречие с размерами

субъектов и по численности населения, и по территориальному охвату «поэтому верхняя палата, где все субъекты имеют равное число «сенаторов», представляет структуру страны в крайне искаженном виде: резко увеличенной оказывается представительство отдельных национальностей, видов экономической деятельности, страна предстает гораздо более сельской, гораздо реже заселенной» [2, 6].

Безусловно данное обстоятельство отражается на качественных характеристиках верхней части российского парламента, а также принимаемых им решениях. Но с другой стороны, на современном этапе развития верхних палат парламентов разных стран, на наш взгляд, более важными показателями являются показатели реальной политической роли верхней палаты. Ведь даже если в палате будет заседать по десять сенаторов от регионов, но они не будут реально воздействовать на процессы, происходящие в политико-правовом поле страны, то ничего от этого не изменится.

В истории современной России наиболее активный период деятельности Совета Федерации пришелся на период правления первого президента Ельцина Б.Н. Главной особенностью ельцинского авторитарного политического режима считают его полицентричность – существование многообразия центров политической власти и влияния, при этом основным центром являлась собственно сама президентская власть. К числу иных основных политических акторов ельцинского периода относят и региональных лидеров, и парламент в лице двух палат.

Справедливую оценку политическому режиму периода президентства Б.Н. Ельцина дает Н.А. Горева. Она считает, что это был, скорее всего, анархоавторитаризм, так как периодически власть не справлялась со своими функциями и выпускала управление страной из своих рук (например, в период болезни Б. Ельцина) [3, 20]. В период этого квазидемократического режима исполнительная власть доминировала над федеральной и региональной, на первом плане находились внеконституционные механизмы политического управления. В плане оценки режима с Н.А. Горевой безусловно следует согласиться, но в вопросе доминирования федеральной власти согласимся лишь частично, так региональные власти, лидеры субъектов на определенном этапе развития, а именно во второй половине 1990-х гг. имели достаточно серьезный политический вес.

А.Ю. Долгов дает более точную оценку взаимоотношений федеральной и региональной властей в 1990-х гг.: «мощнейшие социально-политические процессы начала 90-х и центробежные тенденции заставили Центр искать консенсуса и определять условия договора с каждым регионом по отдельности, особенно, если регион был экономически развит. Поэтому

основной институциональной практикой, с помощью которой разграничивались полномочия центра и регионов в начале 90-х, стал Федеративный договор от 31 марта 1992 г» [4, 168].

Историко-правовой аспект взаимоотношений центральной и региональной властей в 1990 – е гг. показывает, что произнесенная 6 августа 1990 г. в Уфе знаменитая фраза Б.Н. Ельцина: «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», была первым пробным камнем во взаимоотношениях центра и регионов. Почувствовавшие силу, но еще не до конца окрепшие лидеры субъектов внимательно следили за борьбой президента и парламента в 1993 г., в том числе и относительно конституционных положений, касающихся второй палаты. Интересен для республик был и тот факт, что проект Конституции Ельцина предусматривал предоставление в Совете Федерации не менее 50% мест республикам, что, несомненно, усилило бы их позиции. Учитывая прошедший «парад суверенитетов» необходимо согласиться с мнением, что президентский проект Конституции это «тактический ход Ельцина, искавшего поддержки активных и влиятельных лидеров «национальных» республик в борьбе с хасбулатовским Верховным Советом, которая к тому моменту перешла в фазу противостояния» [5, 174].

В президентском Указе от 11 октября 1993 установлено, что в Совет Федерации избираются по два депутата от каждого субъекта РФ [6], между тем, проект Конституции предлагал формирование палаты регионов. С.А. Авакьян объясняет данный факт тем, что проанализировав политические действия лидеров регионов осенью 1993 года Б.Н. Ельцин понял, что, в общем-то, однозначной поддержки ждать от них не приходится, консультации с одними, освобождение от должности других, а также роспуск и самороспуск многих представительных органов субъектов РФ создали шансы для нормализации отношений с оставшимися и надежду на то, что лояльные к Президенту лица пройдут на выборах в СФ [7]. Этому способствовало и видоизменение статьи 95 Конституции в ноябре 1993 г., в соответствии с которым в Совет Федерации входят два региональных представителя от органов государственной власти: регионы представляют органы власти, а не население.

В первый созыв Совета Федерации вошли как главы администраций субъектов Федерации, так и депутаты Совета Федерации, которые не занимали руководящие должности в регионах. Данный состав палаты в соответствии с конституционными положениями был избран на два года, но и за эти два года депутаты не раз показывали «оппозиционный» характер Президенту. Так, в первые же дни функционирования камнем преткновения между

Президентом и депутатами Совета Федерации стал вопрос о выборе Председателя палаты: не с первого разу был утвержден фактически кандидат от Президента Владимир Шумейко. Разногласия наблюдались и в таких вопросах как одобрение Федерального закона, «Об особом порядке приватизации организаций государственного телевидения и радиовещания в РФ», снятие с должности Генерального прокурора и назначение исполняющего обязанности Генерального прокурора. В целом к данному составу верхней палаты нельзя применить формулировку «беспрекословно выполняющий «волю» Президента», но и абсолютной свободой действий в законодательном процессе он не обладал. Наибольший интерес в плоскости взаимоотношений «центр-регионы» представляет второй созыв Совета Федерации.

Уже в 1994-1995 гг. вопрос о выборе способа формирования второго созыва «палаты регионов» перешел в стадию противостояния Президента и Федерального Собрания. В результате «президентского» давления на Федеральное собрание был выбран проект А. Чилингарова, предполагавший «должностной» принцип замещения мандата члена Совета Федерации. Выбранный порядок формирования вызвал бурную дискуссию в научных и парламентских кругах, которая фактически не затихает по сей день и становится еще более актуальной с каждой новой реформой Совета Федерации.

В качестве негативных последствия нового порядка формирования Совета Федерации И.Н. Тарасов называет тот факт, что фактически, был нарушен принцип разделения властей, представительство населения регионов сменилось представительством региональной бюрократии, на практике верхняя палата превратилась в орган либбирования интересов отдельных региональных элит: Совет Федерации в таком составе показал свою низкую эффективность. Е.И. Колюшин рассуждает, что когда Совет Федерации на 100% состоял из должностных лиц субъектов РФ, в т.ч. наполовину из руководителей государственных органов исполнительной власти, то происходило соединение власти законодательной и исполнительной, что уже было в истории нашей страны и дало негативный результат [8].

В общем, противники порядка формирования второй палаты образца 1995 года кроме нарушения принципа разделения властей свои аргументы резюмировали следующим образом. Руководители органов исполнительной власти субъектов в достаточной мере загружены работой в своих регионах и не имеют возможности в достаточной степени осуществлять эффективную законодательную деятельность, в связи с чем растет влияние Аппарата Совета Федерации, что не способствует плодотворной работе палаты. Отмечалась низкая явка на заседания членов Совета Федерации, она не всег-

да отвечала необходимым требованиям и составляла в среднем от 60 % до 70 %, отметим, что в дальнейшем, в результате изменения порядка формирования, явка повысилась в среднем на 10 % – 15%. По причине загруженности должностных лиц работой в регионах Совет Федерации стал собираться на свои заседания реже – в среднем раз в месяц на один-два дня; количество рассматриваемых вопросов на каждом заседании возросло, соответственно уменьшилось время, отводимое на обсуждение каждого вопроса.

В политическом аспекте данной проблемы неоспоримым является тот факт, что обладание властью лидерами регионов на федеральном уровне создавало угрозу политического противостояния по отношению к Президенту Российской Федерации, что было продемонстрировано региональными лидерами при голосовании по ряду принципиальных вопросов. Е.Б. Мизулина вообще указывает на то, что фактически региональная власть получила приоритет над федеральной, угрозу разрушения федеральных институтов, политический процесс осуществлялся при этом не в интересах региона, а в интересах региональной элиты [9].

Такая оценка может быть применима в контексте исследования проблем федерализма, однако, что касается вопроса роли Совета в политической системе Российской Федерации, отметим, что именно работа Совета Федерации второго созыва, представительства должностных лиц от регионов способствовала консолидации данного субъекта политических отношений как некой регионально-федеральной политической силы, что способствовало повышению политического веса второй палаты.

Сторонники должностного принципа формирования Совета Федерации утверждали, что в принципе данный порядок не противоречил Конституции, способствовал повышению его политического веса в стране, а по поводу эффективности законодательного процесса оппонировали тем, что Совет Федерации в составе региональных руководителей это в максимальной степени эффективный и дееспособный орган власти, так как главы субъектов достаточно информированы о потребностях своих регионов, а характер работы в «постоянно функционирующей части российского парламента» предполагает некую периодичность.

Дискуссионный вопрос о нарушении принципа разделения властей приверженцы губернаторско-спикерского формирования «палаты регионов» объясняли тем, что главы исполнительной власти регионов наделяются законодательной властью не на региональном, а на несколько ином, федеральном уровне власти. В ответ на положение о недостаточной легитимации данных членов Совета Федерации говорится о том, что в 1996-1997 гг.

все руководители регионов прошли через процедуру всенародных выборов, получив таким образом максимальный объем демократической легитимации на осуществление законодательной деятельности и представительство своего региона в федеральном центре.

Политико-правовой анализ деятельности Совета Федерации второго созыва показывает, что в принципе для внутривнутриполитической обстановки второй половины 1990 –х гг. был выбран наиболее оптимальный способ формирования второй палаты. Необходимо согласиться с утверждением, высказанным на официальном сайте Совета Федерации, что данный этап функционирования палаты – это «период становления, складывания палаты регионов». Действительно именно данный созыв палаты в лице руководителей регионов проявил наибольшую самостоятельность, политическую волю и из всех созывов верхней палаты имел наибольший политический вес и авторитет.

Это был период развитых федеративных отношений, когда мнение субъекта федерации учитывалось федеральными органами власти в большей степени, чем мнения представителей субъектов предыдущего и последующих созывов второй палаты, а сами субъекты находились в наиболее острой фазе оппозиционности по отношению к действующему режиму. Однако эта оппозиционность не привела к окончательному развалу федеративного государства, а, наоборот, в определенной степени способствовала сохранению государства, чему в немалой степени способствовала и личность спикера палаты Е. Строева.

Новый политический режим сформировался с избранием В. В. Путина Президентом Российской Федерации и продолжил свое существование в период правления Д. А. Медведева, а в дальнейшем и вновь В.В. Путина. Обладающий значительной поддержкой населения, В.В. Путин не нуждался в особых отношениях с региональными лидерами. В результате последовало изменение порядка формирования Совета Федерации, а затем и выборность региональных лидеров была заменена на порядок наделения полномочиями, что неизбежно привело к уменьшению политического веса региональных лидеров и увеличению их зависимости от Кремля. В настоящее время федеральная власть пытается создать какую-либо видимость федеративных отношений, изменив в очередной раз порядок формирования верхней палаты российского парламента, проведя очередную «губернаторскую» реформу, но данные действия «Центра» не способствуют повышению политической роли ни Совета Федерации, ни региональных властей.

Литература

1. Тарасов И.Н. Бикамерализм в постсоветском пространстве. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС: электрон. журн. 2006. №4. URL: <http://www.politex.info/content/view/297/30/> (дата обращения 20.03.2013).
2. Смирнягин Л.В. Совет Федерации: Эволюция статуса и функций (Монография) – М., 2003. – 454 с.
3. Горева Н.А. Трансформация политического режима в постсоветской России. Автореф. дис. ... полит. наук. Воронеж, 2010. – 25 с.
4. Долгов А. Ю. «Проблема 2012» как вызов для российских политических институтов // Журнал «Политическая наука». 2012. № 1. – С. 160-174.
5. Федосов П. А. Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // Полис (Политические исследования). 2001. № 2. – С. 163-177.
6. Указ Президента РФ от 11 октября 1993 г. N 1626 «О выборах в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (с изменениями от 6 ноября 1993 г., 4 февраля 1994 г., 10 января 2003 г.) Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/> (дата обращения 14.04.2013).
7. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/modern/1776651/> (дата обращения 12.04.2013).
8. Колошин Е.И. Пути реформирования Совета Федерации Федерального Собрания РФ. // Конституционное и муниципальное право». 2006. № 4. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_CJI_11752/ (дата обращения 10.04.2013).
9. Проблемы реализации Федерального закона «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» / Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Москва, 2004. № 24. URL: <http://council.gov.ru/> (дата обращения 01.04.2013).

ПРОЦЕССЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВА¹

Масштабные общественные преобразования, начало которым в странах бывшего «социалистического лагеря» было положено рыночными реформами 1990-х гг., помимо экономики и политики, неизбежно должны были затронуть и сферу ценностей и норм, лежащих в основе важнейших социальных институтов – т.е. ценностно-нормативные установки основной массы населения (замена системообразующих ценностей «советского» общества на «рыночно-демократические» [17]). Результаты исследований развития послевоенной Германии, процессов модернизации Испании, Южной Кореи, Японии позволили выявить некоторое общее правило, согласно которому внедряемая в ходе реформ система ценностных установок первоначально усваивается молодежью, а система ценностей молодежи, в свою очередь, становится доминирующей спустя 15–18 лет после начала преобразований [7]. Основываясь на этом положении, можно предположить, что соответствующий социокультурный сдвиг должен был произойти в России приблизительно к концу «нулевых годов» (2006–2008 гг., если взять за точку отсчета 1991 г.). По крайней мере, за годы реформ должны были сформироваться и в полной мере заявить о себе прослойка населения, первичная социализация которой прошла в условиях либеральных преобразований, что подразумевает интериоризацию ценностей утверждаемой в ходе реформ капиталистической модели и соответствующей ей политико-правовой культуры. В результате «переходного периода», затянувшегося на десятилетия, эти изменения, безусловно, произошли – но они не имеют однозначного характера.

На первоначальном этапе имелись серьезные основания для ожидания серьезных изменений в сфере ценностных установок населения. Уже в первой половине – середине 1990-х гг. исследования динамики ценностных установок россиян показывали обнадеживающие для реформаторов результаты, согласно которым поколение 18-23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект, в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости, равенства [6]. Начиная с конца 1990-х – начала 2000-х гг., замеры общественных настроений в России фиксируют замедление процессов социокультурного сдвига. Несмотря на разрыв с непосредственным историческим опытом и советской системой

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-23-02001).

ценностей, в массовом сознании сохраняются традиционные ценностно-нормативные стереотипы. Доминирование коллективистских ориентаций над индивидуально-личностными в общественном сознании признается многими исследователями одной из специфических особенностей менталитета населения России и ряда других стран СНГ, истоки которых коренятся в традиционных устойчивых ориентациях [5, 8].

Результаты анализа мировоззренческих и идеологических установок современных россиян заставляют признать разнонаправленность и неоднозначность изменений, которые произошли в стране за последние 20 лет, что дает основания для совершенно противоположных выводов экспертов и исследователей.

Так, И. Клямкин и Т. Кутковец на основе анализа динамики ценностных установок населения делают вывод о том, что вектор развития российского общества, вопреки распространенному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество все больше отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. А представления о «народе-овоще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, неспособных на самостоятельную и ответственную инициативу, – миф [9, с. 51-52]. Схожей точки зрения придерживается И. Дискин, полагающий, что традиционалистская Россия ушла в прошлое, поскольку в стране впервые в истории появились массовые слои, ориентирующиеся на индивидуальный выбор и личную ответственность. Для них большое значение имеют ценности суверенитета личной и партикулярной жизни, которые они стремятся защищать от любой экспансии государства [4, с. 224].

Другие исследователи, по сути, отрицают факт социокультурного сдвига и какой-нибудь качественной динамики ценностной сферы постсоветского общества. Так, В. Федотова видит в происходящих в стране процессах прежде всего архаизацию сознания и поведения многих людей, осуществляемую с подачи власти в обмен на лояльность. Она считает, что Россия получила такой «удар капитализма», от которого не в состоянии оправиться до сих пор. Отсюда – «посттоталитарная травма», выражающаяся в синдроме недоверия, мрачном взгляде на будущее, ностальгии по прошлому, которая радикально отличается от «пресыщенной апатии» Запада [16, с. 41]. А Ю. Афанасьев убежден, что российское общество регрессирует практически во всех областях, никакого массового среднего класса у нас нет, а «усредненная серость, усредненная бедность и святая усредненная простота», являясь элементами традиционного общества, – наша характерная особенность.

Другая важная особенность России, по мнению Афанасьева, это несовременное, мифологическое, нерациональное сознание ее граждан [1].

Анализ ценностных ориентаций населения также показывает, что к важнейшим установкам массового сознания, значимым для типологической характеристики ценностной системы российского общества следует отнести:

– Приоритет справедливости как нормативно-этической категории над правом, то есть законом, и фактическое отрицание политических институтов, наполняющих реальным содержанием демократическую политическую культуру. В этой связи широкое распространение получают патерналистские убеждения в противовес индивидуалистско-либертарным.

– Нигилистическая оценка социальной реальности и государственно-правовых институтов демократического общества, сопровождающаяся идеализацией верховной власти.

– Негативное отношение к капитализму, что, в частности, характеризуется негативной оценкой нравственно-этической стороны материального преуспевания, представлениями о девиантности средств, ведущих к материальному достатку или богатству и убежденностью в невысокой значимости собственных активных действий [15].

Социологи сплошь и рядом сталкиваются с заметным расхождением между декларируемыми ценностями и жизненными стратегиями, поведенческими моделями, когда люди, вполне успешно адаптировавшиеся к новым условиям и демонстрирующие такие качества, как индивидуализм, открытость для нового опыта, рациональность мышления и т.д., тем не менее, придерживаются традиционных или «левых» взглядов. И наоборот [13]. Следует согласиться с мнением, что в сознании россиян весьма своеобразно переплетаются крайне разнородные компоненты, но доминируют, скорее, ценностные установки, блокирующие развитие присущих западной модели капиталистического общества партикуляризма, рыночных социально-экономических стратегий жизнедеятельности.

В условиях, когда затянувшаяся трансформация ценностно-нормативной сферы общества имеет весьма противоречивый характер, особенно важное значение приобретает исследование перспектив его социокультурного и институционального развития. Как представляется, первым этапом такого анализа, имеющий прогнозный характер, является всестороннее рассмотрение таких двух проблемных блоков как 1) характер социокультурного сдвига, произошедшего в ценностных установках молодого поколения; 2) степень соответствия процессов социокультурной трансформации общим законам развития национальных культур в эпоху глобализации.

Учитывая сложный комплексный характер обозначенных вопросов, мы ограничимся лишь наблюдениями наиболее общего характера относительно первого вопроса. Анализ изменений системы ценностных установок молодежи позволяет делать заключения прогностического характера, поскольку именно ценности этого поколения, как было сказано выше, с течением времени становятся преобладающими и определяющими вектор развития общества, а расхождение между поколениями должны обозначать направление социокультурного сдвига. В процессе анализа эмпирических данных следует принимать во внимание тот факт, что различные группы населения, изучаемые с точки зрения возрастных различий, имеют свою особую культурно-психологическую специфику, объясняемую «стадиальностью», логикой индивидуального социально-психологического развития, в ходе которого приобретает жизненный (социальный) опыт и происходят существенные изменения в мотивационной и ценностной сферах личности. Как правило, молодежь более оптимистична, более склонна к риску (что объясняет большую распространенность в этой возрастной группе принципов индивидуализма, политической и экономической свободы), но менее осведомлена о существующих в реальности недостатках и преимуществах той или иной модели развития общества, о реальной практике функционирования государственно-правовых институтов, зачастую имеет искаженное понимание о доминирующих в обществах правилах социального взаимодействия. Соответственно, по мере взросления и развития личности, изменение претерпевает и система ее мировоззренческих, ценностных установок. Следствием такой ситуации является, например, определенное смещение ценностных установок в диахроническом срезе, которые отчасти приближаются к взглядам старших возрастных когорт: с возрастом растет ценность внутреннего мира и снижаются карьерные претензии, растет ценность содержания работы и уменьшается значимость заработка, а индивидуалистическая ориентация (а также приоритет личной свободы) отчасти заменяется на коллективистские убеждения (а также приоритет порядка и справедливости, даже в ущерб личным правам) [14]. Именно этот фактор придает некоторую долю условности прогнозам, основанным на исследовании мировоззренческих различий между поколениями, и объясняет, почему, несмотря на то, что «поколение свободь» (становление которого происходило в конце 1980 – начале 1990 х. гг.) уже вступило в жизнь в качестве полноценных субъектов взаимодействия, – фиксируемые социологами массовые ценностно-нормативные изменились настолько незначительно, что ряд экспертов даже говорит о происходящем в наши дни движении вспять, архаизации социума. Так, уже исследования 1994–1997 гг. фиксировали утверждение

либерально-рыночных ценностей в сознании граждан России, особенно молодого поколения и чуть ли не формирование новой, «рыночной» генерации россиян. Возрастные особенности отражались на распространенности и значимости различных ценностных установок. При этом важно отметить, что поляризация по возрастному признаку затрагивала ряд ключевых для современного общества ценностей, связанных с новыми, рыночными отношениями и наиболее точно характеризующих особенности адаптации к ним полярных возрастных групп. Например, исследование, проведенное в 1994 г., показало, что наибольшие различия между крайними возрастными группами наблюдались в отношении к таким ценностям как «труд», «деньги», «свобода», «личное достоинство», «трудолюбие», «собственность», «профессионализм» – с приоритетом комплекса ценностей буржуазного демократического общества в молодом поколении [12, с. 151].

Социологические опросы конца 2000-х гг. фиксируют частичное приближение возрастной когорты 35–44 лет («повзрослевшие» представители возрастной группы) к ценностным установкам старшего («советского») поколения. Помимо общего падения значения либерально-демократических ценностей, среди представителей указанной возрастной когорты отмечено возрастание негативных оценок по отношению к институту частной собственности и снижение значения индивидуалистических жизненных установок. Так, негативное и позитивное отношение к разбогатевшим в годы реформ разделяет одинаковое количество представителей возрастной когорты 35-44 лет (у современной молодежи (в возрасте 18-24 лет) число положительно настроенных к «богатым» почти в 3 раза выше). Отказ от индивидуалистических установок демонстрирует тот факт, что число людей, полагающих, что добиться чего-то важного в жизни возможно только действуя сообща – начинает возрастать у когорты в возрасте 31–40 лет (показатели почти что сравниваются), а в возрастной когорте 41-50 уже преобладает [10].

Одновременно с довольно скептическим отношением к феномену богатства в среде современной молодежи заметна тенденция усиления проявлений социального и правового нигилизма, например, о своеобразии ценностных установок молодого поколения россиян в понимании жизненного успеха и допустимых для его достижения средств [10]. По мнению большинства (64%) представителей молодого поколения, многие унаследованные от прошлого моральные ценности приобретают зачастую характер анахронизмов, разделять которые означает обречь себя на неуспех. Вследствие этого, молодежь показывает более снисходительное отношение ко всем «порокам» и правонарушениям. Ценностные установки современной

молодежи характеризуются установкой на пересмотр значимости некоторых социальных норм, – в направлении нравственного релятивизма. В отношении морально или законодательно осуждаемых поступков прослеживается заметный «дрейф» в направлении от осуждения к оправданию, особенно в отношении неправовых практик, которые решительно осуждает меньшая часть молодого поколения (уклонение от уплаты налогов, дача/получение взяток). Представители молодежи в представлениях о том, какие поступки никогда не могут быть оправданы более терпимо относятся к таким отклонениям от правовой или нравственной нормы, как употребление наркотиков (разница, по сравнению со старшим поколением в 12%); гомосексуализм (13%), пьянство (15%); обогащение за счет других (23%); деловая необязательность (16%), проституция (13%); уклонение от уплаты налогов (11%), дача/получение взятки (12,5%).

Более терпимо относясь к большинству публично порицаемых поступков, молодое поколение также характеризуется слабым и поверхностным представлением об основных правах и обязанностях человека, незнанием основных норм и принципов отдельных отраслей права (юридической безграмотностью). Исследование особенностей развития правосознания российской молодежи показало, что более четверти (31%) опрошенных затруднились дать определение тому, что в их понимании есть правовое государство [2]. Значительная часть представителей молодого поколения имеют нетвердые знания о том, какие права и свободы закреплены в Конституции РФ и выбирали очевидные неверные ответы, противоречащие нормам демократического государства. Знание различных норм права, имеющих большое значение для повседневной жизни и социализации молодежи, можно оценить как противоречивое, и, зачастую, поверхностное.

Молодежь весьма скептически оценивает свои возможности влияния на положение дел в стране, что приводит к меньшей, по сравнению со старшим поколением гражданской активности молодых людей, и распространенности социального патернализма. Гражданская активность молодежи традиционно отличается невысокими показателями, – например, в такой форме выполнения гражданского долга, как участие в выборах. Среди возрастной группы 18-30 лет в выборах депутатов Государственной думы 2007 г. участие принимали всего 47% лиц этого возраста, что значительно ниже электоральной активности старшего поколения (ок. 67%) [3].

Большинство (68%) молодежи считают, что у нее нет возможности влиять сегодня на политику государства, нет возможности доносить свои интересы до власти и отстаивать их. В условиях слабого развития самоорганизации молодежи и ее низкой по сравнению со старшим поколением гражданской

активности получает распространение патернализм, заключающийся в ожидании от государства принятия на себя всех забот о благоденствии своих граждан; значительная доля представителей молодого поколения (44%) в своих ожиданиях и надеждах хочет опираться на государственную поддержку, ожидая решения многих своих проблем от государства [3].

Молодежь, как и россияне в целом, позитивно воспринимают идеи демократии и рынка, но, скорее, как декларативные ценности. Демократия как совокупность институтов, правил и процедур пока воспринимается явно недостаточно, а фактические проявления капиталистической модели развития воспринимаются почти однозначно отрицательно. Массовое разочарование в реформах 1990-х гг. привело к обесцениванию формальных институтов демократического государства и правовому (и этическому) нигилизму и релятивизму, породило в обществе заметную тягу к «сильной руке» (порядку) и справедливости. Исследователи, прослеживают следующие этапы изменения отношения к «Западу»: от обожания и символизации западной жизни как идеальной в эпоху Горбачева к социальному согласию в 1991 г., когда Запад воспринимался как образец социальной организации до появления во второй половине 90-х гг. растущего скептицизма и идеализации российских традиций «великодержавности» [11, с. 25].

Объективно оценивая ценностные ориентации современной молодежи, не следует ожидать естественного и скорого социокультурного ценностного сдвига, который привел бы к кардинальному изменению общества и перехода на путь устойчивого развития в соответствии с утверждаемой в стране рыночно-демократической моделью.

Литература

1. Афанасьев Ю.Н. Россия – несовременная страна // Свободная мысль. 2004. №11. – С. 7-8.
2. Гордеев К.А. Правосознание современной российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. №5 (93) 2009. – С. 164-179.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения. №1 (95), январь-февраль 2010. – С. 6–43.
4. Дискин Е.И. Революция против свободы: Дискуссия о реформах Александра II и судьбе государства – М.: Европа, 2007.
5. Дойч К. Рост наций//Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Прусаускас. – М.: УРАО, 2000.

6. Зильберман Д. Б. Традиция как коммуникация: Трансляция ценностей, письменность // *Вопр. философии*. 1996. № 4. – С. 76-105.
7. Зиновьев А.А. Запад. – М.: Центрполиграф, 2000.
8. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000.
9. Кутковец Т., Клямкин И. Нормальные люди в ненормальной стране // *Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов*. – М.: КоЛибри, 2005. – С. 50-57.
10. Львов С.В. Образы бедности и богатства в российском общественном сознании // *Мониторинг общественного мнения*. 2007. № 1 (81). – С. 34–44.
11. Омельченко Е., Пилкингтон Х., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е. *Глядя на Запад Культурная глобализация и российские молодежные культуры*. – СПб.: Алетейя, 2004.
12. Пантин В.И., Лапкин В.В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 2. – С. 144-160.
13. Петухов В.В. Динамика мировоззренческих и идеологических установок россиян // *Мониторинг общественного мнения*. 2008. № 1 (85). – С. 48-49.
14. Романов В.Л. *Социальная самоорганизация и государственность*. – М.: Изд-во РАГС, 2000.
15. Самсонов В.В., Зазулина М.Р. *Стратегии самоорганизации российского сельского социума: история и современность*. – Новосибирск: Манускрипт, 2012.
16. Федотова В. Русская апатия как противостояние хаосу // *Политический класс*. 2005. №1. – С. 41-52.
17. Штомпка П. *Социология социальных изменений / Пер. с англ.: под ред. В.А. Ядова*. – М.: Аспект Пресс, 1996.

Сергеев В.П.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЯВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ

Взаимоотношения региона и центра проявляются во многих аспектах. Существенной частью этого процесса являются государственно-церковные отношения. На первый взгляд может сложиться впечатление, что они строятся

в русле общей государственной религиозной политики. Но на самом деле социальная природа государства вынуждает его непрерывно и тщательно отслеживать все религиозно-общественные процессы. Именно религиозные идеи исторически определяют идеологию и структуру власти, формы государственного устройства и проч. При этом религиозные процессы, отличаясь крайним разнообразием, носят некоторые устоявшиеся в пределах региона формы, поэтому реальная религиозная политика носит ярко выраженный региональный характер.

На современном этапе сложился гигантский объем знания в этой области. Имеется мощный пласт историографической литературы регионального характера, посвященный исследованию государственно-церковных отношений во многих аспектах. К сожалению, в рамках данной статьи не представляется возможным предложить приблизительную оценку, поэтому автор предлагает познакомиться с рядом своих работ посвященных анализу и классификации исследований государственно-церковных отношений как центральной, так и региональной литературы [1, 4, 8, 12]. Одним из результатов изучения оказался интересный парадокс, что наименее проработанным остается участок исследований о влиянии религиозно-общественных явлений на государственно-церковные отношения, хотя с точки зрения государства именно это направление должно представлять главный интерес. Наиболее контрастно проблема заметна в период Советской власти, когда государство, проводя непопулярную антирелигиозную политику, вынуждено было постоянно отслеживать настроение общества и адекватно корректировать свои действия. Например, постановление пленума ЦК РКП(б) (1921 год) говорит о необходимости «внимательно изучить все изменения, какие проходят в широких крестьянских и рабочих массах в их отношении к религии...» [2, с. 278-280] и «...принять меры к предотвращению эксцессов, вызывающих озлобление широких масс верующих...» [3, с. 369]. Во время кампании по изъятию церковных ценностей в Уфе Башкирское НКВД руководствовалось секретными инструкциями от 19 и 22 марта 1922 года, которые принципиально разделяли политику и форму изъятия ценностей центральных губерний и остальных регионов. В связи с возможным религиозно-общественным противодействием политика на периферии выглядела значительно мягче, чем в центральных областях. Принципиально исключалась агитация против религии и церкви. Разрешалась деятельность общественных комиссий помощи голодающим, в которых требовалось учитывать национальный состав. Кроме этого, признавалось полезным участие священников, с которыми допускались переговоры о выкупе некоторых ценностей [6, л. 10].

Таким образом, влияние религиозно-общественной жизни на государственную политику в регионе выражалось в самых конкретных и практических вопросах. В материалах, отложившихся в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦГИА РБ) можно проследить непосредственные действия местных государственных органов (БашЦИК, НКВД и проч.) в самой переписке с приходскими советами. В частности, в заявлениях верующих всегда содержится определенная аргументация. А мотивация власти прослеживается в резолюциях и удостоверениях, выданных в ответ на эти просьбы. Конечно, упомянутого материала недостаточно и требуется более широкое изучение на материалах других регионов, однако в общих чертах прослеживаются и структура и состав явления [4].

Так, с позиции интересов государства мотивация исполнительных органов структурно выражалась в нескольких условных, группах: массовость, идеологичность, традиционность и чрезвычайность, состав которых представляет собой конкретные аргументы, с помощью которых верующие добивались положительного решения.

Наиболее полно в данном архиве представлен материал в отношении проведения многодневных крестных ходов, которые порой продолжались в течение года. Ситуация с крестными ходами не столь безоблачна, как это может показаться. Крестные ходы постоянно подвергались преследованию, так в 1918 году были расстреляны массовые крестные ходы в Туле, Харькове, Шацке. В период “Военного коммунизма” они попадали под действие ряда инструкций [5], которые и в последствие не были отменены. Поэтому мотивы, которыми руководствовались большевики, положительно реагируя и поддерживая многочисленные крестные ходы, представляют собой важный определяющий фактор:

Ссылка на массовость проявляется во многих документах. Главным аргументом являлся факт обращения приходских общин верующих. С просьбами о проведении наиболее важных крестных ходов от имени большого числа общин обращался Уфимский епископ Иоанн (Поярков) [7, л. 13]. Большое значение имела также популярность святыни, с которой совершался крестный ход. Например, о Николо-Березовской чудотворной иконы святителя Николая владыка писал как о “многочтимой верующими” [7, л. 12]. Массовость явления, например, позволила расширить крестный ход с Уфимско-Богородской иконой Божией Матери в 1924 году, с Николо-Березовской иконой в 1926 году и другими крестными ходами [8].

Идеологические мотивы поддерживались верующими весьма яркой аргументацией. Это было не только необходимым выражением лояльности

к новому режиму, но и существенным образом относилось к содержанию религиозного учения, точнее, к тому насколько оно совпадает принципам социальности гражданского общества, правовыми положениями и идеологии государства. Достаточно контрастно эти аргументы проявляются в период активизации обновленчества. В воззваниях или в заявлениях излагается идеология религиозной группы, обосновывается соответствие ее государственной идеологии, а порой даже целям и задачам коммунистической партии. Например, представители Уфимского обновленчества в своем заявлении от 24 июня 1926 года опирались на приверженность идеям Советской власти. Они утверждали, что крестные ходы с чудотворными иконами способствуют воспитанию верующих как лояльных граждан честно и добросовестно выполняющих обязанности перед Советской властью. В результате добились полного контроля над крестными ходами с 7-ю чудотворными иконами [7, л. 38]. В воззвании за № 2074 от 10 декабря 1924 года Уфимский епископ Иоанн (Поярков) староцерковного направления говорит, что: «Самодержавие было капищем 3-х идолов а «Гроза Революции» блистала молниями Высшей правды». Поэтому священникам предписывалось прекратить всякое противодействие начинаниям Советской власти, устранить из приходских правлений представителей капитализма и согласовать церковно-приходскую школу с воспитанием без религии [9, л. 131 об.]. Другие течения, такие как автокефалисты, также не упускали возможность использовать идеологические аргументы. Например, они указывали на то, что “все члены общины по преимуществу рабочие и не могут оставить свою ответственную работу в неудобные для нас часы” [7, л. 35]. В этой же группе содержатся аргументы, выражающие фактическую степень соответствия, которая отражалась упоминанием законов или инструкций типа “основанием для нашего прошения является циркуляр НКЮ от 25 августа 1924 года за №46” [7, л. 31об.].

Традиционность также является существенным мотивом представителей власти, поскольку позволяла не только иметь представление о явлении, но можно было вполне уверенно прогнозировать его развитие. Поэтому аргументация верующих в этом направлении также являлась основанием для получения разрешений на проведение крестных ходов или всенародных молений. Формулировки типа “по примеру прежних лет” [7, л. 31об.] достаточно часто встречаются в обращениях в середине 20-х годов. К началу 30-х такие аргументы становятся более подробными. Например, Уфимский епископ Иоанн (Поярков) в январе 1928 года ссылается на то, что с «древне-чтимой и явленной» иконой мученицы Параскевы Пятницы крестный ход совершался в Уфимском районе уже более 100 лет. В другом месте он же

пишет о чудотворной Смоленской иконе Божией Матери, почитаемой еще с начала XVII века, крестный ход с которой совершался более 70 лет [10, л. 18, 22-23].

Чрезвычайная группа факторов мотивации характерна для особых случаев, когда государство становится напрямую заинтересовано в религиозной активности общества. Обыкновенно это происходило в периоды масштабных бедствий: засуха, голод, холера и проч. когда юридическое принуждение теряло свой смысл. Так, в 1921 году в феврале разразился страшный голод, охвативший в Башкирии 2,5 млн. человек [11, с. 237]. Прихожане Успенской церкви города Уфы проводили крестный ход с иконой Божией Матери «Утоли моя печали». Используя аргументацию «в память избавления от голода», получали разрешение властей на его совершение с 12 по 24 июля в 1925 году. В том же году священники Покровской церкви города Уфы добились разрешения от Башкирского ЦИКа на совершение крестного хода по зараженным районам Башкирии по причине широкой эпидемии. Крестный ход, начиная с 30 ноября, мог продолжаться 12 месяцев. Интересно то, что при этом властями оговаривалось, что в районах, не пораженных болезнью, крестный ход мог продолжаться не более 2-3 месяцев [7, л. 24, 44].

В период очередного обострения антирелигиозной политики в 1928-33 годах эта аргументация позволяла сохранять открытые формы религиозно-общественной активности, среди которых наибольшее влияние продолжали оказывать крестные ходы. В декабре 1927 года на XV съезде партии Сталин И. В. стал настойчиво требовать активизировать широкую антирелигиозную работу, которая в апреле 1928 года уже превратилась в “боевую антирелигиозную работу на местах”. Однако в мае верующими было получено разрешение на совершение 10-ти многодневных крестных ходов, которые охватывали почти все районы Уфимской епархии. В сентябре 1928 года власти пытались закрыть часть крестных ходов, но поскольку такие распоряжения повсеместно встречали бурное возмущение, властям пришлось отменить большую часть своих предписаний. В период активного закрытия храмов староцерковники и обновленцы совместными усилиями добиваются разрешения на проведение крестных ходов, последние из которых проводились с августа 1932 года – до конца февраля 1933 года по городу Уфе «без церемоний» [12].

Разумеется, представленная здесь аргументация далеко не исчерпана, и предложенные группы мотивации можно рассматривать как первичное обобщение. Однако выявленные факторы позволяют говорить о том, что они содержат единый характер социальной направленности, поскольку большинство аргументов являлись, по сути, отражением проблем

части общества. Из этого можно сделать вывод о том, что, несмотря на антагонистическое противостояние мировоззрения большевиков и Церкви, на регионально-практическом уровне между Церковью и Государством возникает единство взглядов в социальной плоскости. Вероятно, по этой причине, а также под влиянием многоконфессиональности и межнациональных проблем в Башкирской автономной республике большевикам приходилось значительно корректировать свою антирелигиозную политику. Это объясняет высокую активность религиозно-общественных явлений даже в периоды усиления репрессий. Эти выводы могут быть весьма актуальны в условиях демократического государства и поэтому требуют более пристального изучения во избежание парадоксальных ситуаций, когда моделирование государственно-церковных отношений строится без учета основных причинно-следственных связей.

Литература

1. Сергеев В.П. К вопросу классификации исследований государственно-церковных отношений // Современные проблемы изучения истории Церкви. Международная научная конференция: Тезисы докладов. – М.: МГУ, 2011. – С. 221-224. Особенности формирования Государственно-церковных отношений в Уфимской епархии в период 1918-1959 гг. Журнал “Современная наука” №1 (4) 2011. СПб.:2011. – С. 126-130.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. – М.: 1970.
3. Русская Православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. – М.: 1996.
4. Сергеев В.П. Религиозно-общественная проблематика в контексте государственно-церковных отношений // Материалы международной научно-практической конференции «Развитие гуманитарных наук». Ч.1. т. 2. Польша Познань, 2012. – С. 208-210.
5. Постановление СНК “О красном терроре” // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917-1918 гг. – М., 1942. – С. 883. Постановление Наркомюста «О порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви (Инструкция)”» // Там же. – С. 849-858. Постановление СНК “О набатном звоне” // Там же. – С. 764. Постановление Наркомюста “О ликвидации мощей” //

- Собрание узаконений и распоряжений... 1920 г. – М., 1943. – С. 504-505.
6. ЦГИА РБ Ф. Р-394. Оп. 2. Д. 9.
 7. ЦГИА РБ Ф. Р-1252. Оп. 1. Д. 775.
 8. Сергеев В.П. Крестные ходы в Уфимской епархии в первые годы советской власти // XIX ЕБК ПСТГУ. т. 1. – М.: ПСТГУ, 2009. – С. 288-294.
 9. ЦГИА РБ Ф. Р-4797. Оп. 1. Д. 2.
 10. ЦГИА РБ. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 257.
 11. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа, 1996.
 12. Сергеев В.П. Открытое почитание святых в Уфимской епархии в условиях репрессий 30-х годов. //Проблемы истории, филологии, культуры. №1(31) 2011. Москва – Магнитогорск: 2011. – С. 126-135.

Сидоров Д.В.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИМПЕРСКОГО ЦЕНТРА И ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В. (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В современных условиях совершенствования формирования бюджетов органов местного самоуправления, выстраивания системы межбюджетных отношений различных уровней государственного управления особую значимость приобретает изучение истории становления и развития системы финансового взаимодействия на уровне «Имперский центр-Губерния».

Одними из основных источников подобных исследований могут служить фонды местных органов финансового контроля. В Государственном архиве Костромской области (далее – ГАКО) это фонд 201 «Костромская контрольная палата», фонд 200 «Костромская казенная палата».

В материалах фондов сосредоточены указы и циркуляры Правительствующего сената, Министерства финансов, Государственного банка, документы о движении кредитов по сметам министерств внутренних дел, путей сообщения, военного, канцелярии Главного управляющего землеустройством и земледелием. Весьма существенны и значимы отчеты Костромской казенной палаты о доходах казначейств.

Лейтмотивом осуществления всей системы финансового взаимодействия в начале XX в. можно назвать «Руководство при расходовании кредитов сметы Департамента Государственного казначейства, открытых отдельно на каждый месяц 1901 г.», преподанное Департаментом Государственного казначейства Главному казначейству, Казенным палатам и Якутскому областному правлению: «кредиты открыты в размере действительной надобности и потому должны быть расходуются особенно бережливо, таким образом, чтобы расходы января не превышали ассигнованных на этот месяц по каждому сметному подразделению сумм. А издержки каждого следующего месяца не были больше назначенных на соответствующий месяц кредита и остатка от предыдущих месяцев» [1, л. 3].

В начале XX в. в практику все более внедряется система целевого выделения средств Имперским центром. Так, например, если в 1886 г. неокладные земские сборы по разделу «государственные пособия» составляли 4,7% от общей суммы доходов, то в 1903 г. – 33,89 %. [2, л. 5; 3, с. 5; 4, с. 4.]

По сообщению канцелярии губернского по земским и городским делам присутствия от 11 февраля 1910 г. «в счет безвозвратного пособия в 301.000 р., отпущенного по Высочайшему повелению 1 мая 1903 года», Департаментом Гражданской отчетности ежегодно выделялись средства на «нужды губернского земства» [5, л. 81].

В феврале 1908 г. департамент гражданской отчетности уведомил Казенную палату, что «Главным Казначейством отосланы почтой через С.Петербургскую Контору Государственного Банка в г. Кострому в ведение местного губернатора 30000 р. для выдачи губернскому земству на постройку психиатрической лечебницы» [5, л. 70].

За последующие месяцы 1908 г. суммы по депозитам Министерства Внутренних дел составили: [5, л. 75-75 об.]

Время записи на приход по книге банковской кассы	Кому и на какой предмет деньги отосланы	Сумма Руб.
11 июля 1908	Костромскому губернатору для выдачи губернскому земству на расширение дела призрения душевнобольных	5000
01 августа 1908	Костромскому губернатору на покрытие расходов по устройству психиатрической лечебницы	15000

19 декабря 1908	Костромскому губернатору для выдачи губернскому земству в окончательную уплату пособия за 1908 г. на расширения дела призрения душевнобольных	30000
09 октября 1908	Костромскому губернатору для выдачи губернскому земству в безвозвратное пособие на расширение дела призрения душевнобольных	10000

По отчетам Костромско-Ярославского управления Земледелия и Государственных имуществ «участие казны по развитию и улучшению сельского хозяйства выражалось в выдаче пособий на меры культуры кормовых растений, на развитие травосеяния, на развитие обществ птицеводства и пчеловодства... В общем израсходовано на эти предприятия 27897 руб. 12 коп. На животноводство в 1910 г. казною израсходовано в пособие земствам 11938 руб. 85 коп. Какие суммы израсходовали на эту сумму земства Управлению неизвестно.

На содействие кустарной промышленности выдано Костромской губернской земской управе 17000 руб. на устройство сырьевых складов, Кинешемской уездной земской управе 8000 руб., на устройство кустарной выставки». [6, л. 15-15 об.]

Освоение выделяемых государственных средств не всегда происходило в установленные сроки. В документах Костромской казенной палаты сохранились сведения о возможности продления сроков использования выделяемых средств: «С разрешения Товарища Министра финансов и на основании п.3 ст VI Высочайше утвержденного журнала Департамента Государственной экономики Департамент Государственного казначейства поручает Казенной палате действие состоящих на счетах их кредитов сметы Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей 1909 г. по ст. 1 (постройка и приспособление зданий казенных заводов, складов и других сооружений и покупка недвижимых имуществ/ и по ст. 3 /оборудование, изготовление, приобретение и ремонт аппаратов, приборов и другого движимого имущества/, как кредитов строительных, продлить по 31 декабря 1910 года». [7, л. 9.]

Следует отметить, что отдельным циркуляром от 23 января 1908 г. Департамент государственного казначейства Министерства Финансов с целью более эффективного использования целевых государственных пособий

указывал «губернским распорядителям», что «в случае недостатка кредита, открытого по одной и излишка по другой литеры действующей сметы Департамента, передвижение штатных кредитов между литерами одной и той же статьи может производиться распоряжением управляющего Казенной палатой». [8, л. 3.]

Между тем, соблюдалась строгая отчетность при расходовании государственных средств: «Костромское отделение Государственного банка имеет честь препроводить ведомости одиннадцати подотчетных казначейств и копии с приходорасходных книг Костромского казначейства. При чем отделение удостоверяет, что все показанное в копиях приходорасходных книг и в ведомостях обороты оправдываются полученными из казначейства документами и по некоторым счетам, согласно установленным правилам ведомостями и записками казначейств» [9, л. 69].

В начале XX в. финансовые потоки осуществлялись не только в направлении исполнителей в губерниях, но и в обратном.

Департамент гражданской отчетности своим циркуляром от 23 июня 1904 г. указывал контрольным учреждениям, что «в целях облегчения государственному казначейству возможности успешно удовлетворять предъявляемые к нему во время настоящей войны требования Государственный совет признал желательным установить Фонд на счет имеющихся в разных ведомостях средств и капиталов. Разработку и предположение сего предположения Государственный совет возложил на Министерство финансов и Государственный контроль.

Имея ввиду, что значительное восполнение государственному казначейству могут оказать партикулярные суммы, которые за истечением земской давности или по другим основаниям подлежат обращению в доход казны, Его превосходительство Государственный контролер изволил приказать поручить контрольным учреждениям:

1. Принять немедленные меры к безотлагательному перечислению означенных сумм в доход казны.

2. Доставить Департаменту Гражданской отчетности сведения по каждому распорядительному ведомству об общих суммах депозитов, об общей сумме, которая будет переведена в доход казны из депозитов по соглашению с распорядительными ведомствами, сведения о всех суммах, хранящихся в депозитах. А также итогов, что из этих капиталов, по мнению контрольного учреждения, могло быть обращено в доход казны» [10, л. 9].

За период 1904 г. в доход казны были переведены следующие суммы [10, л. 11]:

Наименование учреждения	Сумма	
	руб.	коп.
Директор промышленных училищ им. Ф.В. Чижова	9254	14
Директор народных училищ по Костромскому уезду	97	27
Директор народных училищ по Юрьевецкому уезду	3618	46
Городские судьи города Костромы		
1 участка	1215	39
2 участка	1461	21
Тюремный комитет	15	32
Костромской уездный член окружного суда	17865	27
Костромское городское училище	155	00
Костромской окружной суд	175995	78
По Буйскому уезду	4049	87
По Галичскому уезду	634	71
По Варнавинскому уезду	1203	83
По Ветлужскому уезду	1559	31
По Кинешемскому уезду	4662	43
По Кологривскому уезду	397	38
По Макарьевскому уезду	3481	32
По Нерехтскому уезду	5028	36
По Солигаличскому уезду	130	72
По Чухломскому уезду	3754	42
По Юрьевецкому уезду	1028	21
Варнавинское городское училище	2599	39
Ветлужский уездный член окружного суда	2919	18

Костромское губернское земское собрание отдельным постановлением от 28 февраля 1904 г. «ассигновало на военные надобности, вызванные войной с Японией 300000 руб. с позаимствованием таковых из страхового капитала сроком на 10 лет из 4% годовых наличными деньгами» [12, л. 1].

Подводя итог, следует отметить, что финансовое взаимодействие «Имперский центр – губернии» в начале XX в. все более приобретало целевой характер, с присущей ему системой выделения, распределения и отчетности средств. В тоже время возникающие государственные потребности в масштабе всей Российской империи вызывали необходимость корректировки государственных смет и в обратном направлении.

Литература

1. ГАКО. Ф. 200. Оп. 5. Д. 740.
2. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 571.
3. Сметы и раскладки Костромского губернского земства на 1898 г. – Кострома, 1898.
4. Сметы и раскладки Костромского губернского земства на 1906 г. – Кострома, 1909.
5. ГАКО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 61.
6. ГАКО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 298.
7. ГАКО. Ф. 200. Оп. 5. Д. 778.
8. ГАКО. Ф. 200. Оп. 5. Д. 755.
9. ГАКО. Ф. 200. Оп. 5. Д. 800.
10. ГАКО. Ф. 201. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1 канц. Д. 597.

Сизоненко З.Л.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ СТРУКТУР ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К СОВРЕМЕННОМУ

В социальной истории России в качестве теоретико-методологической основы исследований выступал социально-конструкционистский подход, включающий теорию социальных проблем, в рамках которого социальные проблемы рассматриваются как зависимые от восприятия и интерпретации наблюдателя. То, что было предложено в науке в конце двадцатого века европейскими социологами П. Бергером, Т. Лукманом и А. Шюцем, в России нашло применение еще за два столетия ранее, но с одной лишь оговоркой: если европейцы рассуждали о социальной активности субъекта-

современника, то в России речь идет о социальном конструировании ... прошлого. Россия – единственная страна с «непредсказуемым прошлым». И в наше время: социальная статистика «грешит» старыми проблемами – неопределенных «плавающих» индикаторов, некорректности чиновников, либо дезинформацией с целью манипулирования сознанием людей в политических интересах. Поэтому даже при кажущемся обилии информационных источников довольно сложно объективно оценить факторы и масштабы трансформации семейных структур при переходе от традиционного общества к современному.

Несмотря на отсутствие социологических исследований, по историческим сведениям возможно выделить некоторые характеристики традиционной российской семьи. Термин «традиционная семья» появился в дополнение к «традиционному обществу», под которым в свою очередь принято понимать общество, управляемое традицией. В российской традиции укоренились патриархальность, патрилокальность и патрилинеальность, то есть доминирование отца, мужчины практически во всех сферах и по всем ключевым вопросам жизнедеятельности, в том числе и семейной: власть отца, мужа, как главы семейства, проживание молодой семьи в доме родителей мужа, наследование имущества, фамилии, отчества, религиозного, этнического и социального статуса прежде всего по отцовской линии. Соответственно и традиционная семья отличалась наличием жесткой иерархии в семейной структуре.

В рассуждениях о патриархальности принято ссылаться на «Домострой» как первоисточник, где прописана главенствующая роль мужчины – отца семейства. В итоге на уровне обыденного сознания в обществе сформировался гендерный стереотип, согласно которому патриархальная традиция считается доминирующей, а власть мужчины предполагает еще и априорное право на применение насилия. «Жена до убьется мужа своего» – фраза из «Домостроя», ставшая по сути его визитной карточкой. Между тем, если обратиться к самому первоисточнику, можно обнаружить несколько иное толкование роли мужчины.

В «Домострое» прописаны не только права супругов, но и, что принципиально важно, обязанности, в том числе права матери, жены, а также обязанности отца, мужа. «Домострой» в современном понимании – энциклопедия домашнего хозяйства и семейной жизни. Она содержит полезные рекомендации по обустройству жилища, ведению хозяйства, а также наставления членам семьи для поддержания нормального функционирования семейной системы, в составе которой не только объединенные узами супружества, родительства и родства индивиды, но и челядь – крестьяне,

занятые в данном хозяйстве. По отношению к последним также прописывались определенные обязанности главы семьи и его супруги.

В традиционной семье господствовали отношения власти и подчинения, но властвующему вменялось иметь не только права и привилегии, но и определенные обязанности по отношению к подчиненным. При этом невыполнение обязанностей главы семьи осуждалось, порицалось и каралось не юридическими формальными санкциями, а «божьей карой». В свою очередь за уклонение от выполнения обязанностей или ненадлежащее их исполнение детьми и женой предполагалось вполне земное наказание в виде побоев или заточения в темницу.

Еще одна характеристика традиционной семьи, выделяемая социологами и демографами, – многодетность. Переход к современной семье означал разрушение норм многодетности и популяризацию малодетного или даже бездетного образа жизни. Из чисто экономических причин называется урбанизация, развитие промышленного производства и сокращение ручного аграрного труда. Соответственно под традиционной понимается семья в доиндустриальном обществе, а современной – в индустриальном.

П. А. Сорокин еще в начале XX века в статье «Кризис современной семьи» писал: «Еще по Судебнику 1550 года дети за всякую жалобу на родителей наказывались кнутом «нещадно». Это значит, государство признавало за родителями полную власть и не считало для себя возможным вторгаться в их отношения. ... Как бы плохо ни было детям, они должны были подчиняться. А в силу этого связь родителей и детей, как бы плоха она ни была, существовала, если недобровольно, то принудительно. Был «клей», склеивавший все трещины этой связи и поддерживавший плохо сколоченную семейную храмину» [4]. Заслуга П. А. Сорокина заключается не только в аналитическом прогнозе социальных трансформаций, но и в критическом восприятии традиционной семьи. Нормы многодетности, характерные для семьи в прошлом, зачастую идеализируются социологами и демографами, особенно в сложной демографической обстановке современной России.

Согласно историческим данным, в дореволюционной России (период конца XVIII – первой половины XIX века) был очень высоким уровень брачности: никогда не состоявшие в браке до 60 лет составляли примерно 1% от всего населения (это фактически совпадает с количеством слепых, глухих, глухонемых и психически больных людей, т.е. инвалидов) [3, с. 172]. Разводы, судя по статистике, были несчастным явлением, однако некоторые документы свидетельствуют о распространенности неформальных разводов, когда супруги фактически не проживали вместе или вступали в новые

брачные отношения без каких-либо санкций ввиду отсутствия средств на их оформление. Интересный анализ приводит автор монографии по социальной истории дореволюционной России Б. Н. Миронов: «Если суммировать наши наблюдения над жизненным циклом типичной русской женщины в фертильном возрасте от 16 до 49 лет, вступившей в брак и прожившей с мужем до конца репродуктивного периода (до 49 лет), то на рубеже XIX-XX вв. из 33 лет она проводила в девичестве 6 лет, в замужестве – 25 лет, во вдовстве – 2 года, в разводе – 2 недели» [3, с. 177].

Однако со второй половины XIX века в России наблюдается медленное снижение брачности, начиная с городского, затем и среди сельского населения, преимущественно в густонаселенных черноземных районах. Ученые объясняют эти изменения «аграрным перенаселением, падением благосостояния и начавшимся изменением демографического менталитета». Уже в 1864 г. доля холостых и девиц в С.-Петербурге достигла 35 % [3, с. 177]. Увеличился и возраст вступления в брак: 25-30 лет в городах, 23-25 – в сельской местности. К концу XIX века традиционная модель брачного поведения россиян начинает меняться и приближаться к европейской.

До середины XIX века высокий уровень брачности детерминировал и высокую рождаемость: русская женщина в среднем рожала в течение жизни 8-10 раз. Рождаемость незначительно различалась по сословиям, исключение составляли лишь чиновники: судя по имеющейся статистике, ввиду ограниченности материальных ресурсов (достаточно скромного жалования) они вступали в брак в достаточно зрелом возрасте (либо вовсе не обременяли себя брачными узами) и имели меньшее, чем в других сословиях, количество детей [3, с. 179]. В целом, в дореволюционной России условия жизни не благоприятствовали качественному воспроизводству населения.

«Рекордная» рождаемость сопровождалась высокой младенческой смертностью, непреднамеренным (иногда и преднамеренным, если ребенок рождался вне брака) детоубийством, невежеством матерей в плане медицинского и элементарного гигиенического ухода за детьми, обуславливающим слабое здоровье и репродуктивный потенциал последующих поколений. «Ни одно общество, ни одна самая развитая экономика не в состоянии прокормить то огромное число детей, которое рожали русские женщины в течение XVIII-начала XX в., если бы дети не умирали тоже в огромном количестве. ... До 5 лет доживало всего 57 % новорожденных отмечал в 1916 г. врач-демограф С.А. Новосельский в «Обзоре главнейших данных по демографии и санитарной статистике России» [3, с. 199].

Деторождение в дореволюционной России можно смело назвать «детопроизводством» – привычным женским занятием, фактически ежегодно

повторяющимся 8-10 раз в среднем в течение жизни. Неудачные роды воспринимались также как рядовое событие, означавшее неумение женщины выносить ребенка, но никак не отсутствие условий для нормальной беременности. Рожденный живым ребенок проходил естественный отбор: новорожденный выживал только при наличии природного здоровья, выносливости и при удачном стечении обстоятельств, препятствующих его смерти. «Это была какая-то адская машина: дети рождались, чтобы умереть, и, чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось. Высокая рождаемость провоцировала высокую смертность, и наоборот...» [3, с. 199]. Дети умирали прежде всего от голода и истощения. «Детство» фактически заканчивалось в 5 лет, а в возрасте 15-17 лет (а то и ранее) создавалась уже собственная семья [3, с. 167]. Такое отношение к детям отмечается не только в дореволюционной России: по данным историков, в средневековой Европе вплоть до XVI века детоубийство или равнодушное отношение к ребенку, в результате которого ребенок мог умереть, считались нормальными явлениями [2].

Ситуация начинает меняться лишь к концу XVI века: с уменьшением детности семьи формируется новое, более внимательное, заботливое отношение родителей к детям. Ученые объясняют трансформацию родительских ролей повышением общей культуры населения, формированием системы образования, здравоохранения вследствие развития науки, технического прогресса.

В России к началу XX века рождаемость значительно снижается в дворянском сословии, менее значительно – среди купцов и мещан, незначительно – среди крестьян. По некоторым данным, среди крестьян рождаемость даже увеличилась (есть предположение, что это связано со снижением смертности) [3, с. 191]. Несовершенство статистического учета не позволяет располагать объективной информацией по данному показателю. Стремление к ограничению рождаемости объясняется учеными фактом распространения контрацептивов и физиологических методов предотвращения беременности. Однако противозачаточные средства были доступны, как правило, только состоятельным женщинам, в крестьянской же среде применялись весьма несовершенные методы, в том числе аборты, осуждаемые, в свою очередь, священнослужителями и даже уголовно наказуемые. К началу XX века в России вследствие повышения уровня образованности населения, введения бесплатных медицинских услуг наблюдается постепенное снижение показателей смертности и увеличение продолжительности жизни.

Традиционная многодетная семья в российской сельской глубинке отнюдь не являла собой образец благополучия: низкий уровень жизни, огра-

нические продовольственные и хозяйственные ресурсы, отсутствие медицинского обслуживания, комфортабельного (в соответствии с развитием общества) жилья и каких-либо возможностей для реализации творческого потенциала, получения образования и расширения кругозора. Характеристики идеальной традиционной семьи были представлены в «Домострое»: благочестивый муж, хозяин, проживающий в комфортабельном доме, ухоженном и прибранном усилиями его и всех домочадцев, но прежде всего хозяйкой дома – женой, воспитанные дети, послушная челядь и престарелые родители, с благодарностью и честью принимающие помощь сына. Но все это при условии, что «от Бога» дана добрая жена и соответственно ею рождены (опять же с «Божьей помощью») послушные дети. Такая семья, как свидетельствуют немногочисленные документы, фактически не существовала.

Не было идеальных семейных отношений ни в дворянских семьях, ни в купеческих, ни, тем более, в крестьянских. Дворянские семьи отличались от крестьянских менее изнурительным трудом и чуть менее жесткими нравами: детей наказывали, но не так жестоко, глава семьи временами демонстрировал «просвещенный абсолютизм» при реализации властных полномочий, данных ему априори по нерушимой традиции. Практически до середины XIX века сельский уклад жизни господствовал и в городах (они были по преимуществу аграрными), соответственно и бытовые условия жизни крестьян, купцов, мещан и дворян различались не радикально.

Что касается структуры традиционной российской семьи и семейных отношений, то здесь принято говорить о распространенности сложносоставной семьи в сельской местности. Существует стереотип, согласно которому с сокращением детности семьи уменьшается ее состав и упрощается структура до стадии нукlearной, состоящей из родителей и детей на их иждивении. Однако в научных исследованиях по социальной истории приводятся данные, опровергающие этот тезис. В «Социальной истории» Б.Н. Миронова называется пять форм семейной организации [3, с. 219-220] согласно типологии, принятой в исторической демографии:

- 1) семья, состоящая из одного человека;
- 2) группа родственников или неродственников, не образующих семьи, но ведущих общее хозяйство;
- 3) простая малая, или нукlearная, семья, состоящая только из супругов или супругов с неженатыми детьми;
- 4) расширенная семья, включающая супружескую пару с детьми и родственников, не находящихся друг с другом в брачных отношениях;
- 5) составная семья, состоящая из двух или более супружеских пар

(сюда входят также и большие патриархальные отцовские или братские семьи, которые включают несколько поколений одного предка, образующих 3-5 и более супружеских пар, объединяющих 15, 20, 30 и более человек).

При этом автором отмечаются сложности, связанные с определением доминирующего типа в крестьянской среде. Ряд исследователей склоняются к гипотезе о преобладании малой (нуклеарной) семьи, однако к ним могли быть отнесены и составные семьи с родителями и женатыми детьми (без собственных детей). Имеющиеся статистические данные подтверждают приоритет многопоколенной составной семьи, объединенной общим домохозяйством и управляемой старшим мужчиной в роду. В состав семьи могли входить и неродственники (прислуга, работники, подмастерья), учтенные статистикой как члены домохозяйства. Составная семья необязательно проживала в одном доме, это могли быть разные постройки, объединенные одним двором. Таким образом, традиционная семейная организация представляла собой хозяйственную общность во главе со старшим мужчиной в роду, объединяющую несколько супружеских пар, их детей, челядь, земельный надел и двор. В отношениях доминировала жесткая возрастная и половая иерархия, в соответствии с которой женщины и дети выступали в качестве воспроизводящего и воспроизводимого ресурса. «Лошадь в хозяйстве ценилась выше, чем жена» [3, с. 237].

Со становлением промышленности, ростом городов в крестьянской среде практикуется отходничество – уход с целью заработка в другие населенные пункты. Изначально на заработки отправлялись мужчины, но к концу XIX века отхожими промыслами занялись и женщины, чаще незамужние, так как замужним все же предписывалось получить разрешение мужа, в противном случае ей могли не выдать «загранпаспорт» (документ, разрешающий право выезда из своего населенного пункта и удостоверяющий личность). В итоге сокращалась детность семьи, ослабевала власть «патриарха», а молодые супружеские пары стремились к отделению от большой семьи. К началу XX века в крестьянской среде увеличивается количество малых (нуклеарных семей).

Ведущие российские специалисты в социологии семьи А.И. Антонов и В.М. Медков, обобщая отличительные черты традиционных и современных моделей семьи, выделяют десять наиболее значимых [1, с. 106-108]:

1. Родственно-семейный принцип организации жизни в традиционной семье, приоритет ценности родства над экономической выгодой и рационализмом.

2. Семейное домохозяйство как главная экономическая единица аграрного общества.

3. «Размежевание дома и внесемейного мира» в современной семье.
4. Наследуемый статус детей при традиционализме.
5. «Система семьецентризма» уступает место системе «эгоцентризма», характерного для современной семьи.
6. Переход к децентрализованным нуклеарным семьям, доминирование интересов супружеской пары в современной семье.
7. Возможность развода по причине межличностной несовместимости супругов в отличие от патриархальной традиции расторжения отношений исключительно по воле мужчины (речь идет именно о российской традиции).
8. Возможность самостоятельного выбора спутника жизни для молодых: «переход от «закрытой» к «открытой» системе выбора супруга на основе межличностной избирательности».
9. Возможность «индивидуального вмешательства в репродуктивный цикл – предупреждение и прерывание беременности».
10. «Квинтэссенция» всех вышеперечисленных изменений – «переход к эпохе спонтанного уменьшения детности семьи».

Такого рода изменения при переходе от традиционного (доиндустриального) общества к современному (индустриальному и постиндустриальному) признаются практически всеми исследователями семейных структур. Объективные факты об изменениях в системе хозяйствования, увеличении продолжительности жизни, соответствующих изменениях в уровне и качестве жизни, процессы эмансипации и акселерации сложно отрицать. Здесь действительно произошли существенные изменения, обусловленные прежде всего достижениями научно-технического прогресса, переходом от аграрного к промышленному производству. Взгляды ученых расходятся по поводу последствий трансформации семьи: изменяется ли она в угоду интересам личности и соответственно с развитием личности продолжит свое функционирование на новом «витке» личного и общественного развития или семья постепенно исчезнет, уступая место иным формам социального воспроизводства? Это вопрос, требующий специального исследования.

Итак, традиционная семья обретает черты современной, отличительными характеристиками которой, согласно устоявшимся представлениям, являются малодетность, эгалитаризм в отношениях между супругами, родителями и детьми, свобода выбора брачного партнера, стиля и условий жизни и, как следствие, многообразие форм и типов.

Литература

1. Антонов, А. И., Медков, В. М. Социология семьи / А. И. Антонов, В. М. Медков. – М.: Изд-во МГУ: Изд-во международного университета бизнеса и управления, 1996. – 304 с.
2. Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Ф. Арьес / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.
3. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.) / Б. Н. Миронов / В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – С.-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. – 548 с.
4. Сорокин, П. А. Кризис современной семьи / П. А. Сорокин // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 1997. № 3. – С. 70.

Степанова М.П.

АНАЛИЗ ВЫРАВНИВАНИЯ УРОВНЯ БЮДЖЕТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Реализация принципа бюджетного федерализма в таком огромном по территории государстве, как Россия, не позволяет полностью решить проблему финансирования региональных расходов только лишь за счет собственных средств субъектов РФ. Напомним, что принцип бюджетного федерализма заключается в том, что административно-территориальные образования в составе государства имеют свои источники доходов и направления расходования средств. Для этого существуют различные инструменты помощи федерального бюджета нижестоящим: дотации, субсидии, субвенции и др. Разумеется, не каждому субъекту РФ требуется помощь. Так, на сегодняшний день у отдельных территорий России сложилась устойчивая репутация регионов-реципиентов. В то же время развитые в экономическом плане территории являются лидерами по многим социальным, технологическим и иным показателям. Как показывают многочисленные данные, в том числе и результаты расчетов, представленные в данной статье, к таким регионам на протяжении последних лет относятся столица России –

г. Москва, Тюменская область, город федерального значения Санкт-Петербург, Республика Татарстан.

В настоящее время в целях выравнивания уровня бюджетной обеспеченности территорий России размер дотаций субъектам РФ рассчитывается исходя из анализа ряда основных мезоэкономических показателей: численности постоянного населения региона; индекса налогового потенциала; индекса бюджетных расходов; недостающих до достижения минимально установленного уровня бюджетной обеспеченности средств и др. В итоге Минфин России определяет уровень бюджетной обеспеченности субъектов РФ до и после распределения дотаций, выделяемых из бюджета страны. В рамках данной статьи исследована степень выравнивания бюджетной обеспеченности территорий. Исходные данные для анализа были получены с официального сайта Министерства финансов РФ [1] (Табл. 1).

Таблица 1

Уровень бюджетной обеспеченности субъектов РФ в 2013 году
до и после распределения дотаций

Субъекты РФ	уровень бюджетной обеспеченности	
	до распределения дотаций	после распределения дотаций
Белгородская область	1,063	1,067
Брянская область	0,604	0,696
Владимирская область	0,582	0,616
Воронежская область	0,551	0,610
Ивановская область	0,397	0,587
Калужская область	0,936	0,942
Костромская область	0,495	0,600
Курская область	0,616	0,644
Липецкая область	0,856	0,863
Московская область	1,013	1,013

Орловская область	0,486	0,601
Рязанская область	0,573	0,612
Смоленская область	0,564	0,612
Тамбовская область	0,384	0,584
Тверская область	0,586	0,616
Тульская область	0,689	0,704
Ярославская область	0,829	0,836
г. Москва	3,399	3,399
Республика Карелия	0,635	0,680
Республика Коми	1,005	1,011
Архангельская область	0,546	0,606
Вологодская область	0,703	0,716
Калининградская область	0,830	0,837
Ленинградская область	1,031	1,031
Мурманская область	0,806	0,815
Новгородская область	0,749	0,760
Псковская область	0,469	0,600
г. Санкт-Петербург	1,750	1,750
Республика Адыгея	0,366	0,581
Республика Калмыкия	0,326	0,572
Краснодарский край	0,728	0,741
Астраханская область	0,594	0,617
Волгоградская область	0,650	0,666
Ростовская область	0,565	0,611
Республика Дагестан	0,208	0,554
Республика Ингушетия	0,140	0,595

Кабардино-Балкарская респ.	0,330	0,571
Карачаево-Черкесская респ.	0,268	0,564
Респ. Северная Осетия	0,289	0,567
Чеченская республика	0,217	0,558
Ставропольский край	0,495	0,599
Республика Башкортостан	0,738	0,750
Республика Марий Эл	0,398	0,585
Республика Мордовия	0,442	0,589
Республика Татарстан	1,161	1,161
Удмуртская Республика	0,720	0,734
Чувашская Республика	0,461	0,591
Пермский край	1,036	1,036
Кировская область	0,480	0,599
Нижегородская область	0,837	0,845
Оренбургская область	0,947	0,954
Пензенская область	0,479	0,597
Самарская область	0,968	0,969
Саратовская область	0,550	0,608
Ульяновская область	0,559	0,610
Курганская область	0,407	0,588
Свердловская область	0,999	1,000
Тюменская область	2,534	2,534
Челябинская область	0,703	0,716
Республика Алтай	0,178	0,555
Республика Бурятия	0,367	0,581
Республика Тыва	0,167	0,554

Республика Хакасия	0,574	0,613
Алтайский край	0,429	0,594
Забайкальский край	0,432	0,588
Красноярский край	1,156	1,157
Иркутская область	0,830	0,839
Кемеровская область	0,955	0,957
Новосибирская область	0,736	0,749
Омская область	0,689	0,704
Томская область	0,672	0,687
Республика Саха	0,334	0,577
Камчатский край	0,211	0,577
Приморский край	0,555	0,612
Хабаровский край	0,570	0,612
Амурская область	0,554	0,609
Магаданская область	0,416	0,650
Сахалинская область	1,499	1,499
Еврейская авт. область	0,353	0,578
Чукотский АО	0,846	0,858

Если определить общий уровень бюджетной обеспеченности федеральных округов путем простого сложения, то получатся следующие результаты (Табл. 2):

Степень выравнивания уровня бюджетной обеспеченности
по федеральным округам РФ

Федеральный округ	до распредел. дотаций	после распредел. дотаций	изменение	уд. вес до распределения дотаций	уд. вес после распределения дотаций
ЦФО	14,623	15,602	0,979	26,46%	24,84%
СЗФО	8,524	8,806	0,282	15,42%	14,02%
ЮФО	3,229	3,788	0,559	5,84%	6,03%
СКФО	1,947	4,008	2,061	3,52%	6,38%
ПФО	9,776	10,628	0,852	17,69%	16,92%
УФО	4,643	4,838	0,195	8,40%	7,70%
СФО	7,185	8,578	1,393	13,00%	13,65%
ДВФО	5,338	6,572	1,234	9,66%	10,46%
Итого:	55,265	62,820	7,555	100,00%	100,00%

Из Табл. 1 видно, что наибольший уровень бюджетной обеспеченности как до, так и после распределения дотаций наблюдается в Центральном федеральном округе. Далее следуют Приволжский и Северо-Западный федеральные округа. Не в последнюю очередь это объясняется и количеством субъектов РФ, входящих в состав указанных округов. Наибольшие изменения показателя затронули округа-реципиенты: Северо-Кавказский, Сибирский и Дальневосточный.

Рассчитанный на базе Табл. 2 коэффициент Херфиндаля-Хиршмана как сумма квадратов удельных весов изучаемого показателя по федеральным округам позволяет констатировать, что уровень бюджетной обеспеченности не сосредоточен главным образом в каком-то одном или двух федеральных округах, а в достаточной степени распределен по соответствующим территориям. Так, до распределения дотаций коэффициент составлял 16,3%, а после – 15,32%.

Изменение уровня бюджетной обеспеченности в результате распределения дотаций по федеральным округам РФ представлено на рис. 1.

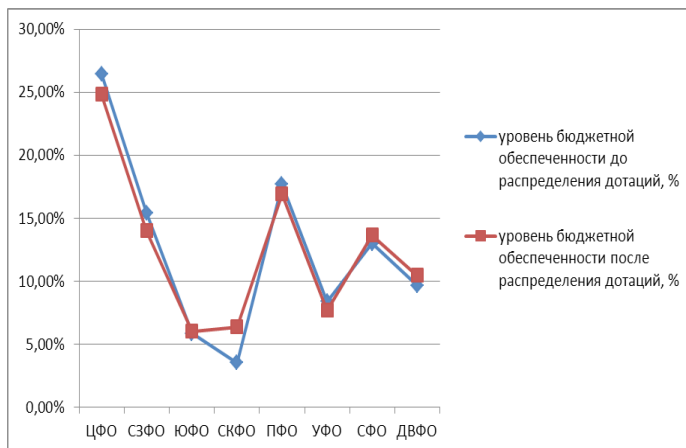

Рис. 1 Изменение доли федеральных округов России в результате распределения дотаций из федерального бюджета

Далее рассмотрим, насколько равномерно распределяются субъекты РФ по уровню бюджетной обеспеченности до и после распределения дотаций. Для этого на базе Табл. 1 проведем необходимые расчеты, результаты которых представим в Табл. 3, 4 и 5.

Таблица 3

Промежуточные показатели оценки уровня бюджетной обеспеченности

Показатель	до	после
Минимальный уровень бюджетной обеспеченности	0,140	0,554
Максимальный уровень бюджетной обеспеченности	3,399	3,399
Размах вариации	3,259	2,845

Количество групп по уровню бюджетной обеспеченности	8	8
Средний уровень бюджетной обеспеченности	0,691	0,785
Интервал между группами	0,407	0,356

Таблица 4

Начальное распределение регионов по уровню бюджетной обеспеченности

группа	интервал		число субъектов РФ	группа	интервал		Число субъектов РФ
	начало	конец			начало	конец	
1	0,140	0,547	30	5	1,770	2,177	0
2	0,547	0,955	37	6	2,177	2,584	1
3	0,955	1,362	9	7	2,584	2,992	0
4	1,362	1,770	2	8	2,992	3,399	1

Таблица 5

Распределение регионов по уровню бюджетной обеспеченности после получения дотаций

группа	интервал		число субъектов РФ
	начало	конец	
1	0,554	0,910	64
2	0,910	1,265	12
3	1,265	1,621	1
4	1,621	1,977	1
5	1,977	2,332	0
6	2,332	2,688	1
7	2,688	3,043	0
8	3,043	3,399	1

Как видим из Табл. 3, минимальный уровень бюджетной обеспеченности регионов после распределения дотаций увеличился более, чем втрое. Вырос и средний уровень бюджетной обеспеченности – с 0,691 до 0,785. Однако, что до, что после распределения дотаций подавляющее число субъектов РФ по-прежнему сосредоточено в рамках первых двух групп с минимальным уровнем бюджетной обеспеченности. Необходимо, конечно, стремиться к большему, приближаться к среднему уровню показателя. Графики распределения частот попадания регионов в тот или иной интервал по уровню бюджетной обеспеченности представлены на рис. 2, 3.

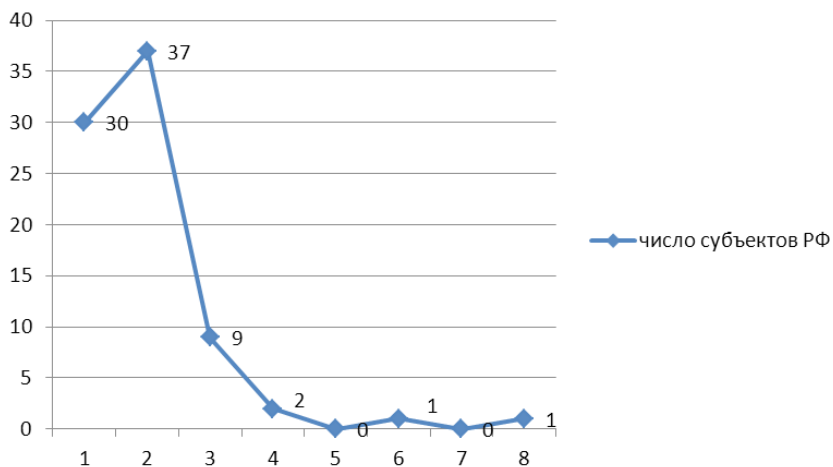

Рис. 2 Кривая распределения субъектов РФ по уровню бюджетной обеспеченности до распределения дотаций

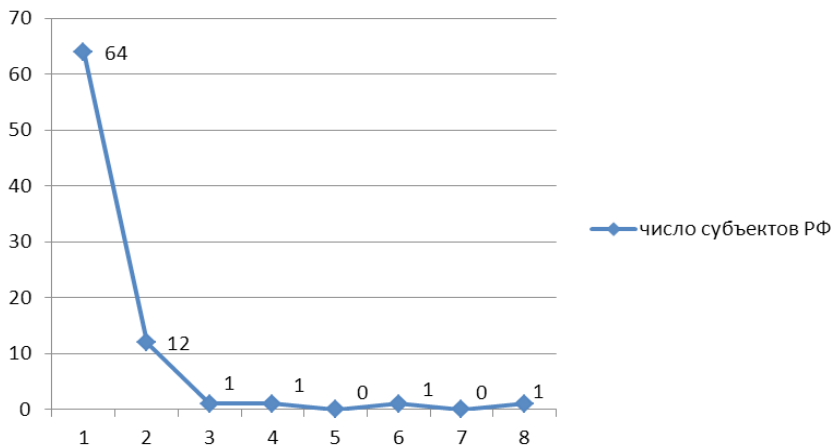

Рис. 3 Кривая распределения субъектов РФ по уровню бюджетной обеспеченности после распределения дотаций

Очевидно, что графики далеки от кривой нормального распределения. Однако, изменения в лучшую сторону становятся особенно заметны, если рассмотреть частоты попадания регионов по уровню бюджетной обеспеченности до и после распределения дотаций применительно к прежним значениям интервальных групп (Табл. 6, рис. 4).

Таблица 6

Изменение уровня бюджетной обеспеченности регионов после распределения дотаций

группа	интервал		Число субъектов РФ		Изменения числа субъектов РФ
	начало	конец	до распределения дотаций	после распределения дотаций	
1	0,140	0,547	30	0	-30
2	0,547	0,955	37	66	29

3	0,955	1,362	9	10	1
4	1,362	1,770	2	2	0
5	1,770	2,177	0	0	0
6	2,177	2,584	1	1	0
7	2,584	2,992	0	0	0
8	2,992	3,399	1	1	0

Последний столбец Табл. 6 наглядно показывает, что в первой группе с крайне низким уровнем бюджетной обеспеченности не осталось ни одного региона. График на рис. 4 недвусмысленно иллюстрирует выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, но, к сожалению, пока это выравнивание происходит в группе с невысоким общим уровнем бюджетной обеспеченности.

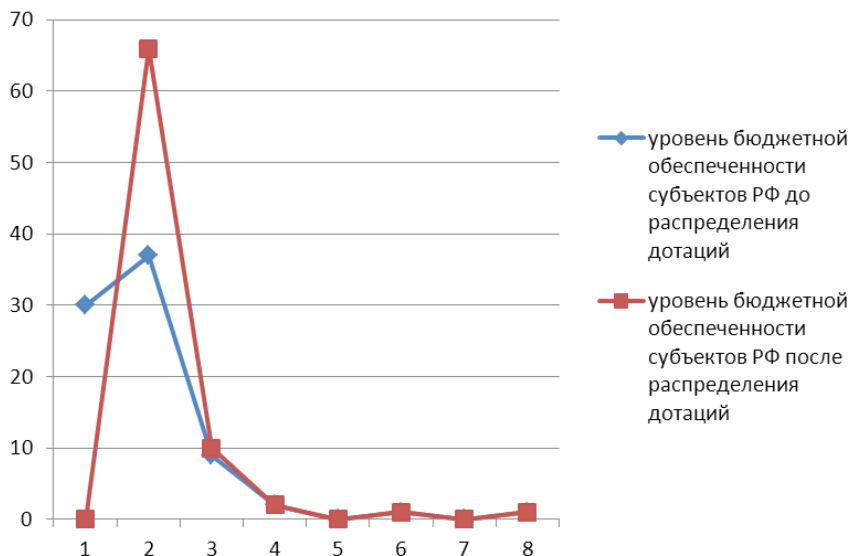

Рис. 4 Динамика уровня бюджетной обеспеченности в результате распределения дотаций

Таким образом, в результате проведенного в статье исследования было установлено, что вследствие выделяемых регионам дотаций из федерального бюджета, необходимых им для достижения минимального уровня бюджетной обеспеченности действительно удается достичь выравнивания территорий по рассматриваемому показателю, а, следовательно, и выравнивания их социально-экономического развития.

Литература

1. www.minfin.ru – официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации.

Сытых Е.Л.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: РЕВИЗИЯ БАЗОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Национальный вопрос – один из самых острых в современном мире. Изучение и регулирование этого вопроса осложняется тем, что терминология, связанная с его изучением достаточно неоднозначная, семантика одного и того же термина может сильно меняться и трансформироваться в зависимости от научной дисциплины, в которой изучается вопрос, а также авторской позиции.

Так, до сих пор нет устоявшейся точки зрения на сущность и значение термина «этнос», который является базовым для любого исследования национальных проблем. В этом контексте уместно сослаться на слова В. С. Малахова, который отмечает, что категория «этничность» пришла в социальную науку из этнографии. «Для этнографов этничность – объект, свойства которого они должны описать. Для социологии и политологии этничность – инструмент социальной классификации, способ разделения социального пространства», – пишет он¹.

Это объясняется тем, что этимологически понятие «этнос» (ethnos) указывает на всякую совокупность одинаковых живых существ, имеющих некие общие свойства². Оно имеет греческое происхождение, а его использование включает около десяти значений: народ, племя, толпа, группа людей

¹ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. – М., 2005. – С. 217.

² Щеглова Л. В., Шипулина Н.Б., Суродина Н.Р. Культура и этнос. – Волгоград: Перемена, 2002.

и т.д. Кроме того, разные исследователи предполагают, что в основу данной дефиниции необходимо заложить разный набор признаков, которые считаются базовыми.

В советском обществознании термином «этнос», как правило, обозначали естественно исторически сложившуюся социокультурную общность людей, отличающую себя от других подобных общностей и фиксирующую это отличие в своем названии (этнониме), а также в других идентификационных символах. В таком значении термин «этнос» оказывается синонимом «народа» или «народности»¹.

В качестве условий, объединяющих людей в этническую общность, чаще всего упоминают единство происхождения, места проживания, языка, культуры. Однако, при более пристальном рассмотрении, каждый из этих факторов не является необходимым и достаточным.

Во-первых, это единство территории, единство места проживания. В современном обществе этот признак часто не сохраняется. Казалось бы, самым простым маркером этнической принадлежности является определенный тип физического облика. Но данный признак действителен только при различении рас, например, в европейской общности, он не может быть отличительным критерием. На бытовом уровне мы, пожалуй, отличим шведа от испанца, но шведа и немца нам уже идентифицировать по внешнему виду гораздо сложнее. Следующий признак – единство происхождения. Однако жестко изолированных племен, которые стали родоначальниками тех или иных народов, наука назвать не может.

Еще одним важнейшим критерием исследователи называют единство языка. Однако колониальная эпоха оставила нам много примеров народов, говорящих на языке своих бывших метрополий (аргентинцы, кубинцы, использующие испанский, бразильцы говорящие на португальском, многие народы Африки говорят на французском).

Другой часто употребляемый критерий определения этноса – это самоназвание (этноним). Самоназвание позволяет фиксировать различие между «мы» и «они». У этноса может быть несколько названий, одно из них – самоназвание, другие – имена, даваемые данному этносу людьми, принадлежащими к другим народам. Этническое самосознание невозможно без самоназвания. Если члены той или иной культурно-языковой общности не обладают этническим самосознанием, то эта группа не является этносом. Например, нагайбаки, проживающие на юге Челябинской области, считают себя самостоятельным этническим образованием, хотя в других областях России проживают крещеные татары, называющие себя иначе (крещены).

¹ Политология. Словарь. – М: РГУ. В.Н. Коновалов. 2010.

Таким образом, в современной науке этнос определяется не столько общими чертами членов коллектива, существующими в реальности, сколько общностью их мышления. Здесь стоит отметить, что в реальном социально-историческом процессе самоидентификация того или иного этноса часто приводит к этнополитическим конфликтам, вплоть до развала государства, именно поэтому, как бы это ни было сложно, в подобных случаях стоит прибегать к более многочисленной системе критериев определения того или иного этноса.

Суммируя сказанное, можно выделить несколько измерений этничности. Так В. С. Малахов говорит о трех его основных значениях: биологическом, историческом, культурном¹. Чаще в литературе встречается упоминание о двух аспектах существования этноса: биологическом и социальном. Можно также встретить мнение, что «Этническая общность основана не на «крови», а на самосознании людей, а потому есть понятие не биологическое, а социальное (биосоциальное)»².

Этносы чаще всего возникают как человеческие популяции, но в дальнейшем развиваются как социальные системы. Этнос – это социальная группа, но ее членов объединяет сознание своей генетической связи с другими представителями этой группы и в этом заключена его двойственная сущность. На протяжении большей части человеческой эволюции сообщества людей организовывали свои группы на основе родственных отношений, то есть этносы происходили естественно. Но в истории встречаются примеры искусственного появления этносов. Например, норвежец Ингольф Арнарсон основал первое поселение в Исландии, тем самым положил начало этногенезу исландцев.

Таким образом, можно остановиться на определении, где под этнической общностью «понимается группа людей, члены которой имеют общее название, язык и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности»³.

Дав определение этнической общности, необходимо упомянуть, что термин «этнос» часто употребляется как синоним слова «народ». Кроме того, понятие «народ» часто используют как общее наименование таких социальных групп, как племя, народность, национальность, нация. Кроме того, одно из его значений – низшие слои того или иного общества, имеющего

¹ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. – М., 2005. – С. 216-217.

² Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2005

³ Щеглова Л. В., Шипулина Н.Б., Суродина Н.Р. Культура и этнос. – Волгоград: Перемена, 2002.

классовую структуру (например, когда говорят о борьбе народа против знати, против власти и т.п.). Можно также говорить о народе, населяющем то или иное государство (народ России, народ Франции, народ Китая и т.д.). В последнем смысле данное понятие смыкается с представлениями о **нации**.

Термин «нация», как и все рассмотренные выше крайне неоднозначен. «Всякий начинающий изучать современный «национализм» и процесс формирования наций, не может не почувствовать себя сбитым с толка и даже шокированным огромным количеством понятий и теорий наций и национализмов», – пишет известный исследователь данного вопроса М. Грох. Далее исследователь поясняет: «Ограничусь одним примером: по-английски nation включает всех, живущих под властью одного правительства, т.е. нечто очень близкое к государству. С другой стороны, по-немецки «die Nation» традиционно ассоциировалось с общими культурой и языком. Поэтому термин «национализм» имеет разные коннотации в английском и, скажем, в испанском или чешском»¹.

Долгое время отечественная наука придерживалась определения нации, данного И.В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос» (1912), согласно которому нация характеризовалась четырьмя основными признаками: общностью языка, общностью территории, общностью экономической жизни и общностью психического склада, проявляющейся в общности культуры. Первые три признака можно встретить в более ранних работах по национальному вопросу К. Каутского, четвертый – из труда другого марксиста О. Бауэра «Национальный вопрос и социал-демократия» (1907). В нашей науке считалось, что все эти четыре признака в той или иной степени были присущи и другим формам этнической общности: племени и народности.

Нацию, в отличие от этноса, объединяет не столько кровнородственная связь, сколько, помимо экономических и политических факторов, национальный характер и национальная психология, национальные идеалы и национальное самосознание.

Принято считать, что становление современных наций связано с преодолением феодальной раздробленности, развитием индустриальной экономики и торгово-промышленных отношений, ростом просвещения и культуры, образованием национальных государств. Для каждой нации характерно создание единого культурного поля, которые обеспечивают их взаимопонимание и повседневное взаимодействие. Данную точку зрения разделяют Э. Геллнер, М. Грох и мн. другие.

¹ Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 27

Уже упоминавшийся исследователь М. Грох отмечает, что «несмотря на серьезные различия в терминологии и оценках, существует, грубо говоря, пять фундаментальных факторов – обстоятельств, которые разные исследовательские школы считают ключевыми для причинного объяснения процесса формирования наций в Новое время»¹. К этим факторам он относит:

1. Исторические основания, прошлое и его реконструкция.
2. Этнические корни, культурное своеобразие и т.п.
3. Процессы модернизации, такие как индустриализация, социальные коммуникации, школьное образование и т.п.
4. Национально окрашенные конфликты интересов, порождаемые различиями в социальной структуре и неравномерностями развития.
5. Психологическое и эмоциональное манипулирование.

Лидер американской постмодернистской антропологии Клиффорд Гирц (наиболее цитируемая в сфере теории нации статья – это «Примордиальные узы») придерживается иной точки зрения. Нации и национализм, по его мнению, не являются изобретением Нового времени и существовали задолго до него, поэтому можно говорить об античных и средневековых нациях. Этой же позиции придерживается известный исследователь Э. Смит: «Можно утверждать, – пишет он, – что нации и национализм всегда существовали в исторических хрониках, не соглашаясь при этом с утверждением, что они естественны в том смысле, в каком естественны речь, пол или география. Можно также утверждать, что союзы, которые мы называем национализмом, встречаются во все исторические периоды, даже если мы маскируем этот факт, используя для обозначения аналогичных феноменов другие термины»².

Нередко между понятием «нация» и понятиями «народ», «этнос» ставят знак равенства. Иногда это оправдано. Например, французы есть народ, этнос, и они же являются нацией. Но в большинстве случаев стоит учитывать, что если этническое самосознание больше зависит от происхождения человека, то национальное – от его включенности в поле национальной культуры и чувства причастности к ней. Многие нации состоят из нескольких этносов (народов). Попадая в иную этническую среду, например в результате переезда в другую страну, люди не меняют своей этнической принадлежности, но они могут либо сохранить свою национальную культуру и национальное самосознание, либо включиться в поле иной культуры и обрести новое национальное самосознание. Кроме того, слово «нация» часто используется в том же значении, что и слово общество.

¹ Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 28.

² Цит. по: Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. – М., 2005. – С. 57.

В последнее время в исследовательской литературе настойчиво звучит мысль об отмирании наций в условиях глобализации. Э.А. Баграмов, анализируя взгляды известного социолога и политического философа Ульриха Бека, пишет по этому поводу: «У. Бек, последовательно придерживаясь своей версии, практически исключает национальное начало из структуры международных отношений современности. Взамен прежнего, по его словам, национального взгляда, немецкий ученый выдвигает «методологический космополитизм», который «национально-национальные отношения» (т.е. отношения между нациями, национальными государствами, национальными организациями и коллективами) заменяет «национально-глобальными» и «глобально-глобальными» отношениями»¹.

Подобная точка зрения не единична и представляет взгляды целой группы ученых. Тем не менее, вслед за Э.А. Баграмовым согласимся, что говорить об отмирании национального преждевременно. Процесс глобализации далеко не завершен, какое место займет в мире будущего национальное государство – покажет история.

Еще один термин, часто употребляемый в контексте национальных исследований – «**этноконфессиональная группа**». Следует отметить, что и это понятие имеет неоднозначный характер. Можно встретить узкое определение термина, где этноконфессиональная группа определяется как часть какого-либо народа, культурно-бытовое своеобразие которой является следствием изоляции, связанной с религиозной принадлежностью (напр., друзья в составе ливанцев, сикхи – пенджабцев)². Но фактически данный термин употребляется в более широком смысле при анализе совокупности этнических и религиозных факторов (например, при рассмотрении этнических конфликтов невозможно обойтись без привлечения религиозного фактора). Именно поэтому представляется, что наиболее уместно употреблять термин этноконфессиональный в широком значении.

Еще одним значимым является термин «**национализм**». Как и в предыдущих случаях, по поводу его значения существует множество, подчас диаметрально противоположных, мнений. В одном из словарей находим определение: «Национализм – это идеология, психология, социальная практика, мировоззрение и политика подчинения одних наций другим, проповедь национальной исключительности и превосходства, разжигания национальной вражды, недоверия и конфликтов»³. Пожалуй, данное определение ближе

¹ Баграмов Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. – 2010. – № 2.

² Политическая наука: Словарь-справочник. (Электронное учебное пособие) / Сост. Санжаревский И.И., 2010.// <http://polit-gloss.narod.ru/>

³ Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социоллингвистика: Словарь-справочник. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011.

всего отражает обыденное понимание данного термина, распространенное в повседневной практике и средствах массовой информации. Однако данное определение отражает лишь одну грань дискурса относительно понятия.

Более нейтральное определение рассматривает национализм как совокупность идеологий и политических движений, использующих в качестве символа понятие нация¹. В этом контексте национализм есть «приверженность людей интересам своей нации, ее культурным ценностям. На бытовом уровне понимается как проявление национальных симпатий и антипатий, на групповом – как идеология. Идеологи национализма полагают, что главным видом социальных связей являются национальные связи и главным субъектом истории – национальные общности людей, сотрудничающие или борющиеся друг с другом за средства существования. Национализм может быть оборонительным и наступательным»².

Нельзя не отметить, что существуют и положительные коннотации термина. Известный российский социальный мыслитель П. И. Ковалевский пишет: «Национализм – это проявление уважения, любви и преданности, преданности до самопожертвования в настоящем, почтения и преклонения перед прошлым и желание благоденствия, славы и успеха в будущем той нации, тому народу, к которому данный человек принадлежит... Часто смешивают национализм с патриотизмом; однако, между ними серьёзная разница. Национализм есть беспредельная любовь и готовность к самопожертвованию за свою народность, а патриотизм – такая же любовь и готовность к самопожертвованию за Родину, Отечество. Национализм скорее понятие психолого-антропологическое, а патриотизм – историческо-географическое»³.

В исследовании В. С. Малахова можно встретить точку зрения, обуславливающую необходимость различать два основных вектора национализма. Один из них, исходящий от государства, направлен в сторону обретения общественного единства. Второй – напротив, антигосударственный. Это национализм, исходящий от культурно-этнических групп, стремящихся к политическому суверенитету. По сути это идеология сепаратизма. «Вот почему национализм испанский, индийский, турецкий и грузинский

¹ Коротева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. – М.: РГГУ. – С. 132.

² Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003.

³ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное восстание в России. – СПб., 2006. – С. 45-46.

наталкивается на противодействие каталонского, сикхского, курдского и абхазского национализма», – пишет автор¹.

В отечественных исследованиях достаточно широко представлена точка зрения, отражающая относительность понятия национализм. Тот же В. С. Малахов пишет: «Национализма как такового не существует. Существуют различные идеологические ответы на различные политические вызовы²». В этом случае национализм возникает как реакция сообщества на воздействия внешней среды (экономические, социальные и политические процессы, иноэтническое влияние).

Наш обзор представлений о национализме был бы не полным, если бы мы не остановились на точке зрения представленной академиком РАН, директором Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишковым. Сомневаясь в легитимности научного употребления слова «нация», он подчеркивает: «... речь должна идти не только о более глубоком понимании слова национализм или о модернизации этого понятия в связи с изменением характера отражаемой им социальной реальности, но и о том, что само слово пришло и утвердилось в языке в результате легитимизации (через интеллектуальный авторитет или через политическое решение) его первоначально случайного, неопределенного и бытового употребления и последующей его эскалации на уровень глобальной категории (вернее, лжекатегории)³. Увидев разнообразие представлений о сущности явления национализма, стоит присоединиться к данной авторитетной позиции.

Представляется целесообразным согласиться также и с доводами Э. А. Баграмова, который отмечает, что положительной стороной отечественной трактовки национализма в философской и этнополитологической литературе следует считать отказ от однозначно негативного смысла, которым наделяли это понятие в советский период. Такое толкование предполагает дифференцированный подход к национализму, начиная от законных национальных чувств, различных вариантов этно- и гражданского национализма, патриотизма и кончая примитивным национальным эгоизмом и бытовым шовинизмом (ксенофобия, расизм)⁴.

Таким образом, мы можем зафиксировать многозначное понимание явления национализма. Очевидно, это объясняется тем, что оно является базовым для целого спектра явлений, связанных с использованием понятия

¹ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005 – С. 5.

² Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. – М.: КДУ, 2005 – С. 9.

³ Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследование по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 155.

⁴ Багратов Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов// Вопросы философии. – 2010. – № 2.

«нация». А это, в свою очередь, порождает множество коннотаций: от резко негативных до крайне позитивных. Кроме того, стоит подчеркнуть, что национализм может рассматриваться как идеология, а также как система сложившихся социально-политических практик. Разрыв же в теоретическом осмыслении данного явления и его практическом воплощении свидетельствует о необходимости более внимательному отношению к данному вопросу при реализации национальной политики и регулировании национальных проблем, а также дальнейшим теоретическим исследованиям.

Понятие национализма в негативном его смысле тесно связано с понятием **ксенофобии**. Ксенофобия исследована достаточно подробно и не имеет столь большого разброса представлений о его сущности. «Ксенофобия социальная (греч. *xenos* – чужой, *phobos* – страх) – особенность менталитета общества, которая проявляется в негативном отношении к социальным общностям или отдельным людям, воспринимаемым в качестве чужих и поэтому эмоционально неприемлемых, враждебных»¹.

Существует много разновидностей ксенофобии. Наиболее часто этот термин относится к этническим фобиям, но существуют и сексуальные (гомофобия), культурные (неприязнь к любым нетрадиционным формам поведения, искусства и т.д.) фобии. Объектами ксенофобии могут быть конкретные группы (представители чужой религии, расы, племени или нации и т. п.). Иногда ксенофобия распространяется на всех «чужих» («обобщенный Чужой», по выражению известного российского социолога Ю. Левады²). Ксенофобия может корениться как в общественном, так и в индивидуальном сознании.

Подозрительное отношение к чужакам встречалось уже в древнейших обществах, и было необходимым условием формирования и поддержания единства и идентичности собственной родоплеменной группы. В современном мире процессы глобализации только усилили данное явление. Носителями и проводниками ксенофобии являются, прежде всего, те слои и группы, которые чувствуют угрозу своей социальной идентичности и боятся подчинения и поглощения более мощными силами.

Сегодня достаточно точно исследованы причины и социально-психологические механизмы ксенофобии. Существует два основных объяснения происхождения ксенофобии – спонтанными реакциями сознания на социальные процессы и внушенными идеями. Ксенофобия, как правило,

¹ Социальная психология. Словарь / под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. — М.: ПЕР СЭ, 2006.

² Левада Ю. Обобщенный чужой. // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 3

характерна для тех социальных слоев, положение которых ухудшилось или неустойчиво. И.С. Кон отмечает, что в основе ксенофобии часто лежит бессознательная потребность повысить собственное самоуважение путем негативной идентификации, когда содержание «Мы» определяется не через какие-то положительные ценности, а через отрицание «чужого». Негативная идентичность воплощается в образе врага, когда весь мир разделяется на «наших» и «не-наших». Собственные неудачи воспринимаются как результат происков внешних и внутренних врагов¹. Выбор символа ненависти обусловлен, с одной стороны, социально-психологическими характеристиками конкретной личности (его воспитанием, окружающей социальной средой и др.), а с другой – внешними факторами (пропаганда, социально-политическое положение страны и др.).

А.В. Муравьев отмечает, что в основе ксенофобии лежит триада – гнев, отвращение, презрение. «Эти эмоции, – пишет он, – образуют несложный поведенческий комплекс, обусловленный, вообще говоря, личностным и коллективным уровнем тревожности и агрессии. Этот уровень подвергается измерению лабораторно (посредством направленного тестирования и опросов) или аналитически (путем анализа публикаций СМИ и данных социологических опросов)»². Чем более высока тревожность, тем более подсознание пытается вылезти из ловушки за счет вытеснения причины беспокойства.

Таким образом, ксенофобия является как свойством конкретной личности (и в этом случае способна корректироваться, например, воспитательными воздействиями), так и общественным явлением и является свидетельством неблагополучия конкретного общества. Для ксенофобии является типичным наличие образа врага, в качестве которого часто выступает представитель другой национальности.

В социально-политической мысли достаточно часто используется термин **«шовинизм»**. Этот неологизм пришел в европейские языки из Франции. Слово шовинизм, впервые прозвучавшее в начале 1840-х годов в водевилях, а затем перешедшее с театральной сцены в статьи литературных критиков (Теофиля Готье, а затем Сент-Бёва), произошло от фамилии реального исторического лица – французского солдата Никола Шовена. Героический волонтер, сражавшийся в республиканской и наполеоновской армии, израненный в боях, награжденный крестом Почетного легиона, Шовен отличался от товарищей по оружию силой своего патриотического чувства и любви к императору. Видимо, эти качества и стали причиной того, что он стал героем пьесы 1821 года «Солдат-землепашец» (иногда приписываемой

¹ Кон И. С. Ксенофобия // http://www.igorkon.ru/publications/nacionalnye_otnosheniya_etnopsihologija/ksenofobiya/

² Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. – 2004. – № 4.

Скрибу), а также водевиля 1831 года братьев Коньяр «Трехцветная кокарда» и гравюр рисовальщика Шарле¹.

Сегодня под шовинизмом понимается крайняя агрессивная форма национализма. «Шовинизм, – крайний национализм, проповедующий ненависть, презрение к другим народам и разжигающий национальную вражду», – так трактует термин «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова. Для шовинизма характерно распространение идей национального превосходства и исключительности (пангерманизм, пантюркизм и др.). Если ксенофобия может иметь латентный характер, то отличительной особенностью шовинизма является его активность и наступательность.

Обращение к базовой для изучения национального вопроса терминологии показало, что в осмыслении этой стороны социальной действительности существует методологический и терминологический релятивизм. Видимо это свидетельствует, с одной стороны, о сложности и запутанности самого национального вопроса, а, с другой стороны, об отсутствии адекватного диалога между международной научной общественностью по исследуемой проблематике, который бы позволил прийти к какому-либо соглашению. В любом случае, реальное регулирование национального вопроса должно опираться на определенную теоретическую базу, что порождает необходимость постоянного обращения к терминологии и методологии.

Телякаева А.Ф.

ЭТНИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

23 января 2012 г. В.В. Путин, накануне выборов Президента РФ, опубликовал программную статью «Россия: национальный вопрос». В ней он четко определил актуальность борьбы с молодежным национальным и конфессиональным экстремизмом не только в России, но и в других государствах мира. Реальность сегодняшнего дня, – подчеркнул В.Путин в статье, рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. [1, с. 1,4].

С. Миронов, лидер партии «Справедливая Россия», сообщил, что в стране действуют около 150 неформальных молодежных организаций. И

¹ Пюижеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 9 – 11.

это не просто клубы по интересам, «тусовки», а организации с жесткой иерархией, дисциплиной, идеологией и вожжами, в которые входят до 10 тысяч человек. Они разрознены, но эксперты утверждают: появление единого для них лидера – дело года-двух. Российское общество оказалось перед лицом вызова со стороны идеологии и практики экстремизма, составными элементами которого выступают нетерпимость, ксенофобия, национализм и фашизм. Одна из самых уязвимых для экстремизма социальных групп – молодежь. «Сегодня молодежный экстремизм выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам поведения, к закону в целом, появлению неформальных молодежных объединений противоправного характера. Экстремисты, – продолжал Миронов, – нетерпимы к тем гражданам России, которые принадлежат к другим социальным группам, этносам и придерживаются иных политических, правовых, экономических, моральных, эстетических и религиозных идей». [2, с. 2].

Молодежи свойственна психология максимализма. Деструктивные силы используют эту возрастную особенность в своих целях, нередко пытаясь под предлогом патриотического воспитания навязать молодежи радикальные идеи. Растет число преступлений, порожденных социальной или этнической враждой. К политизированным организациям экстремистского толка принято относить Русское национальное единство, незарегистрированную Народную национальную партию и запрещенную судом Национал – большевистскую партию под руководством Э.Лимонова.

Особую опасность, представляет собой ситуация, когда лозунги экстремистских группировок подхватывают лояльные к власти массовые молодежные движения. Например, движение «Молодая гвардия в октябре 2009г. выступило с лозунгами в отношении мигрантов: «Чемодан, вокзал – домой». Это практически лозунги экстремистского движения против нелегальной иммиграции. Однако миграция, как известно, не является исключительным злом: миграционные процессы – это источник притока населения (в первую очередь, молодежи и детей). Последнее обстоятельство особенно важно для стран с обостряющейся ситуацией старения населения, в том числе и для РФ. [3].

В правовой и политологической среде не прекращаются дискуссии относительно содержания понятия экстремизм, так как расширенное толкование этого понятия создает условия для произвола властей относительно тех общественных движений, которые критически относятся к действующим субъектам политики. И, напротив, сужение этого понятия ограничивает возможности правоохранительных органов в борьбе с общественно опасными группировками. Необходимо совершенствование правовой базы борьбы с экстремизмом.

Среди причин молодежного экстремизма редко указывают на такую причину, как характер и особенности политической культуры населения России, которая является продуктом исторического развития страны и ее политической системы.

Радикальное политическое течение возникает под влиянием кризиса – экономического, политического, идеологического и духовного. Это то, что мы наблюдаем у нас за последние годы: слабость демократии и отсутствие надежной социальной базы, мощная коррупция; приватизация, которая отобрала собственность у общества. Поэтому большая часть общества относится к демократическим реформам безразлично или с антипатией. [4, с. 181-187].

Распад СССР изменил ситуацию, к власти в новых государствах пришли этнократические кланы, а русские в новых национальных государствах превратились в людей второго сорта или оккупантов, вплоть до физической расправы с некоторыми из них. На все это русская молодежь ответила ксенофобией, экстремистскими выходками, кровавыми конфликтами и нацистскими проявлениями.

Л.Н. Казнин пытается выявить социальные причины молодежного экстремизма. Эта часть общества, а их 36 млн. в возрасте от 14 до 20 лет, представляет собой динамическую часть общества, однако отрицание конформизма и непонимание социальных механизмов приводит их к отрицанию общественных норм и правил в государстве. Поэтому в молодежной среде России распространен экстремизм различного направления. Особую опасность для страны имеет религиозный экстремизм, политический и ксенофобский, основанный на этнической нетерпимости. Причина экстремизма – в кризисном состоянии общества, сопряженного с глобальным кризисом планетарного масштаба.

Весьма печально, что на таком фоне происходит социализация личности. Даже, если современный молодой человек получит хорошее образование, но будет при этом слабо социализированной личностью, то отдача государству будет неудовлетворительной.

Кроме того, накладывают свой отпечаток неблагоприятные семейные условия в России, из-за которых часто подросток не может успешно включиться в жизнь общества. Низкий доход и неполная семья порождают негативные тенденции. Число детей-сирот достигло уровня послевоенных лет.

Низкий образовательный и культурный уровень значительной части молодежи также способствует появлению различных экстремистских направлений. Отсутствие знаний о традиционных ценностях делает эти направления притягательными для молодых людей.

Общество становится крайне поляризованным и социально напряженным: около 20% населения живет за чертой бедности, разрыв доходов между верхними и нижними стратами превышает 14 раз, мы занимаем одно из ведущих мест в мире по количеству миллиардеров в долларовом измерении.

Еще одна причина, влияющая на рост молодежного экстремизма, это постоянный рост числа безработных, что и повышает уровень криминализации общества. Характерной чертой молодежи является ее аполитичность. Только четверть молодых россиян посещают выборы. [5, с. 18-19].

Причиной, ведущей к экстремизму можно считать – рост социальной патологии: психические заболевания, алкоголизм, наркомания, ухудшение генетического фонда населения.

Экстремизм в такой ситуации в стране ведет к появлению разного рода конфликтов. Розенау изучал внутренние и внешние причины конфликтов, зависящие от политики правительства. [6, с. 26-34]. Мы уже рассмотрели внутренние причины: безработица, слабость демократии, экономические сложности. Внешние причины связаны с вопросами глобализации, но главное – зависимость от мировых цен на газ и нефть. Дело в том, что наш бюджет в целом зависит от этих цен.

Средства массовой информации сознательно или по глупости проповедуют ценности и нормы западной цивилизации и, тем самым, способствуют искажению процесса социализации в стране. Западные и российские фильмы внедряют в сознание молодежи насильственные формы для достижения целей. В частности, для разрешения социальных конфликтов: массовые беспорядки, погромы, преступления. Молодежная преступность – яркая форма девиантного поведения, а под флагом индивидуализма преподносится обыкновенное хулиганство, которое приобретает иногда жестокие формы.

По результатам социологического пороса в Оренбургской области, проведенного СЦОМ в 2009г. молодежь от 18 до 29 лет подвержена этнической неприязни: 45% испытывают неприязнь к разным национальностям, хотя в группе старше 60 лет таких только 21%. Конечно, молодые люди будут склонны к политическому экстремизму. Причина экстремизма также и в социальном расслоении граждан. В Оренбурге продается газета «Лимонка», которая оказывает на молодежь тлетворное влияние. По нашим данным молодежь не умеет анализировать такую информацию и сформировать собственное мнение, а это вопрос политической культуры. [7, с. 82-85].

Противодействие этим феноменам принял уже международный характер, но и сам экстремизм использует новую технологию, поэтому количе-

ство терактов по всему миру продолжает расти. Например, только в 2008 году произошло 12 тысяч терактов и пострадало 56 тысяч человек. Экстремизм стал эффективным инструментом достижения политических целей. Возникают организации, построенные по принципу сетевой структуры. Почему экстремизм расширяется? Дело в том, что в глазах большинства народов мира современная система мироустройства выглядит несправедливой, поэтому мы наблюдаем интернационализацию экстремизма. [8, с. 7-9].

Сегодня, на мировой политической процесс влияют три основные идеологии – западный либерализм, исламский фундаментализм и этнический национализм.

Исламский фундаментализм пришел на смену арабскому национализму и принял на вооружение практику религиозно-политического экстремизма. Это течение выступает как идеология угнетенных. Политологи сравнивают салафитское движение в исламе с протестантизмом Лютера в христианстве. Вот вам возрождение коммунистической утопии!

В недрах Западного либерализма кроется демократический экстремизм как исключительная ценность либеральной демократии. Цветные революции взяли своим лозунгом эту идею.

Третья идеология – этнический национализм как идеология строительства этнического государства. И пока есть этносы без своего государства – идея будет жить. [9, с. 13-15].

С. Липсет установил связь между конфликтом и социальными изменениями в структуре общества, а причины конфликта – важная проблема сегодня в конфликтующем мире. Существующая стратификация оправдывает идеологию и систему неравенства. Социальная стратификация (СС) как система социального расслоения общества и неравенство неизбежны в любом типе государства.

В данном случае М. Вебер осознавал важность принуждения в человеческих делах. Для властных структур очень значимо, писал также Т. Парсонс, соотношение принуждения и согласия. Парадокс современного общества заключается в конфликте между поколениями. Существуют противоречия в семье, обществе и т.д., которые возникают независимо от воли человека. Например, наблюдается экономический рост индустриального общества, тогда возникают противоречия роста между свободой, равенством и политическим участием. При этом меняются ценности более значительные, чем религия и мораль, например, традиционализм для политиков, если они враждебны к религиозным ценностям. [10, с. 21-39].

С. Липсет был прав, когда говорил о тесной связи между конфликтом и социальным изменением. Например, финансовый кризис 2008 года обострил противоречия экономические, идеологические и национальные. Это повлияло на миграционный процесс из Азии и Африки. Если в Европе на 1992 год насчитывалось 7 млн. мусульман, то через 18 лет их стало 40 млн. Среди исламской молодежи растет движение – священная война против неверных. Мусульманские диаспоры ощущают принадлежность к религии более важным фактором, чем национальность, социальный статус и культура. Более того, мусульманское меньшинство представляет угрозу европейской идентичности. Борьба с исламизацией европейского континента особенно проявляется в партии «Шведские демократы» (крайние националисты) – они получили в парламенте Швеции 20 мест. Активно внедряются националисты и в другие европейские парламенты. Однако, исламская культура становится частью (органической и легитимной) европейской культуры, хотя растет и другая проблема – как остановить цивилизационный раскол. Главное – нейтрализовать экстремистские силы с обеих сторон. [11, с. 1-10].

Итак, некоторые авторы утверждают, в масштабах России этнический конфликт – это вторичное явление, а первичное явление – это социально-экономические противоречия, кричащие о социальном неравенстве. На наш взгляд, это связанные между собой конфликты. Причем, в одних ситуациях первичны социально-экономические причины, в других этнические и религиозные.

В конце 1990-х годов появление идеологии и политики правого центра было большим вкладом в прогресс, но время идет и положение дел сегодня говорит о кризисе политики правого центра, возможно необходима политика левого крыла, так как стихийный протест бедных слоев населения против утраты социальной перспективы происходит одновременно во многих странах мира. [12, с. 11].

Государственное вмешательство в деятельность общественных объединений может быть потенциально опасно и для государства, и общества. Так как причины экстремизма могут быть следующие: ошибки государства в национальной политике, а также демократизация и модернизация общества, которые обостряют социальные противоречия, углубляет неравенство, а следовательно, инициирует экстремизм.

Власть и оппозиция используют экстремистские действия для своих политических целей. Экстремизм со стороны чеченцев-боевиков всегда дополнялся нарушением прав чеченцев со стороны федеральных войск. Модернизация стимулирует этническую идентификацию и межэтническую напряженность. [13, с. 33-38].

Этнические различия, по мнению М.Хейслера, являются единственным и наиболее важным источником конфликта внутри государства. Мирное управление конфликтом можно обеспечить через создание институтов по совместному существованию единого общества. Конфликт – следствие неравномерного развития общества или его модернизация. [14, с. 1-5].

В начале XXI века в России и европейских странах широко распространились национализм и ксенофобия. Так, в России возникла идеология нацизма, проявление нетерпимости к политическим противникам. Интересно то, что ведущие партии РФ рассматривают национальный вопрос как русский вопрос, как защиту русского населения, в том числе тех 25 млн. русских, которые оказались за пределами РФ после распада Союза. [15, с. 15-22].

Между тем национальный вопрос в современной России затрагивает интересы миллионов граждан других национальностей: например, татар и башкир.

Национализм только тогда приобретает характер экстремизма, когда этнос стремится простроить этнократические государство для доминирующего этноса. Установлен экстремизм двух видов: левого и правого толка. Первый выступает против политики правительства в сфере реформ социального обеспечения, экономики и обороны.

Экстремизм крайне правового толка – это неонацизм, расизм и шовинизм. Этот вид призывает к полному уничтожению или запрету. Современный экстремизм имеет сложные идеологические основы: ваххабиты, салафиты, язычники, неонацисты, неомонополисты. Цель экстремистов сама по себе правомерна, а незаконна лишь абсолютизация этой цели, где добро превращается в зло. В России профилактика против экстремизма запущена, поэтому чаще приходится использовать силовые методы.

Кроме того, необходимо дать четкое определение экстремизму, что потребуются для разработки правовых документов и для работы с населением.

Экстремисты это те, кто угрожают безопасности личности, обществу и государству, а политический экстремизм – это стремление к крайностям в политике, а в узком смысле – это деятельность политических сил, ведущих борьбу за власть непарламентским путем. [16, с. 37].

Экстремизм включает в себя три элемента: идеологию, деятельность и организацию со штабом, Но надо уточнить, что, например, в Дагестане деятельность ваххабитов запрещена, но их никто не трогает, пока они не берут в руки оружие.

Литература

1. Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета №7 23 января 2012 г. – С. 1, 4.
2. «Новые известия», 17.07.2007. – С. 2.
3. Давыдов В. . 12 декабря 2006 года в 12:00 .Как одолеть молодежный экстремизм? <http://www.ug.ru/issues/>
4. Лутцев М.В. Правый радикализм в современной России. // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Сборник под ред. В.В. Амелина, 2011. – 286 с. – С. 181-187.
5. Там же. 18-19.
6. Rosenau J. Citizen between elections. N.Y. – Z., 1974. – P. 26-34.
7. Ибрагимова А.Ф. Причины молодежного экстремизма в современной России. // Межкультурный диалог: воспитание толерантности и противодействие экстремизму. Материалы межрегиональных научно-практических конференций. Оренбург, изд. ОГАУ, 2009. – С. 82-85.
8. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. – Махачкала: Лотос, 2009. – С. 7-9.
9. Там же. – С. 13-15.
10. Zipset S.M. Social structure and Social change. // Consensus and conflict. – N.Y., 1985. – P. 21-39.
11. Попов В. Кризис усугубил межнациональные трения. Независимая газета, 18 октября, 2010. – С. 1 и 10.
12. Садовская Ю. Страховка от оппозиции. Независимая газета, 15 марта, 2011. – С. 11.
13. Шешукова Г.В. Влияние процесса государственного строительства на рост политического экстремизма в России. // Противодействие экстремистской деятельности в России: проблемы теории и практики. Материалы заседания «круглого стола» по разъяснению Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 г. – Оренбург, 2006. – С. 33-38.
14. Heisler M. Ethnic conflict in the World today: an introduction // The annals. – V. 433, September, 1977. – P. 1-5.
15. Шешукова Г.В. Позиции современных российских партий по

национальному вопросу. // Межкультурный диалог: воспитание толерантности и противодействие экстремизму. Материалы межрегиональных научно-практических конференций. Оренбург, изд. ОГАУ, 2009. – С. 15-22.

16. Там же. – С. 37.

Тикеев Ф.Г.

НОСТРАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БАШКИРОВЕДЕНИИ

Ностратика – это одна из разновидностей сравнительно-исторического языкознания, которая исследует вопросы о дальнем возможном родстве между крупными семьями языков. Она возникла в самом начале XX в., когда датский индоевропеист Х. Педерсен в статье о тюркских фонетических законах высказал гипотезу о вероятном родстве в грамматическом и лексическом строе между уральскими, алтайскими, индоевропейскими и др. языками (Pedersen 1903).

В отечественной лингвистике первые исследования по ностратике появились в начале 60-х годов XX в., что стало значительным фактом в нашем сравнительно-историческом языкознании.

Следует особо отметить, что первые работы по ностратической проблематике появились в башкироведении также в 60-х годах XX в. Они принадлежали перу двух выдающихся специалистов по башкирскому языку – основателя школы урало-алтаистики в Башкортостане Дж. Г. Киекбаева и Т.М. Гарипова.

На известной в башкироведении научной сессии по этногенезу башкир (май 1969 г.) тюрколог, ученик Н. К. Дмитриева, Т.М. Гарипов выступил с докладом «Место башкирского языка в структурно-типологической классификации языков» и впервые в башкирском языкознании высказал мысль о принадлежности башкирского языка к семье урало-алтайских ностратических (бореальных, борейских, сибироевропейских) языков: «Казалось бы, что общего между башкирским айак «нога», прототюрк азак, и русским *пеший*? Бореалистика же реконструирует для них общий корень *paqd* «нога, ступня» - ср. греческ. *подагра* «болезнь ног», латинск. *pedalis* «ножной», французск. *pieд* «нога, ступня, лапа», англ. *football* «ножной мяч», корейск. *padak* «нога», орочск. *pagdiga* «стопа», эвенк. *hagdi* «пятка»; Или: борейск. кагэ дает следующие рефлексy: древнеиндийск. кршна, С древнепруск. киренан, тюркск. кара, монг. хара, японск. куро, русск. черный.

«Итак, следовало бы согласно генеалогической классификации языков отнести башкирский язык к ностратическим (Х. Педерсен, В.М. Иллич-Свитыч), восточноборейским (А.Б. Долгопольский, Г.П. Мельников), урало-алтайским (Ф.И. Страленберг, В. Шотт, М.А. Кастрен, Г. Винклер, И.Грюнцель, Г. Рамстедт, О. Соважо, Дж.Г. Киекбаев, Н.А. Баскаков), алтайским (подавляющее большинство отечественных и зарубежных ориенталистов), только тюркским (А.М. Щербак), кыпчакским (почти все тюркологи), а внутри их – к урало-волжским языкам. В большей части эти мнения разделяет и автор данной статьи». [Гарипов Т.М. Археология и этнография Башкирии, Т. IV, Уфа, 1971, С. 241-248].

На этой сессии историк из Фрунзе К. Петров выступил с докладом «Генетическое родство урало-алтайских и индо-европейских языков» о связи башкирского с индоевропейскими и многими другими языками мира, однако терминами *ностратический* и *борейский* не пользовался.

Научная сессия по этногенезу башкир 13-16 мая 1969 г. г. Уфе провели Отделение истории Академии наук СССР и ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР.

Дж.Г. Киекбаев до своей безвременной кончины подготовил к печати работу «Введение в изучение урало-алтайских языков», которая увидела свет лишь в 1972 г. В данном исследовании известный урало-алтаист высказался отрицательно по вопросу родства индоевропейских языков с урало-алтайскими, следовательно, был настроен скептически к ностратической теории. Как говорят, факты – упрямая вещь. Не взирая на то, что в своей монографии, изданной после смерти автора (Киекбаев, 1972) говорится о сравнении индоевропейских языков с алтайскими, тюркскими в отрицательном смысле (имеется в виду публикации А. Долгопольского 60-х годов XX века) в книге воспоминаний о Дж. Г. Киекбаеве М.З. Закиев приводит такое высказывание башкирского ученого (в частной беседе и переписке):

«Еще в начале нашего века ученые разных стран открыли вхождение языков народов Европы, Азии и Африки в одну семью, которую назвали ностратической. Показ ностратической теории через конкретные факты остается моей жизненной целью, так как она связана с историей народа и требует постоянных поисков (Сб. Жэлил Кейекбаев тураһында иҫтәлектәр. – Уфа: Китап. С. 30)

Возможно, в последние годы ученый изменил свои взгляды на противоположные... Необходимо подчеркнуть, что о сходстве уральских языков, к примеру, с индоевропейскими тогда уже были написаны специальные монографии. Пример этому – книга эстонского лингвиста Н. Андерсена (ко-

нец XIX века). Широко эрудированный Дж.Г. Киекбаев, без сомнения, был знаком с подобными изданиями.

Дж.Г. Киекбаев во всех своих трудах, посвященных строению башкирского, сравнивает его с другими языками: тюркскими, монгольскими, финно-угорскими и западно-европейскими. Используя последние достижения в области индоевропейских и урало-алтайских языков, ученый положил основу исторической грамматике башкирского языка [ж. Башкортостан укытыусыһы 'Учитель Башкирии'. 1992, № 6. С.26-27].

В 70-х годах XX века ностратическая проблематика в деле изучения башкирского языка нашла свое продолжение. Речь здесь идет о публикации текста доклада Т. Гарипова от 1969 г. в сборнике «Археология и этнография Башкирии» (1971 г.)¹ и об издании упомянутой выше монографии Дж.Г. Киекбаева.

80-ые годы XX века дали новые имена в области ностратических исследований в башкироведении.

Известный тюрколог, алтаист А. Г. Шайхулов на региональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию видного ученого Дж.Г. Киекбаева (г. Уфа, 23 окт. 1981 г.) выступил с докладом «От урало-алтайской гипотезы до ностратической теории. Некоторые аспекты эволюции идей Дж.Г. Киекбаева», который остался только в рукописи.

В этот период А.Г. Шайхулов, лично общавшийся с основателем ностратики в России В. Иллич-Свитычем, как и Т.М. Гарипов, напечатал несколько работ, где ностратика упоминается в связке с изучением урало-алтайских языков. (Введение в изучение алтайских языков: пособие для студентов. Уфа: БашГУ).

Уфимский ученый Ф.Р. Латыпов опубликовал тезисы своего выступления на научной конференции в Ленинграде, однако башкирский язык в нем не упомянут (Латыпов Ф.Р. Пратюркские черты этрусского языка в связи с ностратической теорией // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Л., 1983, С. 55-57).

К этому же времени относятся первые шаги в науке уфимского тюрколога, компаративиста и исследователя ностратики Ш.В. Нафикова. В диссертации по ихтионимике он уделил внимание изучению башкирских названий рыб под углом зрения урало-алтаистики и ностратики (г. Уфа, 1986). Однако по совету своего руководителя З.Г. Ураксина начинающий ученый опустил эти страницы рукописи, ныне хранящиеся в его личном архиве.

¹ В 1914 г. Гарипов издал докторскую монографию в издательстве «Наука» (Москва), где упоминает ностратика при изучении фонетики башкирского языка.

Активизация проблематики «ностратика и башкирский язык» произошла в 90-ые годы – заключительном десятилетии эпохального для науки и всего человечества XX века. В научном журнале «Ядкяр» Академии наук Республики Башкортостан Ш.В. Нафиков, став профессиональным тюркологом (канд. филол. наук с 1987 г.), опубликовал статью о месте башкирского языка в кругу ностратической сверхсемьи (см. кн. Тамыры уғата боронғо башкорт, г. Уфа, 2009). Для более полного понимания взглядов Ш.В. Нафикова приведем пространную цитату из его монографии о связях тюркских языков с ностратическими:

«Предлагаемая вниманию специалистов, а также других заинтересованных читателей монография может рассматриваться как один из первых опытов приложения различных положений бореальной (ностратической) теории к системному описанию отдельно взятого языка тюркской семьи.

Относительно самого термина бореальные, либо гиперборейские языки в специальной литературе существуют различные точки зрения и выбор конкретного обозначения представляется вопросом личного выбора или мнения.

Предпосылки для создания настоящей монографии имеются, (так сказать) налицо. Существует и нашла широкий отклик в научном мире ностратическая (бореальная) теория или (по осторожному выражению ряда ученых) соответствующая гипотеза. Совершенно естественным явлением следует считать наличие, как противников (скептиков), так и сторонников, приверженцев ностратики, ставшей в XX веке одной из самых передовых направлений сравнительно- исторического языкознания во многом усилиями ученых России.

Новизна предлагаемой работы сводится главным образом к двум моментам: а) большему вниманию к внеязыковым данным и б) широкому использованию концепции доностратических языков, в свете старой теории языков яфетических, новой теории палеоевразийских, (иначе дене-синокавказских) языков». (Нафиков, 2003:3)

Учитывая то, что книга Ш.В. Нафикова превратилась в библиографическую редкость, воспроизводим оглавление этой интересной монографии: Предисловие редактора; от автора; оглавление. Литература; список некоторых сокращений; Введение. Гл. I. 1.1. О типологическом строе бореальных языков 1.2. Частицы. Отрицательные и запретительные; Усилительные и соединительные; Прочие; Частицы как прообраз местоимений. 1.3. Местоимения. Указательные. Вопросительные. Личные. 1.4. Числительные. 1.4.1. Количественные числительные первого десятка. Гл. II. Синтаксис. Синтаксис словосочетания. Импликации бо-

реального расположения слов в синтагме. Элементы синтаксиса простого предложения. II 3. Вопросы синтаксиса сложного предложения Гл. III. Аффиксальная морфология. Аффиксы падежей. Словообразовательные аффиксы. Аффиксы глагольных залогов. Прочие форманты Гл. IV. Фонетика и фонология. IV. 1. Стрoение слога. IV.2. Гласные. IV.3. Просодика. IV. 4. Фоносемантика. IV.5. Консонантизм. Гл. V. Лексика. V. 1. Сравнительный словарь. V.2. Отражение башкирского материала в «Опыте сравнения ностратических языков» В.М. Иллич-Свитыча. Гл. VI. Бореальная теория в свете неязыковых данных и некоторые вопросы этногенеза башкир VI. 1. Ностратические исследования и мифология VI. 2. Привлечение антропологических данных в бореальную проблематику VI. 3. Некоторые вопросы в свете культурной антропологии Гл. VII. Бореальные языки и их связи с иными языковыми семьями Заключение. Место языка башкир в рамках бореальной макросемьи.

Таково содержание этой многоаспектной и оригинальной монографии. В наши дни Ш.В. Нафиков продолжает заниматься ностратической темой в башкирском языковедении, примером чему является алтаистическая статья ученого, [см. (Нафиков, 2011/11)], где есть сведения и по ностратике.

Но ряд произведений этого автора остались, в силу разных причин, в рукописи.

Отрицательное мнение о ностратике выразил в печати башкирский германист и языковед Б.Г. Ганеев. Красноречивый характер носит его полемическая статья «Мифическая лингвистика» (Ганеев, 2000): так ученый-полиглот, главным образом индоевропеист со знанием многих восточных языков, называет ностратическое направление в языковедении, в т.ч. и в Башкортостане.

В целом обзор литературы в этой связи смотри в монографии Ш.В.Нафикова от 2003 г. (с. 259-279)

Наконец, в наше время наступил своеобразный «всплеск» в русле исследований по теме «ностратика и башкирский язык».

По-прежнему, научная аудитория имеет возможность знакомиться с работами «отца башкирской ностратики», члена-корреспондента АН РБ Т.М.Гарипова. В 2000 г. ученый вместе со своими соавторами написал большую статью, где вопросу связи башкирского языка с индоевропейскими (включая русский и английский) отведено несколько страниц. Одним из характерных примеров публикаций Т.М. Гарипова по ностратике являются такие статьи и тезисы, как (Гарипов, 1988) (как образчик работ конца XX века) и (Гарипов, 2004) - пример ностратической по своему духу публикации в веке XXI-ом.

Ш.В. Нафиков опубликовал первую в тюркологии и башкироведении научную монографию «Бореальные элементы в башкирском языке» (Уфа: Гилем, 2003). Научную ценность этой книги подчеркивает факт выступления Ш.В. Нафикова на заседании Президиума АН РБ с докладом по своей пионерской научной работе.

Эпизодические ссылки на ностратiku в башкироведении имеются в работах уфимских тюркологов А.Г. Шайхулова, Р.З. Шакурова, Ф.Г.Хисамитдиновой и др.

Наконец, в 2012 г., появилась статья известного тюрколога и башкироведа из Стерлитамака Г.Г. Кагарманова. В этой важной статье с красноречивым заглавием «Тюркология, башкироведение и ностратика» автор приводит лексические сближения между индоевропейскими и алтайскими языками (на примере санскритских и тюркских слов) и показывает их источник в ностратическом праязыке; в библиографии имеются ссылки на работы Т.М. Гарипова, Ш.В. Нафикова. Отмечу, что это не первая публикация Г.Г. Кагарманова, где упоминается ностратика в башкироведении (Кагарманов Г.Г. Современные проблемы башкирской и тюркской филологии и филологического образования. Уфа: Гилем, 2012:214-217).

Перу Т.М. Гарипова и его ученика Ш.В. Нафикова принадлежат десятки тезисов, статей в периодической печати, посвященных рассмотрению различных аспектов этой проблемы (фонетических, лексических, грамматических). Перечень ряда исследований приводится в монографии Ш.В. Нафикова «А корни наши древние». Во всемирной сети Интернет есть сайт nafiqoff@mail.ru, где размещены отдельные научные работы данного ученого.

В целом следует сказать, что ностратика, как сама алтаистика и уралоалтаистика, была и остается дискуссионным направлением в отечественной филологии, как, впрочем, и в области общего языкознания. Библиография по собственно ностратике насчитывает сотни наименований и пополняется из года в год.

Литература

- 1 Bomhard, Allan R. and John C. Kerns. 1994. The Nostratic Macrofamily: A Study in Distant Linguistic Relationship. – Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
2. Тикеев Ф.С., Нафиков Ш.В., 2011.
3. Kluge, Friedrich. 1960. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 18. Auflage bearbeitet von Walther Mitzka, De Gruyter, Berlin.

4. Серебrenников Б.А. 1971 // *Общее языкознание. Глава 1. Методы лингвистических исследований.*
5. Trombetti A. 1905. *Unita d'origine del R'nguagging.* – Bologna: Treves.
6. Radloff – Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий. I–IV.* СПб., 1899–1911.
7. Poppe N. 1960. *Vergleichende Grammatic der altaischen Sprachen. Theil I. Vergleichende Lautlehre.* – Wiesbaden.
8. Merritt Ruhlen: Proto-Amerind *KAPA 'Finger, Hand' and Its Origin in the Old World. 320–325 // *Indo-European, Nostratic, and Beyond; Festschrift for Vitalij V. Shevoroshkin.* Washington, 1997.
9. Bengston, John D. - Ruhlen, Merrit. 1989 'Global Etymologies'.
10. Ruhlen M. – 1994. *On the origin of language. Studies in linguistic taxonomy.* Stanford: Stanford University Press.
11. Starostin S. *Nostratic and Sino-Caucasian // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989. – С. 106–124.*
12. Иллич-Свитыч В.М. *Материалы к сравнительному словарю ностратических языков 1965 // Этимология 1965. М., 1967.*
13. Starostin S., Dybo A., Mudrak O. *Etymological dictionary of the Altaic languages.* – Leiden; Boston: Brill, 2003. – 2096 p.
14. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches W>rterbuch.* Bern, 1959.
15. Ramstedt 1935. – *Kalmuckisches W>rterbuch. (LSFU 3).*
16. Иллич-Свитыч В.М. *Опыт сравнения ностратических языков. – М., 1971.*
17. Conrady A. 1916. *Eine werkw?rdige Beziehung zwischen indochinesisch und austronesisch. // Aufs?tze zur Kultur – und Sprachgeschichte vornehmlich des Orients. Ernst Kuhn zum 70. Geburtstage am 7. Februar 1916 gewidment von Freunden und Sch?lern. M?nchen. S. 503–519.*
18. Щербак А.М. *Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.*
19. Wikander S. *Maya and Altaic // Ethnos. 1967. № 32. P. 141–148.*
20. Старостин 1991. – Старостин С.А. *Алтайская проблема и происхождение японского языка. М.*
21. Kuipers A.: *Towards a Salish etymological dictionary // Lingua. – № 26. – P. 46– 72. 1970.*

22. Swadesh 1964 – M. Swadesh. Comparative Penutian glosses of Sapir // Studies in Californian linguistics. Berkeley, pp. 182–195.
23. Хөсәйенова Г.Р. Ж.Ф. Кейекбаев һәм башкорт халык ижады. – Дж.Г. Киекбаев и башкирское народное творчество. Шунда ук. Өфө, 1996, 91–92 се б.
24. Әлибаев З.А. Башкорт прозаһын үстөрөүҙә Ж.Ф. Кейекбаевтың роле. – Роль Дж.Г. Киекбаева в росте башкирской прозы. Шунда ук. Өфө, 1996, 93–94 се б.
25. Самситова Л.Х. Безэквивалентная лексика башкирского языка в романе Дж.Г. Киекбаева «Родные и знакомые» // Там же. Уфа, 2001, с. 147–149.
26. Зайнуллин М.В. Профессор Дж.Г. Киекбаев как языковая личность // Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования языковой толерантной личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 2. Уфа, 2001, с. 13–135.
27. Зайнуллин М.В. Выдающийся башкирский ученый-филолог и тюрколог // Ученый и писатель Джалиль Гиниятович Киекбаев. Биобиблиография. Уфа: БашГУ, 2001, с. 22–34.
28. Зайнуллин М.В. Гордость башкирского народа (к 90-летию со дня рождения) // Истоки, 2001, № 23, 25 декабря.
29. Зайнуллин М.В. Жизнь, отданная науке (к 90-летию со дня рождения) // Кафедра, БГУ, 2001, 9 ноября.
30. Зайнуллин М.В. Гордость башкирского языкознания.
31. Сөләймәнов Ә.М. Ж. Кейекбаевтың романында әкиәт менән ауазадашлыҡ. – Созвучие с народной сказкой в романе Дж.Г. Киекбаева. Шунда ук. Өфө, 1996, 26–27- се б.
32. Янғужин Р.З. Жәлил Кекйекбаев һәм «Венгр халык әкиәттәре». – Джалиль Киекбаев и «Венгерские народные сказки». Шунда ук Өфө, 1996, 31–32- се б.
33. Тәкәев Д.С. Проф. Ж.Ф. Кейекбаев – стилист. – Проф. Дж.Г. Киекбаев – стилист. Шунда ук. Өфө, 1996, 36–37- се б.
34. Зайнуллин М.В. Кейекбаев Жәлил Гиниәт улы. Башкортостан: Кыскаса энциклопедия. Өфө: Башкорт энциклопедияһы, 1997.

ДИНАМИКА И МОДЕЛИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО ТРАДИРОВАНИЯ

Эпоха Нового времени открыла более широкий горизонт преобразования мира, а эпоха Просвещения возвысила разум как инструмент познания и преобразования мира. Результаты не замедлили сказаться – открытие законов механики, природы химических элементов привели к быстрому росту технических инноваций, увеличивших производительность труда, что не могло не повлиять на рост буржуазного капитала. Экономический обмен стал определяющим в структуре новых отношений. Все остальное выстраивалось вокруг получения дохода. Утилитарное отношение, до этого подавленное эстетическими установками традиционализма, получило теоретическое обоснование, так как область духовного была редуцирована до электро-химических модуляций головного мозга. Бог, душа, спасение перестали быть онтологическими понятиями и ценностями. Онтологический статус получили понятия товар, деньги, престиж, выгода и т. п. Теоретическое отношение, подчиненное прагматическим целям, привело к созданию технических средств, позволявших легко манипулировать целыми народами. Эксперименты с химическим, а затем и ядерным оружием в XX веке показали мощь сил природы и хрупкость человеческой жизни. Теоретическое и утилитарное отношение без наличия высоких эстетических идеалов обращали свою разрушительную силу против самого же человека.

Для послевоенных лет XX века характерен поворот к субъекту, но в отличие от эпохи Возрождения это не означало возврата к антропоцентризму, признанию ценностью человеческих потребностей. Поворот к субъекту означал признание ценностью человеческой субъективности, личностного начала, потребности в развитии антропоморфных форм взаимодействия с реальностью. Разрабатываются направления персонализма, мир становится более открытым к инокультурному опыту. Возникает контркультура: хиппи, зеленые и другие аутсайдеры.

При этом утилитаристские тенденции продолжают существовать, совершенствуя теоретическое освоение мира. Массовая реальность сузилась до сферы потребления. В социуме сосредоточенность на обмене вещами и услугами создает неблагоприятный климат отчуждения, безразличия. Общество, основанное на эгоцентризме, теряет связь с реальностью. В нем формируется особая потребительская аксиология с такими качествами, как дегуманизация, униформизм, рентабельность, культ тела и его потребностей.

Восточный сценарий динамики аксиологической модальности в ТК можно рассмотреть на примере культуры Индии, где первое тысячелетие до н.э. знаменовалось скачком утилитарной модальности. В ТК Индии утилитарные цели были опосредованы специальной процедурой яги или жертвоприношения. Статус этой процедуры традиционного общества можно сравнить только с научным экспериментом сегодня. Это точная и строгая манипуляция, для проведения которой нужен был ритвик или жрец, квалифицированный в шести предметах: ритуал (рита); методика (тантра); необходимые компоненты (дравья); подходящее время (кала); правильное место (деша); точное чтение заклинаний (мантра). Соблюдение всех правил этого большого эксперимента приводит к получению желаемого результата. Таков культурный феномен, который существовал в течение тысячелетий в ведийской и других традиционных культурах.

Идея жертвоприношения заключается в концентрировании космических сил в микрокосмосе. Выполняя точно процедуру яги, жрец овладевает на какое-то время силами сотворения вселенной. Идеология яги была доведена до совершенства в философской системе «карма-миманса» (одна из 6 философских систем Индии). Это некая модель герметического символизма, где не важно, есть Высший Закон или нет, главное, что процесс действует.

Эстетический модус ведийского общества постепенно сменился на прагматическое отношение к миру. Ритуал («рита» на санскрите означает порядок, гармония), призванный соединять мир людей и мир богов, со временем стал использоваться для вторичных целей, соотнесения себя не с миром гармонии, а с достатком, выгодой и самооблажением. Священные ритуалы утратили свои прежние смыслы и стали выполняться механически и имперсонально. Церемониальные детали ритуалов стали важнее, чем тот, на кого ритуал был направлен. Божество превратилось в слово, стоящее в форме дательного падежа и отвечающее на вопрос «Кому? Чему?». Реальность стала безличным законом, вознаграждающим все правильные и неправильные поступки.

Нетрудно заметить сходство с современной наукой. Ягья, проводившаяся в ведийском обществе, напоминает естественнонаучный эксперимент: должен быть экспериментатор, нужны реактивы, должны учитываться определённые условия. Эксперимент подтверждает автономность причинно-следственных связей (или закона кармы) от личности Творца. Не важно, существует Бог или нет, результат получен. Феномен естественной науки очень напоминает утилитарный модус взаимодействия в ведийской культуре. Пафос и того, и другого состоит в механическом взаимодействии с реальностью.

Из-за экономического характера поступка между человеком и реальностью устанавливаются нейтральные отношения «ты – мне, я – тебе». Независимо от сценария аксиологической динамики, как в ТК, так и в культуре индустриальной, постепенно начинает доминировать формально-рациональное начало, растёт культ технологии. Всего благосостояния можно достичь с помощью техники. В ведийском обществе это была ягья и, соответственно, целью стало проводить как можно больше ягьи. Подобная ситуация складывается и в современном обществе, где человечество ищет решения своих проблем в технике. Счастья можно обрести с помощью техники и развития науки.

Культ технической силы приводит к смысловому утомлению человека. Проблему любви, одиночества, долга нельзя решить технологически. Результатом смысловой фрустрации является формирование в обществе технологической антикультуры. На тезис утилитарной модальности всегда существует антитезис, который именуется теоретической модальностью. Первым признаком этой антикультуры является остро растущее разочарование у людей, как в технике, так и в её плодах. Растёт понимание того, что благо, которое человек может получить, неподвластно технике. Конечного блага техника дать не может. Это приводит к усилению теоретической модальности, поиску чистого знания, а в крайних формах – к пессимизму и нигилизму.

В обществе растёт интерес к философии, люди ищут более глубокое понимание этого мира. Развитие теоретической модальности приводит к пониманию того, что смысл человеческой жизни состоит в поиске Абсолютной истины, что относительные истины не могут принести удовлетворение человеку. В своём поиске Абсолютной Истины учёные всегда доходят до какого-то предела, а найдя его, обнаруживают, что дальше следует безмолвие и пустота (Э. Шредингер, Ф. Капра).

Зрелая теоретическая модальность приводит к последовательному отрицанию этого мира. В ТК Индии такая теоретическая модальность называется гьяна, или философское учение о недвойственности мира. Теоретическое отношение деонтологизирует феноменальный мир как временный и преходящий, идеализирует его основу, лежащую за пределами чувственного восприятия. Подобное теоретическое отношение к миру существует как в ведийской традиции, так и в западной. В ведийской традиции это называется «нетти, нетти, нетти», когда человек абстрагируется от чувственно-данных вещей и формулирует трансцендентальное как нечто, лежащее за пределом диапазона чувств. В западной традиции этому соответствует апо-

фатика, когда человек ищет изначальный принцип, создавший этот мир, но он определяет его через отрицание, как то, что не связано с этим миром. Столкновение между утилитарным (карма) и теоретическим отношением (гьяна) должно привести к появлению третьей стадии – отречения от мира. Отречение играет роль внерационального катализатора обновления традиции. В инициативное поле отречения (пресыщения) втягиваются множество индивидуальностей, которые, работая в разных областях, непроизвольно и неосознанно готовят обновление традиции.

В ведийской культуре эти стадии настолько близко соприкасаются, что имеется даже специальный термин – гьяна-вайрагья: зрелое теоретическое отношение, которое подразумевает отречение от этого мира. В Индии был момент, когда злоупотребление кармой привело к её отрицанию. Избыточные чувственные удовольствия начинают принимать извращённые, отвратительные формы. Соответственно, разумные люди, стремящиеся найти какую-либо опору, отрицают этот мир. Такой поворот осуществил Будда. Он был тем, кто перевел общество с позиции кармы на стадию гьяны и вайрагьи (полное отрицание этого мира). По сути, Будда дал теоретическую модальность в наиболее полной и законченной форме.

Западное общество регулярно переживает колебания между утилитарной и теоретической модальностью аксиологии. Всплеск утилитарного отношения в эпоху Возрождения сменился напряженным, иллюзорным стилем барокко. Рациональная эпоха Просвещения породила свою контркультуру. Это выразилось в появлении романтизма, идеализма, разного рода мистических учений, реакции на утилитарную модальность. Движение хиппи в 60-е годы XX века – это пример того, как молодежь стремилась отказаться от утилитарных ценностей, которым следовали их отцы: истеблишмент, конформизм, благосостояние. Однако через десяток лет произошел откат, и большинство из бунтарей стало образцовыми буржуа. Аналогичный период наблюдается сейчас, когда прагматизм достиг некоторого предела и западное общество стремится перейти от культа техники и желания эксплуатировать этот мир – к теоретической модальности. Крепнет движение «Новый век» (New Age), которое пророчит посттехническое и постиндустриальное будущее в грядущую эру Водолея.

В течение последних 400 лет индустриальное общество безуспешно пытается осуществить этот переход от утилитарного отношения к теоретическому. В западном обществе такой переход, видимо, невозможен, поскольку ему чужд принцип самоограничения. Например, когда Будда переводил общество от состояния кармы к гьяне, то ему потребовалось несколько лет, так как в ведийском обществе институт отречения существовал даже тогда,

когда оно жило по законам кармы. Буддизм и джайнизм – это реформаторские учения, выступающие против сословной иерархии и автоматического действия в культуре.

Успешный переход от утилитарного отношения к теоретическому возможен при условии отречения, аскезы. В западном обществе наблюдается парадоксальная ситуация: с одной стороны, человек уже не видит смысла в наслаждении, а с другой – он не может от него отказаться, так как в обществе не прижилась культура ограничений, и нет надежды на ее институализацию. Еще одним доказательством тому служит интересное явление «гуруизма»: когда на Запад приезжают учителя восточных учений, то они для поддержания спроса вынуждены отказаться от ограничений для своих последователей, накладываемых учением (Махариши, Ошо Раджниш и т.д.). В то время как гьяна в её чистом виде предполагала очень большую строгость и отречение от мира.

В ведийском традиционном обществе, когда человек разочаровывается в обыденных ценностях и ищет альтернативное знание, которое даёт гьяна, он приходит к «священной пустоте». Мирская пустота принимает уродливые формы нигилизма и терроризма. Человек считает, что мир иллюзорен, у него нет моральных принципов, но он не может отказаться от него. Люди продолжают наслаждаться нереальным миром, разрушая остатки морали. Очень трудно представить, что кто-либо сможет внедрить на Западе восточную модель перехода от утилитарной аксиологии к теоретической, так как здесь отсутствует институт аскетизма. Решение может быть найдено только в не классической парадигме. Выходом из кризиса противостояния утилитарного и теоретического отношения является эстетическая модальность. Успех теоретического отношения возможен при условии преодоления противоречия между деятельностью и бездеятельностью, формой и бесформенностью. Утилитарная модальность означает деятельность и наслаждение формами этого мира, а теоретическая предполагает отрицание земных форм и принципиальную бездеятельность; но чтобы чистое знание принесло какой-то результат, нужно объединить деятельность и бездеятельность, форму и бесформенность. Эстетическое отношение не отрицает и не принимает мир ради самого себя. Вещь здесь обладает ценностью как то, что связано с полным целым. Для развития эстетического отношения нет необходимости проходить долгий путь от прагмы к теории. С любого уровня возможно развитие эстетического отношения.

Смысловое мышление есть параметр заданности целью действия: «цель есть все». Смыслы – содержательная ткань целеполагания. Смысло-

вое мышление есть также установка на сохранение первоначальных значений. В этом контексте, культура теряет связь с традицией, когда затирается область значений смыслов и остается языковая оболочка. Последующая культура воспринимает языковую оболочку как совокупность мифов.

Смыслоорганизующим началом в традиционной культуре выступают сакральные тексты, где формулируется генеральный смысл, объединяющий вокруг себя все частные смыслы. Главным типом познания такого рода является религия, познание особого качества – ценностное, экзистенциальное, смысловое и устойчивое. Дедуктивное мышление религии позволяет ей концентрироваться на истоках бытия и отвлекаться от исследования эмпирического многообразия.

Смысловому мышлению противостоит технологическое мышление, параметр заданности методом осуществления: «средства есть все, цель – ничто».

При изобилии материальных благ в индустриальной культуре существует сильный дефицит смыслов. Смыслообразующие институты, такие как семья, религия, трудовые династии, суды чести и т.п. находятся в упадке. Смысловое поведение, такое как долг, честь, совесть, ответственность, преданность, любовь стало раритетом. Представители власти призывают к религиозным деятелям с просьбой о помощи в воспитании молодежи, хотя деятельность самих властных институтов продиктована меркантильным интересом и направлена против сущности человека. Взрослое поколение лелеет старые смыслы в меняющемся обществе или прибегает к сеансам смысловотерапии (природа, винтажное кино, путешествия). Новое поколение рождается с врожденным смыслодефицитом и не замечает фатальных изменений в культуре. Человек – единственное существо, готовое привыкнуть к искусственной среде обитания, лишенной эмоций и смыслов. Но, поскольку для человека потребность в смысле является стержневой, то при потере ее, он лишается ориентации в предметном мире, человек не может жить как безличный предмет. Невозможность существования без смысла подтверждается увеличением процента самоубийств. Самоубийство означает нетерпимый протест против потери смыслов.

В традиционном обществе смысл позволяет претерпевать страдание. Когда человек остается один на один с болью, лишенный смысла, он не может больше терпеть. Постиндустриальное общество развивает программу функционального существования: человек рассматривается как потребитель материальных благ. Альтернативой этому выступает традиционный человек, обогащенный смыслами. Традиционный человек не теряет душевно-

го равновесия, сталкиваясь с телесными, психологическими страданиями, т.к. в нем сильны индивидуальные смысловые структуры.

В условиях советского общества существовала ярко выраженная смысловая компонента, пусть не во всем состоятельная. В постсоветском обществе смысловые структуры рухнули и сейчас мы переделываемся в функциональных роботов. Безуспешность жизни в смысловом вакууме хорошо продемонстрирована в футуристическом романе А. Зиновьева «Глобальный человек».

В культуре смыслодефицита в качестве субститута подбрасываются деньги, власть, удовольствие и т.п. Все это выступает лишь средством симуляции смысла. Деньги, наряду с наркотиками, алкоголем, азартными играми и сексом, создают также ситуацию иллюзорного контроля над реальностью, смысло-генерации.

Homo medium смело форматирует смысловую среду, переписывает историю, вводит в оборот новые ценности, тем самым осуществляя информационную власть. Homo medium создает в неустойчивом обществе иллюзию определенности, контроля знания. Он формирует ощущение определенности бытия в безграничном потоке информации. Homo medium – это ас символического проектирования, мастер по продажам смысловых симулякров. Дезориентированный субъект пост-культуры находит в медиа специалисте своего смыслового терапевта.

Затирание смысла, в свою очередь, порождает вакуум таких оснований культуры как норма, ценность, которые, будучи лишены смыслового обоснования, выходят из культурного оборота.

Инновационная культура не имеет магистрального смыслового вектора и поэтому все подчиненные смыслы принимают относительный, временный и конечный характер. Знание, лишенное смысла, называется информацией, следовательно, инновационное общество также называют информационным. Информационное общество, лишенное генерального смысла, открыто к обновлению информации, смыслов, ценностей, норм. Информационные конструкции посттрадиционного общества носят неустойчивый характер и легко заменяются при контакте с новой реальностью.

Особую легитимизацию получает наука, как инструментальная, неценностная сфера познания, лишенная смыслового центра. Научная концептуализация происходит по принципиально посттрадиционному правилу: форматирование элементов здравого смысла и их реконфигурация. Понятие истока, причины сменяется понятием «след».

Колониальная посттрадиционная культура заключает в себе деканонизацию традиционных ценностей путем подмены глубинного смысла

поверхностно-чувственным отношением к миру, дара – потреблением, духовности – телесностью, иерархии – плюрализмом, индивидуальность – серийностью. В рамках традиционных культур такой эксперимент заканчивается крахом культурной идентичности.

Ценностно-смысловые традиции транслируются в малых группах. В условиях социокультурной пролиферации возрастает возможность стереоскопических проекций, когда каждая группа может увеличить количество восприятий себя и другого. Все ли группы воспользуются такой возможностью? Отнюдь. Это наиболее затруднено в группах с доминирующим бинарным архетипом. Самую большую социальную группу бинарного мышления представляют собой авраамические религии. Именно поэтому секулярный характер государства является большим выстраданным достижением человечества, ибо победа одной религии навязала бы один ответ вместо разнообразных ответов других религий. Преодоление социального бинаризма по-прежнему остаётся насущной проблемой человечества.

Традиция – это прибежище экзистенциальных смыслов, иммунная система общества. Культурные смыслы – это категория цели действия, а технология – способа действия. Индустриальное общество делает ставку на эффективные технологии, в то время как традиционное – на ценностно-смысловые параметры. Везде, где наследование жизненных смыслов преобладает над технологией, существует традиционная культура. Она имеет не только свою географическую, но и ценностно-смысловую динамику. В наши дни традиционная культура подвергается анклавизации, она расплывается поверх индустриального и постиндустриального общества. Ценностно-смысловое расслоение пострадиционного общества реализуется через традиции, оно есть результат конкретизация индивидуальных запросов. При этом происходит соединение модели сети и модели кластера: социальный кластер – это форма конкретизации «я», а сеть – форма коммуникации, активации социальных связей (ссылок).

В социальном познании конкретизация означает самореализация индивида, обретение ценностно-смысловой идентичности. В этом смысле пострадиционное (политрадиционное) общество – это общество сект, малых групп, удовлетворяющих индивидуальные потребности в самоопределении.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В РАЗВИТИИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП РЕГИОНА

В условиях трансформации общественных отношений разработка стратегии управления развитием и функционированием различных этнонациональных групп стала одной из актуальных проблем. При этом эта стратегия должна строиться не только на федеральном, общегосударственном уровне, но и на уровне всех субъектов и прежде всего на уровне национальных республик, которые являются полиэтническими. Игнорирование специфических интересов коренных народов, диктат центра воспринимаются как проявление социальной несправедливости по отношению и национальных республик, округов, краев, областей, и к их всему многонациональному населению. Когда в организации жизнедеятельности людей игнорируются потребности национальной специфики, этнического развития, свобода совести, когда преобладает ведомственный, бюрократически-усредненный подход, одним словом, когда не соблюдаются требования социальной справедливости, который сказывался в нашей стране во всем: от размещения производительных сил и до проблем языка, образования, культуры, религии, обычаев, традиций и экологии, то наблюдаются тенденции к оживлению негативных явлений в межнациональных отношениях.

Пути и методы реализации принципов справедливости должны быть обоснованы с учетом концентрации общественного недовольства как в определенных этнических группах и в целых нациях, так и в определенных сферах социальной деятельности. Проблематика социальной справедливости особенно сегодня требует от исследователей и субъектов социального управления непосредственной «обратной связи» с общественным мнением, сопоставления «объективного» и «субъективного» в оценке достигнутого в обществе уровня справедливости.

Реализация принципов справедливости помогает становлению такого согласия, выявляя потенциальные конфликты, причины межнациональной напряженности, эти принципы прогнозируют развитие ситуации в сфере межнациональных отношений. Печальная судьба СССР в определенной мере – результат отклонения от принципов справедливости в межнациональных отношениях, отсутствия серьезных социологических исследований в межнациональных отношениях. Безусловно, отдельные национальные аспекты изучались этнографией, научным коммунизмом и рядом

других наук и в СССР, но это изучение было тогда жестко ограничено официальной доктриной национальной политики в нашей стране. Убежденность в окончательном решении в стране национального вопроса не стимулировала этносоциологических исследований.

Происходящая в стране реформа должна быть направлена на усиление консолидации народов, наций нашей страны и республик. Различным нациям сегодня как никогда раньше надо плотнее объединяться во имя общих социальных целей, во имя прогресса общества в целом. Особенно тесными взаимно обогащающими должны быть связи, контакты и дружба между национальностями, живущими на одной общей для всех территории – в стране, в республиках, областях, округах, краях, а также в городе, в селе и между этносами, работающими в одном коллективе. Это желательное и необходимое направление развития межнациональных отношений. Процессы демократизации, расширение прав республик открывает простор гармоничному сочетанию национальных и общегосударственных интересов. Не случайно в последних выступлениях президента Российской Федерации Путина В.В. подчеркивается необходимость расширения полномочий республик и регионов. В этой ситуации необходимо раскрыть потенциальную энергию возрождения этносов, суверенитета республик, округов, областей, способную укрепить наше пошатнувшееся единство.

По результатам наших исследований, среди фактов, наиболее беспокоящих людей, на первое место достаточно большое количество опрошенных отмечают имеющиеся проблемы межнациональных отношений, противоречивость и, нередко конфликтность развития межнациональных отношений. По данным социологических исследований этот вопрос волнует 23,3% башкир, 11,3% – татар, 12,9% – русских и 23,4% представителей других национальностей. Очевидно, национальный фактор является одним из все более определяющих индивидуальное и общественное сознание, политику и духовную жизнь, направленность поведения людей.

Многонациональное государство, если оно действительно желает мирного сосуществования этнических общин, должно следовать определенной стратегии. Основными её направлениями являются: создание сильной и эффективной экономики, обеспечение безопасности граждан и этнических групп, создание политического механизма для преодоления серьезных различий. Такой механизм должен предусматривать наличие демократических институтов, в которых были бы представлены все этнические группы: разработка кодекса прав гражданина и этнических сообществ, создание независимых судов, решения которых должны неукоснительно исполняться всеми органами власти и гражданами, А также постоянно действующий перегово-

ворной процесс по взаимному сближению и увязке различных интересов. Последнее – самое важное и, пожалуй, самое трудное [1, с. 38-40].

При этом в процессе совместного решения проблемы весьма полезно вести поиск общей цели. Кроме разногласий у конфликтующих сторон всегда есть и общие интересы – экономика, в том числе состояние экономики в районах компактного проживания этнических групп, решение экологических проблем общей территории проживания, создание демократических институтов, стратегическая безопасность и т.п. Если в центре обсуждения будут только вопросы конфликта, дискуссия может быстро обостриться, то есть переговоры могут не состояться. Объединение сил в поддержку общих целей сможет создать условия для решения более трудных вопросов.

Путь национального спасения и возрождения проходит через судьбу и благополучие каждого человека, его разум и совесть. Процесс национального возрождения не может у нас идти изолированно для каждого отдельного народа или национальности. В условиях сложнейшей многонациональности республик и регионов созидательная линия возможна только при учете интересов и запросов каждой нации, на пути консолидации и национального согласия. Это путь гуманизации общественных отношений, защиты прав каждого человека, независимо от места его проживания, убеждения и вероисповедания.

Специфика интересов этнических общностей чаще всего определяется их статусом, т.е. местом, которое занимает этнос в обществе, в системе взаимоотношений [2, с. 3-15]. Различают разные виды статуса: демографический, культурный, правовой, социально-психологический и т.п. В зависимости от степени влияния на жизнь общества статус этноса имеет количественные измерения. Он может быть высоким или низким. Так, русские в Российской Федерации, несмотря на ряд неблагоприятных тенденций, обладают, безусловно, высоким демографическим статусом, поскольку их доля в общей численности населения Российской Федерации составляет более 82%. Достаточно высокими показателями в сравнении с другими российскими народами характеризуется у них и социально-экономический статус (объем материальных благ, приходящихся на каждого члена этноса: обеспеченность жильем, профессиональная структура, уровень заработной платы и т.п.).

Низкий статус ведет к психологической ущемленности этноса. На этой почве возникают массовые движения, которые серьезно дестабилизируют жизнь государства (республик), ведут к этническим конфликтам, но конфликтогенный потенциал различных видов низкого статуса далеко не

одинаков. Так, низкий морально-психологический статус цыган или евреев, безусловно, приносит им глубокие нравственные страдания, может служить поводом для массовой миграции из страны, причиной конфликтных ситуаций на межличностном уровне, но вряд ли вызовет массовое этническое противостояние. Совсем иное дело – политический или территориальный (его иногда называют экологическим) статус.

Политический статус этноса – это, прежде всего, наличие или отсутствие у него своей государственности в той или иной форме. Разница в политическом статусе бывших советских народов (одним было позволено иметь союзную республику, другим – автономную, третьим – автономную область или округ) привела на рубеже 80-90-х годов XX века к массовому движению за его повышение. В результате все автономные области, за исключением Еврейской, объявили себя суверенными республиками. Другая, не менее важная, сторона политического статуса этноса – представительство в различных структурах власти. Низкое представительство воспринимается обычно как дискриминация и в определенных обстоятельствах становится источником политических требований. Низкий политический статус, точнее, полное отсутствие такового, привели, например, к активным участиям в революции 1917 года российских евреев, поляков, латышей, некоторых других российских «инородцев» – башкир, татар, казахов и т.д.

Не менее взрывоопасно снижение территориального статуса. Именно территория, которую занимает этнос, определяет его социальную, а нередко и экономическую значимость. На постсоветском пространстве, где этнические границы, как правило, не совпадают с государственными границами, именно проблемы территориального статуса являются источником многочисленных конфликтных ситуаций. При этом конфликты, в основе которых лежит символ и престиж этноса, тушить гораздо труднее, чем те, которые основаны на материальном интересе.

Территория коренного этноса является основной, то есть местом, где народ сформировался как этнос. В этом случае она имеет высокую притягательность для членов этноса. Этим фактором можно объяснить эмиграцию части советских евреев в Израиль, российских немцев в Германию.

В большинстве полиэтнических государств редко бывает так, чтобы та или иная этническая община обладала одинаково высоким статусом во всех его измерениях. Чаще всего встречается ситуация, когда тот или иной этнос оказывается доминирующим в одной или нескольких сферах государственной жизни.

Совершенно очевидно: чем ниже статус того или иного этноса по сравнению с другими, тем больше проблем в его жизни и тем больше межэтни-

ческое напряжение в обществе. Поэтому статус этноса – важнейший объект социологических исследований. Проблема статуса особенно важна для меньшинств, которые в силу своей малой численности оказываются низко-статусными. В нестабильной ситуации они же испытывают и наибольший дискомфорт. Между тем именно от их положения (статуса) зависит прочность социально-политического бытия всего общества. Эту нехитрую истину на Западе поняли лучше и раньше нас. Поэтому руководству, депутатам и другим политическим, социально-экономическим структурам нашей страны предстоит выработать новые, социально-справедливые направления в этой сфере.

В течение многих десятилетий народы, нации нашей страны не признавались, как это ни парадоксально, субъектами права. На конституционном уровне права наций не были определены, хотя уделялось много внимания полномочиям различных государственных органов, правам граждан. Ситуация несколько изменилась лишь в последние годы с принятием МОТ Конвенции 169, но законодательства Российской Федерации в данной области еще не соответствует, на наш взгляд, международным стандартам, так как национальное возрождение и права наций на самоопределение все еще во многих случаях противопоставляется правам человека. Общеизвестно, в цивилизованных государствах таких проявлений нет, так как там сильны демократические, гуманистические традиции.

Надо признать, что сильной стороной основного закона страны – Конституции Российской Федерации является наличие статей, надежно защищающих права человека. Однако там не закреплены права наций на самоопределение и свободное развитие, уделено мало места решению национального вопроса, защите суверенных прав национальных республик, некоторые статьи противоречат друг другу. Непризнание прав республик ведет к нарушению принципов федерализма и отрицанию того, что Россия – многонациональное государство. Существует опасение на счет того, что правовая защита человека автоматически может принести решению проблемы формирования у него гражданского самосознания. Очевидно, если правозащитные достоинства Российской Федерации не будут надлежащим образом гарантировать формирование гражданственности, преданности национальным идеалам, то это может привести к личному эгоизму и породить новые, невиданные ранее проблемы.

Исходя из этого положения, на наш взгляд, для справедливого решения национального вопроса и отношений между нациями, народами, а также между национальными республиками и центром, законодательным и исполнительным органам Российской Федерации необходимо опираться

более шире на международные правовые документы, где подчеркивается, в частности, что все коренные народы имеют право свободно распоряжаться своей судьбой, право на самоопределение и свободное экономическое, социальное и культурное развитие, а также право распоряжаться естественными богатствами и ресурсами и другие [3, с. 292-293, 545-546].

Естественно, общие права личности не должны противопоставляться правам народов, наций, а должно быть найдено оптимальное решение в их взаимоотношении. При этом Комиссиям по национальным вопросам Российской Федерации и республик следует следить, чтобы принимаемые законодательные акты учитывали фактор многонациональности нашей страны, строились на последовательно взаимовыгодных, интернационалистических основах, способствовали гуманизации всей системы национальных отношений.

Соблюдение прав личности не противоречит интересам этничности. Напротив, оно возвышает этнос, дает ему основание считать себя частью сообщества цивилизованных свободных наций. Но этот статус требует от любой нации, от его представителей понимания и соблюдения принципа, согласно которому забота об интересах своего этноса не снимает святой обязанности помнить об интересах других народов. Другими словами, мы должны признать принцип взаимозависимости наций, а признание этого принципа ставит извечную проблему взаимной ответственности наций. Взаимная ответственность наций в отношениях между собой опирается на осознание каждым народом собственной ответственности за то, чтобы эти отношения были справедливыми и уважительными, строились на принципах равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга.

Сущность взаимной ответственности состоит в способности каждой нации моделировать будущие возможные ситуации в сфере межнациональных отношений и, предполагая результаты своей деятельности, соотносить их с реальными общественными действиями. Она проявляется в способности нации, этнической группы, отдельного индивида осознавать национальные интересы других и с учетом их строить свое поведение.

Степень осознания того, что ждут от нации, группы, индивида другие, может быть различной. Индикатором совпадения национальных интересов с нравственными общечеловеческими принципами равенства и справедливости выступает национальное самосознание. Но при гипертрофированных ориентациях лишь на свои национально-отличительные особенности национальное самосознание неминуемо будет сползать к формированию установок на национальный эгоизм, национализм. Это особенно опасно, когда национальные интересы приобретают статус государственных, поскольку

государство проводит политику, основанную на ущербности национального самосознания со всеми вытекающими отсюда последствиями. «Гипертрофирование национального, – писал Д.Н. Овсяннико-Куликовский, еще в 20-е гг. XX века, – возникает как болезненный процесс... вызывающий повышенное национальное самочувствие. Отсюда недалеко до национальной исключительности, до национального тщеславия и шовинизма» [4, с. 377]. Автор полагал, что выбор правильного направления в воспитании национального самосознания решает многие другие проблемы, поскольку национальное самосохранение «выше всех социальных, классовых, сословных, профессиональных и иных групповых признаков» [4, с. 38].

Как это ни парадоксально, в СССР официально не хотели признавать существование и развитие национального самосознания. Естественно, строй, созданный на неуважении национальных интересов, терпеть не мог какие-либо упоминания о пробуждении национального самосознания, потребностях национального развития, полагая, что все это может мешать сплочению наций во имя прогресса. Такая политика подспудно подтачивала и иссушала веру человека в искренность и справедливость самой системы. Хронические неудачи в экономике, явившиеся следствием той же порочной системы, долгое ожидание материального достатка на фоне процветания «загнивающего империализма» Запада стали достаточным поводом для социального и национального пробуждения и политического возмущения. Нависла опасность идеологизации и политизации национального самосознания во всех национально-государственных образованиях, входящих в состав СССР.

Национальное самосознание как барометр справедливости способно проявить себя ситуативно, чутко реагируя на добро и зло в межнациональных отношениях. Как и всякое чувство, оно имеет предметную направленность. «Оно, – как писал С.Л. Рубинштейн, – организуется вокруг определенных объектов, лиц или даже предметных областей» [5, с. 491]. Заметим, что именно это его качество обуславливает возможность социального управления данным духовным образованием, доступность его идеологическому влиянию.

Результаты социологических исследований показывают, что в настоящее время рост национального самосознания народов является и возможной причиной имеющихся проблем межнациональных отношений. Так ответили 5,1% русских, 20,2% башкирских, 14,4% татарских, 4% украинских и 3,5% чувашских респондентов. Поэтому в настоящее время возрождение национального самосознания нуждается в очищении его от идеологических

мифов и засорений, от конформизма, ненависти и злобы. Национальное самосознание должно стать открытым к восприятию не только «мы», но и «они», не только своей этнической культуры, но и иных, отличающихся от неё.

Условием соблюдения справедливости в системе национальных отношений является их демократический характер. Социологические материалы свидетельствуют, что некоторые люди ошибочно связывают само возникновение противоречий с процессом демократизации, не понимая, что причиной-то как раз и являлся дефицит демократии в прошлом, недостаток которой основательно подрубил корни подлинному равенству и справедливости между народами. Объективно проявляется такая закономерность: чем выше уровень развития демократии, тем больше сила взаимного добровольного притяжения трудящихся свободных и равноправных наций и народностей, тем более определяющую роль выполняют здесь духовно-нравственные принципы интернационального взаимодействия, сказывающиеся не переменным образом на уровне межличностных отношений. Отсутствие же четких демократических традиций приводит к тому, что даже самый мелочный вопрос в сфере межнациональных отношений обретает политическую окраску. Демократическая ориентация всех субъектов межнациональных отношений на практическую реализацию равенства наций, идейно-нравственная и правовая обеспеченность политических целей и действий – вот действительные ориентиры для осуществления национальной политики. Необходимо поставить национальные отношения в плоскость принципов демократизма, заключающих в себе право каждой нации на уважение своего статуса, признание её права на суверенитет, на равенство среди равных [6, с. 22-23]. Демократические, гуманистические принципы должны быть закреплены в правовых нормах, регулирующих межнациональные отношения. При этом необходима разработка такого механизма, чтобы всем народам было гарантировано свободное развитие, обеспечены условия для сохранения самобытности, языка, удовлетворения национально-культурных запросов.

Ныне стало очевидным, что приемлемое решение проблемы демократизации национальных отношений может обеспечить восстановление, совершенствование и реализацию Федеративного договора. Крайне необходимо разработать правовой механизм, который должен обеспечить устойчивость и надежность демократических основ национально-государственного устройства, самостоятельность и суверенность республик, их ответственность как членов федеративного государства, соблюдение интересов и потребностей национальных групп, проживающих вне своих национально-

государственных образований или вовсе их не имеющих; равноправное развитие национальных меньшинств и коренных народов, удовлетворение их политических, социально-экономических и культурно-правовых запросов; защиту национального достоинства каждого человека.

Суверенитет и свобода каждого этноса вполне могут быть реализованы в составе обновленной Федерации, проявляясь в самоуправлении, самостоятельном решении экономических, политических, социальных и культурных вопросов своего развития.

Однако даже провозглашение долгожданной демократии отнюдь не сделало всех демократами, и её принципы еще не обрели статуса, регулятора национальных отношений. В Российской Федерации гуманистические принципы общежития не стали, как показали события последнего времени, неотъемлемыми сторонами внутреннего мира большинства. Синдром имперского мышления, который мы, к сожалению, нередко наблюдаем и в последний десятилетний период в тех или иных решениях или высказываниях отдельных представителей как законодательной, так и исполнительной властей, выражается в неумении или нежелании понять чаяния других народов. Это не только отсутствие демократизма, это и проявление ущербности национального самосознания. Причин, порождающих данное явление много. Но всегда есть нечто общее – ригидность, негибкость, непонимание факта взаимной зависимости одной нации от другой. Во многих отношениях прослеживается тенденция умаления полезности Федеративного Договора, и в основном, непризнание того, что Российская Федерация – многонациональное государство.

В системе национальных отношений, более чем в какой-либо иной сфере, необходимы определенные правовые и моральные нормы воздействия. Но выработка и обоснование норм взаимоотношений между народами, явно задерживается. Похоже, по причине ностальгии по прошлому. Составив в свое время Федеративный Договор, руководство России ничего не предприняло, чтобы претворить его в жизнь. И сегодня мышление и дела многих руководителей России остается таким же, как и у руководителей унитарного государства.

Отсутствие правовых норм лишает всю систему важнейшего звена – взаимной ответственности наций друг перед другом. Тем более они необходимы, когда во взаимодействии участвуют целые народы. Интеграция невозможна, если каждая нация будет стремиться следовать только своим интересам. Интересы в определенной части должны быть согласованными. Это согласование и есть добровольное принятие на себя определенной доли

ответственности за отстаивание общих интересов и соблюдение взаимоприемлемых норм.

В 70-80-ые годы XX века в ряде субъектов СССР были разработаны программы преодоления социальных различий между этнонациональными группами, функционирующими в этнических регионах. В современной ситуации, как нам представляется, следует восстановить эти традиции. Но при этом необходимо, не повторяя, а учитывая этот опыт, разработать стратегию обеспечения социальной справедливости в целях совершенствования национальной политики и создания благоприятных условий для развития всех этнических общностей.

Литература

1. Файзуллин Ф.С. Проблемы социальной справедливости в полиэтническом регионе. – Уфа, 2011.
2. Файзуллин Ф.С., Абдрахимов Э.Ф. Этнический интерес как социально-философская категория // «Ядкяр». Научно-гуманитарный и общественно-политический журнал. 2003. – № 3.
3. СССР и международное сотрудничество в области прав человека. – Документы и материалы. – М., 1989.
4. См: Овсянников-Куликовский Д.Н. Психология национальности. – Петроград, 1922.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1946.
6. Файзуллин Ф.С., Султанов И.Р. Сущность и значение права народов на самоопределение // Проблемы востоковедения, 2011. № 2.

**ТЕНДЕНЦИИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ
В ПОЛИНАЦИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ (ПО ДАННЫМ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН)¹**

Основной тенденцией развития национально-языковых процессов в республике в нынешний период является дальнейшее развитие двуязычия и трехязычия, которые будучи отличительными чертами современного Башкортостана, стали едва ли не нормами языковой действительности [1, с. 103]. На протяжении многих лет ведущим был национально-русский тип двуязычия. В последние же годы в республике предпринимаются попытки создания двустороннего билингвизма. С этой целью открываются группы для изучения башкирского языка в детских дошкольных учреждениях, в школах преподается башкирский язык в качестве обязательного предмета, в ряде средних и высших учебных заведениях также введены соответствующие курсы.

Однако эти процессы протекают достаточно сложно, порой встречая не только скрытое, но и открытое сопротивление общественности [3].

Важным показателем, определяющим этноязыковую ситуацию, является уровень владения теми или иными языками представителей разных национальностей, проживающих на данной территории. В этом отношении, весьма интересны результаты этносоциологических опросов, проведенных в Республике Башкортостан в 1990-е и в начале 2000-х гг., которые позволили более глубоко изучить степень языковой компетенции, речевую деятельность, языковые ориентации граждан республики, живущих в полиэтничной среде.

Согласно их данным, например, 22,6 % городских башкир, и всего лишь 14,9 % городских татар отметили, что они думают на языке своей национальности. Свободное владение языком своей национальности было характерно для 49,2 % башкир и 61,6 % татар. В то же время 5,4 % башкир и всего лишь 2,6 % татар, как выяснилось в ходе опроса 1993 г. [6], не владели языками своей национальности, хотя по данным переписи, доля не владевших языком своей национальности среди татар была больше, чем среди башкир. Следует также заметить, что уровень свободного владения татарским языком городскими башкирами был вдвое выше, чем татарами башкирским. Естественно,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Вызовы этничности и тенденции проявления идентичности в поликультурном регионе на рубеже веков (на примере Республики Башкортостан)» (№ 13-01-00146).

здесь речь не идет об ассимиляции татарами башкир, а о признании башкирами татарского языка родным [2, с. 91].

Опрос 1993 г. также показал, что треть респондентов башкирской национальности совсем не говорит на татарском языке, хотя и понимает татарскую речь. Среди татар, доля не говорящих на башкирском языке, составила немногим более пятой части.

При этом отметим, что среди представителей обоих народов уровень владения русским языком был очень высоким. Полностью незнающих русский язык оказалось менее одного процента опрошенных, что согласуется и с данными переписей населения, как 1989-го, так и 2010 г.

Показательно, что 92,3 % башкирская и 91,6 % татарская молодежь (20–30-летние), согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., владела русской речью. В старших возрастных группах доля знающих русский язык уменьшалась. Свободно говорили на русском языке 41,7 % башкир и 50,2 % татар в возрасте 60 лет и старше [2, с. 93]. Результаты наших исследований, подтверждая эти данные, выявили, что 75,7 % башкир и 73,9 % татар, а в городах соответственно 87,0 % и 88,6 % свободно владели русским языком. Среди других национальностей этот показатель составил 96 %. Доля тех, кто совсем не говорил по-русски, была очень незначительной.

Важно отметить, что среди столичной башкирской молодежи доля тех, кто совсем не говорил на татарском языке составила 37,5 %, среди же татар того же возраста, доля, не владевших башкирским языком, достигала 60 %. Свободно владели татарским языком около 25 % представителей башкирской молодежи г.Уфы, что было немного меньше, чем все горожане башкиры в 1993 г. В то же время, лишь 5,5 % молодых татар отметили свое свободное владение башкирским языком.

Этносоциологический опрос 2002 г. [9] показал следующие результаты. Несмотря на введение башкирского языка в школах республики в качестве обязательного предмета, более 11 % респондентов среди столичной башкирской молодежи отметили, что совсем не говорят на башкирском языке. Среди юношей и девушек татарской национальности этот показатель оказался ниже на 2,3 процента. Но при этом, как среди башкир, так и среди татар, вдвое выросла доля тех, кто уже начал говорить соответственно на башкирском или на татарском языке, хотя и с «некоторыми затруднениями» [4, с. 88–91].

В то же время, результаты этносоциологических исследований, подтверждая данные переписей населения, выявили одну тенденцию. Часть башкир и татар, даже не владея языком своей национальности, все же считают его своим родным языком. Например, 85,2 % городских башкир и 91,0 % городских татар, как выяснилось в ходе опроса (апрель 1993 г.), в качестве родного языка отметили язык своей национальности (см. табл. 1).

Таблица 1.

Признание родного языка отдельными национальностями, %

	башкиры		татары		русские		другие	
	1993	1995	1993	1995	1993	1995	1993	1995
башкирский	85,2	91,3	1,7	1,0	0,1	–	–	–
татарский	8,8	4,2	91,0	93,2	0,2	0,1	–	0,7
русский	5,8	4,4	7,3	5,9	99,1	99,8	–	24,1
другой	0,2	–	–	–	0,5	0,1	–	75,2

Источники: данные опросов 1993 и 1995 гг. [7].

Примечательно, что 8,8 % башкир родным для себя назвали татарский, а 5,8 % – русский язык. Для татар-горожан значение русского языка, как родного, зафиксировано в большей степени (7,3 %), чем среди башкир (см. табл. 1). Для молодого поколения, которое выросло и прошло социализацию в столице, характерны немного иные показатели.

Таблица 2.

Признание родного языка молодежью г. Уфы, %

	башкиры	татары	русские	другие
башкирский	75,7	0,6	–	–
татарский	8,7	71,1	0,2	–
русский	14,9	25,4	99,4	83,3
нац-русский	0,6	2,3	0,2	16,7
другой	–	0,6	0,2	–

Источник: данные опроса молодежи г. Уфы (март 1997 г.).

В ходе этнополитологического опроса молодежи Уфы в 1997 г. [8] выяснилось, что хотя большинство башкир (75,7 %) своим родным языком

признали башкирский, лишь 46,6 % отметили, что первым языком, на котором они научились разговаривать, был язык своей национальности. В то же время почти столько же ответили, что первым языком для них был русский, и лишь 9,7 % назвали татарский язык (см. табл. 2).

Следовательно, как татарам, так и башкирам, была свойственна следующая закономерность: чем старше респондент, тем он лучше владеет родным языком и хуже русским, а среди молодых – наоборот [5, с. 69].

В свою очередь, результаты этносоциологического опроса 2002 г. [9] показали, что в Башкортостане проявляет себя обратно пропорциональная зависимость увеличения употребляемости русского языка в соответствии с возрастом. Чем моложе, тем шире используется русский язык в обыденной жизни [4, с. 99].

Таким образом, данные опросов подтверждают, что в городах русский язык все более активно вторгается в сферу башкирской, татарской семьи и занимает довольно устойчивую позицию. Особенно привержена к использованию русского языка молодежь. Следовательно, этноязыковая социализация молодежи происходит в основном на русском языке, в семейно-бытовом общении имеет место тенденция перехода от национально-русского двуязычия к русскому одноязычию.

Литература

1. Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект. Дис. ... док. филол. наук. – Уфа, 1998.
2. Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996. 199 с.
3. Квятковская И.А. Шаг вперед, два назад. Повод для размышления // Известия Башкортостана. 1998. 28 января.
4. Сафин Ф. Г., Фатхутдинова А.И. Этническая и региональная идентичности в региональном измерении: феномен Башкортостана (1959–2002 гг.). – Уфа: Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2012. 152 с., табл. 16.
5. Юлдашбаев Ю.Х. Проблемы двуязычия в городе // Вопросы этнографии городского населения Башкортостана. – Уфа, 1992. – С. 69.
6. Этносоциологический опрос по проекту «Язык, национальность и бывший Советский Союз» был проведен Центром по

изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН в апреле 1993 г. по квотной стратифицированной выборке, представительной для городских башкир, татар и русских. В 7 городах республики (Уфа, Салават, Нефтекамск, Белорецк, Туймазы, Баймак, Сибай) было опрошено 817 башкир, 779 татар и 814 русских организованных четырьмя университетами США (Дюкским, Колумбийским, Гарвардским, Чикагским), Институтом этнологии и антропологии РАН, совместно с научными и учебными заведениями Уфы и ряда других городов Башкортостана. (Руководители по Башкортостану Р.Г. Кузеев, Ф.Г. Сафин).

7. Этносоциологический опрос в Башкортостане по исследовательскому проекту «Межнациональная толерантность и внутринациональная солидарность в постсоветской России» был проведен в августе 1995 г. Было опрошено 2000 респондентов в городах Уфе, Белорецке, Октябрьском, Давлеканово и пгт. Миндяк Учалинского района, а также сельские жители Уфимского, Туймазинского, Белорецкого, Учалинского и Давлекановского районов. Исследование по Башкортостану было осуществлено под руководством Ф.Г. Сафина.
8. Этнополитологический опрос молодежи Башкортостана проводился в марте 1997 г. по исследовательскому проекту «Этнополитические представления молодежи: формирование и функционирование» под руководством автора. Было опрошено в г. Уфе в возрасте 17 лет 1134 человек. Из них 309 башкир, 473 русских, 346 татар и 6 других национальностей. Исследование было осуществлено под руководством Ф.Г. Сафина.
9. Этносоциологический опрос в Республике Башкортостан по исследовательскому проекту «Межнациональные отношения в Республике Башкортостан» был проведен в 2002 г. Объем выборки – 1299 респондентов, в том числе 315 башкир, 434 русских, 413 татар и 67 представителей других национальностей. Было опрошено городское и сельское население. В проведении опроса принимала участие автор А.И. Фатхутдинова.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «МЕСТОРАЗВИТИЯ» НАРОДОВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

В начале третьего тысячелетия евразийское пространство как «место-развития» становится онтологической основой и экзистенциальной опорой в процессе поиска «русского пути» в условиях выбора цивилизационного развития народов Российской Федерации.

Известно, что евразийство не было лишено претензий на оригинальность, хотя это движение стало более или менее удачной попыткой использования особенностей национально-культурных традиций, этноконфессиональных воззрений, пассионарных отличий и т.п. народов одной шестой части суши и приложить их к реалиям существующей системы.

В историософском плане у евразийцев были предшественники, и весьма известные, почтенные. В 1811 году Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» писал о том, что Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием. В глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, привнесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашей долговременною связью с монголами, – византийских, заимствованных россиянами вместе с христианской верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами. В данном утверждении – едва ли не полный набор евразийских понятий, с помощью которой можно описывать российскую историю. Но Карамзин менее всего «евразиец»; он – представитель той общественно-культурной традиции, согласно которой Россия есть страна христианская и европейская, важная составная часть христианской цивилизации, екатерининской традиции. Именно в «Наказе» Екатерины II содержалась формула: «Россия есть европейская держава».

В русле екатерининской традиции лежали споры западников и славянофилов, народников и марксистов и т.п.; ее продолжателем был В. Соловьев. Вместе с тем еще у Чаадаева можно усмотреть нечто антиекатерининское, недаром он был в родстве с князем Щербатовым, который винил Екатерину II в повреждении российских нравов. В евразийстве преломилось чаадаевское суждение: “Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого”. Правда, в отличие от евразийцев, Чаадаев не верил в нашу способность “совмещать в нашей цивилизации историю всего

земного шара”. Но современник и оппонент Чаадаева, молодой Краевский видел много утешительного в том, что русские – не европейцы и не азиаты: «Мы – русские, обитатели шестой части света, называемой Россией».

От этих философско-литературных упражнений еще далеко, правда, до евразийства. Косвенное отношение к евразийству имеет Н. Данилевский, апологет враждебной Европе славянской цивилизации, и Константин Леонтьев с его византизмом. Зато прямым и непосредственным предшественником евразийской историософии стал известный славист Ламанский, чьи работы конца XIX века считаются чистым евразийством, свободным от переживаний социалистической революции и Советской власти. Особый интерес представляет трактат Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892).

Важная составляющая евразийства – попытка переосмысления прошлого и настоящего России, “новое прочтение” русской истории, хотя история России есть история страны, которая колонизируется, о чем писал еще В. Соловьев; евразийцы это склонны упускать из виду. Для подлинных евразийцев Россия есть симбиоз ордынских, византийских, еще каких-то “восточных” начал и чего-то славяно-европейского. Россия – заведомо “не Европа”, ее историю нелепо сопоставлять, например, с историей Франции или Испании. Евразийцы исходят из априорного убеждения, что Русь была обречена стать жертвой какого-то захватчика, а потому ей повезло, что она попала под владычество монголо-татар. “Велико счастье России, – писал П. Савицкий, – что в момент, когда в силу внутреннего разложения она должна пасть, она досталась татарам, и не кому другому. Татары...не замутили чистоты национального творчества”.[1, с.724]. Для евразийцев от П. Савицкого до Л. Гумилева монголо-татарское нашествие и представляется великой удачей русского народа, т.к. благодаря нескольким столетиям рабства на территории бывшей монголо-татарской империи было создано чрезвычайно влиятельное на международной арене мощное государство, и данная концепция является главенствующей в позиции евразийцев.

Отсюда, наиболее продуктивной идеей евразийства является взгляд на геозтническую данность России, во многом определяющую характер развития ее государственности. И хотя эта идея не была нова, ее отстаивали Ф.М. Достоевский, С.М.Соловьев, В.С. Соловьев, В.О. Ключевский, В.И. Вернадский и др., евразийцы сконцентрировали на ней свое внимание и ввели в обиход понятие «месторазвития» как важнейшей детерминанты социально-исторического развития страны, образования русской народности и ее государственности. Таким “месторазвитием” России и стала Евразия – “континент – океан” с его безграничным пространством, отсутствием

естественных границ, находящийся под постоянным давлением воинственных кочевников с юго-востока и цивилизованных варваров с запада. Именно в этом Чаадаев видел трагедию России: мы не принадлежим ни к одному из великих народов Европы и Азии, а славянофилы усматривали в этом залог самобытности и великой исторической миссии. Отсюда, культура России не есть ни культура европейская, ни культура азиатская, ни совокупность той и другой. Ее следует противопоставлять культурам и Европы, и Азии, как срединную культуру.

Однако евразийцы приемлют лишь «свет с Востока», и вопреки предупреждениям В. Соловьева, не только с христианского Востока, но и Востока Чингисхана. «Без татарщины не было бы России» – этот тезис трактует, что Россия является прямой восприемницей монголо-татарской империи, ее политических принципов. То, что в стихотворении В. Соловьева “Панмонголизм”:

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

звучало, как предчувствие апокалипсиса, ставшее в дальнейшем эпиграфом к пророческим “Скифам” А. Блока, то у евразийцев это приняло характер подлинного апофеоза. Провозглашенный принцип срединности нарушается ими в негативно-агрессивном отношении к европейской культуре, которая предстает в «образе врага». Отсюда, евразийцы переворачивают базисный тезис собственной концепции: Евразия как субстрат российской государственности и единства ее народа превращается в Азиопу, что не осталось незамеченным критиками. «Ну, а в чем выразилась наша самобытная культура за двести лет? – писал И. Ильин, – Ни в чем! Ничего русского! Ничего самостоятельного! Ничего первоначального, почвенного! Сплошное подражание гнилой германо-романщине: вся государственность от Петра I до Столыпина; вся поэзия от Державина до Пушкина и Достоевского; вся музыка от Глинки до Рахманинова; вся живопись от Кипренского до Сомова; вся наука от Ломоносова до Менделеева и Павлова. Где во всем этом здоровая и самобытная стихия Чингисхана? Где здесь национальное самосознание татарского улуса? Где здесь слышен визг татар, запах конского пота и кизяка? Откуда же известно, что нас погубил запад, а не наше собственное, неумелое подражание? Из чего же видно, что наша самобытность за двести лет погибла?» [2, с.61].

Здесь уместно вспомнить то, что о чем писал С.Соловьев – история России есть история страны, которая колонизируется. В ходе колонизации происходило хозяйственное и культурное освоение бескрайних евразийских пространств с XV и до XX вв. до берегов Тихого океана. Создана великая

колониальная империя. На протяжении столетий Россия несла основы европейской христианской цивилизации на Востоке и на Юг, народам Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Закавказья, которые испокон веков наследовали свои исконно древние традиции. К XIX веку Россия – великая колониальная держава, а колониальная политика немислима без столкновений и конфликтов, и происходило то же самое, что и при создании Британской или империи в Испании. С одним существенным отличием: евразийская колонизация была сухопутной, ибо российская империя существовала на фронтире. Как известно, все волнения, колебавшие российскую империю, включая и пугачевский бунт, начинались на окраинах (казаки) и питались участием не до конца покоренных народов (башкир, татар, калмыков и др.), которые оказались на стыке двух континентов – Европы и Азии, двух действующих мировых тенденций, обусловленных соборным слиянием идей Востока и Запада.

К концу XX – нач. XXI вв. евразийство представляет из себя достаточно аморфное течение, включающее людей разной идейной ориентации. Для одних рассуждения в терминах “евразийства” – свидетельство принадлежности к определенной историософской и политической традиции, восходящей к К. Леонтьеву и к евразийцам 20-х гг., для других – не более чем псевдоним, употребляемый для обозначения искомой целостности постсоветского пространства, основания которого пока что четко не определились. Известно, что в научном плане евразийство всерьез и досконально почти не изучалось. Возможно, прежде всего потому, что сколько-нибудь существенным фактором общественно-культурной и политической жизни евразийство никогда не было (Н. Цимбаев). В современном интересе к евразийскому наследию прослеживается некая тоска по целостной идеологии, которая была бы приемлема и осуществима на всем пространстве бывшего Советского Союза. Бесспорно, что евразийское учение, мировоззрение евразийцев можно назвать порождением революции 1917 г. и советской действительности. Разумеется, основатели евразийства не разделяли основных положений марксизма, но это учение призвано было объяснить и в известной мере оправдать существование Советской России, страны, политически, экономически и, если угодно, цивилизационно чуждой остальному миру: будь то мир Запада или Востока. Евразийцам казалось – буржуазный Запад и колониальный Восток непрочными, исторически обреченными, и они полагали, что в Советском Союзе следует искать начала, которые обновят мир. Эти начала евразийцы не связывали ни с социализмом и коммунизмом, ни с революционным насилием, ни с воинствующим атеизмом и т.п., но совершенно очевидно, что евразийство теснейшим образом связано с советски-

ми реалиями 1920-30-х гг.; оно было как бы запасным вариантом советской идеологии, освобожденной от некоторых догм. Очевидно, в этом качестве евразийство и возрождается в начале наступившего столетия.

Как известно, каждая эпоха определяет акценты философской рефлексии, отражающие дух времени, проблемы и сомнения, переживаемые человеческим сообществом в целом, отдельными нациями и государствами. Масштабные и интенсивные интеграционные процессы, характеризующие начало XXI столетия, дают основания говорить о глубинных и качественных переменах в мировом сообществе и на территории одной шестой части суши.

Возможно, представить развитие России как саморазвитие особого культурного организма не вполне правомерно, ибо, Гегель, который исключал ее из сферы феноменологии духа, и Шпенглер, характеризовавший ее развитие как «псевдоморфоз», утверждали: Россия создала и противопоставила универсальной культуре Запада то, что можно назвать «административной формой организации населения». В значительной степени это задавалось экономико-географической спецификой создания и сохранения корсета для такого огромного и своеобразного государства, которое вобрало в себя различные традиционные культуры и даже отличные друг от друга цивилизации, и прежде всего, совершенно гигантскую территорию. В известной мере это определялось тем, что сама по себе национальная задача, нацеленная на сохранение большой географической территории, была неразрешима без каких-либо особых усилий, исходящих из некоего центра, т.е. в некоторой степени предполагала отказ от свободы волеизъявления отдельных частей во имя сохранения целого. Позднее превращение Московского княжества в целостную гигантскую мировую державу стали оценивать как чудо (А.С.Донелли), ибо даже выдающийся историк В.Ключевский, осознававший значение этого влияния и считавший колонизацию основным фактором русской истории, обусловившим целый ряд других ее особенностей, в своем пятитомнике «Курс русской истории» отводит весьма незначительное место описанию экспансии [3, с.21].

Как известно, башкирский народ одним из первых «попросился» под флаг российского самодержавия и затем в течение веков верой и правдой служил ему, участвуя в войнах и сражениях за его свободу и независимость, неся нелегкую казачью службу на восточных границах и т.д. В свое время Петр I обрушил на восточные народности страшные карательные меры, чтобы «путь в полуденную Азию отворить, а своевольный башкирский народ на вечное время обуздать», хотя история становления и развития любого народа доказывает, что чувство принадлежности к своей крови, к древним

истокам своего этноса, его генетическому коду невозможно вытравить из человека никаким «усмирительным» кровоиспусканием, ибо этнос нельзя научить истинам: истина всегда внутри этноса, поэтому управлять им – все равно что управлять Везувием (Л.Гумилев).

Очевидным остается то, что на протяжении нескольких столетий башкиры не желали признавать народом, способным решать свои социально-экономические и политические проблемы. Возможно, многие исторические беды башкир были обусловлены особенностями бытия и национального характера, ибо при всем гостеприимстве, открытости и общительности башкиры предпочитали отгороженный от мира образ жизни, замкнутый пределами своих освоенных просторов, отсюда, за резким исключением, они совершенно не интересовались дипломатией, не терпели лавирования, хитрости, приспособляемости, угодничества и т.п.; не поддались психологии покорности, ни одиночки, ни бунтари, а вся нация целиком. В предыдущей истории России башкиры оставили память о себе как вольнолюбивом и воинственном народе, не смиряющемся с рабством и насилием. Только за неполных три столетия пробушевало семьдесят шесть больших и малых восстаний башкир. «Башкиры, будучи беспощадно угнетены самодержавием, неоднократно поднимали восстания. Они были жестоко подавлены; лучшие элементы, способные к борьбе, погибли. Но это создало сильное национальное чувство»[4, с.2]. Вероятно, пока народ, даже самый «малый», не потерял историческую память, язык, душу, духовность, в нем живет свое «национальное чувство», «национальная идея», например, как «русская идея», ибо «никогда философия одного народа не повторяет философию другого» [5, с.16] ведь каждый народ имеет свои особенности, образующие его национальный духовный уклад, его национальный духовный акт, т.к. каждый народ по-своему рождает и умирает, созерцает и познает, рассуждает и доказывает, благоденствует и проявляет гостеприимство, молится и геройствует [6, с.190], что и подтверждает онтология становления башкирского народа на протяжении столетий.

В качестве частных моментов мирового кризиса в эпоху «нового мышления» можно назвать распад национальных государств и национальных культур, исчезновение языков и традиций различных этносов и т.д. И великодержавная национальная политика царского самодержавия низводила почти до нуля самобытную историю малочисленных народов, особенно тех, кто не желал существовать на согнутых коленях и со склоненной головой. Во многовековой суровой и неоднозначной судьбе башкирского народа блеснул луч надежды на обретение менталитета, вот почему весьма опасно замыкаться в своей узконациональной скорлупе.

Литература:

1. Савицкий П.Н. Степь и оседлость // В кн.: Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993.
2. Ильин И.А. Самобытность или оригинальничанье? // Начала, 1992, № 4.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. В 5 т. – М., 1973. Т. 1.
4. Диманштейн С. Башкирия в 1912-1920 гг. // Пролетарская революция, 1928.
5. Грот Н.Я. Вопросы психологи и философии. – М., 1889. Ч. 1.
6. Ильин И.А. Собрание сочинений. В 10 т. – М., 1993.

Шакиров И.А., Нугуманов М.М.

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ КОРРУПЦИИ В РОССИИ*

На сегодняшний день в российском обществе наблюдается значительный социально-экономический и социокультурный разрыв. Одним из негативных факторов, усугубившихся после распада СССР, является коррупция. Основными чертами этого периода являются: слияние денег и власти, криминализация власти, доминирование в экономике крупных, главным образом сырьевых, корпораций, процветающих за счет приватизированного ими административного ресурса, а также институционализация коррупции. Процесс разрушения хозяйственных связей, общий спад производства привели к росту безработицы, резкому снижению уровня жизни людей. На фоне проблем межнациональных отношений, финансового кризиса, коррупция начинает оказывать влияние на поведение людей, их психологию, мораль, принципы.

Актуальность научного осмысления глобальной проблемы коррупции обуславливается ее общим макросоциальным характером, изменяющимся в конкретно-исторических, социальных условиях и заключающем в себе социологические, правовые, культурные и социально-философские аспекты. Принято считать, что определение коррупции – объективно, т.е. для того, чтобы утверждать, что где-то имеет место коррупция, достаточно обнаружить виды деятельности, которые включены в перечень коррупционных

практик. Однако в реальности оказывается весьма сложно разделить коррупцию и свойственные людям «логики», которые имеют некоторое «семейное сходство» с практиками коррупционного типа, но не представляют собой коррупции в чистом виде. Реальная жизнь намного сложнее любых возможных схем, поэтому в действительности идентифицировать действия как коррупционные и установить их связь с обязательствами перед родней или с патрон-клиентскими отношениями достаточно сложно [1]. Точного определения феномена коррупции не существует. Множество и разнообразие определений отражают объективную сложность явления. Мы можем говорить о коррупционном поведении, коррупционных сделках, коррупционных отношениях, коррупционных институтах, коррумпированных сообществах. Все это – разные грани коррупции, и все они нуждаются в отдельных определениях [2, с. 60-61]. Суть проблемы сводится прежде всего к противоречию между значительным ростом коррупции, охватывающем практически все категории власти и общества, ставящего под угрозу национальную безопасность, с одной стороны, и относительно слабой способностью общества и государственных управленческих структур эффективно противостоять этой тенденции и взять ее под контроль – с другой. В российской действительности коррупция прочно входит в сознание политических лидеров и рядовых граждан, которые постоянно ощущают ее воздействие. Коррупция в правоохранительной системе подрывает веру населения в способность органов власти к позитивным действиям в интересах всего общества, поднимая решение проблемы на высший политический уровень. В такой ситуации предание широкой гласности результатов антикоррупционной работы способно не только сохранить, но и увеличить кредит политического доверия в обществе [3]. Сейчас же в общественном мнении происходит институализация коррупции, то есть восприятие ее как обязательного атрибута государственной власти.

И.А. Голосенко выделил два типа объяснения феномена коррупции в отечественных исследованиях дореволюционного периода: первый тип характерен не только для науки, но и для массовой печати, официальных правительственных документов. В логическом отношении он сводился к отдельному или совокупному перечислению и изучению ряда факторов – материальной необеспеченности чиновников, отчуждения их от общества. Второй тип объяснения феномена коррупции обращает внимание на связи административного быта с политикой, экономикой и культурой, которые

отливались в форму исторических традиций [4]. Взятничество нашло широкое освещение не только в художественной литературе, публицистике и воспоминаниях современников, но и в работах историков, писавших как о бюрократии, так и об организации государственного управления [5]. Согласно данным исследованиям, институализация феномена коррупции в общественной мысли происходила и ранее в истории России.

Процесс институционализации коррупции в России берет начало в период экономических преобразований 1990-х годов. На сегодняшний день коррупция является объективной закономерностью, которая формирует реальную действительность российской экономики и общественной сфере. Коррупция институционализируется, она становится органической частью и необходимым элементом хозяйственной деятельности.

Внутренняя устойчивость коррупционной системы подкрепляется за счет довольно жестких внутренних связей ее элементов, создания тесных отношений личной взаимосвязи и круговой поруки чиновников, продающих собственные административные возможности. Итак, институционализация представляет собой процесс, когда некая общественная потребность начинает осознаваться как общесоциальная, а не частная, и для ее реализации в обществе устанавливаются особые нормы поведения, готовятся кадры, выделяются ресурсы. Для того чтобы возник и развился такой структурный элемент общества, как социальный институт, нужны особые условия:

- в обществе должна возникнуть и распространиться некая потребность, которая, будучи осознанной многими членами общества (как общесоциальная, или социумная), становится главной предпосылкой становления нового института;

- должны быть в наличии операциональные средства удовлетворения этой потребности, т.е. сложившаяся система необходимых для общества функций, действий, операций, частных целей, реализующих новую потребность;

- чтобы институт мог реально выполнять свою миссию, он наделяется необходимыми ресурсами (материальными, финансовыми, трудовыми, организационными), которые общество должно стабильно пополнять;

- для обеспечения самовоспроизводства института необходима и особая культурная среда, т.е. должна сформироваться присущая только ему субкультура (особая система знаков, действий, правил поведения, которые отличают людей, принадлежащих этому институту).

Институционализация коррупции – это превращение ее в массовое социальное явление, которое становится привычным элементом социально-экономической системы. Такого рода деятельность стала привычной для руководителей предприятий разных сфер, а также в огромных масштабах для работников госаппарата. Коррупция начинает приобретать устойчивую организационную форму.

*(Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 13-13-02004 «Коррупция как общественный феномен»)

Литература

1. См.: Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / Сост. и отв. ред. И. Б. Олимпиева, О. В. Паченков. СПб.: Алетейя, 2007. – С. 9.
2. Сатаров Г.А. Коррупционные отношения: агентская модель и смежные подходы // Общественные науки и современность. 2004, № 2. – С. 60-61.
3. Вершков И.И., Погдин С.Б. Борьба с коррупцией в условиях состязательного процесса // Право и политика. 2004, № 5. – С. 70.
4. Голосенко И.А. Феномен “русской взятки”: очерк истории отечественного чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3. – С. 102-114.
5. См. Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России // Отечественная история. 2002, № 5. С. 73.

Шаяхметов Р.А.

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ‘МАЛЫЕ ГОРОДА’ → ‘КОНУРБАЦИЯ’ (НА ПРИМЕРЕ СТЕРЛИТАМАКСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)¹

В начале 2010-ых годов активировалась экономическо-политическая тема развития промышленной агломерации городов Стерлитамак – Салават –

¹ Автор благодарит Рустама Шакирьяновича Гатауллина, заместителя руководителя Башкортостанстата, за предоставленные материалы и советы.

Ишибай¹ (юг Республики Башкортостан, вдоль среднего течения р. Белой (Прибелье)). Стратегия социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года (Распоряжение Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. N 165-р) затронула перспективу развития Стерлитамакско-Салаватского промышленного узла химической специализации. Речь идет о создании «Газпромом» на базе дочернего ОАО «Газпром нефтехим Салават»² Всероссийского центра газовой химии³. Выступая 4 мая 2011 на общем собрании Академии наук Республики Башкортостан Президент Башкортостана Рустэм Хамитов сказал и о господдержке плана создания кластера в Стерлитамакской агломерации⁴: «...в Салавате и Стерлитамаке, Ишимбае будут создаваться химические кластеры. Поддержал наше предложение и Владимир Владимирович Путин. Поддержал и председатель «Газпрома» Миллер Алексей Борисович. И Христенко, министр промышленности. И другие государственные наши мужи» [2]. Возросший

1 Включаются традиционно Стерлитамакский и Ишимбайский (бывший Макаровский) районы. Точнее и перспективнее выделять конурбационную область геологическими методами. Опускание земной коры на фоне естественного процесса поднятия очерчивает область антропогенного воздействия, при этом его величина определяется количественно. Этот результат показали Г.А. Данукалова и Г.Т.-Г. Турикешев в работе «О современных вертикальных движениях земной коры и их связи с хозяйственной деятельностью человека в пределах Южного Предуралья»: «Геодезические знаки, расположенные севернее д. Косяковка, имеют положительные значения вертикальных скоростей [...] до ж/д ст. Зирган территория опускается с постепенным нарастанием вертикальных скоростей к центру г. Стерлитамак. Далее на юг от южной окраины г. Стерлитамак величины скоростей опускания уменьшаются, а южнее населенного пункта Зирган территория поднимается. При этом в центре г. Салават скорость прогибания пластов увеличивается. Численное значение скоростей следующее: Косяковка – –0,2 мм/год, Первомайский – –0,6, центр г. Стерлитамак – –1,8, южная окраина г. Стерлитамак – –1,4, г. Ишимбай – –0,8, д. Аллагуват – –0,7, центр г. Салават – –1,1, ст. Зирган – –0,8, репер, расположенный южнее ж/д ст. Зирган – +0,8 мм/год. Полученные значения вертикальных скоростей не свободны от ошибок измерений и вычислений, но они дают наглядную картину современных вертикальных движений земной коры на характеризуемой площади» [1]. Следовательно, южная граница агломерации – в Мелеузовском районе, около села Зирган (где находится Зиргановский водозабор питьевой воды для всей конурбации), а северная – возле селения Косяковка, село де-юре Стерлитамакского района, де-факто входящая в состав райцентра, как и ж.д. грузовая станция Косяковка.

² Переименованный и реструктуризированный «Салаватнефтеоргсинтез», один из крупнейших в Европе комплексов нефтепереработки, газо- и нефтехимии. Его владельцем (точнее 50% + одна акция) стала группа «Газпром» в декабре 2008 г. как следствие экономическо-политического решения Правительства Республики Башкортостан о приватизации своих промышленных активов ТЭКа (в ноябре того же года «нефтянка» («Башнефть», уфимские НПЗ и др.) начала переходить под контроль «АФК-Система»)

³ Подборка материалов по теме с 2010 г. на сайте предприятия: gpn.ru/category/razdel-novosti/vserossiiskii-tsentr-gazovoi-khimii

⁴ Название региона здесь по традиции именуется Стерлитамакская агломерация (далее – СА), однако промышленный центр сейчас находится в Салавате. Так, характерный показатель – интенсивность перевозок грузов по железной дороге – составляет на участке Карламан-Стерлитамак – 21,3 млн. тонн (брутто) грузов в год, на участке Стерлитамак – Аллагуват – 20,1 млн. тонн (брутто) грузов в год.

интерес (политиков, бизнесменов, ученых) к южнобашкирскому региону увеличивает потребность в его комплексном изучении – не только будущего потенциала, но и его истории. Обнаруженные результаты могут быть применены в вопросе обобщенного понимания (теории) формирования агломераций (больших городов).

Крупнейшее предприятие исследуемой промышленной агломерации – «Газпром нефтехим Салават» – начал возводиться в 1948 году как комбинат № 18 на трофейном германском оборудовании силами заключенных, военнопленных и вольнонаемных. Строительство шло с подключением к имеющейся уже транспортной инфраструктуре: автодорожной (Уфа – Оренбург), железнодорожной (ветка Стерлитамак – Ишимбаево), позднее сооружен путь к Кумертау и далее в Оренбург) и трубопроводной (магистральный нефтепровод Ишимбай – Уфа, позднее введены: продуктопровод Салават – Уфа (1959), нефтепроводы Ишимбай – Орск и Калтасы – Языково – Салават (оба – 1961)).

Конурбация возникла в 1954-м – год возникновения города Салавата (с 12 июля; с июня 1948 – поселок в составе Ишимбая, см. напр. [3, с. 256]), «спального микрорайона» для гигантского нефтехимического комбината № 18 (сейчас – «Газпром нефтехим Салават»). Комбинат (включая санитарную зону) нарушил естественный агломерационный процесс сближения селитебных зон городов по левобережью Белой, которые стали «уходить» из экологически неблагоприятного пространства. Так, 24.09.1962, решением заседания исполкома Ишимбайского городского Совета депутатов трудящихся в связи со строительством прудов-наполнителей очистных сооружений комбината № 18 сносились попавшие в километровую зону отчуждения левобережные поселки Ишимбая: Кызыл Аул, Куч, Ирек, Юрматы.

Промышленная агломерация только увеличивала отчуждаемую территорию. Так, в СА с 1965 по 1974 были проведены три мирных подземных ядерных взрыва для создания подземных хранилищ для ядовитых отходов производства.

При выделении начальных этапов формирования конурбации и промышленной агломерации учитываются ключевые события в промышленности, законодательстве: 1929-32 гг. – 1934-35 (ключевое событие: открытие Кусянкуловского месторождения нефти (далее МН)), 1935 – лето/осень 1941, Великая Отечественная Война, 1945-46 – 1954.

Исторической вехой стало открытие на границе Стерлитамакского и Макаровского районов промышленного МН в мае-июне 1932 года (16 мая зафонтанировала скважина № 702, 3 июня – № 703). Разбуривание началось в 1931 году (17 апреля – первая скважина в районе деревни Ишимбаево,

3 июня – скважина № 702). Подвоз оборудования, специалистов, рабочих (из Баку, Грозного и Верхнее-Чусовских городков) – с осени 1930 г. Тогда в Стерлитамаке жило не более 25 тыс. чел., и он за очень короткое время 1930 года стал административным и нефтяным центром (с 20 августа центр Стерлитамакского района, реорганизованного из кантонной системы, 27 октября создана Стерлитамакская районная контора по бурению треста «Уралнефть» [4]). После открытия Ишимбаевского МН возникла острая потребность в создании транспортной, энергетической инфраструктур, которые изначально завязывались как центр-периферия. К 1934-35 гг. построены первые инфраструктурные объекты будущей агломерации: ж.д. дорога Ишимбаево – Стерлитамак – Дёма; Ишимбайская ЦЭС для Стерлитамака, Ишимбаево. В 1936-37 появился нефтепровод Ишимбаево – Уфа [5].

Первым этапом агломерационного процесса в районе «Второго Баку» нужно признать формирование городской структуры Ишимбая. К 1940 году, когда был получен статус города (17.957 (постоянных) жителей), в Ишимбаевский городской совет (24.820 жит.) входили еще и 16 селений (6.863 жит.) на расстоянии до 6 км. от центра горсовета (с. Куч (65 жит.) и т.д.¹). Шло объединение не столько малочисленных селений, а промышленных объектов, прежде всего инфраструктуры нефтедобычи на месторождениях Ишимбаевской группы (например, Кусяпкулового МН, открытого в 1934 г., Буранчинского (1939)). Входившие в 1940 г. в состав Байгузинского сельсовета Макаровского района с.с. Кузьминовка (212 жит. в 1940 г.) и Термень-Елга (485 жит.) [6, с. 249] после открытия в 1939 г. Кузьминовского и Термень-Елгинского МН были включены в состав города (до 1952 г. [3, с. 344]).

С 1934-35 гг. по лето/осень 1941 г. шёл экстенсивный (благодаря финансовой и политической поддержки Кремля), и в тоже время естественный, рост прото-агломерации: ее селибитных зон, промышленности и инфраструктурных объектов.

Великая Отечественная война перечеркнула многие мирные планы. Мобилизация в действующую армию городского и сельского трудоспособного населения, перераспределение ресурсов (пищевых, трудовых, финансовых, материальных) не могла не миновать и Башкирию. В Стерлитамак и Ишимбай эвакуируют людей, объекты промышленности (частично остав-

¹ В 5 км. – с.с. Буранчино (354 чел.), Кусяпкулово (1325); в 4 – с. Кзыл-Аул (67); в 3 – сс. Ишимбаево (378), Смакаево (595), Юрматы (226); в 2 – пос. Алебастровый (274 жителя), Восточный (527), Ново-Буранчино (573), с. Ирик (273); в километре – пос. Ишимбаевский (142), сс. Веселое (86), Первомайское (479), в центре – пос. Веселый (873 чел.), Левобережный (626) [6, с. 387].

шиеся после войны). Численность городов увеличилась: к 1 января 1944 и 1947 г.г. жили в Стерлитамаке 53.400 и 59.200 чел. (соответственно), в Ишимбае 43.900 и 45500 (ср. 24.820 в предвоенный 1940-й) [7]. Так происходил второй важный этап развития агломерации.

После войны в Стерлитамак и Ишимбай доставляют трофейное оборудование. Его монтируют на комбинате № 18 возле Ишимбая, и в Стерлитамаке на Стерлитамакском содовом заводе. В 1954-ом году на комбинате № 18 и ишимбайском рабочем поселке им. Салавата Юлаева количество переросло в качество: получен статус города, введен первый технологический объект (катализаторная фабрика). Появилась новая промышленная агломерация Советского Союза.

Литература

1. Турикешев Г.Т.-Г., Данукалова Г.А. О современных вертикальных движениях земной коры и их связи с хозяйственной деятельностью человека в пределах Южного Предуралья // Мат-лы VII Межрегиональной науч.-практ. конф. Уфа, 2008. – С. 105-107. Электронная публикация. URL: www2.anrb.ru/geol/PAPERS/K2008/03_033_08.pdf
2. Стенограмма выступления Рустэма Хамитова на общем собрании Академии наук Республики Башкортостан. 04.05.2011. Электронная публикация: сайт АН РБ. URL: anrb.ru/uploads/files/vistuplenie-hamitova_04-05-2011.doc
3. Башкирская АССР. Административно-территориальное деление на 1 июля 1952 года. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1953. – 495 с.
4. Зайнетдинов, Э.А. Ишимбайская школа нефтяников: 80 лет назад было создано первое в республике нефтяное предприятие – Стерлитамакская районная контора по бурению // Республика Башкортостан, 2010. 28.10. – С. 3.
5. Зайнетдинов, Э.А. Нефтепровод Ишимбаево – Уфа. Всенародная стройка // Республика Башкортостан, 2012.14.06, С.2; Башкирская нефть, № 10 (50), июнь 2012. – С. 8.
6. БАССР. Административно-территориальное деление на 1 июня 1940 года. Уфа: Государственное издательство, 1941. – 387 с.
7. Самситдинов И.З. Численность населения малых городов Башкирской АССР в 1943-1945 годах. Процесс эвакуации и ее последствия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Научный журнал. СПб., 2010. № 123. – С. 57-61.

ФЕДЕРАЛИЗМ В ИСТОРИИ РОССИИ

В последние годы в России резко усилился интерес к проблемам федерализма, что было продиктовано как изменением характера самого государства, то есть началом строительства «подлинной» федерации, так и стремлением лучше познакомиться с опытом тех стран, которые уже давно идут «по пути федерализма». Современные дискуссии ведутся, в большей степени, по поводу тех преимуществ и издержек, которые появились в связи с процессом федерализации страны, порой не учитывая накопившийся исторический опыт отношений центра и регионов в нашей стране.

Важно на основе анализа институциональных отношений между центром и регионами в истории России, а также характера их изменения и детерминант трансформации этих отношений раскрыть сущность специфической системы организации государства, которая сложилась в нашей стране. В силу социокультурных, этноконфессиональных, географических и иных особенностей России, невозможно напрямую экстраполировать формы и методы строительства внутригосударственных отношений на российскую почву. Но это отнюдь не умаляет значения тех несомненных преимуществ, которые мы получаем в сфере государственного строительства, знакомясь и обобщая тот опыт, в разработке теоретических проблем федерализма имеющийся в мире.

Анализируя отношения центра и регионов в дореволюционный период российской истории, мы видим столкновение двух концептуальных направлений, которые в разное время и с разными последствиями определяли практическую деятельность царского правительства по институционализации системы управления в регионах страны. Согласно одной из них, правительство стремилось унифицировать и упростить административно-управленческую систему на местах, уподобив все регионы стандартам центральных губерний. Согласно другой – власть учитывала местные традиции политической культуры, в том числе в сфере управления, оставив их в неприкосновенности и вписав в общую систему административного аппарата империи.

В конечном итоге доминирующее значение обрела политическая унификация и централизация в пределах единой, многонациональной державы. Однако специфические формы правления, сложившиеся в Великом княжестве Финляндском, Царстве Польском в Средней Азии или же в Кавказском наместничестве, приобрели в рамках политической системы Российской

империи институциональный статус. Он был не только данью декоративному имперскому традиционализму, но и важным звеном функционирования государственного организма, так как давал возможность более или менее эффективно разрешать противоречия, возникавшие между центральной властью и местными этнополитическими социумами.

Централизм же Российской империи был одновременно и выражением структурного недостатка: неэффективности провинциального управления, и отсутствия денежных средств для полного бюрократического охвата страны. Таким образом, централизм оставался наиболее дешевым, хотя и неэффективным, путем скрепления государства.

Одной из главных характерных особенностей политической культуры Российского государства являлся сильный центр власти. Коллапс этого политического центра каждый раз влек за собой распад в обществе и прежде всего крушение государства. Это происходило и в начале XVII века после вымирания правящей династии Рюриковичей, и в 1917 году после Февральской революции и отречения Николая II. Всегда предпосылкой для преодоления государственного кризиса было восстановление центра власти, в 1613г., это было достигнуто путем избрания Михаила, первого царя из династии Романовых, в 1921г. в результате победы партии большевиков в гражданской войне.

До 1917г. В.И. Ленин и большевики, в сущности, были сторонниками сохранения крупного централизованного унитарного государства, допускающего национально-территориальную автономию отдельных народов в рамках единого государства. Тем не менее, ход развития событий в национальных окраинах после революции и распад центра власти побудили большевиков признать целесообразность федеративного устройства как средства привлечь на свою сторону многочисленные народы бывшей империи. Вот почему первые же программные документы советской власти, написанные Лениным, выдвигают федерацию советских национальных республик как тип государственного устройства народов России. Однако уже в Конституции РСФСР 1918 г. федерация, говоря словами Сталина, рассматривалась как переходная ступень «от принудительного царского унитаризма к братскому объединению трудовых масс всех наций и племен России, для достижения конечной цели – будущего социалистического унитаризма» [4; с. 108].

ОБ АВТОРАХ

1. **Абдрахманов Данияр Мавляирович** (г. Уфа) – к. филос. н., доцент, зам. директора Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, доцент филиала РГСУ в г. Уфе, <narkotizm@rambler.ru>.

2. **Алексеевко Светлана Сергеевна** (г. Уфа) – младший научный сотрудник отдела этнополитологии Федерального гос. бюджетного учреждения науки «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, <afotiniyas@mail.ru>.

3. **Артамонычева Айгуль Рустамовна** (г. Казань) – к.э.н., ст. преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, <Artamonychева-A-R@mail.ru>.

4. **Бабина Ольга Анатольевна** (г. Оренбург) – преподаватель Индустриально-педагогического колледжа ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный университет», <olg3940@yandex.ru>.

5. **Бабосова Екатерина Сергеевна** (г. Минск) – к. социол. н., старший научный сотрудник ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси», <shyit@yandex.ru>.

6. **Беседина Елена Анатольевна** (г. Санкт-Петербург) – к. истор. н., доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, <besedina70@mail.ru>.

7. **Бикбулатова Альбина Римовна** (г. Уфа) – к. филос. н., доцент кафедры этики, эстетики и культурологии БашГУ, <ar250973@mail.ru>.

8. **Блохин Виктор Николаевич** (г. Горки, Беларусь) – магистр исторических наук, преподаватель Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, <vik-1987@bk.ru>.

9. **Буйденков Александр Александрович** (г. Горки, Республика Беларусь) – старший преподаватель кафедры педагогики психологии и социологии УО «Белорусская Государственная Сельскохозяйственная Академия», <A.buidenkov80@mail.ru>.

10. **Буранчин Азамат Мажитович** (г. Уфа) – к. ист. к., старший научный сотрудник, заведующий отделом этнополитологии Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, <buranchin@yandex.ru>.

11. **Вахитов Рустем Ринатович** (г. Уфа) – к. филос. н., старший научный сотрудник отдела этнополитологии ГБНУ «Институт гуманитарных исследований РБ», <Rust_R_Vahitov@mail.ru>.

12. **Виничук Мария Владимировна** (г. Львов, Украина) – преподаватель Львовского государственного университета внутренних дел, <vinichukm@i.ua>.

13. **Воронцова Татьяна Николаевна** (г. Новочеркасск) – к.филос.н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВПО Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, <vorontsovatn@mail.ru>.

14. **Газизова Эльза Наилевна** (г. Уфа) – врач ООО «Гелиосити», <zonka555@rambler.ru>.

15. **Гайкин Виктор Алексеевич** (г. Владивосток) – к.истор.наук, ст.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, <Unara49@mail.ru>.

16. **Гибадуллин Марат Зуфарович** (г. Казань) – к.э.н., доцент Казанского (Приволжского) федерального университета, <mar-gibadullin@yandex.ru>.

17. **Гильметдинов Данил Янбердиевич** (г. Уфа) – к. социол.н., директор Республиканского учебно-научного методического центра Министерства образования Республики Башкортостан.

18. **Грицай Людмила Александровна** (г. Рязань) – доцент кафедры психологии и педагогики Рязанского заочного института (филиала) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный университет культуры и искусств», <usan82@gmail.com>.

19. **Демичев Илья Валерьевич** (г. Уфа) – к.филос.н., научный сотрудник отдела этнополитологии ГБНУ «Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан», <senmerv@mail.ru>.

20. **Дрогунов Сергей Валерьевич** (г. Курск) – аспирант 1-го года очной формы обучения Учреждения Российской академии наук «Институт философии РАН» (г. Москва), <sv_drogunov@mail.ru>.

21. **Дупленко Наталья Геннадьевна** (г. Калининград) – к.э.н., доцент кафедры маркетинга и коммерции экономического факультета ФГАОУ ВПО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», <duplenko@mail.ru>.

22. **Железнякова Светлана Ивановна** (г. Москва) – к.социол.н., доцент кафедры философии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, <zhelezn11@mail.ru>.

23. **Зазулина Мария Рудольфовна** (г. Новосибирск) – к.филос.н., младший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук» (ИФПР СО РАН), <zamashka@yandex.ru>.

24. **Зинин Сергей Михайлович** (г. Бугульма) – экономист ООО «Контраст Энерго», <a2b0c1d0@yandex.ru>.

25. **Исмагилова Гульнара Шавкатовна** (*г. Уфа*) – к.истор.н., ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан, <ismagulnara@mail.ru>.

26. **Киекбаев Мурат Джелилович** (*г. Уфа*) – д.социол.н., профессор, член-корреспондент АН РБ, академик секретарь отделения социально-экономических наук АН РБ, <bashgu_mourat@mail.ru>.

27. **Киреева Наталья Николаевна** (*г. Уфа*) – ассистент кафедры философии, социологии и политологии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», аспирант кафедры социологии и социально-коммуникационных технологий УГУЭС, <kira31323@mail.ru>.

28. **Кистенев Виталий Валентинович** (*г. Белгород*) – к.истор.н., старший научный сотрудник научно-исследовательского центра Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Белгородский государственный институт искусств и культуры», <Kisvita@mail.ru>.

29. **Кляшев Александр Николаевич** (*г. Уфа*) – к.истор.н., научный сотрудник отдела религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра Российской академии наук, <ak1168@mail.ru>.

30. **Козлова Вероника Юрьевна** (*г. Пермь*) – к.истор.н., директор по инновационному развитию Пермского центра социального инжиниринга, <Veronikakozlova2011@yandex.ru>.

31. **Кунафин Марат Самирханович** (*г. Уфа*) – д.филос.н., профессор УрГЮА (филиал), <kumarat@yandex.ru>.

32. **Люткевич Светлана Сергеевна** (*г. Иркутск*) – магистрант факультета психологии Иркутского Государственного Университета, <moonlightlutkevich@rambler.ru>.

33. **Ляпанов Артем Владимирович** (*г. Владимир*) – к.истор.н., старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, <Lyapanov@mail.ru>.

34. **Лукманов Азамат Салаватович** (*г. Москва*) – студент факультета «Социология и политология» Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего профессионального образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», <azamat.lukmanov@mail.ru>.

35. **Мережко Михаил Евгеньевич** (*г. Белгород*) – методист отдела интеллектуальной собственности и мониторинга Белгородского государственного института искусств и культуры, <mihail_merezhko@mail.ru>.

36. **Миннибаев Булат Илдарович** (*г. Елабуга, Республика Татарстан*) – старший преподаватель кафедры права и экономики Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, <MinnibaevBI@mail.ru>.

37. **Михайличенко Дмитрий Георгиевич** (*г. Уфа*) – д.филос.н., профессор кафедры философии, социологии и политологии ФГБОУ ВПО «БГПУ им. М. Акмуллы», <Enkrateia81@mail.ru>.

38. **Михайлова Елена Александровна** (*г. Санкт-Петербург*) – к.социол.н., доцент кафедры «Социология» ФГОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики», <elmikh@mail.ru>.

39. **Невейкина Надежда Васильевна** (*г. Липецк*) – к.э.н., заместитель начальника управления – начальник отдела экономики и финансов Управления физической культуры и спорта Липецкой области, <nnv10011976@mail.ru>.

40. **Нехорошков Александр Станиславович** (*г. Нижний Тагил*) – студент 1 курса экономического факультета Нижнетагильского филиала Уральского Института Экономики, Управления и Права (УИЭУИП), <NehoroshkovSasha@mail.ru>.

41. **Нечипоренко Ольга Владимировна** (*г. Новосибирск*) – д.социол.н., ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), <olganechiporenko@yandex.ru>.

42. **Нугуманов Марсель Мидхатович** (*г. Уфа*) – младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, <marss1986@yandex.ru>.

43. **Паначев Валерий Дмитриевич** (*г. Пермь*) – д.социол.н., зав. кафедрой Пермского национального исследовательского политехнического университета, <panachev@pstu.ru>.

44. **Погорелая Галина Владимировна** (*г. Москва*) – студент II курса очной магистратуры кафедры МО, МГИМО, <thriftybird@mail.ru>.

45. **Погорелая Татьяна Анатольевна** (*г. Кемерово*) – к.э.н., доцент кафедры экономики КузГТУ, ИЭУ, <t.pogorelaya@mail.ru>.

46. **Посохова Наталья Викторовна** (*г. Белгород*) – к.социол.н., доцент, начальник отдела интеллектуальной собственности и мониторинга Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессио-

нального образования «Белгородский государственный институт искусств и культуры», <natalina_76@mail.ru>.

47. **Сайфутдинова Венера Максutowна** (*г. Уфа*) – ассистент кафедры гражданского права и процесса Башкирской академии государственной службы и управления при Президента РБ, соискатель кафедры политологии, социологии и философии БАГСУ, <venera-svm@mail.ru>.

48. **Самсонов Всеволод Владимирович** (*г. Новосибирск*) – к.филос.н., научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук» (ИФПР СО РАН), <highbook@yandex.ru>.

49. **Сергеев Владимир Петрович** (*п. Курорт, Гафурийский р-н, Республика Башкортостан*) – специалист теолог, священник Уфимской епархии, соискатель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва), <tabyn@yandex.ru>.

50. **Сидоров Дмитрий Вячеславович** (*г. Кострома*) – к.истор.н., начальник отдела информационно-поисковых систем, аудиовизуальных и электронных документов ОГКУ «Государственный архив Костромской области», <SiDmi@list.ru>.

51. **Сизоненко Зарина Лероновна** (*г. Уфа*) – к.социол.н., доцент кафедры социологии и социальных технологий УГАТУ, <marian01@mail.ru>.

52. **Степанова Марина Петровна** (*г. Нижний Новгород*) – к.э.н., доцент филиал ФГБОУ ВПО «Сочинский государственный университет» в г. Нижний Новгород Нижегородской области, <mpstep@rambler.ru>.

53. **Сытых Елена Львовна** (*г. Челябинск*) – к.культурологии, доцент кафедры истории и философии Челябинского филиала РАНХиГС, <selena19-78@mail.ru>.

54. **Телякаева Альбина Фаргатовна** (*г. Оренбург*) – ассистент кафедры философии Оренбургской государственной медицинской академии, <river8585@mail.ru>.

55. **Тикеев Файль Султанович** (*г. Уфа*) – к.ист.н., ст. научный сотрудник ИГИ РБ, доцент Уфимского филиала ЧГАКИ, директор издательства «Гилем» АН РБ, <e-mail:fail.tikeev@yandex.ru>.

56. **Тимощук Алексей Станиславович** (*г. Владимир*) – д.филос.н., профессор, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России, <human@vui.vladinfo.ru>.

57. **Файзуллин Тагир Фанилевич** (*г. Уфа*) – к.социол.н., доцент Уфимского государственного авиационного технического университета, <philosugatu@mail.ru>.

58. **Файзуллин Фаниль Саитович** (*г. Уфа*) – д. филос. н., профессор, академик АН РБ и РАЕН, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного авиационного технического университета, <philosugatu@mail.ru>.

59. **Фатхутдинова Айгуль Ильясовна** (*г. Уфа*) – к. ист. н., научный сотрудник отдела этнополитологии Федерального гос. бюджетного учреждения науки «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, <aygul_kamila@mail.ru>.

60. **Хусаинова Айсылу Хамзеевна** (*г. Уфа*) – к. филос. н., доцент кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета, <Haiet_bsru@mail.ru, A_hah@mail.ru>.

61. **Шакиров Искандер Аликович** (*г. Уфа*) – к. филос. н., научный сотрудник Института гуманитарных исследований Республики Башкортостан, <ihtik@ufanet.ru>.

62. **Шаяхметов Рустам Асхатович** (*г. Уфа*), <shayakhmetovra@gmail.com>.

63. **Юльяхшин Марсель Маратович** (*г. Уфа*) – к. филос. н., преподаватель общественных дисциплин Уфимского автотранспортного колледжа, <yulyakshin@mail.ru>.

Подписано в печать 5.11.2013. Формат 60x84¹/₁₆, усл. п. л. 21,8
тираж 100 экз., заказ № 1145.

Отпечатано в КП РБ Издательство "Мир печати"
450076, г. Уфа, Аксакова, 45
Тел.: 8 (347) 251-72-95